

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (82)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2023
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2023
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

4 (82)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2023

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 5–19
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 5–19
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-5–19

ДЕВКАЛИОН И МИСФРАГМУТОСИС:
ОБ ОДНОМ ГРЕКО-ЕГИПЕТСКОМ СИНХРОНИЗМЕ
В ТРУДЕ МАНЕФОНА (MANETHO. FRG. 52)

И.А. Ладынин

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

В статье проанализирована система синхронизмов между событиями прошлого древнего Египта и древней Греции, представленная в грекоязычном труде египетского жреца Манефона Севеннитского «Египтиака» (III в. до н.э.) и призванная обосновать древность египетской цивилизации. Один из этих синхронизмов – указание, что потоп Девкалиона произошел в царствование египетского царя XVIII династии Мисфрагмутосиса (передача царского списка Манефона Георгием Синкеллом согласно Африкану: Manetho. Frg. 52.6). Традиционно этот персонаж царского списка Манефона отождествлялся с царем Тутмосом III, поскольку передаваемая Манефоном форма имени отождествлялась с сочетанием тронного и личного имен этого царя «Менхеперра Тутмос». В статье показано, что, согласно передаче Манефона в трактате Иосифа Флавия «О древности иудейского народа (Против Апиона)», Мисфрагмутосисом звали также царя, изгнавшего из Египта в начале XVIII династии гиксосов и соответствующего историческому Яхмосу I (Manetho. Frg. 42).

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. – начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

При этом ряд сообщений иероглифических египетских источников (т.н. «Стела бури», запись на обороте математического папируса Ринд) показывают, что именно на царствование Яхмоса I должно было прийти климатическое событие, в котором опознаются последствия взрыва вулкана на о. Фера. Между тем именно вызванное им цунами считается причиной гибели цивилизации Крита и историческим соответствием потопу Девкалиона в греческой мифологии. Представляется вероятным, что синхронизм Манефона и отражает реминисценции этого события времени Яхмоса I, т.е. Мисфрагмутосиса – изгнителя гиксосов в исходном тексте его произведения.

Ключевые слова: древний Египет, Манефон, Девкалион, Мисфрагмутосис, Яхмос I, синхронизм, потоп, извержение, Фера, гиксосы, историописание

Одной из черт труда египетского жреца Манефона Севеннитского Αἰγυπτιῆς, созданного, вероятнее всего, в первой половине III в. до н.э., в царствование Птолемея II Филадельфа¹, является проведение синхронизмов между событиями египетской истории и греческого мифопоэтического прошлого. Таких синхронизмов немного, однако в них фигурируют весьма значимые эпизоды греческого и египетского событийных рядов². Цель введения Манефоном таких синхронизмов в свое повествование довольно понятна. С одной стороны, вехи египетской истории вводились в знакомый греческой аудитории, на которую было рассчитано его произведение, контекст, что в принципе облегчало их презентацию; с другой стороны, по Манефону получалось, что древнейшие события греческого прошлого приходились на те времена, когда египетская государственность уже существовала тысячелетия. Тем самым как бы купировалось ощущение цивилизационного поражения Египта, которое не могло не возникнуть в связи с прочным установлением над ним македонской власти, а аудитории Манефона адресовался имплицитный призыв не судить на этом основании о египтянах как о людях второго сорта.

Некоторые из этих синхронизмов уже получили освещение в отечественных исследованиях: так, в обширной цитате из труда Манефона, которую приводит Иосиф Флавий в трактате «О древности иудейского народа (Против Апиона)»,

¹ См. с отсылками к литературе и ряду источников: Ладынин 2017, 30–31, прим. 1.

² В недавней книге о Манефоне и Бероссе Дж. Диллери проводит подробную классификацию этих синхронизмов (Dillery 2015, 97–117): по его мнению, можно выделить «внутренние синхронизмы», или идентификации, когда персонаж египетского прошлого отождествляется с персонажем греческого прошлого, и «внешние синхронизмы», или «истинные синхронизмы», когда время персонажа или события греческого прошлого соотносится с тем или иным египетским царствованием. Диллери считает, что в целом у Манефона приведено девять синхронизмов египетского и греческого прошлого, из которых один (синхронизация царствования Туориса/Полиба и взятия Илиона; см. далее) – и идентификация, и «истинный синхронизм» (Dillery 2015, 99). Два других «истинных синхронизма» – синхронизация потопа Девкалиона и царствования Мисфрагмутосиса, которой посвящена настоящая работа (Dillery 2015, 108–109), и царствования первого царя XXIII династии Петубата, или Петубаста, и первой Олимпиады (Manetho. Fragg. 62.1, 63a–b.1; Dillery 2015, 99). Идентификации в труде Манефона Диллери приводит следующие: Имхотепа (Имутаеса), современника Тосортроса (Сесортоса, Сосортуса – Джосера) с Асклепием (Manetho. Fragg. 11.2, 12a.2, 12b; Dillery 2015, 110); Аменофиса (Аменхотепа III) с Мемноном (Manetho. Fragg. 52.8, 53a–b.7; Dillery 2015, 111); второго царя XXIII династии Осоркона (Manetho. Fragg. 62.2, 63a–b.2) и четвертого из династии полубогов (Manetho. Fragg. 3.10) с Гераклом (Dillery 2015, 111–113); братьев Сетоса и Хармаиса с Египтом и Данаем (см. далее; Dillery 2015, 114). Нашу оценку постулирования этой классификации синхронизмов у Манефона см. Ладынин, Немировский 2018, 1037–1040. Здесь и далее ссылки на фрагменты труда Манефона приводятся по изданию: Waddell 1980.

содержится рассказ о царях Сетосе-Рамессесе, или Египте, который отправился в дальний поход в Азию, оставив правителем Египта своего брата Хармаиса, или Даная, и «наделил его всеми царскими полномочиями, только велел не надевать царского венца, не трогать царицу, мать его детей, и воздерживаться от остальных царских наложниц»³. Ожидаемым образом, Хармаис нарушил наказ брата, однако тот, вернувшись с войны, восстановил порядок, а Данай, как можно понять, отправился в Грецию, став там царем Аргоса (Manetho. Frg. 50 = Ios. C.Ap. I. 15. § 98–104; cf. Manetho. Frgg. 53a–b.12). Понятно, что в данном случае Манефон переосмысливает мотив, который и независимо от него присутствовал в греческой традиции⁴, однако, в отличие от нее, привязывает этот мотив к конкретному месту в династийном ряду египетских царей, а именно, как подробно показал А.А. Немировский, к переходу власти от последнего царя XVIII династии Эйе к фактическому основателю следующего царского дома Хоремхебу (насилие Хармаиса над царицей соответствует при этом браку, к которому Эйе, очевидно, принудил вдову Тутанхамона Анхесенамон)⁵. Тем самым важнейший в египетской истории этап финала амарнского времени был синхронизирован со значимым эпизодом в истории Аргоса. Два других синхронизма отразились не в цитировании Манефона Флавием – фактически единственной аутентичной передаче его труда, – а в эпитоме Манефона, которая была составлена, очевидно, в конце эллинистического времени, включала в себя прежде всего царский список и затем была сохранена христианами хронографами⁶. Несмотря на достаточно сложный процесс трансляции этих сведений Манефона, крайне неправдоподобно, чтобы синхронизмы, о которых далее пойдет речь, пришли в голову кому-то из его эксцерптаторов, а не были введены им самим. Один из них комментировался еще более подробно, чем история о братьях Египте и Данае: согласно царскому списку XIX династии, ее шестой и последний царь Туорис, который у Гомера именуется Полибом, мужем Алкандры, и при ком был взят Илион, правил 7 лет⁷. Ряд египтологов пришли к выводу, что за Туорисом скрывается историческая царица Таусерт, действительно, правившая в XIX династии последней⁸. О значении Троянской войны в греческой традиции не приходится много говорить, а кризис в Египте на рубеже XIX и XX династиями, вызванный нашествиями «народов моря», прочертил в представлениях египтян важнейший рубеж в их истории (у Манефона он соответствует рубежу между вторым и третьим «томосами» его труда⁹). При этом и то и другое событие были порождены одними и теми же этническими процессами в Средиземноморье конца Позднебронзового века, так что их синхронизация если не абсолютно точна по формальной хронологии, то, во всяком случае, обоснована по существу¹⁰.

³ Цит. по: Штерн, Брагинская 1997, 76.

⁴ Грейвс 1992, 157–159.

⁵ Ладынин, Немировский 2001a, 89–92.

⁶ Gozzoli 2006, 193; Ладынин 2017, 31–32.

⁷ Manetho. Frg. 55.6: Θούρις, ὁ παρ' Ὀμήρῳ καλούμενος Πόλυβος, Ἀλκάνδρας ἀνὴρ, ἐφ' οὗ τὸ Ἴλιον ἐάλω, ἔτη ζ'; Frg. 56a.5: Θούρις, ὁ παρ' Ὀμήρῳ καλούμενος Πόλυβος, Ἀλκάνδρας ἀνὴρ, ἐφ' οὗ τὸ Ἴλιον ἐάλω, ἔτη ζ'; Frg. 56b.5: Thuoris, ab Homero dictus Polybus, vir strenuus et fortissimus, cuius aetate Pium captum est, annis VII.

⁸ Helck 1956, 42–43; Beckerath 1997, 127; Ладынин 2017, 56–57.

⁹ Ладынин 2017, 55–69.

¹⁰ Сафронов 2005, 13–14.

Вместе с тем, на наш взгляд, пока еще не получил должного осмысления синхронизм Манефона, который приводится в царском списке XVIII династии. Его версия, приводимая Георгием Синкеллом согласно Юлию Африкану, сообщает, что при шестом царе этого дома Мисфрагмутосисе, правившем 26 лет, произошел потоп Девкалиона (Manetho. Frg. 52.6: ἔκτος Μισφραγμούθωσις, ἔτη κς, ἐφ' οὗ ὁ ἐπὶ Δευκαλίωνος κατακλυσμός). Надо сказать, что такого сообщения нет ни в цитате Манефона у Флавия, где перечисляются цари XVIII династии (Manetho. Frg. 50 = Ios. C. Ap. I. 15. § 94–97), ни в версиях царского списка Манефона, приведенных Синкеллом согласно Евсевию (Manetho. Frg. 53a), Феофилом Антиохийским в «Послании к Автолику» (Manetho. Frg. 51.6) и в армянской версии Евсевия (Manetho. Frg. 53b). Соответственно, возникает вопрос об аутентичности этого синхронизма собственно труду Манефона. Сравнительно недавний его исследователь Дж. Диллери считает ее в принципе возможной, хотя и говорит об этом с неуверенностью и не обсуждает этот вопрос подробно (его рассуждение о том, что миф о Девкалионе, не очень значимый, по его мнению, в греческой традиции, мог актуализироваться для Манефона наличием в традиции Передней Азии мифа о потопе, переданного его современником Бероссом, не выглядит убедительно)¹¹.

На наш взгляд, прежде всего, данный синхронизм хорошо встраивается в тот ряд других «греко-египетских» синхронизмов, о которых мы сказали выше и которые восходят к Манефону несомненно. Кроме того, примечательно обсуждение, которому подвергает этот синхронизм Синкелл, явно считавший, что он был введен не Манефоном, а Африканом: по его мнению, Африкан противоречит здесь сам себе, поскольку, по его собственным словам, первый в греческом прошлом потоп во времена Огига произошел одновременно с исходом евреев из Египта при первом царе XVIII династии Амосе¹²; при этом Африкан определяет срок между потопами Огига и Девкалиона в 248 лет, в то время как срок от начала царствования Амоса до конца царствования Мисфрагмутосиса – всего лишь в 120 лет. По мнению Синкелла, ошибка Африкана должна быть исправлена таким образом, что на царствование Мисфрагмутосиса пришелся потоп Огига, а не Девкалиона¹³. Вместе с тем Синкелл едва ли прав в том, что Африкан синхронизировал потоп Девкалиона и царствование Мисфрагмутосиса сам: понятно, что к такой синхронизации он мог прийти лишь на основе вычислений, используя известные ему хронологические последовательности прошлого Египта и Греции, и едва ли он допустил бы при этом столь очевидную ошибку. Думается, ее наличие как раз указывает на то, что Африкан почерпнул этот синхронизм в готовом виде из царского списка эпитомы Манефона, и в таком случае он, как и другие подобные синхронизмы, должен восходить к его труду. Трудно судить о том, почему он не попал в другие изводы сведений Манефона: однако в передаче Флавия аутентичная передача текста Манефона соседствует с обширными пассажами пересказа, к которым, кстати, относится свидетельство об изгонителе гиксосов Мисфрагмутосисе (Manetho. Frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 86; см. далее) и из которых этот синхронизм мог выпасть, как несущественный в контексте главной для Флавия темы – сюжета о гиксосских вторжениях в Египет. Что касается христианских авторов, то им, в

¹¹ Dillery 2015, 108–109.

¹² См. об этом сюжете традиции Манефона: Ладынин 2018, 98–102.

¹³ Mosshammer 1984, 78–79; Adler, Tuffin 2002, 100–101.

свете их приоритетов (прежде всего, определения времени Исхода в контексте сведений Манефона), данный синхронизм мог показаться несущественным или, как и Синкеллу, недостоверным.

Надо сказать, что исследователи санторинской катастрофы уже обращали внимание (правда, скорее вскользь) на данное свидетельство Манефона: поскольку имя «Мисфрагмутосис», по мнению египтологов, соответствует сочетанию тронного и личного имен «Менхеперра» и «Тутмос» (Mn-ḥpr-R^c Dḥwty-msi(w)) и должно обозначать Тутмоса III¹⁴, этот синхронизм должен был бы быть аргументом в пользу поздней датировки извержения на о. Фера второй четвертью – серединой XV в. до н.э.¹⁵ Однако с наибольшей подробностью «увязка» этого сообщения Манефона с реальными или предполагаемыми свидетельствами о санторинской катастрофе была проведена в уже давней статье А. Лукашевича¹⁶. Он обратил внимание на серию свидетельств египетских источников XVIII династии, которые ряд исследователей считали отражением этого катаклизма. Среди египтологов особенным сторонником такой интерпретации был Х. Гёдике, известный своей склонностью к неординарным и эффектным построениям¹⁷: по его мнению, санторинская катастрофа могла отразиться в т.н. «Стеле бури» времени основателя XVIII династии Яхмоса I, в пассаже на обороте математического папируса Ринд, в пассаже из папируса Херст, в надписи Хатшепсут из Спеос Артемидос и в тексте наоса из эль-Ариша IV в. до н.э. Относительно недавно «адвокатом дьявола» по отношению к интерпретациям Гёдике выступил крупнейший современный египтолог Германии И. Квак, считающий, что ни один из этих текстов нельзя считать отражением санторинской катастрофы с уверенностью¹⁸. При этом позиция Гёдике действительно противоречива: свидетельства времени Яхмоса I, относящиеся к середине XVI в. до н.э. (см. далее), и надпись Хатшепсут, которая не может датироваться ранее, чем 1490 г. до н.э.¹⁹, заведомо не могут отражать одно и то же событие. Кроме того, интерпретация соответствующего фрагмента этой надписи Х. Гёдике достаточно произвольна и не подтверждается другими исследователями даже на уровне формального перевода.

Упомянутая работа Лукашевича появилась задолго до статьи Квака, и в ней он как раз принял интерпретации Гёдике с большим энтузиазмом. Противоречие в них он обошел весьма легко, допустив, что или источники царствований Яхмоса I и Хатшепсут отражают разные следовавшие через некоторый интервал геологические катастрофы, или же надпись Хатшепсут отражает отголоски санторинской катастрофы в ее время. Вместе с тем Лукашевич усомнился, что имя «Мисфрагмутосис» в данном фрагменте Манефона относится к Тутмосу III. По его мнению, данное имя может соответствовать и сочетанию египетских тронного и личного имен «Небпехтира Яхмос» (Nb-pḥty-R^c Bḥ-msi(w)), принадлежавших Яхмосу I²⁰;

¹⁴ Тураев 1935/1, 258; Helck 1956, 40; Beckerath 1999, 136–137.

¹⁵ MacGillivray 2009, 160; 2014, 289.

¹⁶ Łukaszewicz 1995.

¹⁷ Goedicke 1984.

¹⁸ Quack 2013.

¹⁹ Allen 2002; здесь и далее мы ориентируемся на датировки по «средней» хронологии Нового царства в Египте, преимущества которой показал А.А. Немировский: Ладынин, Немировский 2001б, 220, 222–223.

²⁰ Beckerath 1999, 132–133.

продолжительность царствования Мисфрагмутосиса в 26 лет (согласно как Африкану, так и Евсевию) сопоставима с 25-летней продолжительностью царствования Амосиса, соответствующего Яхмосу I в начале XVIII династии в царском списке Манефона, согласно Евсевию (Manetho. Frg. 53a–b.1; ср. с 25 годами и 4 месяцами Тетмосиса, изгнавшего гиксосов, согласно цитированию Флавия: Manetho. Frg. 50 = Ios. С.Ар. I. 15. § 94). Наконец, в царском списке Манефона согласно Африкану продолжительность царствования царя Амоса в начале XVIII династии не указана (Manetho. Frg. 52.1); однако за интересующим нас синхронизмом между царствованием Мисфрагмутосиса и потопом Девкалиона идет следующий пассаж: «Всего до царствования Амосиса, который и Мисфрагмутосис, по Африкану приходится 69 лет; о годах Амоса он не говорит ничего» (ὅμοῦ ἐπὶ Ἀμώσεως τοῦ καὶ Μισφραγμουθώσεως ἀρχῆς κατὰ Ἀφρικανὸν γίνονται ἔτη ξθ'. τοῦ γὰρ Ἀμῶς οὐδ' ὅλως εἶπεν ἔτη). Таким образом, согласно Африкану, вторым именем Мисфрагмутосиса было Амосис, причем близким ему было и имя первого, согласно эпито́ме Манефона в передаче хронографов, царя XVIII династии Амоса (Manetho. Frg. 52: Ἀμῶς), или Амосиса (Frg. 53a: Ἀμώσις; frg. 53b: Amoses), – исторического Яхмоса I²¹. В итоге Лукашевич пришел к заключению, что Мисфрагмутосис в середине XVIII династии соответствует на самом деле историческому Яхмосу I, и синхронизм его времени с потопом Девкалиона можно соотнести с вероятными реплика́ми санторинской катастрофы в соответствующих египетских источниках.

Прежде чем продолжить разговор о традиции Манефона, рассмотрим подробнее сообщения этих источников. Неясно, как в точности датируется в пределах царствования Яхмоса I «Стела бури»²², однако так или иначе она описывает необычайное для Египта природное событие: западное небо потемнело, началась буря, сопровождавшаяся грохотом, и разразился чудовищный ливень, который полностью залил дома и селения в местах, затронутых этим бедствием. Не вполне понятно, где при этом находился, очевидно, наблюдавший это явление царь: начало текста сообщает, что он пребывал в районе Дендеры, т.е. на юге Египта, однако далее может быть восстановлена фраза, позволяющая понять, что перед бедствием он двинулся на север (возможно, к Дельте). Среди египтологов нет единства по поводу того, отражает ли этот текст последствия вулканической катастрофы или просто некое единовременное климатическое явление (последнего мнения придерживается, в частности, И. Квак). Однако сама чрезвычайность и уникальность этого явления невольно ставит вопрос о том, чем оно могло быть спровоцировано, при том что вообще само описание текста совпадает с тем, что ожидается от последствий очень крупного извержения (а извержение на о. Фера оценивается как приближающееся к самому мощному из достоверно наблюдавшихся извержений Тамборы в 1815 г. и как более мощное, чем извержение Кракатау в 1883 г.)²³.

²¹ Ладынин 2017, 48–49.

²² См. подробное воспроизведение ее иероглифического текста и перевод: Quack 2013, 222–224. Изначально считалось, что памятники царствования Яхмоса I, в которых знак месяца в его имени изогнут вниз, относятся ко времени до его Года 18, а те, в которых он изогнут вверх, – к более позднему времени (возможно, с его Года 22), причем на «Стеле бури» представлено первое начертание этого знака. И. Квак показал уязвимость этого критерия и высказал (правда, пока без подробного обоснования) мнение, что памятник должен относиться к началу царствования Яхмоса I: Quack 2013, 221, Anm. 5 (с отсылками к литературе).

²³ Bruins, Plicht, MacGillivray 2009, 399.

Второй и, по сути дела, последний источник, который можно уверенно отнести к этому же времени, – это запись на обороте математического папируса Ринд²⁴, содержащая датировку Годом 11 неназванного царя, которым, по мнению большинства исследователей, является последний гиксосский царь Хамуди – современник и противник Яхмоса I²⁵. Эта запись исторического содержания упоминает о продвижении «правителя этого южного» (wt pn rsy), т.е., несомненно, Яхмоса I, к Гелиополю и Чару в Дельте Нила, т.е. относится уже к финальному этапу борьбы с гиксосами. Далее следует пассаж: «Год 11, месяц 1 ахет, 3-й день: рождение Сета. Дан голос его величеством этого бога. Рождение Исиды. Сделало небо дождь» (ḥꜣt-sp 11 ꜣbd 1 ꜣḥt 3 mswt Sth rdī.tw ḥrw.f ḥn ḥm n nṯr pn mswt ꜣst ṛt pt ḥwyt)²⁶. Понятно, что в данном случае речь опять же идет об описании необычного природного явления, возводимого к воле бога Сета, который чтился гиксосами и персонифицировал всевозможные стихийные процессы, причем едва ли это иное явление, нежели то, что описано в «Стеле бури».

Датировка царствования Яхмоса I остается достаточно неясной: его продолжительность оценивается минимально в 21, а максимально, по сведениям Манефона, в 25 лет²⁷. При этом т.н. Эберс-дата, соответствующая Году 9 Аменхотепа I, преемника Яхмоса I, должна, по-видимому, приходиться на диапазон с конца 1540-х до середины 1530-х гг. до н.э.²⁸, что заставляет отнести царствование Яхмоса I примерно к 1575–1550 или к 1560–1545 гг. до н.э. Известно, что этот царь вступил на престол в очень юном возрасте (видимо, не старше 10 лет)²⁹, однако автобиография его соратника, начальника гребцов Яхмоса, сына Абен (Urk. IV. 3), не оставляет сомнений, что он лично руководил штурмом столицы гиксосов Авариса³⁰. В таком случае ее взятие приходится датировать не ранее чем вторым десятилетием его царствования, т.е. 1565–1555 или к 1555–1545 гг. до н.э.³¹ При этом взятие Гелиополя и Чару, очевидно, должно было предшествовать взятию Авариса и опять же прийти не ранее, чем на второе десятилетие царствования Яхмоса I. Очевидно, на это же десятилетие приходится и катастрофа, отраженная в рассмотренных нами египетских источниках.

Примечательно, что такое определение времени этой катастрофы в целом согласуется с определением времени потопа Девкалиона согласно античной хронологической традиции. А. Лукашевич справедливо обратил внимание на пассаж из «Стромат» Климента Александрийского, который восходит к автору I в. н.э. Фрасиллу и передает хронологию событий греческой мифологической и реальной истории в характерном соотношении с датой Исхода³². Срок от потопа Девкалиона до падения Трои определен в нем в 330 лет, что, при определении даты

²⁴ Vandersleyen 1971, 34–40; Quack 2013, 225–226.

²⁵ Vandersleyen 1971, 38–39; Hornung, Krauss, Warburton 2006, 198–199.

²⁶ Helck 1983, 78 (Nr 113).

²⁷ Hornung, Krauss, Warburton 2006, 198.

²⁸ Ладынин, Немировский 20016, 223.

²⁹ Его мумия соответствует возрасту 25–30 лет: Hornung, Krauss, Warburton 2006, 198.

³⁰ Vandersleyen 1971, 30–33.

³¹ О.Д. Берлев на основании формы знака месяца (изогнутого вверх) в имени Яхмоса I на наколочке копья из собрания ГМИИ, надпись на котором упоминает взятие Авариса, датировал его не ранее чем Годом 17 этого царя: Берлев, Ходжаш 1979. См., однако, примечание выше об уязвимости этого датировочного критерия.

³² Łukaszewicz 1995, 121–122.

последнего события ок. 1193 г. до н.э., согласно данной хронологии, приводит к датировке первого события 1523/2 г. до н.э.³³ Соответствие этой даты указанному нами периоду в рамках царствования Яхмоса I не идеально, но все же весьма близко, а специфические коннотации этого пассажа заданы упоминанием в нем цикла Сотиса, связанного с функционированием египетского календаря. Однако аналогично определяется время потоп Девкалиона и по Паросскому мрамору: согласно этой хронологии Девкалион правит 52 года (1573–1521 гг. до н.э.), а потоп приходится на конец его правления (1528 г. до н.э.) за 320 лет до падения Илиона (1208 г. до н.э., при начале войны в 1218 г.)³⁴. Похоже, что античная традиция

³³ «Сравним теперь эллинскую хронологию с иудейской. Начнем с Моисея. С рождения его до того дня, когда израильтяне вышли из Египта, прошло 80 лет. С исхода израильтян из Египта до смерти Моисея – 40 лет. Исход израильтян из Египта последовал во времена Инаха, потому что Моисей вышел из Египта за 345 лет до очередного Сотисова цикла. С тех пор как Моисей принял управление народом израильским и от Инаха до Девкалионова потопа, второго из потопов, посещавших Элладу, и до гибели Фазтона – события, современного Кротопу, насчитывают 40 поколений. А на сто лет считается три поколения. С потопа Девкалионова до пожара на горе Иде, до открытия железа и до Дактилей из Иды Фрасилл насчитывает 73 года, а от пожара на Иде до похищения Ганимеда – 65 лет; с этого похищения и похода Персея и до учреждения Главком Истмийских игр в память Меликерта прошло 15 лет; от похода Персея до основания Трои – 34 года; от этого времени до похода Аргонавтов – 64 года; от похода Аргонавтов до времен Тесея и Минотавра – 32 года; со времен Тесея и Минотавра до эпохи семи военачальников, командовавших под Троей, – 10 лет; отсюда до учреждения Гераклом Олимпийских игр в память Пелопса – 3 года; от начала Олимпийских игр до похода амазонок на Афины и до похищения Елены Тесеем – 9 лет; с того времени до обоготворения Геракла – 11 лет; с тех пор до похищения Елены Александром – 4 года<; от этого похищения до взятия Трои – 10 лет>» (Климент 2003, 147, с коррективой; FGHist. 253 = Clem. Alex. Strom. 136.3–137.3: Ἀνωθεν οὖν ἀπὸ Μωυσέως συναγάγωμεν τὴν καθ' Ἑλλήνας χρονογραφίαν· ἀπὸ τῆς Μωυσέως γενέσεως ἐπὶ τὴν ἐξ Αἰγύπτου τῶν Ἰουδαίων ἔξοδον ἔτη ὀγδοήκοντα καὶ τὰ μέχρι τῆς τελευτῆς αὐτοῦ ἄλλα τεσσαράκοντα· γίνεταί ἢ ἔξοδος κατὰ Ἰναχον πρὸ τῆς Σωθιακῆς περιόδου ἐξεληθόντος ἀπ' Αἰγύπτου Μωυσέως ἔτεσι πρότερον τριακοσίοις τεσσαράκοντα ε'. ἀπὸ δὲ τῆς Μωυσέως στρατηγίας καὶ Ἰνάχου ἐπὶ τὸν Δευκαλίωνος κατακλυσμόν, τὴν δευτέραν λέγω ἐπομβρίαν, καὶ ἐπὶ τὸν Φαέθοντος ἐμπρησμόν, ἃ δὴ συμβαίνει κατὰ Κρότωπον, γενεαὶ τεσσαράκοντα ἀριθμοῦνται· εἰς μέντοι τὰ ἑκατὸν ἔτη τρεῖς ἐγκαταλέγονται γενεαί. ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἐπὶ τὸν Ἰδης ἐμπρησμόν καὶ τὴν εὖρεσιν τοῦ σιδήρου καὶ Ἰδαίου δακτύλου ἔτη ἑβδομήκοντα τρία, ὥς φησι Θράσυλλος. καὶ ἀπὸ Ἰδης ἐμπρησμοῦ ἐπὶ Γανυμήδους ἀρπαγὴν ἔτη ἐξήκοντα πέντε. ἐντεῦθεν δὲ ἐπὶ τὴν Περσέως στρατείαν, ὅτε καὶ Γλαῦκος ἐπὶ Μελικέρτῃ τὰ Ἰσθμια ἔθηκεν, ἔτη πεντεκαίδεκα. ἀπὸ δὲ Περσέως στρατείας ἐπὶ Ἰλίου κτίσιν ἔτη τριάκοντα τέσσαρα. ἐντεῦθεν ἐπὶ τὸν ἔκπλουν τῆς Ἀργεῖς ἔτη ἐξήκοντα τέσσαρα. ἐκ τούτου ἐπὶ Θησέα καὶ Μινώταυρον ἔτη τριάκοντα δύο, εἴτα ἐπὶ τοὺς ἐπτά ἐπὶ Θήβαις ἔτη δέκα, ἐπὶ δὲ τὸν Ὀλυμπίαν ἀγῶνα, ὃν Ἡρακλῆς ἔθηκεν ἐπὶ Πέλοπι, ἔτη τρία, εἰς τε τὴν Ἀμαζόνων εἰς Ἀθήνας στρατείαν καὶ τὴν Ἑλένης ὑπὸ Θησέως ἀρπαγὴν ἔτη ἑννέα. ἐντεῦθεν ἐπὶ τὴν Ἡρακλέους ἀποθέωσιν ἔτη ἑνδεκά, εἴτα ἐπὶ τὴν Ἑλένης ὑπὸ Ἀλεξάνδρου ἀρπαγὴν ἔτη τέσσαρα. <εἴτα ἐπὶ τὴν Τροίαν ἄλωσιν ἔτη εἴκοσι>). Соответствия данным хронологическим выкладкам в абсолютной хронологии указаны в издании Ф. Якоби.

³⁴ «2. После того, как Девкалион воцарился в лежащей возле Парнаса Ликорее, а было это во время царствования в Афинах Кекропа, прошло 1310 лет (1574/73)... 4. После того, как во времена Девкалиона случился потоп и Девкалион бежал от ливней из Ликореи в Афины к Краная, [где] основал святилище Зевса Олимпийского и принёс благодарственные жертвы за спасение, а случилось это во время царствования в Афинах Краная, прошло 1265 лет (1529/28)... 23. После того, как эллины отправились против Трои, а случилось это на тринадцатом году царствования в Афинах Менесфея, прошло 954 года (1218/17). 24. После взятия Трои, а случилось это на двадцать втором году царствования в Афинах Менесфея в седьмой день до окончания месяца фаргелиона, прошло 945 лет (1209/08)» (Паросский мрамор 2023; IG XII.5.444: 2. ἀφ' οὗ Δευκαλίων παρὰ τὸν Παρνασσὸν ἐν Λυκωρείᾳ ἐβασίλευσε, [βα]σιλε[ύ]οντος Ἀθηναίων Κέκροπος, ἔτη ΧΗΗΗΔ... 4. ἀφ' οὗ κατακλυσμὸς ἐπὶ Δευκαλίωνος ἐγένετο καὶ Δευκαλίων τοὺς ὄμβρους ἔφυγεν ἐν Λυκωρείᾳ εἰς Ἀθήνας πρὸς Κρανάϊον καὶ τοῦ Διὸς [τ]οῦ [Ὀλυμ]πίου τὸ ἱερὸν ἰδρύσας [ο] καὶ τὰ Σωτήρια ἔθυσεν, [ἐ]τη ΧΗΗΗΔΓ, βασιλεύοντος Ἀθηναίων Κρ[α]ν[α]οῦ... 23. ἀφ' οὗ οἱ Ἑλλήνες εἰς Τροίαν

в целом исходила из представления, что потоп Девкалиона и Троянскую войну разделял промежуток в 12 поколений³⁵ (как такой же промежуток разделял Троянскую войну и 1-ю Олимпиаду)³⁶, что, при небольших расхождениях в точных цифрах, позволяло по крайней мере одинаково определить век, в который произошло это событие. При этом согласно Манефону в версии Африкана, упоминающей потоп Девкалиона, отделяющая его от падения Трои сумма царствований XVIII династии после Мисфрагмутосиса и XIX династий составляет 373 года: конечно, этот срок больше, чем в античной хронологии, но во всяком случае соответствует тому по своему порядку. Общий срок правления династий третьего томоса Манефона между падением Трои и приходом в Египет Александра в 332 г. до н.э. составляет, согласно цифрам, приводимым Африканом при суммировании лет XX–XXX династий и правлений XXXI династии³⁷, 868 лет и 2 месяца без учета ошибок в суммировании лет XXI и XXII династий и 848 лет и 2 месяца с учетом такой ошибки³⁸. Таким образом, абсолютная датировка потопа Девкалиона в данной версии соответствует $(332 + 868 \text{ лет и 2 месяца} + 373 =)$ примерно 1573 г. до н.э. либо $(332 + 848 \text{ лет и 2 месяца} + 373) =$ примерно 1553 г. до н.э., т.е. опять же приводит к помещению этого события в середину XVI в. до н.э. Едва ли столь существенное соотношение между хронологическими рядами прошлого Греции и Египта получилось случайно, исключительно вследствие независимых вычислений в рамках каждого из этих рядов и затем их сопоставления: более вероятно, что в его основе лежало и представление о самом катастрофическом событии прошлого, отразившемся в памяти греков как потоп Девкалиона, а египтян – в некоем неизвестном нам виде. Во всяком случае практически несомненно, что именно так должен был сформироваться синхронизм между царствованием Туориса/Таусерта и взятием Трои, о котором шла речь выше: египтяне должны были сохранить представление о масштабном этнополитическом кризисе в Средиземноморье, частью которого, известной грекам, была Троянская война, а им самим – нашествия

ἐ[ξεστ]ράτευσ[αν], ἔτη ϞΝНННϞΙΙΙΙ, βασιλεύοντος Ἀθη[νῶν Μεν]εσθέως τρεῖςκαίδεκάτου ἔτους. 24. ἀφ' οὗ Τροία ἦλω, ἔτη ϞΝНННΔΔΔΔΓ, βασιλεύοντος Ἀθη[νῶν [Μενεσθέ]ως δευτέρου <καὶ εἰκοστοῦ> ἔτους μηνὸς Θ[αργηλιῶ]νος ἐβδόμη φθίνοντος).

³⁵ См., например, счет поколений в локридской генеалогии: Девкалион – Амфиктион (Apollod. I.7.2, III.14.6; Ps.Scymn. Period. 587ff.) – Итон – Хромия – Этол (Paus. V.1.4., IX.1.1, 34.1; Tzetz. in Lycophr. 1206) – Фиск – Локр (Ps.Scymn. Ibid.; Plut. Quaest. Graec. 15) – Опус, или Локр Младший (Schol. in Pind. Ol. IX.85; Eustath. in Homer., p. 277; Plut. Ibid.) – Кинос – Ходойдокос – Ойлей – Аякс Младший (Eustat. Ibid); в восходящей к Девкалиону генеалогии царей Аргоса и Гераклидов: Девкалион – Эллин – Ксуф – Ахей и Ион (Apollod. I.7.2) – сыновья Ахея и зятя Даная Архител и Архандр (Paus. VII.1.6) и зять Даная Линкей – Абант – Акрий и Проит – Мегапент и Даная – Персей – Алкей – Амфитрион – Геракл – Гилл (Apollod. II.2.1, 2.2, 2.4, 2.8); вариант: Мегапент – Аргей – Анаксагор – Алектор – Ифий и Капаней – Сфенел – Килараб (поколение после Троянской войны; Paus. II.18.4–5). Мы благодарны А.А. Немировскому, обратившему наше внимание на значение этой генеалогической традиции и на отразившие ее источники.

³⁶ Немировский 2003, 17–18.

³⁷ Ее годы Африкан не суммирует, что, очевидно, связано с включением этого дома последних персидских правителей Египта в царский список не Манефоном, а его эпиноматомами (Ладынин 2017, 72).

³⁸ В нашей книге мы дали ошибочную сумму этих лет в 862 года: Ладынин 2017, 109–110. Суммирование у Африкана лет третьего томоса ошибочно и равно 1050 годам: Manetho. Frg. 75a; Ладынин 2017, 110–113.

«народов моря», вторая волна которых была спровоцирована Троянской войной³⁹ и которые в преобразованном виде отразились в труде Манефона.

Вернемся теперь непосредственно к синхронизму между царствованием Мисфрагмутосиса и потоком Девкалиона в царском списке Манефона согласно Африкану. С А. Лукашевичем можно согласиться в том, что египетские источники, а также античная хронологическая традиция дают серьезные основания действительно соотнести этот синхронизм с санторинской катастрофой и привязать ее к царствованию Яхмоса I. Не противоречат этому и современные естественно-научные и археологические данные: так, в 2014 г. в журнале “Antiquity” появилась серия статей, оспаривающих выдвинутую ранее ее датировку первой половиной XVII в. до н.э. и показывающих, что ее не приходится датировать ранее, чем началом Нового царства в Египте⁴⁰.

Вместе с тем уязвимость интерпретации Лукашевича состоит в том, что он, по сути дела, не объяснил, почему реминисценции времени Яхмоса I оказались «переселены» из начала в середину XVIII династии. Сомнительна и его попытка возвести форму имени «Мисфрагмутосис» к тронному и личному именам Яхмоса I, а не Тутмоса III: последняя трактовка, устоявшаяся в египтологии (см. наше прим. 14), выглядит более обоснованной, тем более что и место этого царя в середине XVIII династии отвечает месту исторического Тутмоса III. Следует, однако, заметить, что Лукашевич не обратил должного внимания на вариативность имен первого царя XVIII династии – изгнителя гиксосов – в разных изводах традиции Манефона. Как мы уже говорили, он именуется Амос в царском списке согласно Африкану и Амосис – согласно Евсевию, что так или иначе соответствует его реальному имени «Яхмос». Однако в версии царского списка у Феофила Антиохийского этот же царь именуется Тетмосис (Τέθμωσις; Manetho. Frg. 51); в восходящей к Манефону т.н. «Книге Сотис» он назван двойным именем «Амосис(, который) и Тетмосис» (Ἀμωσις ὁ καὶ Τέθμωσις⁴¹); а у Иосифа Флавия, передающего Манефона, дело изгнания гиксосов вообще «распределено» между двумя царями – Мисфрагмутосисом (Μισφραμτούθωσις), нанесшим им поражение и вытеснившим из Египта в Аварис (Frg. 42 = Ios. C.Ap. I. 14. § 86; пересказ Флавия), и Туммосисом (Ἀσσ. Θούμωσις), или Тетмосисом (Τέθμωσις), осадившим Аварис и вытеснившим их в Азию (id. § 88, пересказ Флавия; frg. 50 = Ios. C.Ap. I. 15. § 94, точное цитирование Манефона)⁴². Очевидно, что первый из этих двух царей должен соответствовать предшественнику Яхмоса I Камосу, начавшему активную борьбу с гиксосами, а второй – самому Яхмосу I. При этом, как мы видим, имя царя, начавшего, согласно цитате Флавия, изгнание гиксосов, также Мисфрагмутосис, как и у царя середины XVIII династии: имя последнего Флавий передает несколько иначе – «Мефрамутосис» (Μηφραμούθωσις; Frg. 50 = Ios. C.Ap. I. 15.

³⁹ Немировский 20016.

⁴⁰ Bronze Age... 2014. Авторы этих статей обосновывают датировку санторинской катастрофы в диапазоне 1525–1490 гг. до н.э., что позже, чем датировка, обозначенная нами. Однако данное расхождение едва ли принципиально: следует учесть как приблизительность нашей датировки (мы оговорили неясность хронологии царствования Яхмоса I), так и неточность, в пределах по крайней мере нескольких десятилетий, дат, получаемых естественно-научными методами.

⁴¹ Waddell 1980, 240.

⁴² Ладынин 2017, 48–49.

§ 95), Теофил – «Мефраммутосис» (Μηφραμμούθωσις; Frg. 51.6), армянская версия Евсевия – «Мисфармутосис» (Mispharmutosis; Frg. 53b.5).

Убедительное объяснение этой вариативности было предложено А.А. Немировским: уже давно замечено сходство между описаниями осады гиксосского Авариса у Манефона в передаче Флавия и осадой Мегиддо согласно анналам Тутмоса III⁴³. По-видимому, в египетской традиции кануна и начала эллинизма существовало две версии исхода борьбы египтян с гиксосами: согласно одной, она завершилась уже при первом царе (или первых двух царях) XVIII династии, а согласно другой, продлилась вплоть до времени исторического Тутмоса III и, может быть, его преемника, именуемого в разных изводах традиции Манефона Тмосис, или Тутмосис (в таком случае, к этапу борьбы с гиксосами оказывались причислены войны египтян с Митанни, важнейшая фаза которых пришлось на время Тутмоса III, а завершение мирным соглашением – на время Тутмоса IV⁴⁴). Манефон был твердо убежден в справедливости первой версии и, как показывает цитата Флавия, следовал ей, однако при этом обозначил царей, изгнавших гиксосов, именами, взятыми из второй версии и соответствующими историческим царям середины XVIII династии⁴⁵. Думается, что при этом он должен был знать и сообщать в изначальном тексте своего труда второе имя царя, изгнавшего гиксосов, – Амос, или Амосис: во всяком случае при хорошей осведомленности об этом в дальнейшем как его эксцерпторов, так и других авторов, таких, как Птолемей Мендесский и Апион (FGrHist. 611. F. 1a-b; 616. F. 2a-c⁴⁶), было бы странно, если бы Манефон это проигнорировал.

Любопытен и следующий момент: рассмотренные нами вначале греко-египетские синхронизмы – между событиями конца XVIII династии и отбытием Дана в Аргос и между царствованием Туориса/Таусерт и взятием Трои – соответствуют рубежам между династиями Манефона: первый – между XVIII и XIX династиями, второй – между XIX и XX династиями и одновременно между вторым и третьим томосами его труда. В таком случае было бы весьма логично, чтобы и синхронизм между царствованием Мисфрагмутосиса и потопом Девкалиона пришелся бы у Манефона тоже на значимый рубеж – очевидно, на начало XVIII династии, то есть как раз на этап изгнания гиксосов из Египта. Тогда можно допустить, что в аутентичном тексте Манефона потоп Девкалиона был привязан ко времени «первого Мисфрагмутосиса» – того, кто и начал изгнание из Египта гиксосов: заметим, что это полностью соответствовало бы по смыслу свидетельству папируса Ринд, согласно которому природная катастрофа произошла на фоне уже начавшейся борьбы с гиксосами, но явно до ее завершения взятием Авариса.

По всей вероятности, перемещение этого синхронизма на середину XVIII династии было делом рук эксцерпторов Манефона, формировавших в финале эллинизма эпитому его труда с царским списком, которым пользовались христианские авторы. Надо заметить, что совершенно точно известна ошибка, связанная с «привязкой» другого синхронизма: если в традиции, воспроизводящей аутентичную царскую последовательность Манефона сюжет о царях Сетосе-Египте и

⁴³ Тураев 1935/1, 258, 267; Redford 1997, 25; Немировский 2001a, 134–135.

⁴⁴ Ладынин 2017, 46–55.

⁴⁵ Немировский 2001a, 132–135.

⁴⁶ Штерн, Брагинская 1997, 381–382, 392–393; см. также: Ладынин 2018, 99–100 и прим. 4–5.

Хармаисе-Данае помещен на рубеж XVIII и XIX династии, то в царском списке он «отъезжает» внутрь XVIII династии (Manetho. Fragg. 53a–b.12). По-видимому, эпитоматоры Манефона сочли правильным «развести» события изгнания гиксов, прочно ассоциировавшееся у них с именем Амоса, или Амосиса, и катастрофу потопа Девкалиона, ассоциировавшуюся с Мисфрагмутосисом, имя которого они «отвязали» от начала XVIII династии и соотнесли исключительно с местом в ней исторического Тутмоса III. Возможно, это произошло потому, что в использованной эпитоматорами хронологической схеме (на самом деле, дублировавшей ряд царствований XVIII–XIX династии и потому определившей большую, чем в реальности их продолжительность⁴⁷) абсолютная датировка потопа Девкалиона, соотносимая со сведениями греческой традиции, «получалась» именно при отнесении этого события к середине, а не к началу XVIII династии. В итоге единственным следом изначальной «привязки» потопа Девкалиона к началу XVIII династии осталось сохраненное в передаче Африкана сообщение, что именем современника потопа Девкалиона Мисфрагмутосиса было также и Амосис.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Adler, W., Tuffin, P. (transl.) 2002: *The Chronography of George Synkellos. A Byzantine Chronicle of Universal History from the Creation*. Oxford.
- Allen, J.P. 2002: The Speos Artemidos Inscription of Hatshepsut. *Bulletin of Egyptological Seminar* 16, 1–17.
- Beckerath, J. von 1997: *Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* (Münchener ägyptologische Studien, 46). Mainz am Rhein.
- Beckerath, J. von. 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen* (Münchener ägyptologische Studien, 49). 2nd ed. Munich.
- Berlev, O.D., Khodzhash, S.I. 1979: Nakonechnik kop'ya faraona Yakhmesa I iz Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [A Spearhead of the Pharaoh Ahmose in the Pushkin Museum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 82–83.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. 1979: Наконечник копья фараона Яхмеса I из Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. *ВДИ* 3, 82–83.
- Bronze Age 2014: Bronze Age Catastrophe and Modern Controversy: Dating the Santorini Eruption. *Antiquity* 88, 267–291.
- Bruins, H.J., Plicht, J. van der, MacGillivray, A.J. 2009: The Minoan Santorini Eruption and Tsunami Deposits in Palaikastro (Crete): Dating by Geology, Archaeology, 14C, and Egyptian Chronology. *Radiocarbon* 51(2), 397–411.
- Dillery, J. 2015: *Clio's Other Sons: Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt*. Ann Arbor.
- Goedicke, H. 1986: The End of the Hyksos in Egypt. In: L.H. Lesko (ed.), *Egyptological Studies in Honor of Richard A. Parker*. Hanover–London, 37–47.
- Gozzoli, R.B. 2006: The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millenium B.C. (ca. 1070–180 BC). Trends and Perspectives. London. (Golden House Publications Egyptology, 5).
- Graves, R. 1992: *Mify drevney Gretsii* [The Greek Myths]. Moscow.
- Грейвс, Р. 1992: *Мифы древней Греции*. М.
- Helck, W. 1956: *Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten* (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 18). Berlin.

⁴⁷ Ладынин, Немировский 2001a, 92–99.

- Helck, W. 1983: *Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie*. 2nd ed. (Kleine ägyptische Texte, 6.1). Wiesbaden.
- Hornung, E., Krauss, R., Warburton, D. (eds.) 2006: *Ancient Egyptian Chronology* (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden.
- Kliment 2003: Kliment Aleksandriyskiy. Stromaty. T. 1 [Clement of Alexandria. Stromata. Vol. 1]. Saint-Petersburg.
- Климент 2003: Климент Александрийский. Строматы. Т. 1. СПб.
- Ladynin, I.A. 2017: "Snova pravit Egipet!" *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* (Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU 84. Ser. II: Istoricheskie issledovaniya, 40). [“Egypt Rules Again!” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*. (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 84. Series II. Historical Studies 40)]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. 2017: «Снова правит Египет!» *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды* (Тр. Исторического факультета МГУ 84. Сер. II: Исторические исследования 40). М.–СПб.
- Ladynin, I.A. 2018: Dve versii Iskhoda v traditsii Manefona Sevennitskogo (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 51–53a–b) [Two versions of the Exodus in the tradition of Manetho of Sebennoytos (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 51–53a–b)]. In: A.A. Banskchikova, I.A. Ladynin, V.V. Shelestin (eds.), "Khranyashchiy bol'shoe vremya": *Sbornik nauchnykh trudov k pyatidesyatiletiyu A.A. Nemirovskogo* [“The Keeper of the Big Time”: *Papers in Honour of the 50th Birthday of A.A. Nemirovskiy*]. Moscow, 96–113.
- Ладынин, И.А. 2018: Две версии Исхода в традиции Манефона Севеннитского (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 51–53a–b). В сб.: А.А. Банщикова, И.А. Ладынин, В.В. Шелестин (ред), «Хранящий большое время»: *Сборник научных трудов к пятидесятилетию А.А. Немировского*. М., 96–113.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2001a: K evolyutsii vospriyatiya amarnskikh tsarei i Khoremheba v ideologicheskoi i istoricheskoi traditsii drevnego Egipta [On the Evolution of the Attitude towards the Amarna Kings and Horemheb in the Ideological and Historical Tradition of Ancient Egypt]. In: O.A. Pavlova, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient Orient: Unity and Diversity of Cultural Traditions]. Moscow, 80–99.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2001a: К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта. В сб.: О.И. Павлова, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 80–99.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2001b: [Rev.:] J. von Beckerath. Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der 260 Vorzeit bis 332 v. Chr. München–Berlin, 1998. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 216–226.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2001b: [Рец.:] J. von Beckerath. Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der 260 Vorzeit bis 332 v. Chr. München–Berlin, 1998. *ВДИ* 2, 216–226.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2018: Manefon i ego trud v novom monograficheskom issledovanii [Manetho and his work in a New Monography]. J. Dillery, Clio's Other Sons. Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/4, 1032–1052.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2018: Манефон и его труд в новом монографическом исследовании. J. Dillery, Clio's Other Sons. Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. *ВДИ* 78/4, 1032–1052.
- Łukaszewicz, A. 1995: Misphragmuthosis and the Deluge. *Journal of Juristic Papyrology* 25, 109–129.

- MacGillivray, J.A. 2009: Thera, Hatshepsut, and the Keftiu: Crisis and Response in Egypt and the Aegean in the mid-Second Millennium BC. In: D.A. Warburton (ed.), *Time's Up! Dating the Minoan eruption of Santorini. Acts of the Minoan Eruption Chronology Workshop, Sandbjerg November 2007* (Monographs of the Danish Institute at Athens, 10). Athens, 155–170.
- MacGillivray, J.A. 2014: A Disastrous Date. *Antiquity* 88, 288–289.
- Mosshammer, A.A. (ed.) 1984: *Georgii Syncelli ecloga chronographica*. Leipzig.
- Nemirovskiy, A.A. 2001a: Giksosy: k voprosam imenovaniya i proiskhozhdeniya [The Hyksos: Questions of the Name and the Origin]. In: O.A. Pavlova, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient Orient: Unity and Diversity of Cultural Traditions]. Moscow, 100–138.
- Немировский, А.А. 2001а: Гиксосы: к вопросам именования и происхождения. В сб: О.И. Павлова, А.А. Немировский (ред.), *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 100–138.
- Nemirovskiy A.A. 2001b: K voprosu ob otrazhenii anatoliiskogo etnopoliticheskogo perevoroata XII v. do n.e. v grecheskoi traditsii [On the Reflection of the Anatolian Ethnopolitical Revolution in the 12th century B.C. in the Greek Tradition]. In: V.D. Zhigunin et al. (eds.), *Antichnost': obshchestvo i idei* [Antiquity: Society and Ideas]. Kazan', 6–19.
- Немировский А.А. 2001b: К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота XII в. до н.э. в греческой традиции. В сб: В.Д. Жигунин и др. (ред.), *Античность: общество и идеи*. Казань, 6–19.
- Nemirovskiy, A.A. 2003: Datirovka Troyanskoi voyny v antichnoi traditsii: k legendarnoi khronologii "geroicheskogo veka" Ellady [Dating the Trojan War: On the legendary chronology of Hellas' Heroic Age]. In: *Studia historica* III. Moscow, 3–18.
- Немировский, А.А. 2003: Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады. В сб.: *Studia historica* III. М., 3–18.
- Parosskiy mramor 2023: Parosskiy mramor. Uteryannaya chast' [Parian Marble. Lost Part]. [Electronic resource]. – Access: <http://ancientrome.ru/antlittr/marble/part1-f.htm>; date of address: 23.04.2023.
- Паросский мрамор 2023: Паросский мрамор. Утерянная часть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/marble/part1-f.htm>; дата обращения: 23.04.2023.
- Quack, J. F. 2013: Gibt es in Ägypten schriftliche Quellen zum Thera-Ausbruch? In: H. Meller u.a. (eds.), *1600 – Kultureller Umbruch im Schatten des Thera-Ausbruchs? 4. Mitteldeutscher Archäologentag vom 14. bis 16. Oktober 2011 in Halle (Saale)* (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle 9). Halle, 221–233.
- Redford, D.B. 1997: Textual Sources for the Hyksos Period. In: E.D. Oren (ed.), *The Hyksos: New Historical and Archaeological Perspectives* (University Museum Monograph 96; University Museum Symposium Series 8). Philadelphia, 1–44.
- Safronov, A.V. 2005: *Etnopoliticheskie protsessy v Vostochnom Sredizemnomor'e v kon. XIII–nach. XII vv. do n.e. Avtoref.... k.i.n.* (Ethnic and Political Processes in Eastern Mediterranean in the Late 13th – early 12th Centuries BC. Abstract of the PhD Thesis in History). Moscow.
- Сафронов, А.В. 2005: *Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в кон. XIII – нач. XII вв. до н.э. Автореф.... к.и.н.* М.
- Stern, M. (ed., transl.), Braginskaya, N.V. (transl., ed.). 2000: *Grecheskie i rimskie avtory o evreyakh i iudaizme. I: Ot Gerodota do Plutarkha*. [Greek and Roman Authors on Jews and Judaism. I: From Herodotus to Plutarch]. Moscow–Jerusalem.
- Штерн, М. (сост., пер.), Брагинская, Н.В. (пер., ред.). 2000: *Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. I: От Геродота до Плутарха*. М.–Иерусалим.

- Turaev, B.A. 1935: *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient Orient]. Vol. 1–2. Lenin-grad.
- Тураев, Б.А. 1935: *История древнего Востока*. Т. 1–2. Л.
- Vandersleyen, Cl. 1971: *Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie* (Monographies Reine Élisabeth 1). Bruxelles.
- Waddell, W.G. (transl.) 1980. *Manetho* (Loeb Classical Library 350). Cambridge (Massachusetts)–London.

DEUCALION AND MISPHRAGMOUTHOSIS:
A GRECO-EGYPTIAN SYNCHRONISM
IN THE WORK BY MANETHO (MANETHO. FRG. 52)

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

The article analyses the system of synchronisms between the events of the Ancient Egyptian and the Ancient Greek past, which was present in the Greek historical writing of the Egyptian priest Manetho of Sebennytes (the 3rd century B.C.) and was intended to demonstrate the antiquity of the Egyptian civilization. One of these synchronisms is the statement that the flood of Deucalion occurred under the Egyptian king of Dynasty XVIII Misphegmothosis (Manetho's kings' list as attested by George Syncellus following Africanus: Manetho. Frg. 52.6). This figure of Manetho's kings' list was regularly equated with the king Thuthmosis III, as the form of the name attested by Manetho was identified with the combination of this king's throne-name and personal name (Menkheperre Thuthmosis). The article argues that according to Manetho's evidence preserved in the treatise *On the Antiquity of the Judaeans People (Against Apion)* by Josephus Flavius Misphegmothosis was also the king who expelled the Hyksos from Egypt at the start of Dynasty XVIII and corresponded to the historical Ahmose I (Manetho. Frg. 42). At the same time the Egyptian evidence (the so-called *Tempest Stela*, note at the backside of the mathematical papyrus Rhind) shows that the climatic event caused by the volcanic eruption at the island of Thera must have fallen at the reign of Ahmose I. Meanwhile this event is considered a major reason for the downfall of the Cretan civilization and a likely prototype to the mythological flood of Deucalion. It seems likely that Manetho's synchronism reflects the reminiscences of this event under Ahmose I, i.e. Misphegmothosis expelling the Hyksos.

Keywords: Ancient Egypt, Manetho, Deucalion, Misphegmothosis. Ahmose I, synchronism, flood, eruption, Thera, Hyksos, historiography

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 20–28
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 20–28
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-20–28

ОСОБЕННОСТИ ЕГИПЕТСКОЙ ЦАРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРИ РАМСЕСЕ III

А.В. Сафронов

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский технологический университет, Москва, Россия*

E-mail: safronov1477@yandex.ru

ORCID: 0000–0001–9385–8441

В статье рассматриваются строки 36–38 надписи 8-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу, в которых говорится: «Я верил в этого бога, отца бог[ов.....отца] моего. Я не забывал о его святилище. Мое желание было сильным удваивать празднества и жертвы, ⁽³⁷⁾ которые были прежде. Мое сердце было правдивым ежедневно. Мерзость (для) меня – неправда [.....с]деланное (?) богами, которые были удовлетворены этим. Их длани были мне щитом для моей груди, ⁽³⁸⁾ чтобы удалить , которые были в моем теле»¹. Обычно лексемы, оставленные в иероглифической транскрипции, трактуются всеми переводчиками как *dw* «зло» и *d3j.wt* «зло, болезнь». Однако автор показывает, что эти два слова скорее могут иметь здесь значение «злодеи» (*dw.w*) и собирательного существительного *d3j.t* «враги», о которых говорится, что они присутствуют в теле фараона, и защитой от которых должны стать руки богов. Используя схожий текст из заупокойного храма Рамсеса III с упоминанием *d3j.t*, автор приходит к выводу, что тело фараона в надписи означает весь Египет, а врагов, вредивших ему, вероятно, следует связывать с «народами моря», о которых речь идет в тексте до этого.

Ключевые слова. Мединет Абу, Рамсес III, «народы моря», царская идеология в Древнем Египте, Новое Царство

Знаменитая победная надпись Рамсеса III в Мединет Абу, рассказывающая о кампании этого фараона против «народов моря» на 8-й год его правления (1190 г. до н.э.), была полностью опубликована еще в 1855 г.² и впоследствии многократно привлекалась к исследованиям коллапса государственных образований в Восточном Средиземноморье и Эгеиде в начале XII в. до н.э. Однако мое внимание

Данные об авторе. Александр Владимирович Сафронов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, доцент РТУ МИРЭА.

Впервые выводы этой статьи были сформулированы в докладе на конференции «Язык(и) древнеегипетской культуры» 10 ноября 2017 г.

¹ МН I, pl. 46.

² Greene 1855, pl. 1–3.

привлекли не относящиеся прямо к описанию войны египтян с «народами моря» последние строки этой надписи, дающие, на мой взгляд, ценную информацию о царской идеологии в Египте, по крайней мере, в начале XX династии.

Расположенная на северной башне второго пилона заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу 38-строчная надпись содержит уникальные данные о военной кампании египтян против «народах моря» в 8-й год правления этого фараона. Однако не менее интересными и информативными представляются строки 36–38, которые не имеют непосредственного отношения к описанию войны и, видимо, поэтому избежали пристального внимания исследователей. В тексте о Рамсесе III говорится следующее:

⁽³⁶⁾ ... jw=j hr mh ntr pn jt ntr.w [.....jt(?)] = j bw hm=j r hw.t-ntr=f jb=j hr tnr r kb hbyt df3.w ⁽³⁷⁾ hr wn m-b3h jb=j hr m3^c.t r^c nb bw.t=j jsf.t [.....j.] jr w ntr.w htp(.w) hr=s.t dr.t=w n=j m jkm n snb.t=j r ⁽³⁸⁾ shr jm.j h^c.w=j nswt bj.tj hk3 pd.t-psd.t nb t3.wj Wsr-m3^c.t-R^c mrj Jmn s3 R^c n h.t=f mr<jw>=f nb h^c.w R^c-ms(j.w)-s(w) dj nh dd w3s mj R^c d.t sp 2 «Я верил в этого бога, отца бог[ов.....отца] моего. Я не забывал о его святилище. Мое желание было сильным удваивать празднества и жертвы, ⁽³⁷⁾ которые были прежде. Мое сердце было правдивым ежедневно. Мерзость (для) ⁽³⁷⁾ меня – неправда [.....с]деланное (?) богами, которые были удовлетворены этим. Их длани были мне щитом для моей груди, ⁽³⁸⁾ чтобы удалить которые были в моем теле, царя Верхнего и Нижнего Египта, повелителя Девяти Луков, владыки Двух Земель Усермаатра Мериамона, сына Ра от его плоти, любимого им, владыки венцов, Рамсеса, повелителя Гелиополя, того, кому дана жизнь, устойчивость (и) радость подобно Ра вечно и вековечно»³.

Проблема с пониманием текста возникает при переводе начала строки 38, где встречаются лексемы и . Обычно они трактуются в словарях как *dw* «зло»⁴ и *d3.jwt* «болезнь»⁵. Так, Дж. Брэстед переводил это место как ««to ward off evil and misfortune from my limbs»»⁶, В. Эджертон и Д. Вильсон – как «to drive away the evils and ills, which are in my body»⁷, А. Пиден – как «to drive away the evils and [wro]ngs which are in my body»⁸. Практически схожие переводы были предложены К. Китченом – «to ward off evils and ills <from> within my body»⁹, и Д. Редфордом – «... to ⁽³⁸⁾ dispel the illness and ailment which is in my body»¹⁰. Тем не менее, очевидно, что подобные формальные трактовки текста абсолютно не приближают к пониманию его смысла, поскольку объяснить, зачем египетские писцы в официальной надписи фараона зачем-то стали описывать некие «зло и болезни», присутствующие в теле Рамсеса III, едва ли возможно¹¹!

Если вернуться к значению двух слов, оставленных в переводе в иероглифической транскрипции, то производным от первой лексемы *dw* может быть также

³ МН I, pl. 46.

⁴ Wb. V, 547.11–548.17; Wb. V.548–549; DLE II, 265.

⁵ Wb. V, 518.3–18.

⁶ Breasted 1906, 40.

⁷ Edgerton, Wilson 1936, 58.

⁸ Peden 1994, 35.

⁹ Kitchen 2008, 35.

¹⁰ Redford 2018, 39.

¹¹ Попытки Д. Редфорда объяснить эти строки реальной болезнью или ранением, полученным Рамсесом III в бою, выглядят малоубедительно (Redford 2018, 104).

слово *dw* «злодей»¹², чье написание без показателя множественного числа мы встречаем, в том числе, и как обозначение извечного врага Ра, змея Апопа¹³. Следует упомянуть и неких противников солнечного бога ¹⁴, название которых можно, вероятно, интерпретировать как *dw.w* «злодеи»¹⁵. Они появляются в тексте «Книги пещер», первые записи которой относятся к началу XIX династии¹⁶.

Кроме того, в рHarris I, 22.9 Рамсес III обращается к Амону-Камутефу и просит его обеспечить достойное царствование своему сыну и наследнику, будущему фараону Рамсесу IV. Интересующий нас фрагмент текста следующий: *jm.j n=f t3 mrj hr jhhj shr*   *nb(.w)* «Дай ему (т.е. Рамсесу IV – А.С.) Возлюбленную Землю (Египет – А.С.) в ликовании, удали всех   »¹⁷. Обычно фрагмент текста *shr*   *nb(.w)* переводят, например, как «ward off all evil, misfortune and destruction»¹⁸ или «que soit écartée l'horreur de tout massacre ou de toute bataille»¹⁹. При этом слово трактуется либо как «зло», либо как «ужас»²⁰, и как «несчастье», и как «резня»²¹, а – как «разрушение» или как «битва»²².

Однако последнее слово встречается, например, в том же рHarris I, 78:10–11, и контекст скорее свидетельствует, что здесь эту лексему следует переводить как «отряд воинов, войсковое подразделение» (*nn skj n Kš hr.w n H3r.w* «Нет отряда/ов из Куша, врагов – из Хару») ²³.

Лексема   , которая, как уже говорилось, интерпретируется как существительное женского рода *hrj.t* со значением «резня»²⁴, в этом фрагменте, на мой взгляд, более напоминает коллективное существительное²⁵ и дает лучший смысл в значении «враг<павший>»²⁶.

Если это так, то слово   , вероятно, также имеет смысл переводить как «злодей», а весь фрагмент рHarris I, 22.9 трактовать как: «Дай ему (т.е. Рамсесу IV – А.С.) Возлюбленную Землю в ликовании, удали всех злодеев, врагов и (и вражеские) отряды»²⁷. Тогда лексема *dw.w* в строке 38 надписи 8-го года Рамсеса III также может быть переведена как «злодеи».

¹² Ср. также написание «злодей» в рBM EA 10274: Parkinson 2004, 94:31.

¹³ LGG VII, 602.

¹⁴ LGG VII, 611.

¹⁵ Piankoff 1945, pl. 134; также: Piankoff, 1944, pl. 41.

¹⁶ Hornung 1999, 83.

¹⁷ Erichsen 1933, 26.

¹⁸ Breasted 1906, 141.

¹⁹ Grandet 1994, 253.

²⁰ См. также: Grandet 1999, 210.

²¹ См. также: Grandet 1999, 138.

²² См. также: Grandet 1999, 165.

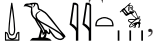
²³ Erichsen 1933, 96. Ср.: *skj.w* – «военные отряды, воины» (Parkinson 1991, 43:3, KRI II, 85:4, 15; 86:5; См., однако, перевод этого фрагмента как «il n'y avait (plus) ni bataille (78,11) contre Koush, ni massacre contre Kharou» (Grandet 1994, 339), который, на мой взгляд, неубедителен.

²⁴ Wb. III, 322.11; Grandet 1999, 138.

²⁵ Ср. *rhj.t* «люди, человечество» (Wb. II, 447.9–448.2), *knj.t* (Wb. V, 44.17), *hnj.t* «команда гребцов» (Wb. III. 376.2–6), *hrj.t* «убойный скот» (Wb. III. 322.6–323.7).

²⁶ KRI V, 77:4; DLE I, 370.

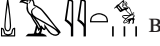
²⁷ Ср. характерное для царской риторики указание на отсутствие врагов в тексте Элефантинской стелы Сетнахта: [*h3.t-sp*] 2 *3bd* 2 *šmw sw* 10 *nn rkj.w* [...] *Hm=f* *c.w.s. m* *3.w nb.w* «Год 2-й, 2-й

В то же время схожее выражение *shr dw.t* () , которое следует переводить как «прогонять зло», встречается в Мединет Абу в речи Амона-Ра, обращенной к Рамсесу III, который приводит к богу пленных ливийцев: *dr.t=j m jkm n šnb.t=k hr shr dw.t hr=k* «моя длань была щитом для твоей груди, чтобы прогнать от тебя зло»²⁸. Поэтому удостовериться, в каком значении употреблена лексема в строке 38 надписи 8-го года Рамсеса III, можно только благодаря следующему слову , объясняющему, как будет показано далее, смысл всего фрагмента.

Эта лексема, как указывалось выше, трактуется всеми переводчиками в значении неких болезней или несправедных деяний, что действительно зафиксировано в словарях²⁹. Однако, как уже говорилось, смысл фрагмента в этом случае непонятен. Поэтому слово , выписанное как коллективное существительное (см. выше прим. 21 – А.С.), вероятно, может иметь здесь другое значение.

В этой связи следует обратиться к египетским медицинским текстам, где неоднократно упоминаются вредоносные демоны мужского и женского рода – *dj.w* и *dj.t*, являющиеся, по представлениям египтян, причиной болезней³⁰. Так, в медицинском папирусе Ebers 2:15 содержится просьба к богине Исиде освободить человека от гнева различных сверхъестественных существ, в том числе, демонов *dj.w* и *dj.t*³¹. Они упоминаются в лондонском медицинском папирусе BM EA 10059, 22:7.4, где в магическом заклинании для излечения глаз перечислены среди существ, вредящих больному³². Наконец, заклинание из папируса BM EA 10686 не дает убить заболевшего человека «всем мертвецам *mwt* и *mwt.t*, всем демонам *dj.w* и демоницам *dj.t*, которые в всех членах теле такого-то (*n.tj m h^c.w(<h^c.t) nb(t) n mn*)»³³.

Вне медицинских текстов слово *dj.w* просто становится обозначением противника, врага³⁴.

Таким образом, если лексема в строке 38 надписи 8-го года правления Рамсеса III означает врагов, ассоциируемых с демонами в теле больного человека, то можно предложить следующий перевод начала строки 38: «... чтобы ⁽³⁸⁾ повергнуть злодеев и врагов, которые были в моем теле»³⁵. Этот перевод очень хорошо сочетается с вышеприведенными данными BM EA 10686, где демоны *dj.w* и демоницы *dj.t* присутствуют в теле больного, причем оба текста в этом месте

месяц сезона шему, день 10. Нет врагов Его Величества, да будет он жив, невредим и здоров, во всех землях» (транслитерация по: Seidlmeyer 1998, Beilage 3a).

²⁸ MH I, Pl. 26, 3–4

²⁹ Wb. V, 518.3–18.

³⁰ Westendorf 1999, 369.

³¹ Grapow 1958, 533.

³² Grapow 1958, 103.

³³ Grapow 1958, 273.

³⁴ Enmarch 2005, 43, col. 9.9; Lapp 1997, pl. 47_10.

³⁵ Если все же рассматривать слово в значении «зло», то перевести можно как «... чтобы (38) повергнуть зло врагов, которые были в членах моего тела». Таким образом, грамматическую связь между и можно рассматривать как прямой генитив (Beylage 2018, 48–49). Ср. тогда зафиксированное в текстах Эдфу словосочетание *shr dw jrj h^c.w=k* «изгнать зло, принадлежащее твоему телу» (E VII, 296.1); как и выражение *dr dw nb jrj=k* «изгоняющая все зло, относящееся к тебе» (E IV, 52:3). Следует отметить, что этот вариант перевода незначительно меняет смысл фрагмента и не влияет на выводы, полученные в результате данного исследования.

совпадают практически буквально. Кроме того, из поздних египетских текстов нам известно выражение *shr d3j.w d3j.t* «изгонять врагов»³⁶.

Однако подобный перевод порождает новые вопросы. Почему слово , если его переводить как «враги», выписано только в женском роде, а в других текстах оно встречается либо в мужском, либо в мужском и женском роде? Как объяснить присутствие неких врагов в теле фараона? Зачем писцам понадобилось уподоблять Рамсеса III человеку, страдающему от демонов болезней, в официальной надписи, где египетский правитель похвально своей победой над «народом моря»? И, наконец, как строки 37–38 связаны с общим контекстом надписи и связаны ли вообще?

Для ответа на первый вопрос следует обратиться к тексту «Книги Мертвых», которая является изречением, помогающим умершему спуститься в ладью Ра и стать одним из спутников солнечного бога³⁷. В принадлежащем писцу Небсени папирусе BM EA 9900, в строке 7 главы 134 упоминаются некие «все *d3(j).t*», которые могут навредить покойному³⁸. Понять, кто это такие, позволяют другие, содержащие главу 134 «Книги Мертвых» папирусы, которые принадлежат Иуефанху³⁹ и Аменемхету. Они содержат тот же текст за единственным исключением: вместо полностью выписаны слова ⁴⁰ и ⁴¹ соответственно. Таким образом, под иероглифической группой папируса BM EA 9900 скрывается общее обозначение демонов мужского и женского рода, и выписано оно как собирательное существительное с показателем женского рода⁴², точно так же, как и в рассматриваемой выше строке 38 надписи 8-го года. Значит, предположение, что слово , можно перевести обобщенно как «враги», имеет под собой основания.

Однако если это так, то как в теле фараона могут находиться некие «враги», которых писцы метафорично сравнивают с демонами болезней?

Для ответа на этот вопрос следует привлечь надпись на рельефе, расположенном на южной башне второго пилона Мединет Абу. На нем изображен Рамсес III, приводящий три вереницы пленных «народов моря» – пелесет, текер и шакалуша⁴³, в «перьевых» шлемах к Амону и Мут. Текст перед изображением Рамсеса III следующий: ⁽¹²⁾ *dd-mdw jn nswt bj.tj nb t3.wj Wsr-m3^c.t-R^c Mrj-Jmn hr jt=f Jmn-R^c hk3 psd.t wr ph.tj=k nb ntr.w pr(j.w) m r=k hpr=sn nn wsf.t=w dr [...] =k wj hpš=k n=j m* ⁽¹³⁾ *jkm sm3=j t3.w h3s.wt th(.w) t3š=j dj=k šf.yt=j wr.t m jb wr.w=sn hr.y(t)=j snd.t=j n hr=sn jn.n=j* ⁽¹⁴⁾ *n3j=w phrr.w dnh(.w) m hf^c=j r msj=w n k3=k jt=j špss dh hpš=j [n3] j.jy r tn.t=w m Prst.w D⁽¹⁵⁾ nn.w Škrs.w hpš=k p3 n.tj r-h3.t=j hr dh pr(.t)=sn 3.wj* ⁽¹⁶⁾ *ph.tj=k nb ntr.w p3 hn s(j) hr wd⁽¹⁶⁾.n=k hr nsw.yt šm nb hr mtn=k hr htp {m} ntk nb nht^c* ⁽¹⁷⁾ *n hn.n=f 3.t k3 spd hnw.tj rh 3^cj=f {m} ntk jt=j špss km3 nfr(.t)=j ptr=k <w>j stp=k <w>j r nb pd.t-psd.t jm.j dr.t=k hn^c=j r sm3 th(.w) wj shr d3j.t nb(.w) jm.j(.w) h^c.w=j⁴⁴*

³⁶ E IV, 80:15–16, 161:16.

³⁷ Naville 1886, 345.

³⁸ Naville 1886, 345:9.Aa.

³⁹ Lepsius 1842, Tf. 55.

⁴⁰ Lepsius 1842, Tf. 55.

⁴¹ Naville 1886, 345: 9.Ta.

⁴² Beylage 2018, 40.

⁴³ Сафронов 2021, 10–12.

⁴⁴ MH I, pl. 44.

– «⁽¹²⁾ Слова, сказанные царем Верхнего и Нижнего Египта, владыкой Двух Земель Усермаатра Мериамоном своему отцу Амону-Ра, правителю Девятки богов: «Твоя сила велика, владыка богов! То, что выходило из твоих уст, возникало без пренебрежения, с тех пор как [...] ты меня. Твоя длань (была) для меня ⁽¹³⁾ щитом, (когда) умерщвлял я (обитателей) земель и нагорий, преступивших мою границу. Ты поместил великое уважение ко мне в сердца их вождей, страх и ужас мой – на их лица. Я привел ⁽¹⁴⁾ их «бегунов»⁴⁵, сломав (им) крылья своим кулаком, чтобы пожертвовать их твоему ка, мой благородный отец! Мой меч поверг тех, кто пришел, чтобы возвысить себя, а именно пелесет, да⁽¹⁵⁾ нуна, шакалуша. Твоя рука, которая (была) передо мной, повергла их людей (букв. семя их. – А.С.). О, как велика сила твоя, владыка богов! Полагающийся на нее согласно тому, как ты приказал ⁽¹⁶⁾, обладает царской властью (букв. под царской властью. – А.С.). Каждый, кто идет по пути твоему, пребывает в мире. Ты – владыка, силач для того, кто согнул спину (перед тобой), телец, острый рогами, тот, кто знает свою силу. Ты – мой благородный отец, сотворивший ⁽¹⁷⁾ мою красоту. Ты увидел меня, ты избрал меня владыкой Девяти Луков. Помогите мне (букв. поместите свою руку со мной – А.С.) убить преступивших меня, повергнуть всех врагов ()⁴⁶, которые в моем теле».

В этой надписи Рамсес III также похваляется перед фиванскими богами своей победой над «народами моря», порой используя схожие выражения, что и в тексте 8-го года своего правления. Ключевым фрагментом для нас здесь является строка 17, окончание которой практически идентично началу строки 38 надписи 8-го года правления Рамсеса III. Фараон просит Амона-Ра защитить его и повергнуть все тех же «врагов ()», которые присутствуют в его теле. Но на этот раз они выступают в связке не со «злодеями» (*dw.w*), но с некими «преступившими меня», т.е. Рамсеса III⁴⁶.

Для того, чтобы выяснить, о ком здесь идет речь, следует обратиться к другим контекстам в Мединет Абу, где встречается образованное от глагола *th* активное причастие. Примеры – следующие:

I. Надпись 5-го года, южная стена второго двора храма в Мединет Абу:

1. ⁽³³⁾ *dj=w ph.tj=f wn r th t3š=f* «⁽³³⁾ Они (боги – А.С.) дали его силу, возникшую (букв. появившуюся – А.С.) против преступающего его границу»⁴⁷.

2. ⁽⁴⁸⁾ *wr.w nb(.w) hft.jw th.w Km.t m-^c Rbw m p3 rkh m-h3.t r ph.w* «⁽⁴⁸⁾ все вожди, враги, преступившие Египет, с нагорьем Ливии – в огне от начала (и) до конца»⁴⁸.

3. ⁽⁶²⁾ *hsm ^c.wj=f šnb.t th t3š=f* .⁽⁶²⁾ разрушают его длани (т.е. фараона – А.С.) грудь преступившего его границу»⁴⁹.

II. Подпись к рельефу с изображением Рамсеса III, выступающего с войском против «народов моря» к Джахи; северная внешняя стена храма в Мединет Абу:

⁴⁵ Об их роли в битве см.: Manassa 2003, 78–79.

⁴⁶ Подобная «бинарность» врагов встречается и в других текстах Мединет Абу. Ср.: *Mnt.w m s3=f hr dr hft.jw=f hr shr* (₁₂) *dw.w nb r-h3.t=f* «Монту был защитой ему, удаляя его врагов, прогоняя (₁₂) всех злодеев перед ним» (МН 1, pl. 35, 11–12).

⁴⁷ МН 1, pl. 27, 33.

⁴⁸ МН 1, pl. 28, 48.

⁴⁹ МН 1, pl. 28, 62.

⁽¹²⁾ *wḏ Hm=f r ḏ3hj mj kj n Mnt.w r ptpt ḥ3s.t nb(.t) th t3š=f* «⁽¹²⁾ Его Величество отправился к Джахи как воплощение Монту, чтобы растоптать каждое нагорье, преступившее его границу»⁵⁰.

III. Надпись 8-го года Рамсеса III о его победе над «народами моря», северная башня второго пилона храма в Мединет Абу:

⁽¹⁴⁾ *dr.t=f ḥn^c=j th nb t3š=j sm3 m ḥf^c=j* «⁽¹⁴⁾ Его длань (т.е. Амона-Камутефа – А.С.) (была) со мной, все преступившие мою границу убиты моим кулаком»⁵¹.

IV. Речь Амона-Ра, обращенная к Рамсесу III, приведшему пленных «народов моря», южная башня второго пилона храма в Мединет Абу:

⁽¹⁾ *ḏd.jn Jmn-R^c nb p.t ... ḥ3k n=k ph(.w) tw sm3=k th (2) t3š=k* «⁽¹⁾ То, что сказал Амон Ра, владыка неба: ... Пленены для тебя нападавшие на тебя. Ты убил преступивших ⁽²⁾ твою границу»⁵².

V. Подпись к рельефу с изображением Рамсеса III, преследующего ливийцев-машваша, северная внешняя стена между 1-м и 2-м пилонами храма в Мединет Абу:

⁽⁸⁾ *n whj ^c.wj=f m th t3š=f* «⁽⁸⁾ не упустили руки его тех, кто преступал его границу»⁵³.

VI. Надпись 11-го года его правления, восточная стена первого двора храма в Мединет Абу:

1. ⁽⁴⁾ *ḥs3 ḥr r th ⁽⁵⁾ t3š=f* «⁽⁴⁾ яростный ликом против преступавших ⁽⁵⁾ его границу»⁵⁴ (эпитет Рамсеса III).

2. ⁽¹⁵⁾ *m šhn.w nfr.w n ntr pn r sm3 th nb Km.t* «⁽¹⁵⁾ Это прекрасный приказ этого бога (т.е. Рамсеса III – А.С.) убить всех, кто преступал Египет»⁵⁵.

Эти примеры показывают, что глагол *th* употребляется в текстах Мединет Абу исключительно в значении «преступать границу (фараона)» (примеры I, 1, 3; II–VI, 1). В то же время примеры I, 2 и VI, 2, показывают, что после активного причастия от глагола *th* «преступать» следует прямое дополнение *Km.t* «Египет».

Следовательно, можно предположить, что словосочетание *r sm3 th(.w) wj* «(чтобы) убить преступивших меня (т.е. фараона)» в строке 17 надписи на южной башне второго пилона Мединет Абу следует понимать, как «(чтобы) убить преступивших Египет». Следовательно, писцы, создавшие тексты Мединет Абу, фактически сравнивали фараона с Египтом! Несложно понять, кто именно преступал через фараона/Египет. В строке 13 надписи на южной башне второго пилона Мединет Абу в качестве врагов упоминаются обобщенно «земли и нагорья». Однако известно, что эти термины писцы использовали в Мединет Абу, в том числе, для обозначения «народов моря»⁵⁶. В надписи же конкретными врагами фараона выступают исключительно три племени «народов моря» – пелесет, дануна и шакалуша, соответственно, преступать фараона/Египет могли только они.

⁵⁰ МН I, pl. 31, 12.

⁵¹ МН I, pl. 46, 14.

⁵² МН I, pl. 44, 1–2.

⁵³ МН II, pl. 70, 8.

⁵⁴ МН II, pl. 79, 4–5.

⁵⁵ МН II, pl. 82, 14–15. Об использовании *m* вместо *jn* «расщепленное» предложение см.: Edgerton, Wilson 1936, 76, n. 15a; о «расщепленном» предложении, которое начинается *jn* см.: Beulah 2018, 359.

⁵⁶ Ср.: МН I, pl. 46, 16, 18.

Полученный вывод окончательно проясняет, почему в строке 17 надписи на южной башне второго пилона Мединет Абу и в строке 38 надписи 8-го года правления Рамсеса III «злодеи» (*dḥ.w*) и «враги» (*d3.jt*), которые сравниваются с демонами болезни, находятся в теле Рамсеса III. Фактически здесь говорится не о физическом теле Рамсеса III, а о теле фараона как олицетворении Египта, которому вредят враги, т.е. «народы моря». Следовательно, Египет в надписях Мединет Абу сравнивается с больным человеком, и от недуга его могут защитить, согласно надписям, только боги⁵⁷. Отдаленно схожие представления о фараоне, когда государство, видимо, представлялось как тело фараона⁵⁸, мы встречаем в более раннюю эпоху, по крайней мере, с Первого Переходного Периода. В это время тексты сравнивают подданных с частями тела египетского правителя, которые он может отсылать от себя, чтобы выполнить различные поручения⁵⁹. Однако само по себе соотнесение тела правящего фараона со всем Египтом в надписях Мединет Абу, насколько мне известно, не имеет аналогов в текстах предыдущих эпох.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Berlev, O.D. 1972: *Trudovoye naselenie Egipta v epokhu Srednego Tsarstva* [*The Working-Class Population in Egypt during the Middle Kingdom*]. Moscow.
- Берлев, О.Д. 1972: *Трудовое население Египта в эпоху Среднего Царства*. М.
- Beylage, P. 2018: *Middle Egyptian*. University Park.
- Breasted, J.H. 1906: *Ancient Records of Egypt*. Vol. 4. Chicago.
- Demidchik, A.E. 2005: *Bezmyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoy monarkhii* [*A Nameless Pyramid. The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy*]. Saint Petersburg.
- Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Edgerton, W.F., Wilson, J.A. 1936: *Historical Records of Ramses III: The Texts in Medinet Habu. Volumes I and II*. Chicago.
- Enmarch, R. 2005: *The Dialogue of Ipuwer and the Lord of All*. Oxford.
- Erichsen, W. 1933: *Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription*. Bruxelles.
- Gardiner, A.H. 1947: *Ancient Egyptian Onomastica*. Vol. 1. Oxford.
- Grandet, P. 1994: *Le Papyrus Harris I (BM 9999)*. Vol. 1. Le Caire.
- Grandet, P. 1999: *Le Papyrus Harris I. Glossaire*. Vol. 3. Le Caire.
- Grapow, H. 1958: *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autographiert*. Berlin.
- Greene, J.B. 1855: *Fouilles exécutées a Thèbes dans l'année 1855. Textes hiéroglyphiques et documents inédits*. Paris.
- Hornung, E. 1999: *The Ancient Egyptian Books of the Afterlife*. Ithaca–London.
- Kitchen, K.A. 2008: *Ramesside Inscriptions Translated and Annotated: Translations*. Oxford.
- Lapp, G. 1997: *Catalogue of Books of the Dead in British Museum. I. The Papyrus of Nu (BM EA 10477)*. London.

⁵⁷ Ср. схожий сюжет из «Рестаурационной стелы» Тутанхамона, где говорится: *wnn (8) t3 m snj mn.t nṯr.w mkḥ3=sn t3 pn* «Страна переживала болезнь, боги пренебрегали этой страной» (Urk. IV, 2027:11–12).

⁵⁸ Демидчик 2005, 27.

⁵⁹ Gardiner 1947, 109*, п. 1; Берлев 1972, 170; о сходных представлениях в других культурах древности и средневековья см. с литературой: Демидчик 2005, 27, прим. 1.

- Lepsius, R. 1842: *Das Todtenbuch der Ägypter nach dem hieroglyphischen Papyrus in Turin*. Leipzig.
- Manassa, C. 2003: *The Great Karnak Inscription of Merneptah: Grand Strategy in the 13th Century BC*. New Haven.
- Naville, E. 1886: *Das aegyptische Todtenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie*. Bd. 2. Berlin.
- Peden, A.J. 1994: *Egyptian Historical Inscriptions of the Twentieth Dynasty*. Jonsered.
- Redford, D.B. 2018: *The Medinet Habu Records of the Foreign Wars of Ramses III*. Leiden–Boston.
- Parkinson, R.B. 2004: “The Discourse of the Fowler”: Papyrus Butler Verso (P. BM EA 10274). *The Journal of Egyptian Archaeology* 90, 81–111.
- Piankoff, A. 1944: Le livre des Quererts [2]. *Bulletin de l’Institut français d’archéologie orientale* 42, 1–62.
- Piankoff, A. 1945: Le livre des Quererts [3]. *Bulletin de l’Institut français d’archéologie orientale* 43, 1–50.
- Safronov, A.V. 2021: Nezamechennaya ikonografiya “naroda moray” vashasha [The Unnoticed Iconography of the Sea Peoples’ Tribe Weshesh]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/1, 5–22.
- Сафронов, А.В. 2021: Незамеченная иконография «народа моря» вашаша. *ВДИ* 81/1, 5–22.
- Seidlmaeyr, St. 1998: Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Sethnachte aus Elephantine. In: H. Guksch, D. Polz. (Hrsg.), *Stationen. Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens. Rainer Stadelmann gewidmet*, Mainz, 363–386.
- Westendorf, W. 1999: *Handbuch der altägyptischen Medizin*. Bd. 1. Leiden–Boston–Köln.

THE FEATURES OF IDEOLOGY UNDER RAMSES III

Aleksandr V. Safronov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Russian Technological University, Moscow, Russia

E-mail: safronov1477@yandex.ru

The article is devoted to analysis of the lines 36–38 of the 8th regnal year’ inscription of Ramses III in Medinet Habu: “I trusted in this god, the father of the gods[.....the fath]er of mine. I didn’t forget his sanctuary. My wish was strong to double the festivals and offerings ⁽³⁷⁾ in addition to what it was former. My heart was truthful daily. Abomination for me was falsehood [...what] was made by the gods who was satisfied with it. Their arms were for me as a shield of my breast ⁽³⁸⁾ to dispel who were in my body”. The author shows that two words in hieroglyphic transcription mean evildoers and enemies correspondingly who were in the body of the Pharaoh. Based of parallel context from Medinet Habu, the author comes to conclusion that the body of Ramses III was considered by the inscription’s creators as whole Egypt. Accordingly, the enemies who harm to him were the Sea Peoples which are mentioned in this inscription before.

Keywords: Medinet Habu, Ramses III, the Sea Peoples, the royal ideology in Egypt, New Kingdom

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-29–42

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОССИЙСКО-АБХАЗСКОЙ ПОДВодно-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АКВАТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ В 2021–2022 гг.

В.В. Лебединский¹, А.И. Джопуа², В.В. Двухшорстнов³, Ю.А. Пронина⁴

^{1, 4} *Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*

^{1, 3} *Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия*

² *Абхазский государственный музей, Сухум, Республика Абхазия*

¹ *E-mail: v_lebedinski@mail.ru.* ² *E-mail: arkadi101@rambler.ru*

³ *E-mail: vic19741978@Gmail.com* ⁴ *E-mail: julia_pronina@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0002-6801-0497* ² *ORCID: 0000-0001-5236-6555*

³ *ORCID: 0000-0002-9626-6617* ⁴ *ORCID: 0000-0002-5169-8598*

В 2021–2022 гг. Севастопольским государственным университетом и Институтом востоковедения РАН совместно с Абхазским государственным музеем в акватории Республики Абхазия проводились международные подводно-археологические исследования. Работы велись в четырех районах, охватывающих значительную часть побережья Абхазии от Гудауты до Очамчиры. Выбор оптимальных районов для проведения научных изысканий был сделан на основе анализа многочисленных археологических материалов, хранящихся в музеях Абхазии, а также с учетом морфологических особенностей дна акватории и доступности для работы аквалангистов. В зависимости от условий проведения морских работ и поставленных задач применялось разное оборудование, такое как мобильный гидролокационный комплекс (ГБО), профилограф, телеуправляемый необитаемый подводный аппарат. В результате проведенных работ в акватории Гудауты и Нового Афона было выявлено большое количество подводных целей, одна из которых, возле Нового Афона, представляет собой крупное затонувшее судно конца XIX – начала XX вв. В районе Очамчиры была обследована территория, примыкающая с запада к античному городу и ранне-византийскому поселению Гиенос.

Ключевые слова: Абхазия, подводно-археологические исследования, гидролокатор бокового обзора, профилограф, кораблекрушения

Данные об авторах. Виктор Викторович Лебединский – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья ИВ РАН, доцент, заведующий кафедрой «Востоковедение» СевГУ; Аркадий Иванович Джопуа – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея; Виктор Игоревич Двухшорстнов – директор Центра морских исследований и технологий СевГУ; Юлия Александровна Пронина – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН.

Международные подводные археологические исследования в акватории Республики Абхазия в 2021–2022 гг. были организованы Севастопольским государственным университетом (СевГУ) и Институтом востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) совместно с Абхазским государственным музеем¹. Исследования проводились в контексте изучения истории развития мореплавания, судостроения и морской торговли в регионе Большого Средиземноморья (Черное, Средиземное и Красное моря). Работы осуществлялись в два этапа – в августе 2021 г. и в июне-июле 2022 г. В акватории административной территории городов Гудауты, Нового Афона, Сухума и Очамчиры была проведена подводно-археологическая разведка на глубинах от 1 до 60 м.²

В работах Международной российско-абхазской подводно-археологической экспедиции (МРАПАЭ) с российской стороны принимали участие научные сотрудники СевГУ (В.И. Двухшорстнов, С.Н. Шевченко, М.А. Калинин) и ИВ РАН (В.В. Лебединский, В.В. Прудников, Ю.А. Пронина, А.В. Кшнякин). Ю.А. Пронина и В.В. Лебединский проводили фотофиксацию объектов и материалов, камеральную обработку, выполнение чертежей, рисунков, таблиц, составление отчета. Работу с геофизическими приборами дистанционного обследования (гидролокатор бокового обзора, профилограф) обеспечивали С.А. Желтянник и В.И. Двухшорстнов. Ответственный за спуски/инструктор – А.В. Кшнякин.

Исследования МРАПАЭ проводились с целью выявления, обследования, фиксации и идентификации объектов подводного культурного наследия в акватории Абхазии. В задачи экспедиции входило проведение морских изысканий с использованием современной аппаратуры – мобильного гидролокационного комплекса (гидролокатор бокового обзора – ГБО) и профилографа, а также визуальное обследование выявленных объектов. Работы проводились с привлечением водолазных групп и телеуправляемого необитаемого подводного аппарата Chaising M2.

Вовлеченность региона восточной части Черного моря в активную морскую торговлю и активная жизнедеятельность на его берегах насчитывает более 2500 лет. Однако по сравнению, например, с Крымским полуостровом, Керченским проливом или побережьем Болгарии³ акватория Республики Абхазия изучена значительно слабее. Предыдущие исследования проводились в основном в прибрежном районе греческой Диоскуриады и римского Себастополиса, т.е. в черте современного Сухума⁴. Между тем акватория Абхазии представляет значительный интерес не только затопленными поселениями, находящимися в прибрежной зоне, но и памятниками, располагающимися вдали от берегов, т.е. затонувшими судами. Наши исследования проводились в четырех районах, охватывающих значительную часть побережья Абхазии от Гудауты до Очамчиры.

¹ Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет–2030».

² Исследования проводились по открытому листу № 3100007, выданному АН Республики Абхазия от 11.08.2021 г. на имя руководителей подводно-археологической экспедиции В.В. Лебединского и А.И. Джопуа.

³ Гриневич 1931; Блаватский 1960; 1961; Цеховой 1962; Кадеев 1964; 1965; 1966; Золотарев 1975; Лебединский 2001; 2002; 2003; 2004; 2005; 2006; Зеленко 2001; 2008; Yanko-Hombach et al. 2007; Пейчев, Димитров 2012; Порожанов, Лазаров 2005; Тончева 1970.

⁴ Трапш 1954; Шервашидзе 1960; Соловьев 1960; Воронов 1980.

Рис. 1. Амфора V в. до н.э., поднятая на траверзе Гудауты.
Fig. 1. A fifth-century BC amphora, raised on the beam of Gudauta.

Анализ многочисленных археологических материалов из фондов абхазских музеев выявил наличие археологических памятников в удалении от берегов. С целью локализации районов, перспективных для проведения подводно-археологической разведки, были собраны и изучены морские навигационные карты. С учетом морфологических особенностей дна акватории Абхазии – большие глубины у берега (резкие свалы до 100–150 м и более) – были выбраны районы, оптимальные для проведения научных изысканий и доступные для работы аквалангистов, а именно Гудаутская и Очамчирская банки. Перспективность исследований в этих районах подтверждает и обнаруженный здесь ранее керамический материал, например, амфора V в. до н.э.⁵, случайно поднятая с глубины 48–50 м рыбаками, проводившими траловый лов на Гудаутской банке (траверз г. Гудаута). Данная амфора находится в экспозиции Музея Абхазского царства в Новом Афоне⁶ (рис. 1). Это не единственный случай находок подобного рода в районе Гудауты – Нового Афона. Осенью 2010 г. рыбаки зацепили тралом на глубине 35–40 м археологически целую амфору IV–VI вв.⁷. Находка поступила в Гудаутский музей-заповедник «Абазгия» (рис. 2).

⁵ Монахов 2003, 35, табл. 19, 5.

⁶ Инв. № 002 от 05.11.2000 г.

⁷ Романчук и др. 1995, 19, класс 2.

Рис. 2. Амфора IV–VI вв., поднятая с морского дна в районе Гудауты – Нового Афона.
Fig. 2. Amphora of the 4th–6th cc., raised from the seabed in the area of Gudauta – New Athos.

Обнаружение целых керамических сосудов на больших глубинах и в удалении от берегов может указывать с большой долей вероятности на наличие в этом районе древнего кораблекрушения. Однако его локализация возможна лишь при условии, если бы стали известны примерные координаты находки и глубина обнаружения амфор. Но рыбаки не смогли даже приблизительно указать место находки 2010 г., так как трал, в который попала амфора, они тянули около двух миль. Единственная доступная нам информация – это примерная глубина и район обнаружения керамического материала. Для исследований нами была выделена полоса морского дна с глубинами 40–60 м вдоль побережья Гудауты, этот участок был поделен на три района общей площадью 16,5 км².

Соответственно, на основе предварительно собранных данных о находках керамики, батиметрии и морфологии дна в этом районе была предпринята подводно-археологическая разведка в акватории Гудауты с использованием современных технических средств. В связи со значительной площадью районов предстоящей разведки, а также характером дна (в данном случае донная поверхность достаточно ровная, состоящая из песка и плотного ила) использовался гидролокатор бокового обзора (ГБО). Современный гидролокатор (ГБО), излучая с помощью антенны направленный акустический импульс перпендикулярно направлению движения судна, отображает морскую среду под судном. Дно и другие объекты

отражают некоторую часть этой звуковой энергии обратно по направлению к антенне ГБО, время прихода отраженного сигнала записывается вместе с его интенсивностью. Принятые отражения от дна и объектов на нём эхо-сигналов на экране монитора компьютера формируют акустическую «фотографию» – изображение дна в виде двух полос вдоль хода судна. Формирование акустического изображения обусловлено тем, что по мере распространения в воде акустический сигнал рассеивается на любой неоднородности. Коэффициент рассеяния у разных типов грунтов и предметов различен. Это приводит к тому, что интенсивность эхосигналов от различных участков дна также будет различной, что отображается на акустическом изображении различной яркостью точек. Возвышающиеся над дном объекты создают тени, что также помогает в их выявлении и идентификации. Вся информация о сканируемом подводном пространстве поступает в компьютер, который обеспечивает ее обработку, отображение в реальном времени и архивирование. Различные поверхности и материалы, из которых состоят объекты, имеют разную акустическую отражающую способность. Обычно, чем больше плотность материала по отношению к плотности воды и его жесткость (твердость), тем больше звука этот материал отражает, что выделяется на мониторе более ярким цветом. Заиленное дно обычно отображается минимальной яркостью (близкой к яркости фоновому цвету), так как ил очень хорошо поглощает звук. Для отображения полученной акустической «фотографии» дна часто используется черно-белая (серая) палитра, в которой низкая интенсивность отраженного сигнала соответствует черному цвету, высокая интенсивность – белому.

Для работ в акватории Гудауты использовался современный гидролокационный комплекс (ГБО) «Гидра» российского производства Н5se3 со встроенным промерным эхолотом. Частота работы ГБО составляла 300 кГц. Данный ГБО позволяет осуществлять эффективное сканирование морского дна на глубинах от 2 до 70 м (максимально до 120 м), с полосой захвата до 5–7 значений текущей глубины с каждого борта (до 550 м с двух бортов), фиксировать объекты на дне с разрешающей способностью от 7,5 см; минимальный размер объекта для обнаружения составляет от 10 см, минимальная степень возвышения над рельефом дна – от 20 см.

В ходе работ на траверзе Гудауты на глубинах 40–60 м были обследованы три района общей площадью 16,5 км², выявлено 97 подводных целей, обследование которых с использованием водолазной группы и телеуправляемого необитаемого подводного аппарата (ТНПА) запланировано на сезоны 2023–2024 гг.

С применением того же гидролокатора был обследован и район в акватории Нового Афона общей площадью 0,3 км², где выявлена 31 подводная цель, одна из которых – крупное затонувшее судно (рис. 3). Для визуального обследования этого объекта был использован телеуправляемый необитаемый подводный аппарат Chaising M2. Металлическое судно длиной 80 м представляет сухогруз. Клепанный корпус и обводы позволяют предположительно датировать время постройки корабля концом XIX – началом XX вв. Архивные материалы заставляют полагать, что он затонул в 1917 г. во время боевых действий на Черном море между российским и германо-турецким флотах. Так известно, что 22 ноября 1917 г. на рейде Нового Афона германская подводная лодка UB-42 торпедировала и потопила «Транспорт № 98» русского флота (бывший итальянский «SIRACUSA») водоизмещением

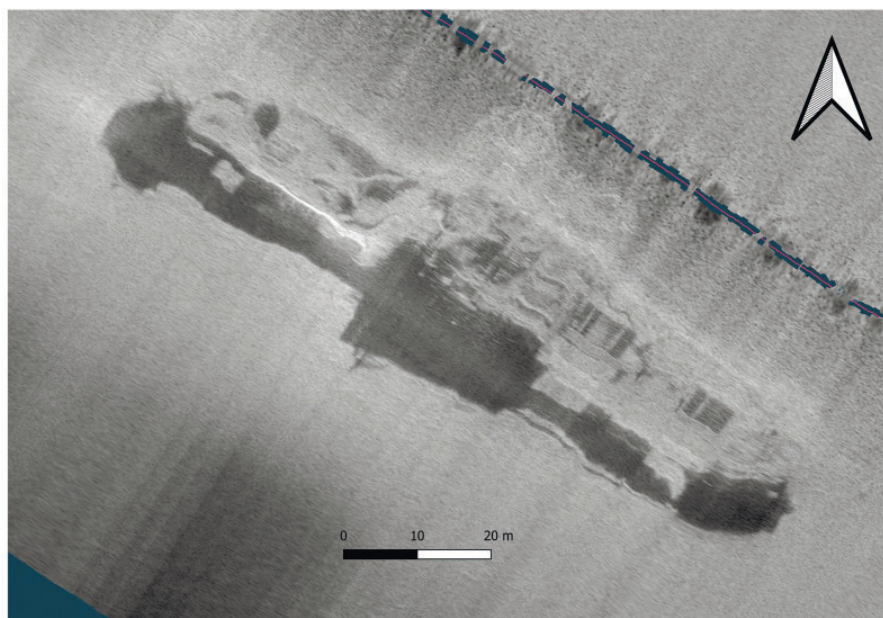

Рис. 3. Сонаграмма затонувшего судна у Нового Афона.

Fig. 3. Sonogram of a ship that sank near New Athos.

Рис. 4. План-схема района проведения исследований в акватории Сухума.

Fig. 4. Plan of the research area in the water area of Sukhum.

1068 брт. (79,41 x 10,7 x 4,2 м); при этом погибло 24 человека, находившихся на его борту. По другой версии, это может быть транспорт № 72, «Флорида» водоизмещением 3228 брт., потопленный 10 июля 1916 г. немецкой подводной лодкой U-38⁸. Уточнить название и время гибели судна позволит его дальнейшее обследование.

Следующим районом работы экспедиции стала акватория Сухума. До сих пор дискутируется вопрос о локализации Диоскурии⁹. Некоторые исследователи высказывают предположение о возможном местонахождении остатков города на дне Сухумской бухты¹⁰. На берегу Сухумской бухты же находится римский Себастополис¹¹. С целью выявления предполагаемых строительных остатков античного или более позднего времени в акватории Сухумской бухты были проведены исследования с применением гидролокатора бокового обзора и профилографа. В данном случае использовался прибор серии «Гидра» с частотой работы 700 кГц. ГБО обеспечивает высококачественное изображение морского дна с фотографическим качеством в реальном времени в полосе обзора до 230 м (на оба борта), диапазон обследуемых глубин от 1 до 20 м (максимально до 40 м), разрешение 1 см. Использовался также донный профилограф Н5р3d, предназначенный для исследования слоистой структуры дна, поиска объектов в толще осадков (проникновение в грунт до 10 м) при глубинах (толща воды) до 20 м, разрешение по дальности до 20 см. Система профильных поисковых галсов совпадала с системой галсов обследования гидролокатором бокового обзора. Данные приборы позволяют измерять глубину и наблюдать на мониторе в реальном времени подводные объекты и характер дна в двухмерной проекции с привязкой к географическим координатам, производить запись полученного изображения. Для привязки пройденных профилей и обнаруженных целей к карте применялись приемники спутниковых навигационных систем GPS, ГЛОНАСС.

В ходе проведенных исследований в акватории Сухума на глубинах от 1 м до 7 м были обследованы два района общей площадью 0,641 км² (рис. 4), выявлено 135 перспективных подводных целей. У устья р. Беслетки, где в 1953 г. в море на глубине 2 м был обнаружен мраморный барельеф конца V – IV в. до н.э.¹², на морском дне были зафиксированы остатки строений на глубине 2,4 м. Они представляют собой крупные фрагменты кладки (часть из которых полукруглой формы), состоящей из необработанных окатанных камней на цементном растворе (рис. 5). По-видимому, это фрагменты фортификационного или гидротехнического сооружения, возможно, средневекового периода. Детальное обследование обнаруженных целей в данном районе с привлечением водолазной группы запланировано на сезоны 2023–2024 гг.

Следующим районом обследования морского дна с использованием гидролокатора бокового обзора стала акватория в районе Очамчиры. Исследованный район примыкает с запада к античному городу и ранневизантийскому поселению Гиенос на северо-западной окраине современной Очамчиры, в 5 км от ее центра¹³.

⁸ Ёлкин 2017.

⁹ Иващенко 1926; Гулиа 1934; Воронов 1974; Скаков, Джоупа 2004; Джоупа и др. 2004.

¹⁰ Цецхладзе 1997.

¹¹ Шервашидзе, Соловьев 1960.

¹² Трапш 1954.

¹³ Скаков 2013; Скакова и др. 2021.

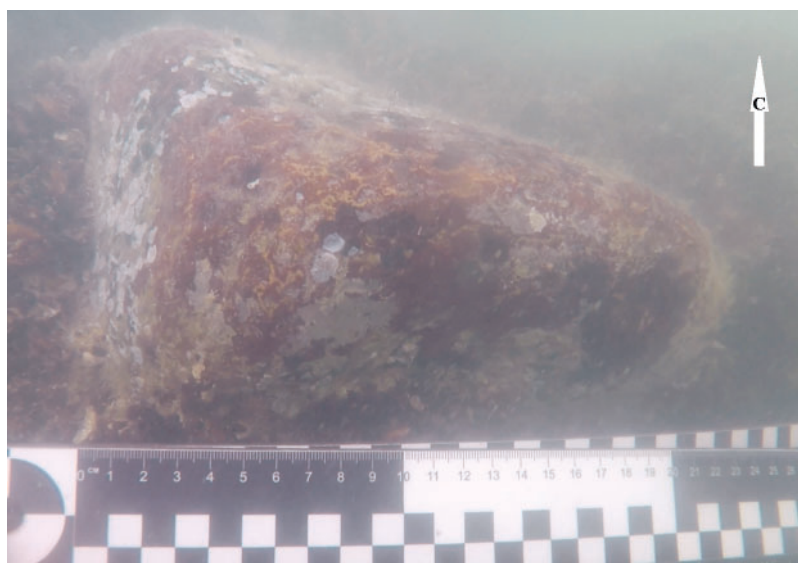

Рис. 5. Фрагмент кладки сооружения, зафиксированного в акватории Сухума.
Fig. 5. Fragment of masonry of structure, fixed in the water area of Sukhum.

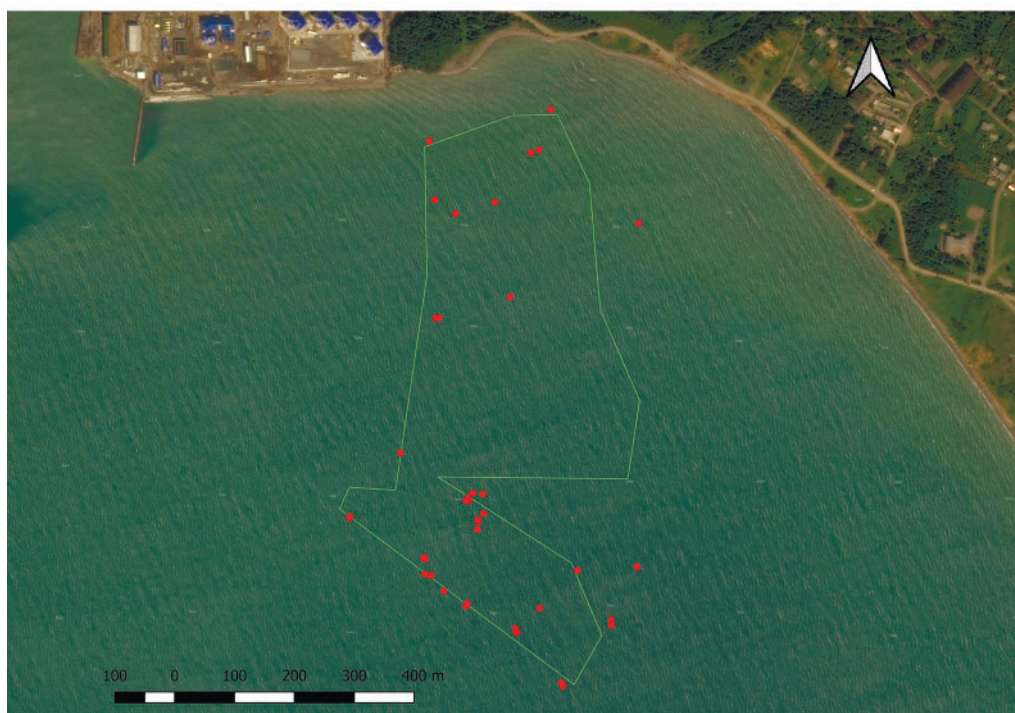

Рис. 6. План-схема района проведения исследований в акватории Очамчиры.
Fig. 6. Plan of the research area in the water area of Ochamchira.

В этом месте наблюдается значительное волновое воздействие на берег и сильные абразивные процессы; возможно, что часть поселения Гиенос в настоящее время в результате абразии берега находится на морском дне. В данном случае, так как глубины не превышают 6 м, применялся гидролокатор серии «Гидра» с частотой работы 700 кГц. Было обследовано два района морского дна на глубинах 1,2–6 м общей площадью 0,25 км², где выявлено 42 перспективных подводных цели (рис. 6).

Итак, результатом проведенных работ МРАПАЭ стало обследование значительных площадей морского дна в акватории Республики Абхазия и выявление перспективных целей, которые будут изучены в сезоны 2023–2024 гг. Одновременно с проведением подводно-археологических исследований в рамках экспедиции осуществлялись работы по оцифровке коллекций Абхазского государственного музея и созданию виртуальной экспозиции музея, где предполагается экспонирование 3D-моделей уникальных археологических, этнографических и исторических объектов из музейного собрания. Кроме того, проведены работы по созданию цифровых двойников христианских абхазских храмов византийского периода и эпохи Абхазского царства. Данную деятельность осуществляли студенты и преподаватели СевГУ в рамках работы летней полевой археологической школы «Цифровые методы исследований в современном регионоведении».

Подводно-археологические исследования в Республике Абхазия являются частью большого проекта по сотрудничеству СевГУ и ИВ РАН с учреждениями науки, культуры и образования Республики Абхазия в рамках крупного проекта по изучению истории мореплавания, судостроения и морской торговли в регионе Большого Средиземноморья в древности и средневековье. В ближайшие годы планируется организация и проведение дальнейших планомерных совместных подводно-археологических исследований в Республике Абхазия.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д. 1960: *Отчет подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 года*. НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 775.
- Блаватский, В.Д. 1961: Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. *СА* 1, 277–279.
- Воронов, Ю.Н. 1974: О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). В сб.: *Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии*. Сухум, 24–38.
- Воронов, Ю.Н. 1980: *Диоскуриада – Севастополь – Цхум*. М.
- Гриневич, К.Э. 1931: *Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–1931 гг.* М.
- Гулиа, Д.И. 1934: Сухум – не Диоскурия. В сб.: *Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения* II. Сухум, 83–97.
- Джопуа, А.И., Ксенофонтова, И.В., Эрлих, В.Р., Шамба, Г.К. 2004: Новые находки археологической греческой керамики из района Диоскурии. В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. СПб., 51–56.
- Ёлкин, А.В. 2017: *Атлас затонувших судов Черного и Азовского морей* – 2. Тольятти.
- Зеленко, С.М. 2008: *Подводная археология Крыма*. Киев.
- Зеленко, С.М. 2001: Кораблекрушение IX–XI вв. в Судакской бухте. В сб.: М.І. Гладких (ред.), *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Киев, 82–92.

- Золотарев, М.И. 1975: Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса. В сб.: П.О. Карышковский (отв. ред.), *150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тезисы докладов*. Киев, 140–141.
- Иващенко, М.М. 1926: К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. *Известия Абхазского научного общества* IV. Сухум, 93–104.
- Кадеев, В.И. 1964: *Подводные исследования в Херсонесе. 1964 г.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 1400.
- Кадеев, В.И. 1965: *Подводные исследования в Херсонесе. 1965 г.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 1189.
- Кадеев, В.И. 1966: *Подводные исследования в Херсонесе. 1966 г.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 1606.
- Лебединский, В.В. 2001: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2001 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3536.
- Лебединский, В.В. 2002: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2002 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3639.
- Лебединский, В.В. 2003: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2003 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3809.
- Лебединский, В.В. 2004: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2004 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3810.
- Лебединский, В.В. 2005: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2005 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3911.
- Лебединский, В.В. 2006: *Отчет о подводных археологических исследованиях в акватории, прилегающей к административной территории г. Севастополя в 2006 году.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 3918.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. Москва–Саратов.
- Пейчев, В.Д., Димитров, Д.П. 2012: *Океанология*. Варна.
- Порожанов, К., Лазаров, М. 2005: Подводная археология в Бългaрия и древната морска история на Западното Черноморие. В сб.: *Началото*. София, 202–221.
- Романчук, А.И., Сазанов, А.В., Седикова, Л.В. 1995: *Амфоры из комплексов Византийского Херсона*. Екатеринбург.
- Скаков, А.Ю. 2013: Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников. *Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья*. Т. 1. Абхазия. М., 23–75.
- Скаков, А.Ю., Джопуа, А.И. 2004: Комплексы второй половины V – IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии. *БИ* 7, 27–46.
- Скакова, И.В., Скаков, А.Ю., Джопуа, А.И. 2021: Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. В сб.: В.Н. Чхаидзе (отв. ред.), *Byzantino Caucasica* 1. М., 9–53.
- Соловьев, Л.Н. 1947: Диоскурия – Севастополис – Цхум. *Труды Абхазского государственного музея* 1, 99–148.
- Тончева, Г. 1970: Подводни проучвания по западното черноморско крайбрежие. *Podvodni svyat* 6, 10–15.
- Трапш, М.М. 1954: Мраморный барельеф из Сухуми. *ВДИ* 1, 163–165.
- Цеховой, А.И. 1962: *Отчет о работе археологической экспедиции в районе Херсонеса в августе 1962 г.* НАО ГИАМЗ ХТ. Д. 819.
- Цецхладзе, Г.Р. 1997: Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 1. VI – начало V в. до н.э. *ВДИ* 2, 100–116.

- Шервашидзе, Л.А. 1967: *Повесть о городе, взятом волнами*. Сухуми.
- Шервашидзе, Л.А., Соловьев, Л.Н. 1960: Исследование древнего Севастополя. *СА* 3, 171–180.
- Yanko-Hombach V., Gilbert A.S., Panin N., Dolukhanov P.M. 2007: *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement*. Berlin.

REFERENCES

- Blavatskiy, V.D. 1960: *Otchet podvodnoy Azovo-Chernomorskoy ekspeditsii v 1960 g.* [Report on the Underwater Azov-Pontic Expedition in 1960]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”]. Folder 775.
- Blavatskiy, V.D. 1961: Podvodnye raskopki Fanagorii v 1959 g. [Underwater excavations in Phanagoria in 1959]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 277–279.
- Dzhopua, A.I., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R., Shamba, G.K. 2004: Novye nakhodki arkheologicheskoy grecheskoy keramiki iz rayona Dioskurii [New finds of archaeological Greek pottery from the outskirts of Dioscurias]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy Phenomen: Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsyi* [Bosporan Phenomen: Problems of Chronology and Dating of Sites. Materials of the International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 51–56.
- Elkin, A.V. 2017: *Atlas zatonyvshikh sudov Chernogo i Azovskogo Morey – 2* [Atlas of Shipwrecks in the Black and Azov Seas – 2]. Tolyatti.
- Grinevich, K.E. 1931: *Issledovanie podvodnogo goroda blis khersonesskogo mayaka v 1930–1931* [Exploration of the Underwater City Near the Chersonesus Lighthouse in 1930–1931]. Moscow.
- Gulia, D.I. 1934: Sukhum – ne Dioskuria [Sukhum is not Dioscurias]. In: *Trudy Abkhazskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya* [Proceedings of the Abkhazian Research Institute of Local Lore] 2, 83–97.
- Ivashchenko, M.M. 1926: K voprosu o mestonahozhdenii Dioskurii drevnikh [On the question of the location of the Dioscuria of the Ancients]. In: *Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obshchestva* [Transactions of the Abkhaz Scientific Society] 4. Sukhum, 93–104.
- Kadeev, V.I. 1964: *Podvodnye issledovaniya v Khersonese. 1964* [Underwater research in Chersonesus. 1964]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”]. Folder 1400.
- Kadeev V.I. 1965: *Podvodnye issledovaniya v Khersonese. 1965* [Underwater research in Chersonesus. 1965]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”]. Folder 1189.
- Kadeev V.I. 1966: *Podvodnye issledovaniya v Khersonese. 1966* [Underwater research in Chersonesus. 1966]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”]. Folder 1606.
- Lebedinsky, V.V. 2001: *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilagaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2001 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2001]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival

- Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3536.
- Lebedinsky, V.V. 2002: *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilegaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2002 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2002]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy" [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3639.
- Lebedinsky, V.V. 2003: *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilegaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2003 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2003]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy" [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3809.
- Lebedinsky, V.V. 2004: *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilegaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2004 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2004]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy" [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3810.
- Lebedinsky, V.V. 2005: *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilegaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2005 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2005]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy" [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3911.
- Lebedinsky V.V. 2006. *Otchet o podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v akvatorii prilegaushchey k administrativnoy territorii goroda Sevastopolya v 2006 godu* [Report on underwater archaeological research in the water area adjacent to the administrative territory of Sevastopol in 2006]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy" [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Taurian Chersonesus"]. Folder 3918.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomori'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog Opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from the Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Peychev, V.D., Dimitrov, D.P. 2012: *Okeanologiya* [Oceanology].
- Porozhanov, K., Lazarov, M. 2005: Podvodnata arkheologiya v B'lgariya i drevnata morska istoriya na Zapadnoto Chernomorie [Underwater Archaeology in Bulgaria and Ancient Maritime History on the Western Black Sea]. In: *Nachaloto* [The Beginning]. Sofia, 202–221.
- Romanchuk, A.I., Sazanov, A.V., Sedikova, L.V. 1995: *Amphory iz kompleksa vizantiyskogo Khersona* (Amphorae from the Byzantine Cherson complexes). Yekaterinburg.
- Shervashidze, L.A. 1967: *Povest' o gorode, vzyatom volnami* (The Tale of the City Swallowed by the Waves). Sukhumi.
- Shervashidze, L.A., Soloviev, L.N. 1960: Issledovanie drevnego Sebastopolisa [Research at ancient Sebastopolis]. *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) 3, 171–180.

- Skakov, A.Yu. 2013: Abkhaziya v antichnosti: popytka analiza pis'mennykh istochnikov [Abkhazia in antiquity: an attempt to analyze written sources]. In: A.Yu. Skakov (ed.) *Uchenye zapiski tsentra izucheniya Tsentral'noy Azii, Kavkaza i Uralo-Povozh'ya*. 1. Abkhaziya [Scientific Notes of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region. 1. Abkhazia]. Moscow, 23–75.
- Skakov, A.Yu., Dzhopua, A.I. 2004: Kompleksy vtoroy poloviny V–IV vv. do n.e. s bronzovymi “egretkami” iz Abkhazii [Complexes of the second half of the 5th – 4th centuries BC with bronze “aigrettes” from Abkhazia]. In: *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 7. Simferopol, 27–46.
- Skakova, I.V., Skakov, A.Yu., Dzhopua, A.I. 2021: Plinfa rannesrednevekovogo khrama v Gienose (g. Ochamchira, Respublika Abkhaziya): publikatsiya materialov raskopok 2019–2021 gg. [Plinth from the early medieval temple in Gienos (Ochamchira, Republic of Abkhazia): publication of materials from excavations 2019–2021]. In V.N. Chkhaidze (ed.), *Byzantino Caucasica*. 1. Moscow, 9–53.
- Soloviev, L.N. 1947: Dioskuriya – Sebastopolis – Tskhum [Dioscurias – Sebastopolis – Tskhum]. In V.K. Khubulava (ed.), *Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogo museya* [Proceedings of the Abkhaz State Museum] 1, Sukhumi, 99–148.
- Toncheva, G. 1970: Podvodni prouchvaniya po zapadnoto chernomorsko kraybrezhie [Underwater Explorations along the Western Black Sea Coast]. *Podvoden svyat* [Underwater World] 6, 10–15.
- Trapsh, M.M. 1954: Mramornyy barel'ef iz Sukhumi [Marble bas-relief from Sukhumi]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 1, 163–165.
- Tsekhover, A.I. 1962: *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii v rayone Khersonesa v avguste 1962* [Report on the Work of an Archaeological Expedition in the Chersonesus Region in August 1962]. Nauchno-arkhivnyy otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo museya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy” [Scientific and Archival Department of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Taurian Chersonesus”]. Folder 819.
- Tsetskhladze, G.R. 1997: Grecheskoe proniknovenie v Vostochnoe Prichernomor'e: nekotorye itogi izucheniya. 1. VI – nachalo V v. do n.e. [Greek penetration into the Eastern Black Sea region: some results of the study. 1. The 6th – beginning of the 5th century BC]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 2, 100–116.
- Voronov, Yu.N. 1974: O dinamike beregov Sukhumskoy buhty v istoricheskie vremena (v svyazi s problemoy lokalizatsii Dioskuriady) [On the dynamics of the shores of Sukhumi Bay in historical times (in connection with the problem of localization of Dioscurias)]. In: *Sbornik rabot molodykh uchenykh-istorikov Abkhazii* [Collection of Articles of Young Historians of Abkhazia]. Sukhum, 24–38.
- Voronov, Yu.N. 1980: *Dioskuriada – Sebastopolis – Tskhum* [Dioscurias – Sebastopolis – Tskhum]. Moscow.
- Yanko-Hombach, V., Gilbert, A.S., Panin, N., Dolukhanov, P.M. 2007: *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement*. Berlin.
- Zelenko, S.M. 2001. Korablekrushenie IX–XI vv. v Sudakskoy bukhte [Shipwreck of the 9th–11th centuries in Sudak Bay]. In: M.I. Gladkikh (ed.), *Mor'ska torgivlya v Pivnichnomu Prichornomor'i* [Sea Trade in Northern Black Sea Region]. Kyiv, 82–92.
- Zelenko, S.M. 2008: *Podvodnaya Arkheologiya Kryma* [Underwater Archaeology of the Crimea]. Kyiv.
- Zolotarev, M.I. 1975: Podvodnye arkheologicheskie raboty u zapadnogo berega Streletskoy bukhty bliz Khersonesa [Underwater archaeological work along the western shore of Streletskaya Bay near Chersonesus]. In: P.O. Karyshkovskiy (ed.), *150 let Odesskomu arkheologicheskomu museyu Akademii nauk Ukrainskoy SSR. Tezisy dokladov* [150 years of the Odessa Archaeological Museum of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR: Abstracts]. Kyiv.

THE INTERNATIONAL RUSSIAN-ABKHAZIAN UNDERWATER
ARCHAEOLOGICAL MISSION EXPLORATIONS IN THE WATERS OF
THE REPUBLIC OF ABKHAZIA IN 2021–2022

Viktor V. Lebedinskiy¹, Arkadiy I. Dzhopua², Viktor I. Dvukhshorstnov³,
Yulia A. Pronina⁴

^{1, 4} *Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{1, 3} *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

² *Abkhaz State Museum, Sukhum, Republic of Abkhazia*

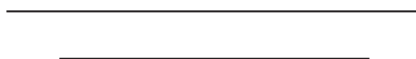
¹ *E-mail: v_lebedinski@mail.ru* ² *E-mail: arkadi101@rambler.ru*

³ *E-mail: vic19741978@Gmail.com* ⁴ *E-mail: julia_pronina@mail.ru*

In 2021–2022, Sevastopol State University, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Abkhaz State Museum conducted international underwater archaeological research in the waters of the Republic of Abkhazia. The work was carried out in four areas, covering a significant part of Abkhazia coast from Gudauta to Ochamchira. The selection of optimal areas for scientific research was made based on an analysis of numerous archaeological materials in Abkhazian museums, as well as taking into account the morphological features of the bottom of the water area and accessibility for scuba divers. Depending on the conditions of offshore work and the assigned tasks, various equipment was used, such as a mobile sonar system (MSS), a profiler, and a remote-controlled uninhabited underwater vehicle. As a result of the work carried out in the waters of Gudauta and New Athos, a large number of underwater targets were identified, one of which, near New Athos, is a large sunken ship of the late 19th – early 20th centuries. In the Ochamchira area, the territory adjacent to the ancient city and the early Byzantine settlement of Gienos was surveyed on the west.

Keywords: Abkhazia, underwater archaeological research, side-scan sonar, profiler, shipwrecks

Acknowledgments: the research is conducted and funded under the “Archeonet” subprogram of the “Priority-2030” program

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 43–60
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 43–60
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-43–60

«ЛОКАЛЬНЫЕ» ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: МАРКЕРЫ СИНХРОНИЗАЦИИ

Е.Е. Антонов

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: antonov.yegor@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5247-2219

В статье предпринята попытка выделить маркеры, которые позволили бы синхронизировать «локальные» периодизации восьми позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму, исследованных широкими площадями. Такие маркеры должны обладать несколькими свойствами: быть хронологическими индикаторами, быть обнаруженными на нескольких памятниках и упоминаться в публикациях и отчетах. Ранее были проведены ревизия атрибуции и датировки находок, а также новый анализ сведений письменных источников и связанной с ними литературы. Это, в частности, позволило установить, что для позднеэллинистического времени маркерами синхронизации могут выступать клейма на ручках родосских амфор, для римского времени – причерноморские амфоры и их фрагменты. Кроме того, что слои разрушений находят соответствие со сведениями о конфликтах, содержащимися в письменных источниках. Это делает возможным уточнение ряда дат. Поздние скифы занимают Северо-Западный Крым с последней трети или четверти II в. до н.э. до начала II в. н.э. При этом часть поселений гибнет уже около 20 г. н.э. Особенности фиксации, отчетов о раскопках и публикаций позволяют синхронизировать «локальные» периодизации только в рамках трех, относительно «широких» этапов длиной около 60–90 лет. На ряде памятников удастся выделить более «узкие» подэтапы продолжительностью около 20–40 лет. Полученная схема может использоваться для датировки тех материалов, возраст которых невозможно определить точнее другими способами.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, позднескифская археологическая культура, поздний эллинизм, римское время, античная хронология

В Северо-Западном Крыму раскопками на широкой площади были исследованы восемь позднескифских поселений. Для большинства из них разработаны

Данные об авторе: Антонов Егор Евгеньевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

свои, «локальные» периодизации на основе наблюдений над стратиграфией, перепланировками и перестройками, с привлечением датирующих находок¹. Но для того, чтобы сравнивать материалы этих раскопок, необходимо установить соответствие между различными «локальными» периодизациями, то есть синхронизировать их. Эта задача решалась с помощью новой атрибуции и датировки всех находок – хронологических индикаторов, сведения о которых приводятся в отчетах и публикациях. При этом учитывались разработки в области хронологии, многие из которых были опубликованы уже после завершения раскопок². Предварительные результаты этой работы опубликованы³. Кроме того, для уточнения датировок были заново разобраны письменные свидетельства о событиях, затронувших Северо-Западный Крым в позднескифское время, и посвященная им литература⁴. Отдельно изучен вопрос о времени появления поздних скифов в регионе⁵ и дате их ухода из него⁶. Дальнейшая работа по анализу жилой застройки их поселений в Северо-Западном Крыму⁷ позволила внести в предложенную схему ряд уточнений. Задачи настоящей работы – обобщить результаты упомянутых исследований, выделить и описать главные находки, которые позволяют синхронизировать «локальные» периодизации (маркеры синхронизации).

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов указанной синхронизации, необходимо сделать замечание о терминологии. Практически каждый исследователь использует для названий разных хронологических отрезков свои термины: «период», «горизонт», «ярус» (сводку см. Таблицу 2). Их определения разные, они в большинстве случаев не приводятся, а, кроме того, иерархия названий хронологических отрезков у каждого ученого различная. Логичным решением при синхронизации было бы введение единой терминологической системы. Но такое новшество привело бы к разрушению авторской иерархии и нумерации, а также запутало и усложнило бы проверку предлагаемой схемы. По этим причинам вместо единого понятийного аппарата приходится использовать новые термины, не примененные еще авторами раскопок. Таких терминов два: *этап* и *подэтап*. Под *этапом* подразумевается сравнительно широкий хронологический период (несколько десятилетий), который при этом археологически различим и прослеживается на большинстве позднескифских поселений Северо-Западного Крыма. *Подэтап* – более мелкий хронологический отрезок, составная часть *этапа*. Под *подэтапом* подразумевается археологически различимый отрезок времени, который прослеживается в периодизации некоторых памятников. Границы большинства подэтапов совпадают с историческими событиями, которые реконструируются по письменным источникам.

¹ Дашевская 1961, 54–56; 1964, 51–54; Дашевская, Голенцов 2004, 35–37; Яценко 1970, 34; 1983, 65; Щеглов 1978, 39; Кутайсов 1990, 27–30; Внуков 1999, 210; 2010, 37–41; 2013, 21; Уженцев 2006, 29–34; Попова, Пежемский, Беловинцева 2015, 99; Попова 2017, 303–304, 305; Антонов 2017а, 230–233; 2018б, 4–5.

² Jefremov 1995; Finkielsztejn 2001; Внуков 2003; 2006; 2016а; Кац 2007.

³ Антонов 2018б.

⁴ Антонов 2019.

⁵ Антонов 2021а.

⁶ Антонов 2020.

⁷ Антонов 2017б; 2021в; 2021г; 2022.

Материалы большинства позднескифских поселений Северо-Западного Крыма возможно синхронизировать в рамках трех археологически различимых этапов. На некоторых из них выделяются подэтапы. И этапы, и подэтапы соотнесены с датами, полученными по письменным источникам. Нужно еще раз подчеркнуть, что при описании этапов и подэтапов упоминаются только «маркеры синхронизации» – только те находки, которые и являются хронологическими индикаторами, и обнаружены на нескольких памятниках, и приводятся в публикациях и отчетах.

Первый этап – около 130/120 – рубеж 60-х–50-х гг. до н.э.⁸ (от занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами до развала Понтийской державы Митридата VI Евпатора).

Маркерами начала этапа выступают родосские клейма IV и V групп. Коллекция таких оттисков из верхних греческих слоев и нижних позднескифских напластований насчитывает 39 экземпляров. Они происходят из раскопок трех поселений: Калос Лимена (16 шт.), Чайки (14 шт.) и Керкинитиды (9 шт.). Родосские эпонимные клейма из позднескифских напластований довольно четко отличаются от тех, что были найдены в греческих слоях (Таблица 1). Так, в позднескифских напластованиях Калос Лимена впервые появляются такие оттиски подгруппы Va (145–133 гг. до н.э.⁹), а в аналогичных слоях Керкинитиды и Чайки – подгруппы Vb (132–121 гг. до н.э.¹⁰). Это как будто говорит о разном времени занятия населенных пунктов¹¹. В целом же эти даты очень близки времени занятия Северо-Западного Крыма, установленному по косвенным сведениям письменных источников и периодизации Неаполя (около 120 г. до н.э.¹²).

В напластованиях этапа I отсутствуют фрагменты светлоглиняных позднегерраклеийских амфор, что позволяет установить его верхнюю хронологическую границу не позднее рубежа 60-х–50-х гг. до н.э.¹³.

В рамках этапа I на некоторых памятниках выделяются три подэтапа: Ia, Ib и Iv. *Подэтап Ia* ограничен временем около 130/120 – около 110 г. до н.э. – это отрезок между занятием Северо-Западного Крыма поздними скифами и началом

⁸ Здесь и далее даты намеренно округлены, см. пояснения в прим. 66.

⁹ Finkielsztejn 2001, 195; Кац 2007, 421.

¹⁰ Finkielsztejn 2001, 195; Кац 2007, 421.

¹¹ В недавней работе В.И. Кац представил совершенно другой взгляд на датировку этого события. По его мнению, Херсонес утратил большинство поселений в Северо-Западном Крыму к концу 180-х гг. до н.э., Калос Лимен был покинут херсонеситами в 160-х гг. до н.э. и занят поздними скифами в 150-х гг. до н.э. (Кац 2022, 348–349). Между тем первый из этих выводов никак не обосновывается, а оставление и захват Калос Лимена базируется на принадлежащем исследователю, но неопубликованном каталоге клейм (Кац 2022, 346, 350–351 табл. 2). В указанной публикации полный список имен родосских эпонимов не приводится, поэтому проверить выводы В.И. Каца невозможно. Осталось неясным, и как распределялись клейма по строительным горизонтам Калос Лимена: В.И. Кац указывает (2022, 346), что на основе его каталога строились выводы в монографии В.Б. Уженцева (2006), но там распределение клейм совершенно другое (Уженцев 2006, 29, 30; Антонов 2021а, 101, 102, табл. 1, 2). Ввиду неполноты доказательств, представленных В.И. Кацем, в настоящей работе предпочтение отдается сведениям В.Б. Уженцева. Предложенная в настоящей работе дата занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами подтверждается и данными нумизматики: именно в последней четверти II в. н.э. в регион практически перестают поступать херсонесские монеты (Внуков 2022а, 78, 79, рис. 1, А). На то, что указанное событие имело место во второй половине II в. до н.э., а не в первой, могут указывать и другие источники (Stolba 2006, 161–164; Ушаков и др. 2017, 238–239).

¹² Антонов 2021а, 100, 103.

¹³ Внуков 2006, 137–139, 167.

Диофантовых войн. Четко подэтап Ia выделяется только на материалах Калос Лимена по стратиграфическим наблюдениям: напластования подэтапа Ia перекрыты слоем и конструкциями, оставленными понтийским гарнизоном¹⁴.

Подэтап Ib – это время присутствия понтийских гарнизонов в Северо-Западном Крыму. Судя по нумизматическим материалам, вывод этих гарнизонов состоялся не ранее 70-х гг. до н.э.¹⁵ В Северо-Западном Крыму сколько-нибудь продолжительно присутствие понтийцев фиксируется только на Кара-Тобе и Калос Лимене¹⁶. На остальных поселениях жизнь продолжалась, поэтому достоверно выделить на них позднескифские строительные остатки, которые бы датировались только подэтапом Ib, невозможно.

Подэтап Iv датируется второй четвертью I в. до н.э. – временем после вывода понтийских гарнизонов из Северо-Западного Крыма. Он достоверно зафиксирован только на материалах Кара-Тобе (горизонт 1в): конструкции этого подэтапа сооружаются в крепости, оставленной понтийцами, ее помещения частично разбираются поздними скифами¹⁷.

По два строительных периода или горизонта, в напластованиях которых отсутствуют фрагменты светлоглиняной тары (то есть датируются временем до рубежа 60-х–50-х гг. до н.э.¹⁸), выделяются еще на трех памятниках: на Чайке (горизонты Ia и Ib¹⁹), на Беляусе (периоды VI и VII²⁰) и на Южно-Донузлавском поселении (периоды II и III раскопа I²¹). Четких оснований для датировки границы между этими отрезками нет. Исходя из исторического контекста, такой

¹⁴ Уженцев 2006, 30.

¹⁵ Так датируется большинство самых поздних понтийских монет из региона (Внуков 2016б, 91; 2022а, 80). Между тем в одной из недавних работ С.Ю. Внуков датировал вывод понтийских гарнизонов из Северо-Западного Крыма временем около 63 г. до н.э., незадолго до или сразу после смерти Митридата VI Евпатора (Внуков 2022а, 81). Такая датировка пока не может считаться доказанной. Во-первых, она строится на основании находки только одной пантикапейской монеты типа «Аполлон/тирс поперек треножника» (Внуков 2022а, 80, рис. 2, 9). Во-вторых, время чеканки монеты спорно. С.Ю. Внуков (2022а, 80) придерживается мнения В.А. Анохина, относившего выпуск к 70–63 гг. до н.э. или даже к 65–63 гг. до н.э. (Анохин 1986, № 215; 1999, 110; 2011, № 1125). Несмотря на то, что схожей точки зрения придерживался А.Н. Зограф (1951, 187, 246, табл. XLIII, 21), существуют и другие датировки – временем Фарнака (Орешников 1887, № 441; Голенко 1960, 36–40, табл. III, 11; Шонов 2019, 275–276, 442, № 455, 456).

¹⁶ Уженцев 2006, 31, 53–54, 97–98, 126–129; Внуков 2007; 2022б.

¹⁷ Внуков 2015, 168, 170–172; Антонов 2017б, 113–114; 2018б, 4.

¹⁸ Внуков 2006, 137–139, 167.

¹⁹ Эти горизонты выделены автором настоящей статьи в рамках первого позднескифского периода Чайки, зафиксированного авторами раскопок (Яценко 1970, 34; 1983, 65; Попова, Пежемский, Беловинцева 2015, 99). Выделение основано на стратиграфических данных. Слои разрушения греческого поселения перекрыты стерильным песком, его прослойка обнаружена под всеми позднескифскими кварталами Чайки (Внуков 1984, 54, 56; Попова 1997, 226; 2004, 23; Попова 2017, 271). Лишь в центральной части, в «цитадели», позднескифские конструкции стоят прямо на слоях разрушения греческих помещений (Внуков 1984, 56; Попова 2017, 264, 267, рис. 13). Следовательно, первые позднескифские сооружения в «цитадели» должны быть выделены в более ранний строительный горизонт Ia. Застройку первого периода вокруг «цитадели» («кварталы») следует выделять в более поздний строительный горизонт Ib. К похожему выводу пришла Е.А. Попова (2017, 263), однако она отдельные горизонты не выделяет.

²⁰ Дашевская, Голенцов 2004, 35–36; Антонов 2018б, 8–9.

²¹ Первоначально О.Д. Дашевская выделяла на Южно-Донузлавском поселении три позднескифских периода (II–IV) (Дашевская 1961, 54–56), но потом добавила еще один (Дашевская 1964, 51–54), из-за чего их нумерация изменилась.

границей могло стать только одно из двух событий: Диофантовы войны и вывод понтийских гарнизонов из Северо-Западного Крыма. Поскольку следов долгого пребывания понтийских войск на Чайке, Беляусе или Южно-Донузлавском поселении нет, можно предполагать, что искомый рубеж – Диофантовы войны. В таком случае горизонт IA Чайки, период VI Беляуса и период II раскопа I на Южно-Донузлавском поселении можно предположительно отнести к подэтапу Ia и датировать временем около 130/120 – около 110 гг. до н.э. Горизонт IB Чайки, период VII Беляуса и период III раскопа I на Южно-Донузлавском поселении следует датировать относительно широко – около 110 – рубеж 60-х–50-х гг. до н.э.

На других позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма строительные остатки, связанные с напластованиями без фрагментов светлоглиняных амфор, можно относить только в целом к этапу I и, следовательно, датировать в сравнительно широких временных рамках – примерно между 130/120 гг. и рубежом 60-х – 50-х гг. до н.э. Такие строительные остатки обнаружены в Керкинителиде (горизонт A1²²), к этому же времени следует относить возможное использование поздними скифами укреплений Тарпанчи²³ и Кульчука²⁴.

Второй этап. Рубеж 60-х–50-х гг. до н.э. – около 20 г. н.э. (от развала Понтийской державы Митридата VI до предполагаемой экспедиции Аспурга).

Маркером начала этапа является появление фрагментов позднегераклейских светлоглиняных амфор²⁵. В случаях, когда их разновидности возможно определить, они представлены вариантом C Ia²⁶ и типом C II²⁷.

Маркеры окончания этапа: появление разновидностей амфор Син IVa (появляются в конце I в. до н.э.²⁸), C Ib (появляются в 10-х гг. I в. н.э.²⁹), C IVZ (появляются в начале I в. н.э.³⁰), отсутствие фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор (появляются во второй четверти I в. н.э.³¹).

На двух поселениях – Чайке и Кара-Тобе – в рамках этапа возможно выделение более узко датированных подэтапов: Па и Пб. К этапу Па относятся строительный период II Чайки³² и горизонты 2А и 2В Кара-Тобе³³, к этапу Пб – период III

²² Горизонты A1 и A2 Керкинителиды выделены автором настоящей работы в рамках периода А хронологической схемы В.А. Кутайсова (Кутайсов 1990, 27–30). Горизонт IA представлен четырьмя позднескифскими домами и четырьмя полуземлянками, открытыми раскопками 1980-х гг. В их заполнении отсутствуют фрагменты псевдокосских светлоглиняных амфор (Антонов 2017б, 111–112; 2018б, 5), что позволяет их датировать временем до рубежа 60-х и 50-х гг. до н.э. (Внуков 2006, 137–139, 167). К горизонту IB следует относить как минимум дом IV, где такие фрагменты были обнаружены (Антонов 2017б, 111–112; 2018б, 5). Соответственно, этот дом существовал после указанной даты.

²³ Антонов 2018а, 59; 2021б, 119.

²⁴ Ланцов 2010б, 149; 2012, 82.

²⁵ Внуков 2006, 137–139, 167.

²⁶ Внуков 2003, 95–96.

²⁷ Внуков 2003, 96–102.

²⁸ Внуков 2003, 149; 2006, 160, 167; Vnukov 2010, 364.

²⁹ Внуков 2003, 95–96; 2006, 153, 167.

³⁰ Внуков 2016а, 38–39, 41.

³¹ Внуков 2003, 117–118; 2006, 153–157, 167; 2016а.

³² Внуков 1984, 68; Попова 1991, 41, 69; Попова и др. 2015, 99; Антонов 2018б, 6.

³³ Антонов 2017а, 225–227, 230–232.

Чайки³⁴ и горизонты 2С и 2D Кара-Тобе³⁵. Хронологическим маркером, разделяющим подэтапы, выступает появление сосудов типа С III³⁶: они отсутствуют в напластованиях подэтапа IIa и появляются только в слоях подэтапа IIb³⁷. Появление сосудов типа С III датируется временем около 20–15 гг. до н.э.³⁸. Для простоты в дальнейшем эта дата будет обозначаться как «около 20 г. до н.э.».

На остальных поселениях Северо-Западного Крыма (кроме Чайки и Кара-Тобе) в наслоениях и строительных остатках в настоящее время с использованием доступных материалов невозможно выделить подэтапы в рамках второго этапа. К этому этапу относятся ярус СЗ Калос Лимена³⁹, горизонт А2 Керкинитиды⁴⁰, позднескифские строительные остатки в северо-восточном углу усадьбы 2 и к югу от башни 2 на Кульчуке⁴¹. Кроме того, к этапу II можно предположительно отнести период VIII Беяуса⁴² и период IV раскопа I Южно-Донузлавского поселения⁴³. Они датируются, таким образом, сравнительно широко: рубеж 60-х–50-х гг. до н.э. – около 20 г. н.э.

На Тарпанчи строительные остатки этапа II не выделяются.

Окончание этапа II маркируется следами разрушений и пожаров в Калос Лимене⁴⁴, на Кульчуке⁴⁵, Кара-Тобе⁴⁶ и на некоторых участках Чайки⁴⁷. Эти следы связываются с предполагаемой экспедицией Аспурга⁴⁸. После нее три поселения не восстанавливаются – более поздних античных строительных остатков нет на Кульчуке, Чайке, в Керкинитиде⁴⁹.

Третий этап. Около 20 г. н.э. – начало II в. н.э. (от предполагаемой экспедиции Аспурга до запустения поселений Северо-Западного Крыма).

Индикатором *начала этапа* выступает появление самой ранней разновидности светлоглиняных узкогорлых амфор – подварианта С IV_A₁ (вторая четверть I в. н.э.⁵⁰).

Индикатором *окончания этапа* является появление амфор подварианта С IV_B₂ (датируются началом – 140-ми гг. н.э.⁵¹), а также отсутствие амфор варианта С IV_C (появляются во второй четверти II в. н.э., до 140 гг.⁵²).

³⁴ Антонов 2018б, 6.

³⁵ Антонов 2017а, 227–230, 230–231, 232.

³⁶ Внуков 2003, 102–117.

³⁷ Яценко 1970, 35; Внуков 1979, 36, 68–69; Попова 1991, 51; 2017, 314; Антонов 2015, 171; 2017а, 251–252.

³⁸ Внуков 2006, 140–141, 167.

³⁹ Уженцев 2006, 31–32.

⁴⁰ См. прим. 22.

⁴¹ Антонов 2021в, 354.

⁴² Дашевская, Голенцов 2004, 34–37; Антонов 2018б, 9.

⁴³ Дашевская 1964, 52–54.

⁴⁴ Уженцев 2006, 32.

⁴⁵ Ланцов 2010а, 263; 2010б, 146.

⁴⁶ Внуков 1997, 41–46; 2006, 118; Vnukov 2001, 173; Лагутин 1999, 205–206; Lagutin 2000, 44–46.

⁴⁷ Яценко 1969, 292–293; Попова, Коваленко 2005, 87, 92.

⁴⁸ Раевский 1973, 116, 117; Пуздровский 1992, 129; Пуздровский 2001, 101; Колтухов 1993, 218; Внуков 1997, 41–46; Vnukov 2001, 173; Зубарь 1998, 29–30; Лагутин 1999, 205–206; Lagutin 2000, 44–46; Сапрыкин 2002, 217–218.

⁴⁹ Антонов 2020, 185–187.

⁵⁰ Внуков 2003, 127; 2006, 153–157, 167.

⁵¹ Внуков 2016а, 41.

⁵² Внуков 2006, 150, 163–166, 167; 2016а, 41, 43, 44.

В рамках этапа III выделяются два подэтапа: IIIa и IIIб. К подэтапу IIIa относятся ярус С4 Калос Лимена⁵³ и период III Кара-Тобе⁵⁴. К подэтапу IIIб относятся ярус С5 Калос Лимена⁵⁵, период IV Кара-Тобе⁵⁶ и «дом с контрфорсами» Тарпанчи⁵⁷. Маркерами начала *подэтапа IIIб* выступают сосуды подварианта С IVa₂ (60-е гг. – конец I в. н.э.⁵⁸), типа Син II (появляются с последней четверти I в. н.э.⁵⁹), подварианта Кх IC₁ (с последней четверти I в. н.э.⁶⁰). Граница между подэтапами IIIa и IIIб проходит, таким образом, около 60-х гг. до н.э. Поскольку на Калос Лимене и Кара-Тобе окончание подэтапа IIIa сопровождается следами разрушений⁶¹, то оно может быть связано с предполагаемой экспедицией Т. Плавтия Сильвана, а дата уточнена до 60-х гг. н.э.⁶².

В целом к этапу III можно предположительно отнести период IX Беляуса⁶³ и период V раскопа I Южно-Донузлавского поселения⁶⁴. Эти периоды можно датировать только сравнительно «широко»: промежутком времени от примерно 20 г. н.э. до начала II в. н.э.

Датировка других узкодатируемых находок предложенной периодизации не противоречит⁶⁵.

Подведем итог. Синхронизация строительных остатков, открытых на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма, а также сопоставление этой схемы со сведениями письменных свидетельств позволяют наметить такую периодизацию⁶⁶:

Этап I. Около 130/120 г. до н.э. – рубеж 60-х–50-х гг. до н.э. (от занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами до развала Понтийской державы Митридата VI).

Подэтап Ia: около 130/120 г. до н.э. – около 110 г. до н.э. (до походов Диофанта).

Подэтап Ib: около 110 г. до н.э. – 70-е гг. до н.э.

Подэтап Iv: 70-е–60-е гг. до н.э.

Этап II. Рубеж 60-х–50-х гг. до н.э. – около 20 г. н.э. (от развала Понтийской державы Митридата VI до предполагаемой экспедиции Аспурга).

⁵³ Уженцев 2006, 32–33.

⁵⁴ Внуков 1999, 210; 2013, 21; Антонов 2021г, 11.

⁵⁵ Уженцев 2006, 33–34.

⁵⁶ Внуков 1999, 210; 2013, 21; Антонов 2021г, 13–14.

⁵⁷ Антонов 2018а, 59.

⁵⁸ Внуков 2003, 127; 2006, 157–158, 161–162, 167; 2016а, 44.

⁵⁹ Внуков 2003, 133–141; 2006, 167; Vnukov 2010, 365–366.

⁶⁰ Внуков 2003, 193–194; 2006, 161–162, 168.

⁶¹ Vnukov 2001, 173–175; Уженцев 2006, 33.

⁶² Антонов 2019, 37–39.

⁶³ Дашевская, Голенцов 2004, 37; Антонов 2018б, 9.

⁶⁴ Дашевская 1964, 54.

⁶⁵ Антонов 2018а; 2018б; 2020.

⁶⁶ Даты в этой схеме намеренно округлены до 5–10 лет. Вызвано это двумя причинами. Во-первых, точность датировок по археологическим материалам, достижимая на современном этапе, позволяет пренебречь разницей в 5–10 лет. Во-вторых, использование точных диапазонов дат или округления до четверти или трети столетия было бы неэкономным и привело бы к созданию излишне громоздких конструкций (например, полная датировка подэтапа IIIa в точном выражении выглядела бы так: между 16 и 23 гг. н.э. – между 63 и 66 гг. н.э., а «округленная» датировка этого подэтапа как «конец первой четверти I в. н.э. – начало последней трети I в. н.э.»).

Таблица 1. Родосские эпонимные клейма из верхних «греческих» и нижних «позднескифских» слоев поселений в Северо-Западном Крыму.

Группа или подгруппа ⁶⁷	Эпоним	Дата (ок., гг. до н.э.)	Чайка. Греческие периоды III–V ⁶⁸	Калос Лимен. Верхние полы греческого яруса B4 ⁶⁹	Калос Лимен. Позднескифский ярус C1 ⁷⁰	Чайка. Позднескифские слои ^{71,72}	Керкинитида. Позднескифский период A ⁷³
III	Аратофан I	169–167	+	–	–	–	–
IVa	Горгон	160–153	–	–	+	–	–
IVb	Павсаний III	152	–	+	–	–	–
	Питоген	152–146	–	+	–	–	–
	Ксенофант II	151	+	–	–	–	–
Va	Анаксандр	143/142	–	–	+	–	–
	Архем	134/133	–	–	+	–	–
Vb	Андроник	132	–	–	–	+	–
	Тисамен	132–121	+	–	–	–	–
	Тимотей	128	–	–	–	+	–
	Полиарат II	125	–	–	+	+	+
	Архин	120	–	–	–	–	+
Vc	Еванор	119	–	–	–	+	–
	Аристопол	118	–	–	–	–	+
	Архибий	115	–	–	–	–	+
	Аристоном	107–88/87	–	–	+	–	–
VI	Архемброт II	107–88/86	–	–	–	–	+
	Никомех	107–88/86	–	–	–	+	–

⁶⁷ Finkielstejn 2001, 192, 193, 195, 196; Кац 2007, 420–421.

⁶⁸ Попова 2007, 10, 11, 24, 25.

⁶⁹ Уженцев 2006, 29.

⁷⁰ Уженцев 2006, 30.

⁷¹ Попова 2017, 305.

⁷² В таблице Е.А. Поповой (2017, 35) под №6 указано еще одно эпонимное родосское клеймо, однако оно определено ошибочно: на самом деле это книдское клеймо, включенное в каталог Н.В. Ефремова (Jefremov 1995, 198).

⁷³ Кутайсов 1990, 29–30.

Таблица 2. Синхронизация строительных остатков позднескифских поселений Северо-Западного Крыма.

Исторические периоды	До походов Диофанта	До вывода пограничных гарнизонов	До смерти Митридата VI	До военной акции Аспурга	До похода Т. Плавтия Сильвана	До запустения региона
Даты	Ок. 130/120 – ок. 110 гг. до н.э.	Ок. 110 г. до н.э. – не ранее 80–70-х гг. до н.э.	70-е – 60-е гг. до н.э.	Рубеж 60-х – 50-х гг. до н.э. – ок. 20 г. н.э.	Ок. 20 г. н.э. – ок. 65 г. н.э.	Ок. 65 г. н.э. – нач. II в. н.э.
Керкинитида	Горизонт А1			Горизонт А2		
Чайка	Период I	Горизонт IB		Период II	Период III	
	Горизонт IA					
Кульчук	Отдельные конструкции, использование греческих укреплений (?)			Помещения в СВ углу усадьбы №2 и к Ю от башни №2		
Калос Лимен	Ярус C1	Ярус C2		Ярус C3	Ярус C4	Ярус C5
Кара-Тобе		Период I		Период II	Период III	Период IV
		Горизонты Ia и Ib	Горизонт Ib	Горизонты A-B		
Южно-Донузлавское	Периоды II и (?) III			Периоды IV и V		
Беляус	Периоды VI (?) и VII			Период VIII (?)		
Тарпанчи	Использование греческих (?) укреплений, ров			Период IX (?)		
Подэтапы	Ia	Ib	Iв	IIa	IIb	IIIa
Этапы	I	II		III		
						«Дом с контрфорсами» IIIб

Подэтап IIa: рубеж 60-х–50-х гг. до н.э. – около 20 г. до н.э.

Подэтап IIб: около 20 г. до н.э. – около 20 г. н.э.

Этап III. Около 20 г. н.э. – начало II в. н.э. (от предполагаемой экспедиции Аспурга до запускания поселений Северо-Западного Крыма).

Подэтап IIIa: около 20 г. – около 65 г. н.э. (до предполагаемой экспедиции Т. Плавтия Сильвана).

Подэтап IIIб: около 65 г. н.э. – начало II в. н.э.

Графически синхронизация строительных периодов различных позднескифских памятников Северо-Западного Крыма представлена в Приложении 2. Эта схема может быть использована для сравнения материалов из раскопок, дата которых точнее не определяется. Примером такого использования стали работы, посвященные анализу жилой застройки позднескифских поселений⁷⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья: каталог*. Киев.
- Антонов, Е.Е. 2015: Стратиграфия «цитадели» Кара-Тобе и возможности применения «матрицы Харриса». В сб.: В.Е. Родинкова (ред.), *Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых*. М., 170–171.
- Антонов, Е.Е. 2017а: Позднескифская «цитадель» городища Кара-Тобе: планировка, хронология, периодизация. *Stratum Plus* 3, 223–237.
- Антонов, Е.Е. 2017б: Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 3, 99–123.
- Антонов, Е.Е. 2018а: О хронологии позднескифского поселения Тарпанчи в Северо-Западном Крыму. *КСИА* 253, 54–65.
- Антонов, Е.Е. 2018б: Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма. *Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки* 4(70).3, 3–15.
- Антонов, Е.Е. 2019: События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам. *Hesperis. Труды отдела классической археологии ИА РАН* 1, 33–42.
- Антонов, Е.Е. 2020: О времени прекращения жизни на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма. *КСИА* 259, 185–195.
- Антонов, Е.Е. 2021а: Еще раз о времени занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами. В сб.: В.Е. Родинкова (ред.), *Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых*. М., 99–103.
- Антонов, Е.Е. 2021б: «Пирамидальный» пояс крепости Тарпанчи (Северо-Западный Крым). *ПИФК* 1, 109–125.
- Антонов, Е.Е. 2021в: Планировки поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. *КСИА* 264, 346–365.
- Антонов, Е.Е. 2021г: Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.) VII*, 10–17.
- Антонов, Е.Е. 2022: Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения. *КСИА* 267, 102–123.

⁷⁴ Антонов 2017б; 2021в; 2021г; 2022.

- Внуков, С.Ю. 1979: *Опыт статистической обработки массового археологического материала скифских слоев городища «Чайка»: дипломная работа*. М.
- Внуков, С.Ю. 1984: Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки). *СА* 2, 54–69.
- Внуков, С.Ю. 1997: Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет). *Крымская археология* 2, 37–47.
- Внуков, С.Ю. 1999: Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. *ПИФК* VIII, 207–211.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры в I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2007: Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец 2 – 1 половина 1 в. до н.э.). В кн.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 67–80.
- Внуков, С.Ю. 2010: Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В сб.: А.А. Завойкин, А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *СИМВОЛ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М. – Киев, 37–42.
- Внуков, С.Ю. 2013: Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *ДБ* 17, 21–54.
- Внуков, С.Ю. 2015: Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. *КСИА* 237, 167–176.
- Внуков, С.Ю. 2016а: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Внуков, С.Ю. 2016б: Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму. *ДБ* 20, 90–121.
- Внуков, С.Ю. 2022а: О времени размещения войск Митридата Евпатора в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 4, 77–83.
- Внуков, С.Ю. 2022б: Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. Новые материалы. *КСИА* 269, 124–133.
- Голенко, К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. *НЭ* 2, 28–40.
- Дашевская, О.Д. 1961: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1960 году. В сб.: *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея в 1960 году*. Одесса, 51–58.
- Дашевская, О.Д. 1964: Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 годах. В сб.: *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1962 года*. Одесса, 50–56.
- Дашевская, О.Д., Голенцов, А.С. 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус. В кн.: Т.Е. Приднева (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 26–41.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 86). М.-Л.
- Зубарь, В.М. 1998: *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.)*. Киев.
- Кац, В.И. 2007: *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)* (БИ XVIII). Симферополь–Керчь.
- Кац, В.И. 2022: Керамические клейма эпохи поздней классики и эллинизма из Калос Лимена. В сб.: С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева (ред.), *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 года*. Симферополь, 345–451.
- Колтухов, С.Г. 1993: Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии. *Древности Степного Причерноморья и Крыма* IV, 206–222.
- Кутайсов, В.А. 1990: *Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н.э.* Киев.

- Лагутин, А.Б. 1999: Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму. *РА* 4, 203–207.
- Ланцов, С.Б. 2010а: Основные результаты работ Донузлавской экспедиции в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2009 г. *АДУ* 2009, 262–265.
- Ланцов, С.Б. 2010б: Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на хоре Херсонеса Таврического. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М. – Киев, 142–151.
- Ланцов, С.Б. 2012: Кульчукское городище. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ. В кн.: З.И. Пысач (сост.), *Калос-Лимен: музей и заповедник*. Симферополь, 73–89.
- Орешников, А. 1887: *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова*. VII. М.
- Попова, Е.А. 1991: Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории. В кн.: Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко (ред.), *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 37–75.
- Попова, Е.А. 1997: О работах на городище Чайка. В сб.: *Археологические исследования в Крыму* 1994, 225–226.
- Попова, Е.А. 2004: Греко-скифское городище «Чайка». В сб.: Т.Е. Приднева (ред.), *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 20–25.
- Попова, Е.А. 2007: Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. В кн.: В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова (ред.), *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. М., 4–130.
- Попова, Е.А. 2017: Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. *Stratum Plus* 3, 259–307.
- Попова, Е.А., Коваленко, С.А. 2005: *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища)*. М.
- Попова, Е.А., Пежемский, Д.В., Беловинцева, Н.И. 2015: Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76–112.
- Пуздровский, А.Е. 2001: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. *ВДИ* 3, 86–117.
- Пуздровський, О.Є. 1992: Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перш. пол. III ст. н.е. *Археологія* 2, 125–135.
- Раевский, Д.С. 1973: К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.). *ВДИ* 2, 110–120.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма*. Симферополь.
- Ушаков, С.В., Туровский, Е.Я., Тюрин, М.И. 2017: Херсонес Таврический в эпоху потрясений (вторая четверть III в. до н.э. – первая половина I в. до н.э.). В кн.: В.Н. Захаров, В.В. Хапаев (ред.), *История Севастополя в трех томах. I. Севастополь*, 223–267.
- Шонов, И.В. 2019: *Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н.э.* Симферополь.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Яценко, И.В. 1969: Полевые исследования Крымской экспедиции. *АО* 1968, 291–293.
- Яценко, И.В. 1970: Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.). *КСИА* 124, 31–38.
- Яценко, И.В. 1983: Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.). В кн.: Т.Н. Высотская (ред.), *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 46–66.

- Finkielsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan* (BAR IS 990). Oxford.
- Jefremov, N. 1995: *Die amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München.
- Lagutin, A. 2000: Iron heads of long-range weapons from Kara-Tobe. *Colloquia Pontica* 5, 39–46.
- Stolba, V.F. 2006: Hellenistic Chersonesos: towards establishing a local chronology. In: L. Hannestad, V.F. Stolba (eds.), *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400–100 BC* (Black Sea Studies 3). Aarhus, 153–177.
- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: an historical-archaeological essay. *Colloquia Pontica* 6, 149–175.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Sinopean amphorae of the Roman period. *ACSS* 16, 361–370.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosphorus]*. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo [History of the Cimmerian Bosphorus]*. Kiev.
- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya: katalog [Ancient coins of the Northern Black Sea Region: Catalogue]*. Kiev.
- Antonov, E.E. 2015: *Stratigrafiya "tsitadel" Kara-Tobe i vozmozhnosti primeneniya "matritsy Harris" [Stratigraphy of the "citadel" of Kara-Tobe and the possibilities of using the "Harris matrix"]*. In: V.E. Rodinkova (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New Materials and Methods of Archaeological Research: Proceedings of the III International Conference of Young Scientists]*. Moscow, 170–171.
- Antonov, E.E. 2017a: Pozdneskifskaya "tsitadel'" gorodishcha Kara-Tobe: planirovka, khronologiya, periodizatsiya [The Late Scythian citadel of the Kara-Tobe settlement: architectural plan, chronology, building periods]. *Stratum Plus* 3, 223–237.
- Antonov, E.E. 2017b: Rannie poseleniya pozdnykh skifov v Severo-Zapadnom Krymu [The early Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 99–123.
- Antonov, E.E. 2018a: O khronologii pozdneskifskogo poseleniya Tarpanchi v Severo-Zapadnom Krymu [Chronology of the Late Scythian Tarpanchi Settlement in the Northwest Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 253, 54–65.
- Antonov, E.E. 2018b: Sinkhronizatsiya stroitel'nykh periodov pozdneskifskikh poseleniy Severo-Zapadnogo Kryma [Archaeological periodization of the Late Scythian history of the North-Western Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science]* 4(70).3, 3–15.
- Antonov, E.E. 2019: Sobytiya pozdneskifskoy istorii Severo-Zapadnogo Kryma i ikh datirovka po pis'mennym istochnikam [The events of the Late Scythian history of the North-West Crimea and their dating according to the written sources]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii Instituta arheologii RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of Institute of Archaeology RAS]* 1, 33–42.
- Antonov, E.E. 2020: O vremeni prekrashcheniya zhizni na pozdneskifskikh poseleniyakh Severo-Zapadnogo Kryma [On the time of abandonment of the Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 259, 185–195.
- Antonov, E.E. 2021a: Eshchye raz o vremeni zanyatiya Severo-Zapadnogo Kryma pozdnimi skifami [Once again about the time of occupation of the North-Western Crimea by the

- Late Scythians]. In: V.E. Rodinkova (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya. Materialy VI konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and Methods of Archaeological Research: Proceedings of the VI Conference of Young Scientists]. Moscow, 99–103.
- Antonov, E.E. 2021b: “Piramidal’nyy” poyas kreposti Tarpanchi (Severo-Zapadnyy Krym) [“Pyramidic” belt of the Tarpanchi fortress (the Northwestern Crimea)]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 109–125.
- Antonov, E.E. 2021c: Planirovki poseleniy Severo-Zapadnogo Kryma vo vtoroy polovine I v. do n.e. – pervoy chetverti I v. n.e. [Architectural plans of settlements in the Northwestern Crimea in the second half of the 1 c. BC to the first quarter of the 1 c. AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 264, 346–365.
- Antonov, E.E. 2021d: Poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma vo vtoroy chetverti I – nachale II v. n.e. [The settlements in the North-Western Crimea from the second quarter of the first to the early second centuries AD]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400] VII, 10–17.
- Antonov, E.E. 2022: Pozdneskifskie poseleniya Severo-Zapadnogo Kryma: printsipy organizatsii zastroiki i ikh izmeneniya [Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea: principles of housing construction and their changes]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 267, 102–123.
- Dashevskaya, O.D. 1961: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishchav 1960 godu [Excavations at the Yuzhno-Donuzlavskoe fortified settlement in 1960]. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.I. Mechnikova i Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya v 1960 godu* [Brief Reports on Field Archaeological Research of Mechnikov Odessa State University and Odessa State Archaeological Museum in 1960]. Odessa, 518.
- Dashevskaya, O.D. 1964: Raskopki Yuzhno-Donuzlavskogo gorodishcha v 1961–1962 godakh [Excavations of the Yuzhno-Donuzlavskoe fortified settlement in 1961–1962]. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya 1962 goda* [Brief Reports on Field Archaeological Research of Mechnikov Odessa State University and Odessa State Archaeological Museum in 1962]. Odessa, 50–56.
- Dashevskaya, O.D., Golentsov, A.S. 2004: K 40-letiyu raskopok gorodishcha Belyaus [On the 40th anniversary of excavations of the Belyaus fortified settlement]. In: T.E. Pridneva (ed.), *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma* [Archaeology of the North-Western Crimea]. Simferopol, 26–41.
- Finkielsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan* (BAR IS 990). Oxford.
- Golenko, K.V. 1960: Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n.e. [From the history of Bosporan coinage in the 1st c. BC]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 2, 28–40.
- Jefremov, N. 1995: *Die amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek Ceramic Stamps of the Classical and Hellenistic Epoch (Complex Research Result)] (Bosposkie issledovaniya [Bosporos Studies] 18). Simferopol-Kerch.
- Kats, V.I. 2022: Keramicheskie kleyma epokhi pozdney klassiki i ellinizma iz Kalos Limena [Ceramics stamps of the Late Classical and Hellenistic period from Kalos Limen]. In: S.B. Lantsov, N.V. Kukleva (eds.), *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul’ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor’ya. Materialy IV nauchno-prakticheskoy konferentsii, p. Chernomorskoe, 9–11 sentyabrya 2022 goda* [Western Taurida in the History and Culture of the Ancient and Medieval Mediterranean. Materials of the IVth International Scientific and Practical Conference, September 9–11, 2022]. Simferopol, 345–451.

- Koltukhov, S.G. 1993: Zametki o voenno-politicheskoy istorii Krymskoy Skifii [Notes on the military and political history of the Crimean Scythia]. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* [Antiquities of the Steppe Black Sea and the Crimea] IV, 206–222.
- Kutaysov, V.A. 1990: *Antichnyy gorod Kerkinitida. VI–II vv. do n.e.* [Kerkinitis, an Ancient City. 6th to 2nd cc. BC]. Kiev.
- Lagutin, A. 2000: Iron heads of long-range weapons from Kara-Tobe. *Colloquia Pontica* 5, 39–46.
- Lagutin, A.B. 1999: Zheleznye nakonechniki metatel'nogo oruzhiya iz raskopok greko-skifskogo gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Iron heads of the offensive weapon from the excavations at the Hellenic-Scythian Kara-Tobe fortified settlement in the Crimea]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology] 4, 203–207.
- Lantsov, S.B. 2010a: Osnovnye rezul'taty rabot Donuzlavskoy ekspeditsii v Saksom i Chernomorskom rayonakh Kryma v 2009 g [Main results of the work of Donuzlav expedition in Saki and Chernomorskoe districts of the Crimea in 2009]. *Arheologichni doslidzhennja v Ukraïni* [Archaeological Research in Ukraine] 2009, 262–265.
- Lantsov, S.B. 2010b: Rezul'taty issledovaniya Kul'chukskogo gorodishcha (IV v. do n.e. – I v. n.e.) na hore Khersonesa Tavricheskogo [Results of study of the Kulchuk fortified settlement (the 4th c. BC – 1st c. AD) on the chora of Taurian Chersonesus]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriljuk, A.A. Zavoykin (eds.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [ΣΙΜΒΟΛΑ. Ancient World of North Pontic Region. Recent Finds and Discoveries]. Moscow–Kiev, 142–151.
- Lantsov, S.B. 2012: Kul'chukskoe gorodishche. Kratkiy obzor issledovaniy Donuzlavskoy ekspeditsii KF IA NANU [The Kulchuk fortified settlement. A brief overview of research of the Donuzlav expedition of the Crimean Branch of the Institute of Archaeology NAS of Ukraine]. In: Z.I. Pysach (ed.), *Kalos-Leemen: muzey i zapovednik* [Kalos Limen: the Museum and the Reserve]. Simferopol, 73–89.
- Oreshnikov, A. 1887: *Katalog sobraniya drevnostey grafa Aleksey Sergeevicha Uvarova* [Catalogue of Count Alexey Sergeevich Uvarov's Collection of Antiquities]. VII. Moscow.
- Popova, E.A. 1991: Yugo-zapadnyy kvartal skifskogo poseleniya u sanatoriya Chayka bliz Evpatorii [South-western quarter of Scythian settlement at the Chayka sanatorium near Yevpatoria]. In: Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko (eds.), *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii* [Iron Age sites in the Vicinity of Yevpatoria]. Moscow, 37–75.
- Popova, E.A. 1997: O rabotakh na gorodishche Chayka [Works at the Chayka Settlement]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu 1994* [Archaeological Researches in the Crimea 1994], 225–226.
- Popova, E.A. 2004: Greko-skifskoe gorodishche “Chayka” [Greek and Scythian “Chayka” fortified settlement]. In: T.E. Pridneva (ed.), *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma* [Archaeology of the North-Western Crimea]. Simferopol, 20–25.
- Popova, E.A. 2007: Grecheskoe poselenie na gorodishche “Chayka” vo vtoroy polovine III–II v. do n.e. [Greek settlement at the Chayka Settlement in the second half of the 3rd – 2nd century BC]. In: V.L. Ianin, Yu.L. Shchapova (eds.), *Materialy issledovaniy gorodishcha “Chayka” v Severo-Zapadnom Krymu* [Materials from excavations at the “Chayka” fortified settlement in the North-Western Crimea]. Moscow, 4–130.
- Popova, E.A. 2017: Gorodishche “Chayka” v Severo-Zapadnom Krymu vo II v. do n.e. – I v. n.e. [The Chayka settlement in the North-Western Crimea in the 2nd century BC – 1st century AD]. *Stratum Plus* 3, 259–307.
- Popova, E.A., Kovalenko, S.A. 2005: *Istoriko-arkheologicheskie ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaykinskogo gorodishcha)* [Historical and Archaeological Essays of Greek and Late Scythian Cultures in the North-Western Crimea (Based on Materials from the Chayka Settlement)]. Moscow.

- Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva, N.I. 2015: Gorodishche Chayka, nekropol' i kamenolomnya antichnoy epokhi na okraine Evpatorii v Severo-Zapadnom Krymu: itogi i perspektivy issledovaniya [The site of Chayka, the necropolis and quarry of ancient time at the outskirts of Yevpatoria, the North-Western Crimea: results and prospects]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Studies] 3, 76–112.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001: Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifi vo II v. do. n. e. – III v. n.e. [The political history of Crimean Scythia in the 2nd c. BC – 3rd c. A.D]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 86–117.
- Puzdrovskiy, O.Je. 1992: Krims'ka Skifiya v kintsii II st. do n.e. – persh. pol. III st. n.e. [Crimean Scythia in the late 2nd c. BC – first half of the 3rd c. AD]. *Arheologiya* [Archaeology] 2, 125–135.
- Raevskiy, D.S. 1973: K istorii greko-skifskikh otnosheniy (II v. do n.e. – II v n.e.) [To the history of Greek-Scythian relations (the 2nd c. BC – 2nd c. AD)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 110–120.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch* [The Kingdom of Bosporus on the Turn of Two Epochs]. Moscow.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [The North-Western Crimea in Antiquity]. Leningrad.
- Shonov, I.V. 2019: *Monetnaya chekanka praviteley Bospora VI–I vv. do n.e.* [Coinage of the Bosporan rulers in the 6th – 1st c. BC]. Simferopol.
- Stolba, V.F. 2006: Hellenistic Chersonesos: towards establishing a local chronology. In: L. Hannestad, V.F. Stolba (eds.), *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400–100 BC* (Black Sea Studies 3). Aarhus, 153–177.
- Ushakov, S.V., Turovskiy, E.Ya., Tyurin, M.I. 2017: Khersones Tavricheskii v epokhu potryaseniya (vtoraya chetvert' III v. do n.e. – pervaya polovina I v. do n.e.) [Taurian Chersonesus in the era of upheavals (the second quarter of the 3rd c. BC – the first half of the 1st c. BC)] In: V.N. Zakharov, V.V. Hapaev (eds.), *Istoriya Sevastopolya v trekh tomakh* [The History of Sevastopol in Three Volumes]. I. Sevastopol, 223–267.
- Uzhentshev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavan' (Kalos Limen v IV v. do n.e. – II v. n.e.): Materialy po arkheologii Kryma* [The Hellenes and the Barbarians of Prekrasnaya Gavan' (Kalos Limen in the 4th c. BC – 2nd c. AD): Materials on the Archaeology of the Crimea]. Simferopol.
- Vnukov, S.Yu. 1979: *Opyt statisticheskoy obrabotki massovogo arkheologicheskogo materiala skifskikh sloev gorodishcha "Chayka": diplomnaya rabota* [Experience of Statistical; Processing Mass Archaeological Material from Scythian layers of the "Chayka" Settlement: diploma work]. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 1984: Skifskie sloi gorodishcha Chayka (opyt statisticheskoy obrabotki) [Scythian layers of the Chayka Settlement (experience of statistical processing)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 54–69.
- Vnukov, S.Yu. 1997: Novye dannye ob istorii Severo-Zapadnogo Kryma (po rezul'tatam raskopok poslednikh let) [New data on history of the North-Western Crimea (based on results of recent excavations)]. *Krymskaya arkheologiya* [Crimean Archaeology] 2, 37–47.
- Vnukov, S.Yu. 1999: Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. [The excavations of the settlement and necropolis of Kara-Tobe near Saki in 1998]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VIII, 207–211.
- Vnukov, S.Yu. 2001: The North-Western Crimea: A Historical-Archaeological Essay. *Colloquia Pontica* 6, 149–175.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory v I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [Black Sea Amphorae of the 1st Century BC – 2nd Century AD (Morphology)]. Moscow.

- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* [Black Sea amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD. Part II. Petrography, Chronology, Issues of trade]. Saint Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2007: Central'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets 2 – 1 polovina 1 v. do n.e.) [Central building complex of the Kara-Tobe fortified settlement (the late 2nd – the first half of the 1st c. BC)]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, 67–80.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Novye issledovaniya i nahodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [Recent research and finds at the fortified settlement of Kara-Tobe in the North-Western Crimea]. In: A.A. Zavoykin, A.A. Maslennikov, N.A. Gavriluk (eds.), *ΣΙΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [ΣΙΜΒΟΛΑ. Ancient World of the North Pontic Region. Recent Finds and Discoveries]. Moscow-Kiev, 37–42.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Sinopean amphorae of the Roman period. *ACSS* 16, 361–370.
- Vnukov, S.Yu. 2013: Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe [Roman time amphorae from the Kara-Tobe fortified settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 21–54.
- Vnukov, S.Yu. 2015: Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. [Excavations at the fortified settlement Kara-Tobe (the North-Western Crimea), 2014] *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 237, 167–176.
- Vnukov, S.Yu. 2016a: Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdneheraklejskikh) uzkogorlykh amfor [On the typology, evolution and chronology of light-clay (Late Heracleian) narrow-necked amphorae]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 2, 36–47.
- Vnukov, S.Yu. 2016b: Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late Hellenistic amphorae of the Kara-Tobe fortified settlement in the Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 90–121.
- Vnukov, S.Yu. 2022a: O vremeni razmeshcheniya voysk Mitridata Evpatora v Severo-Zapadnom Krymu [About the period of deployment of the troops of Mithradates Eupator in the Northwestern Crimea (according to numismatic data)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 77–83.
- Vnukov, S.Yu. 2022b: Central'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu. Novye materialy [The central construction complex of the Kara-Tobe fortified settlement in the Northwestern Crimea: new materials]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 269, 124–133.
- Yatsenko, I.V. 1969: Polevye issledovaniya Krymskoy ekspeditsii [Field investigations of Crimean expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries] 1968, 291–293.
- Yatsenko, I.V. 1970: Issledovanie sooruzheniy skifskogo perioda na gorodishche Chayka v Evpatorii (1964–1967 gg.) [Research of structures of the Scythian period in the Chayka settlement, Yevpatoria (1964–1967)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 124, 31–38.
- Yatsenko, I.V. 1983: Severnyy kvartal I skifskogo poseleniya na Chaykinskom gorodishche v Evpatorii (po materialam raskopok 1974–1975 gg.). [The Northern Quarter I of the Scythian period at the Chayka Settlement, Yevpatoria (based on materials from 1974–1975 excavations)] In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.* [Population and Culture of the Crimea in the First centuries AD]. Kiev, 46–66.
- Zograf, A.N. 1951: Antichnye monety [Ancient Coins] (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on the Archaeology of the USSR] 86). Moscow–Leningrad.

Zubar, V.M. 1998: *Severnnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n. e. – pervaya polovina VI v.)* [Northern Pontus and the Roman Empire (the mid-1st century BC to the first half of the 6th century)]. Kiev.

“LOCAL” PERIODIZATIONS OF LATE SCYTHIAN SETTLEMENTS IN THE NORTH-WESTERN CRIMEA: SYNCHRONIZATION MARKERS

Egor E. Antonov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: antonov.yegor@gmail.com

The article goals to identify markers that would allow synchronizing the “local” periodizations of eight Late Scythian settlements in the Northwestern Crimea, studied over a wide area. Such markers should have several properties: they should be chronological indicators, be found on several monuments and be mentioned in publications and reports. Earlier, a revision of the attribution and dating of the finds was carried out, as well as a new analysis of the information from written sources and related literature. This, in particular, made it possible to establish that for the Late Hellenistic time, the stamps on the handles of Rhodes amphorae can act as synchronization markers, for the Roman time – Black Sea amphorae and their fragments. In addition, the layers of destruction are consistent with the information about conflicts contained in written sources. This makes it possible to clarify a number of dates. The late Scythians occupied the Northwestern Crimea from the last third or quarter of the 2nd century BC to the beginning of the 2nd century AD. At the same time, part of the settlements perished around AD 20. The features of fixation, excavation reports and publications make it possible to synchronize “local” periodizations only within the framework of three relatively “broad” stages with a length of about 60–90 years. On a number of sites, it is possible to distinguish more “narrow” sub-stages lasting about 20–40 years. The resulting scheme can be used to date those materials whose age cannot be determined more precisely by other methods.

Keywords: Late Scythians, North-Western Crimea, Late Hellenistic and Roman chronology

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 61–78
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 61–78
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-61–78

НЕОБЫЧНОЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ В КРЫМУ

И. Н. Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3961-6297

Могильник Опушки расположен в центре Крымских предгорий. Раскопками, ведущимися с перерывами с 2003 г., в нем открыто 399 погребальных сооружений разных типов. Погребения оставлены носителями разных археологических культур. Северная часть могильника занята захоронениями позднескифской культуры. Их совершали в склепах, подбойных и грунтовых могилах. На позднескифском участке открыта могила № 21, выделяющаяся обрядами, не зафиксированными более ни в одном погребальном сооружении не только могильника Опушки, но и других позднескифских некрополей. В данной могиле похоронили 20 умерших, разделяя ярусы погребенных прослойками земли и перекрыв засыпанную землей могилу каменными плитами. Ничего подобного ранее в позднескифской культуре не встречалось. Могила № 21 нет оснований относить к позднескифской (как и любой другой) культуре. Но она окружена позднескифскими погребальными сооружениями и соответствует им по составу погребального инвентаря. Так что сомнений в культурной принадлежности погребенных не возникает. Погребальный инвентарь, обнаруженный в могиле, беден и не выразителен в хронологическом отношении. По всей вероятности, в могиле хоронили в I –первой половине II в. н.э. На территории могильника Опушки среди обычных позднескифских, выкопанных в земле склепов, подбойных и грунтовых могил были открыты и другие необычные погребальные сооружения. Так, склеп № 250 представлял собой каменную постройку, заполненную останками погребенных. Склеп № 340 был выкопан в земле, но в нем открыты различные каменные конструкции. Теперь к числу необычных, не имеющих аналогий погребальных сооружений, можно добавить еще могилу № 21.

Ключевые слова: Крым, позднескифская культура, могильник Опушки, погребальное сооружение

Могильник Опушки расположен в центре Крымских предгорий. Раскопками, ведущимися с перерывами с 2003 г., открыто 399 погребальных сооружений раз-

Данные об авторе. Игорь Николаевич Храпунов – доктор исторических наук, профессор КФУ им. В.И. Вернадского.

ных типов. Погребения оставлены носителями разных археологических культур. Северная часть могильника занята захоронениями позднескифской культуры. Их совершали в склепах, подбойных и грунтовых могилах¹ (рис. 1). На позднескифском участке открыта могила № 21, выделяющаяся обрядами, не зафиксированными более ни в одном погребальном сооружении не только могильника Опушки, но и других позднескифских некрополей. Публикация результатов раскопок этого погребального сооружения является целью данной статьи.

По формальным признакам могила грунтовая (рис 2; 3). Могильная яма в плане близка прямоугольнику со скругленными углами. Она ориентирована с СЗ на ЮВ. Ее размеры 2,25 x 1,1 м, глубина от уровня материка – 1,1 м. На уровне материка могила была перекрыта каменными плитами, положенными в один ряд, ниже заполнена землей. Плиты встречались и в заполнении могилы. Вероятно, перекрытие не один раз обновлялось. При этом следует иметь в виду, что перекрытие из плит могло существовать только в том случае, если могила была заполнена землей. Учитывая, что ярусы погребений разделялись земляными прослойками, можно представить следующую последовательность действий при совершении захоронений. После совершения погребений нижнего яруса его засыпали землей и перекрыли плитами. Когда возникла потребность в совершении захоронений следующего яруса, плиты разобрали, совершили захоронения, вновь засыпали их землей и перекрыли плитами. Такие действия периодически повторялись пока могила использовалась. По тем или иным причинам, некоторые плиты перекрытия при подзахоронениях не извлекались, оставались в заполнении могилы. У западной, торцевой стены могилы в ее дне выкопали две округлые в плане ямы диаметром 0,3–0,35 м, глубиной 0,3 м. Их назначение не известно. Ямы могли использоваться только при совершении первых захоронений, т.к. позднее погребения совершали прямо над ними. В могиле обнаружено 20 погребений, которые можно разделить на пять ярусов.

К первому, верхнему ярусу относятся погребения I и II. Погребение I женщины 35–45 лет² совершено между длинными стенами могилы по диагонали головой на восток. Ноги погребенной согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Вероятно, умершую небрежно бросили в могилу, не соблюдая обычных обрядовых норм. Погребение II ребенка приблизительно 6 лет совершено поперек могилы головой на СВ. Его череп соприкасался с черепом погребения I.

Погребения I и II непосредственно перекрывали погребение III ребенка приблизительно 10 лет, относящееся ко второму ярусу. Это погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Руки погребенного согнуты в локтях, кисти находились на тазовых костях. На месте шеи и среди ребер погребенного находились бусы (рис. 5, 7–12, 14, 15). К тому же второму ярусу, что и погребение III, можно отнести погребения IV и V. Погребение IV мужчины 20–25 лет совершено вдоль длинной стены могилы в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Его руки были согнуты в локтях почти под прямым углом, ноги завалились вправо, стопы плотно сведены. Погребение V мужчины 25–30 лет находилось прямо под погребением IV. Головой оно ориентировано в противоположную сторону, на ЮВ. Кости правой руки смещены, левая рука была

¹ Некоторые итоги раскопок могильника см. Храпунов 2021.

² Все антропологические определения сделаны В.Ю. Радочиным

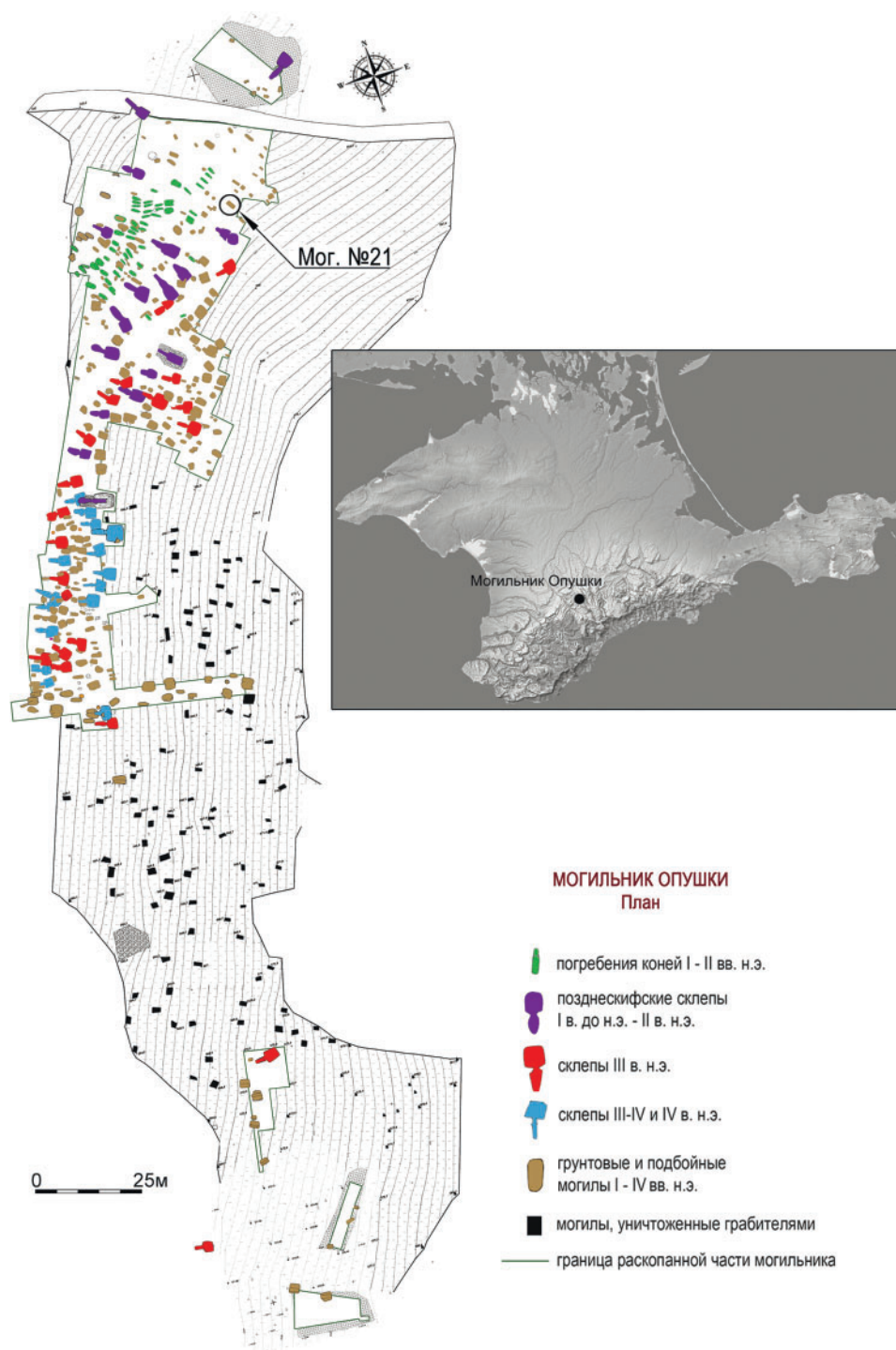

Рис. 1. Местоположение и план могильника Опушки.
Fig. 1. Location and plan of the Necropolis of Opushki.

согнута в локте почти под прямым углом, ноги плотно сведены в коленях и щиколотках. Между тазовыми костями погребенных IV и V обнаружена железная пряжка (рис. 4, 14), которая могла относиться к любому из этих погребений. Погребения IV и V были совершены, вероятно, одновременно.

К третьему ярусу относятся погребения VI, VII, VIII, XIV, XV, XVI. Погребение VI мужчины приблизительно 35 лет совершено в центре могилы в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Левая рука согнута в локте так, что кисть оказалась на тазовых костях, правая рука согнута в локте под прямым углом, ноги были плотно сведены в коленях, щиколотка левой ноги лежала на щиколотке правой. На груди погребения VI было совершено погребение VII ребенка приблизительно 10 лет. Создается впечатление, что согнутая в локте правая рука погребения VI обнимала ребенка. Среди костей грудной клетки погребения VI и под черепом погребения V найдено несколько бусин (рис. 5, 2–6).

Погребение VIII женщины приблизительно 25 лет совершено справа от погребения VI вдоль длинной стены могилы головой на ЮВ. Череп и кости ног завалились вправо. Локтевые кости и кисть левой руки находились под тазом. Кости правой ноги были частично перекрыты правой рукой погребения VI и черепом погребения VII.

Погребение XIV женщины 18–20 лет совершено слева от погребения VI вдоль длинной стены могилы головой на ЮВ. Левая рука была согнута в локте почти под прямым углом. Непосредственно на погребении XIV были совершены два детских погребения XV и XVI. Погребение XV ребенка 3–4 лет ориентировано головой на ЮВ, его череп находился на месте груди погребения XIV. Погребение XVI ребенка 3–4 лет было ориентировано в противоположную сторону. Его череп должен был находиться в районе колен погребения XIV, но он отсутствовал. Кости погребения XV перекрывали кости погребения XVI.

На правую руку погребенного XVI был надет бронзовый браслет (рис. 4, 8). Среди костей его грудной клетки найдены бусы (рис. 4, 3, 17; 5, 23). Бусы обнаружены также у правой бедренной кости (рис. 5, 17, 21), на месте груди (рис. 4, 4, 23, 34) и у черепа (рис. 4, 1) погребенного XIV, а также под черепом погребенного XV (рис. 4, 12, 13, 15, 16). Среди ребер погребенного XIV находился обломок серебряного изделия (распалось).

К четвертому ярусу можно отнести погребения IX, X и XI. Погребение IX женщины приблизительно 20 лет совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Левая рука была немного согнута в локте так, что кисть оказалась у таза. Кисть правой руки располагалась почти под прямым углом к лучевым костям, фаланги лежали у костей таза. Погребение XI ребенка 3–4 лет совершено слева от погребения IX в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Череп ребенка находился вплотную к тазовым костям взрослого. Среди костей черепа найдена бусина (рис. 5, 12). Погребение X ребенка 3–4 лет совершено справа от погребения IX в вытянутом положении на спине головой на ЮВ, его правая рука согнута в локте, кисть находилась на тазовых костях. Между бедренными костями погребенных IX и X найдено несколько бусин (рис. 5, 19, 25). На месте шеи погребенного X найдены бронзовый браслет или гривна (рис. 5, 1) и стеклянная бусина (рис. 5, 13). За головой погребенного, примерно на одном с ним уровне найдены бусы (рис. 5, 35, 36, 39, 44, 49). Но они, скорее всего, относились к другим захоро-

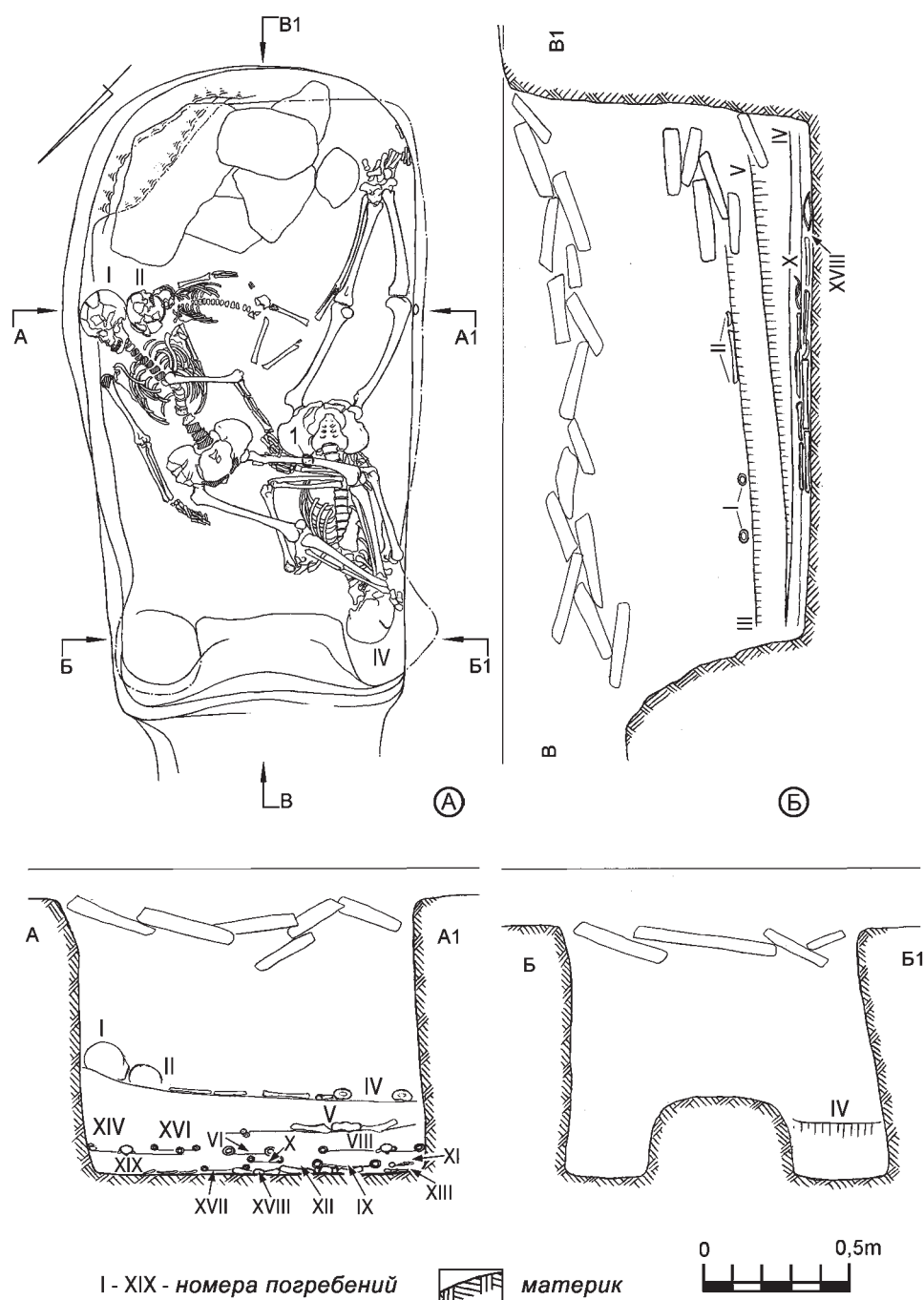

Рис. 2. Могильник Опушки. Могила № 21. А – план первого яруса погребений; Б – раз-
 резы; I – пряжка.
 Fig. 2. Necropolis of Opushki. Grave No. 21. А – the plan of the first tier of burials; Б – sections;
 I – buckle.

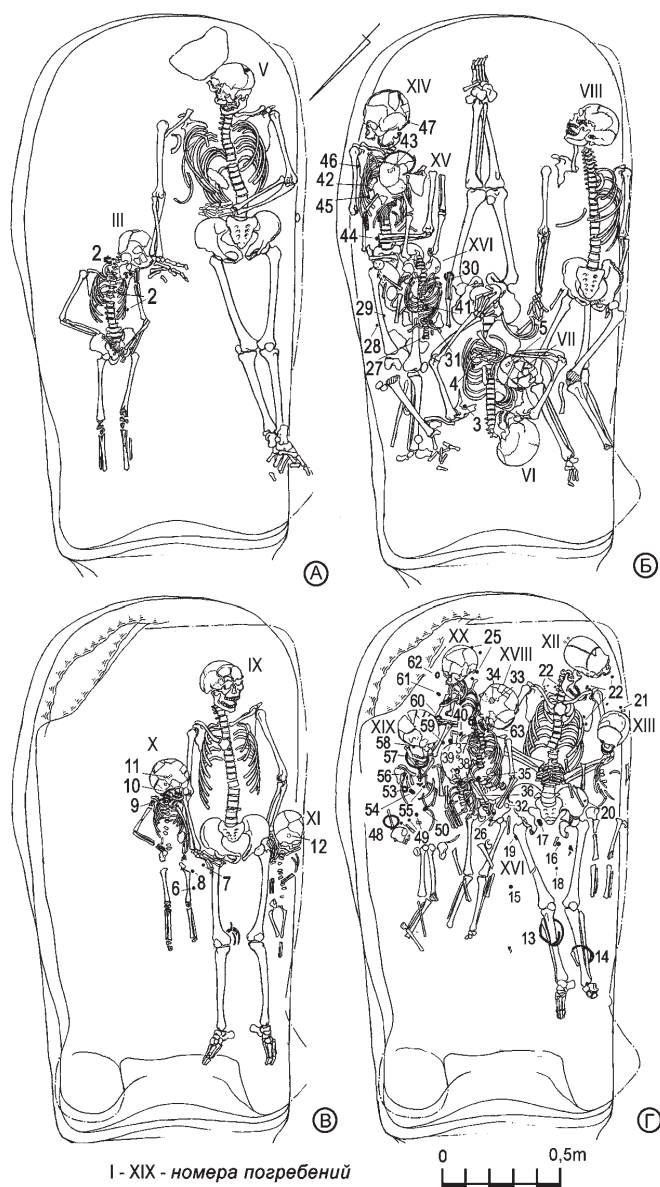

Рис. 3. Могильник Опушки. Могила № 21. А – план второго яруса погребений; Б – план третьего яруса погребений; В – план четвертого яруса погребений; Г – план пятого яруса погребений; 2–9, 11, 12, 15, 16, 18, 20–33, 35, 36, 38–47, 50–52, 54–56, 58, 59, 62, 63 – бусы и подвески; 10, 57 – гривны; 13, 14, 30, 48, 49, 60 – браслеты; 17 – фибула; 19, 37, 45 – обломки металлических предметов; 31, 34, 53 – кольца; 61 – нож.

Fig. 3. Necropolis of Opushki. Grave No. 21. A – the plan of the second tier of burials; B – the plan of the third tier of burials; C – the plan of the fourth tier of burials; D – the plan of the fifth tier of burials; 2–9, 11, 12, 15, 16, 18, 20–33, 35, 36, 38–47, 50–52, 54–56, 58, 59, 62, 63 – beads and pendants; 10, 57 – torcs; 13, 14, 30, 48, 49, 60 – bracelets; 17 – fibula; 19, 37, 45 – fragments of metal objects; 31, 34, 53 – rings; 61 – knife.

нениям, может быть, располагавшимся ярусом выше, а может быть, расположенному ниже погребению XVIII.

На дне могилы, составляя пятый ярус, располагались погребения XII, XIII, XVII, XVIII, XIX, XX. Погребение XII мужчины приблизительно 30 лет совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Руки были согнуты в локтях, пальцы обеих рук плотно соединены друг с другом «в замок» на уровне живота. У черепа, на месте правого плеча, груди и на тазовых костях погребенного найдены бусы (рис. 5, 26, 28–34). У тазовых костей справа лежала бронзовая пружина фибулы (рис. 4, 7). Между бедренными костями находились два колокольчика из белого металла (рис. 4, 18) и бусина (рис. 5, 22). Под правой бедренной костью находился обломок проволочного бронзового изделия (рис. 5, 27). На ноги погребенного были надеты по одному бронзовому браслету (рис. 4, 19, 32).

Слева от погребения XII в вытянутом положении на спине головой на ЮВ было совершено погребение XIII ребенка приблизительно 4 лет. Его череп находился на костях левой руки погребения XII. Рядом с черепом найдены две бусины (рис. 5, 51, 52).

Справа от погребения XII находились четыре детских погребения. Все они совершены в вытянутом положении на спине головами на ЮВ. Самым нижним было погребение XX ребенка 3–4 лет. Погребения XVII ребенка 4–5 лет, XVIII – девочки 11–12 лет, XIX – девочки 6–7 лет располагались непосредственно над ним. Вблизи черепа погребенного XX найдено несколько бусин (рис. 5, 37, 38, 40–43, 45–48). Среди костей черепа погребенного XVIII обнаружены бусина (рис. 5, 55) и бронзовое кольцо (рис. 4, 9). Под его тазовыми костями лежала подвеска из камня. На шею погребенного XIX была надета бронзовая гривна (рис. 4, 20), на правую руку – бронзовый браслет (рис. 4, 28). Браслет находился и на правой руке погребенного XX (рис. 4, 29). Остальные находки, сделанные среди костей четырех детских погребений, разделить между ними сложно. Часть из них вполне могла провалиться на дно могилы из погребений, располагавшихся выше. Эти находки представлены, главным образом, бусами (рис. 4, 2, 11, 21, 22, 25–27, 30, 35; 5, 18, 53–57). Кроме того, обнаружены каменная подвеска (рис. 4, 24), бронзовое кольцо (рис. 4, 5), подвески из клешни краба (рис. 4, 31) и из клыка животного (рис. 4, 10), обломки железного ножа (рис. 4, 33).

Погребальный инвентарь, обнаруженный в могиле, беден и не выразителен в хронологическом отношении.

Пряжки с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 4, 14) распространились в Крыму около середины I в. н.э.³

Два браслета (рис. 4, 28, 29) приблизительно соответствуют типу A VI (с заостренными концами) по классификации Б. Полит, еще один (рис. 4, 8) – типу A VII (с тупыми концами). Деление на типы в данном случае сугубо формально. Имеется множество экземпляров, где очень трудно отличить тупой конец от заостренного. Браслет с завязанными концами (рис. 4, 32) соответствует типу A/XI/I/A. Украшения перечисленных типов имеют очень широкий ареал, включающий, конечно, позднескифскую культуру и хронологию от второй половины II в. до н.э. до IV в. н.э. (браслеты типа AVII – до середины III в. н.э.).⁴ Один из браслетов

³ Труфанов 2005–2009, 218.

⁴ Polit 2022, 68–70, 83–85.

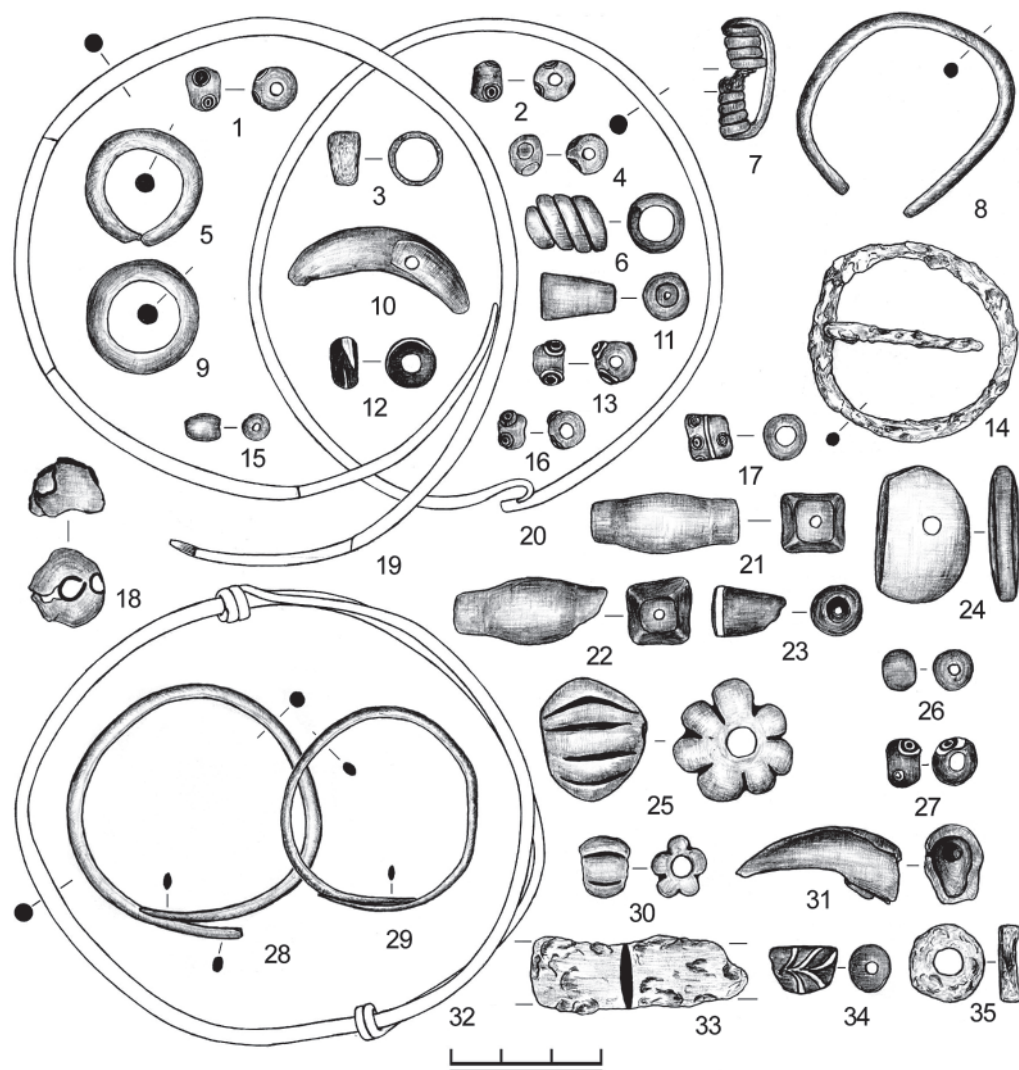

Рис. 4. Могильник Опушки. Могила № 21. Погребальный инвентарь. 1–4, 6, 11–13, 15–17, 21–27, 30, 34, 35 – бусы; 5, 9 – кольца; 7 – пружина от фибулы; 10, 31 – подвески; 14 – пряжка; 18 – колокольчик; 8, 19, 28, 29, 32 – браслеты; 20 – гривна; 33 – нож; 1, 2, 4, 11–13, 15–17, 23, 25–27, 30, 34 – стекло; 3 – кость; 5–9, 18–20, 28, 29, 32 – бронза; 10 – клык животного; 14, 33 – железо; 21, 22 – глина; 24 – камень; 31 – клешня краба; 35 – раковина.
 Fig. 4. Necropolis of Opushki. Grave No. 21. Grave goods. 1–4, 6, 11–13, 15–17, 21–27, 30, 34, 35 – beads; 5, 9 – rings; 7 – spring from fibula; 10, 31 – pendants; 14 – buckle; 18 – bell; 8, 19, 28, 29, 32 – bracelets; 20 – torc; 33 – knife; 1, 2, 4, 11–13, 15–17, 23, 25–27, 30, 34 – glass; 3 – bone; 5–9, 18–20, 28, 29, 32 – bronze; 10 – animal's fang; 14, 33 – iron; 21, 22 – clay; 24 – stone; 31 – crab claw; 35 – shell.

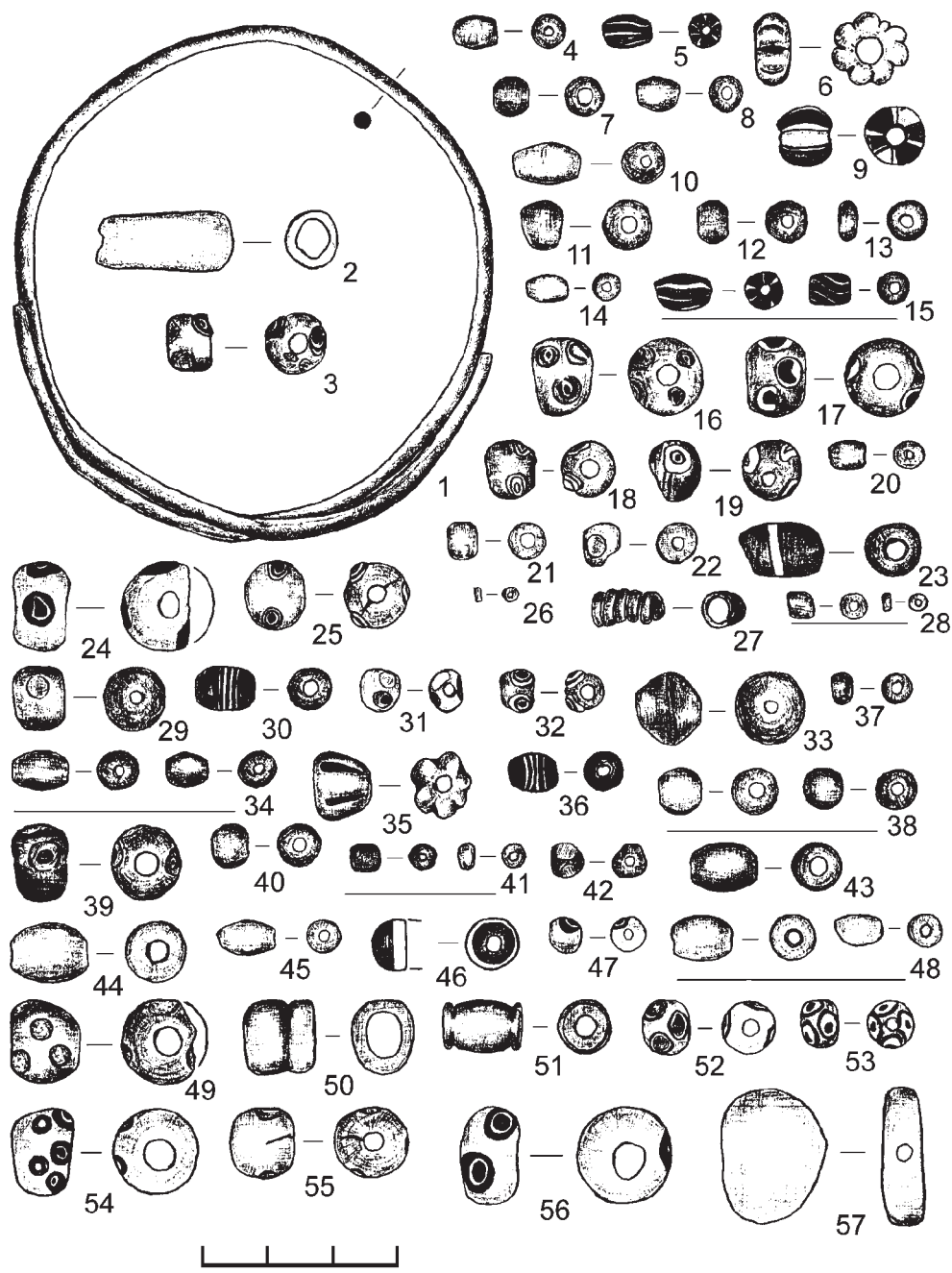

Рис. 5. Могильник Опушки. Могила № 21. Погребальный инвентарь. 1 – гривна; 2–57 – бусы; 1 – бронза; 2, 20, 50 – кость; 3–19, 21–33, 35–47, 49, 51–57 – стекло; 34, 48 – сердолик.
 Fig. 5. Necropolis of Opushki. Grave No. 21. Grave goods. 1 – torc; 2–57 – beads; 1 – bronze; 2, 20, 50 – bone; 3–19, 21–33, 35–47, 49, 51–57 – glass; 34, 48 – carnelian.

(рис. 4, 19) соответствует группе I/2a браслетов из некрополя Неаполя скифского⁵ и типу VI браслетов из Усть-Альминского некрополя⁶ тоже с очень широкими территориальными и хронологическими рамками. К этому же типу формально можно отнести еще одно украшение (рис. 5, 1), но оно найдено на месте шеи погребенного, что заставляет назвать его гривной. В таком случае оно принадлежит малочисленному типу 3 гривен по классификации А.А. Стояновой. Гривны этого типа датируются, в целом, концом II в. до н.э. – рубежом эр или I в. н.э.⁷ У другой гривны не сохранился конец (рис. 4, 20), что затрудняет ее типологическое определение. Скорее всего, она принадлежит к самому многочисленному в Крыму типу 5а с датой конец I в. до н.э. – середина III в. н.э. В таком случае мы должны предположить, что не сохранившийся конец заканчивался петлей. По формальным признакам нельзя исключить представленные единичными экземплярами тип 7 (со вторым концом в виде крючка) или 8а (с раскованным концом, имеющим отверстие). Оба типа датируются II–III вв. н.э.⁸

Колокольчик полусферической формы (рис. 4, 18) относится к типу 1 по классификации А.А. Труфанова, из-за фрагментированности трудно решить, к варианту 1 или 2. Таких колокольчиков в крымских некрополях найдены сотни. Использовались они со II в. до н.э. до IV в. н.э. включительно⁹.

В могиле № 21 найдено 162 бусины, представленные 48 типами. Значительное большинство бус (89%) сделано из стекла, среди них преобладают бусы из многоцветного стекла (47%), почти столько же пронизей изготовлено из одноцветного стекла (46%), и только 10 экземпляров выполнены из стекла с внутренней металлической прокладкой. Значительно уступают по численности стеклянным бусы из сердолика (7%), остальные материалы – египетский фаянс, глина и кость – представлены единичными экземплярами¹⁰ (см. Приложение 1). Типы бус из публикуемой могилы характерны для северопричерноморских комплексов рубежа эр и первых веков нашей эры, большая их часть находит соответствие в своде Е. М. Алексеевой¹¹. Но набор бус в целом выглядит своеобразно, прежде всего из-за отсутствия изделий из гагата, янтаря и фаянса (всего 1 экз.), весьма многочисленных в погребениях предгорного Крыма раннеримского времени.

Бусы сопровождали примерно половину захоронений, однако уверенно связать эти украшения с конкретными костяками возможно лишь в единичных случаях. В погребении III, принадлежавшем десятилетнему ребенку, 62 бусины расположены компактно у шейных позвонков и составляли, по всей видимости, небольшое ожерелье. Его основу составляли некрупные стеклянные бусы в желтой цветовой гамме (типы № 6 и № 14 в Приложении 1) в сочетании с соответствующими им по размеру лиловыми бусами, украшенными белыми полосками (тип № 36). Полосатые бусы, аналогичные представленным в типе 36, Е.М. Алексеева по незначительному количеству находок из разных памятников Северного

⁵ Сымонович 1983, 93.

⁶ Высотская 1994, 111.

⁷ Стоянова 2011, 118.

⁸ Стоянова 2011, 118, 121.

⁹ Труфанов 2022а, 227–233; Стоянова 2016, 141.

¹⁰ Бусы из могилы № 21 обработала и проанализировала А.А. Стоянова, за что приношу ей искреннюю благодарность.

¹¹ Алексеева 1975; 1978; 1982.

Причерноморья датирует в пределах II в. до н.э. – II в. н.э.¹² В целом эта дата подтверждается находками аналогичных бус из погребений II–I вв. до н.э. Беляусского могильника,¹³ из позднескифских склепов могильников Кольчугино,¹⁴ Усть-Альмы,¹⁵ Опушки (мог. № 78, 288, не опубликованы). В комплексах позднеримского времени такие бусы отсутствуют.

Небольшое количество бус (24 экз.) расчищено на костях погребенного XII. Антропологическое определение свидетельствует, что костяк принадлежал взрослому мужчине. Бусы, располагавшиеся в районе шейных позвонков и ключиц умершего, скорее всего, составляли небольшое ожерелье, в состав которого входили сердоликовые пронизи в сочетании с некрупными стеклянными бусами синего цвета и несколькими глазчатыми бусами. Таким образом выясняется, что бусами украшали себя не только женщины и дети, в могилах которых эти украшения представляют собой почти неперенный атрибут, но и, в исключительных случаях, мужчины. Широкая датировка бус не противоречит датировке других вещей, найденных в могиле, но и не уточняет ее.

Поздние скифы хоронили в земляных склепах, подбойных и грунтовых могилах, иногда использовались иные типы погребальных сооружений¹⁶. Для многократных погребений предназначались склепы. Они использовались для десятков, иногда более сотни захоронений в несколько ярусов, кости ранее погребенных сдвигались. Погребенные верхнего яруса укладывались непосредственно на погребенных нижнего, без каких-либо прослоек.

В публикуемой могиле похоронили 20 умерших, разделяя ярусы погребенных прослойками земли и перекрыв засыпанную землей могилу каменными плитами. Ничего подобного ранее в позднескифской культуре не встречалось. Строго говоря, основываясь на погребальных обрядах, могилу № 21 нет оснований относить к позднескифской (как и любой другой) культуре. Но она окружена позднескифскими погребальными сооружениями и соответствует им по составу погребального инвентаря. Так что сомнений в культурной принадлежности погребенных не возникает. Датировать могилу также можно, ориентируясь на окружающие ее погребальные сооружения, I – первой половиной II в. н.э. Погребальный инвентарь не противоречит такой дате. Отметим еще, что погребения I, II, IV производят впечатление, будто людей бросили в могилу без соблюдения обычных норм погребальной обрядности.

На территории могильника Опушки среди обычных позднескифских, выкопанных в земле склепов, подбойных и грунтовых могил открыты и некоторые необычные погребальные сооружения. Склеп № 250 представлял собой каменную постройку под крышей из каменных плиток, заполненную останками погребенных, числом более 130 и погребальным инвентарем. Зафиксированы следы погребального обряда, при котором все кости погребенных сдвигались и перемешивались, не оставалось ни одного целого костяка, что ни разу не отмечено при

¹² Алексеева 1978, 43, тип 1906.

¹³ Дашевская 2014, 28, табл. 51, 25, 26.

¹⁴ Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, 113, тип 84.

¹⁵ Зайцев 1997, 160, рис. 5, 4, 19.

¹⁶ Сымонович 1983; Высотская 1994, 47–192; Пуздровский 2007, 15–60, 89–126; Храпунов и др. 2009; Пуздровский, Труфанов 2016; 2017а; 2017б; Пуздровский и др. 2021; Труфанов, 2022б.

раскопках склепов, выкопанных в земле¹⁷. Склеп № 340 был выкопан в земле, но над стенами его входной ямы возвышались каменные кладки, перекрытые плитами у самого входа в погребальную камеру. Пол погребальной камеры вымощен плитами, а стена противоположная входу в погребальную камеру представляла собой кладку из камней. Погребальная камера и частично входная яма были заполнены останками погребенных. Результаты раскопок этого погребального сооружения еще не опубликованы. Теперь к числу необычных, не имеющих аналогий ни в могильнике Опушки, ни в других позднескифских могильниках, погребальных сооружений можно добавить еще могилу № 21.

Не соответствующие сложившимся представлениям о позднескифской культуре погребальные сооружения, вероятно, свидетельствуют об отсутствии культурной, а не исключено, что и этнической монолитности населения. Во всяком случае, можно уверенно говорить о том, что среди людей, оставивших могильник Опушки, выделялись группы, имевшие отличные от большинства традиции погребальной обрядности. В то же время, вещи, которыми они пользовались, а со временем превращали в погребальный инвентарь, ничем не отличались от тех, что опускали в обычные для позднескифской культуры погребальные сооружения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Бусы из могилы № 21

№ п/п	Описание типа	Кол-во	Размер, мм	Тип ¹⁸	Рис.
<i>Одноцветное стекло</i>					
1	Шаровидная из глухого черного на вид стекла	1	5x6	1	5, 7
2	Шаровидные из полупрозрачного синего стекла	21	2,5–10x4–11	15	5, 12, 21, 28, 40, 41
3	Шаровидная из прозрачного фиолетового стекла	1	7x8	4	4, 26
4	Шаровидные из полупрозрачного темно-зеленого стекла	1	6–6,5x6–7	8	5, 38
5	Бочковидные поперечно сжатые и продольно вытянутые из прозрачного синего стекла	5	3–6,5x4–6	–	5, 8, 11, 37
6	Бочковидные продольно вытянутые из прозрачного желтого стекла	30	5–10x4–6,5	23	5, 4, 10
7	В форме диска из прозрачного голубоватого стекла	1	16x20	75	5, 57
8	Уплощенная из полупрозрачного синего стекла	1	3,5x6	32	5, 13
9	Усечено-коническая из глухого синего стекла	1	14x9,5	–	4, 11
10	Шаровидная поперечно сжатая с ребристой поверхностью из прозрачного голубоватого стекла	1	6x11	–	5, 6
11	Шаровидная с ребристой поверхностью из прозрачного светло-зеленого стекла	1	10x9	–	5, 35
12	Шаровидная с ребристой поверхностью из прозрачного сине-зеленого стекла	1	21x23	–	4, 25

¹⁷ Храпунов, Стоянова 2020.

¹⁸ Типы бус даны по Е.М. Алексеевой (Алексеева 1975; 1978; 1982).

13	Бочковидная поперечно сжатая ребристая из прозрачного светло-зеленого стекла	1	9x11	–	4, 30
Стекло с внутренней металлической прокладкой					
14	Бочковидные продольно вытянутые	9	5,5–10x4,5–9	26	5, 14, 43, 44
15	Бочковидная продольно вытянутая с валиками по краям	1	11x8	22	5, 51
Многоцветное стекло					
16	Шаровидные поперечно сжатые из глухого белого стекла, украшенные тремя глазками, в которых центральный диск из глухого синего стекла окружен одним белым и одним синим кольцами	3	5–8x5x13	266	5, 24, 31, 47
17	Шаровидные поперечно сжатые из глухого красного стекла, украшенные тремя рельефными глазками, в которых центральный диск из темно-синего стекла окружен одним синим и двумя белыми кольцами	8	5–7x6–9	27г	4, 1, 2, 4, 13; 5, 32
18	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла, украшенная тремя рельефными глазками, в которых центральный диск из прозрачного фиолетового стекла окружен двумя кольцами из глухого желтого и одним кольцом из фиолетового стекла.	1	6x7	–	4, 16
19	Шаровидные из глухого желтого стекла. Украшены тремя глазками, в которых центральный диск из полупрозрачного синего стекла окружен двумя кольцами из белого и одним кольцом из синего стекла	2	9–10x10	28ж	5, 25, 55
20	Шаровидная поперечно сжатая из глухого синего стекла, украшенная тремя глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен одним кольцом из глухого синего стекла и двумя кольцами из глухого белого стекла	1	7,5x9	33	5, 19
21	Шаровидная поперечно сжатая из глухого голубого стекла, украшенная тремя глазками, в которых центральный диск из темно-синего стекла окружен белым и синим кольцами	1	9x14,5	34	5, 56
22	Шаровидная поперечно сжатая из глухого голубого стекла, украшенная четырьмя глазками, в которых центральный диск из синего стекла окружен одним синим и двумя белыми кольцами. В двух глазках граница между кольцами сильно размыта	1	9x11	–	5, 39
23	Шаровидная из глухого белого стекла, украшенная шестью глазками, в которых центральный синий диск окружен кольцами из глухого белого и прозрачного желтого стекла	1	7x9	–	5, 53
24	Шаровидная поперечно сжатая из глухого белого стекла, украшенная шестью глазками. В четырех глазках центральный синий диск окружен одним белым и одним синим кольцами. В двух глазках центральный диск из голубого стекла окружен белым и голубым кольцами.	1	9,5x13	–	5, 54

25	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла, украшенная шестью глазками, в которых центральный диск из лилового стекла окружен одним лиловым и двумя желтыми кольцами	1	7x8,5	—	5, 3
26	Шаровидная из глухого белого стекла, украшенная семью глазками, в которых центральный диск из глухого синего стекла окружают кольца из глухого белого и черного на вид стекла	1	8x8	58	5, 52
27	Шаровидная из глухого синего стекла, украшенная семью глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен одним синим и двумя желтыми кольцами. В некоторых глазках границы между кольцами сильно размыты	1	7x8	66	5, 16
28	Бочковидная поперечно сжатая из прозрачного темно-синего стекла с тремя глазками, в которых центральный синий диск окружен одним синим и двумя белыми кольцами	1	7x8	33	4, 27
29	Бочковидная из полупрозрачного голубого стекла, украшенная тремя глазками, в которых центральный диск из прозрачного желтого стекла окружен двумя кольцами из глухого желтого стекла и одним кольцом из прозрачного желтого стекла	1	7x8,5	—	5, 18
30	Бочковидная поперечно сжатая из прозрачного синего стекла, украшенная пятью глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен кольцом из глухого белого стекла	1	9x12	—	5, 17
31	Бочковидная из прозрачного синего стекла со спиралевидной структурой ядра. Украшена шестью глазками. В трех центральный диск из синего стекла окружен одним синим и двумя белыми кольцами. Один глазок состоит из колец, выполненных из белого и желтого стекла. Два глазка утрачены	1	9x9	—	4, 17
32	Из глухого черного на вид стекла с поперечной белой полосой, фрагмент	1	5x8	141a	5, 46
33	Шаровидная уплощенная из полупрозрачного синего стекла, украшенная поперечной полосой из глухого белого стекла	1	5x10	144	4, 12
34	Шаровидная, украшенная чередующимися продольными полосами из глухого белого, прозрачного желтого, синего и зеленого стекла. Имеет технологическую основу из темного стекла	1	5x8	194	5, 9
35	Бочковидная продольно вытянутая из глухого черного на вид стекла, украшенная поперечной полосой из глухого белого стекла	1	12x8	146	5, 23
36	Бочковидные продольно вытянутые из полупрозрачного лилового стекла, украшенные продольными полосами из глухого белого стекла. У некоторых бус полоски расположены наклонно по отношению к каналу отверстия	30	7–9x5–6,5	1906	5, 5, 15
37	Усечено-коническая из глухого синего стекла. С одной стороны припаяны плоские диски из глухого белого и красного стекла, образующие поперечно-полосатый орнамент	1	14x10	—	4, 23

38	Цилиндрическая из глухого черного на вид стекла, украшенная орнаментом из поперчено навитых полос из глухого белого и красного стекла	1	19x10	–	4, 34
39	Бочковидные продольно вытянутые из глухого черного стекла, украшенные орнаментом в виде поперечного пояса, спаянного из трех лент из глухого синего стекла и четырех лент из глухого белого стекла	2	7x6,5	–	5, 30, 36
40	Шаровидная из глухого красного стекла, украшенная тремя глазками. Все глазки утрачены	1	5x6,5		5, 22
41	Шаровидные из прозрачного синего стекла, украшенные тремя глазками. Все глазки утрачены	2	5–8x5–9		5, 29, 42
42	Шаровидная из прозрачного синего стекла, украшенная глазками, от которых сохранилось восемь лунок. Все глазки утрачены.	1	10x12		5, 49
Египетский фаянс					
43	Бусина короткоцилиндрическая из египетского фаянса	1	3,5x2,5	9	5, 26
Сердолик					
44	Бочковидные продольно вытянутые	9	7–9x5–7,5	36	4, 15; 5, 34, 48
45	Веретеновидная	1	8,5x5,5	1a	5, 45
46	Биконические	2	6–9x5–7	8	5, 33
Глина					
47	Усечено–бипирамидальные	2	3x12–13	–	4, 21, 22
Кость					
48	Цилиндрические	3	10–19x8–10	3	4, 3; 5, 2, 20

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1975: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12).
- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12).
- Алексеева, Е.М. 1982: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12).
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь, 156–166.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017б: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2021: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг.* Симферополь.

- Стоянова, А.А. 2011: Гривны из памятников Крыма сарматского времени. *МАИЭТ* 17, 116–140.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац*. Симферополь, 122–165.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского)*. Киев.
- Труфанов А.А., 2005-2009: Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Труфанов, А.А. 2022а: Колокольчики из Усть-Альминского некрополя. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VIII*. Симферополь, 223–267.
- Труфанов, А.А. 2022б: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2015–2017 гг.* Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2021: Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VII*. Симферополь, 235–256.
- Храпунов, И.Н., Масыкин, В.В., Мульд, С.А. 1997: Позднескифский могильник Кольчугино. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. I. Симферополь, 76–155.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А., Стоянова, А.А. 2009: *Позднескифский склеп из могильника Опушки*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2020: Каменный склеп Опушкинского могильника. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI*. Симферополь, 66–112.
- Polit, B. 2022: *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszów.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1975: *Antichnye busy Severnogo Pricheromor'ya* [Ancient beads of the Northern Black Sea Region] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Pricheromor'ya* [Ancient beads of the Northern Black Sea Region] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Pricheromor'ya* [Ancient beads of the Northern Black Sea Region] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa* [The Necropolis of Belyaus]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2021: Issledovaniya mogil'nika Opushki: itogi i perspektivy [The Researches of the Cemetery of Opusyki: Results and Perspectives]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Kрым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. VII. Simferopol, 235–256.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Muld S.A. 1997: *Pozdneskifskiy mogil'nik Kol'chugino* [The Late Scythian Cemetery of Kolchugino]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. I. Simferopol, 76–155.
- Khrapunov, I.N., Muld S.A., Stoyanova, A.A. 2009: *Pozdneskifskiy sklep iz mogil'nika Opushki* [A Late Scythian Crypt from the Opushki Cemetery]. Simferopol.

- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2020: Kamennyy sklep Opushkinskogo mogil'nika [A Stone Tomb at the Cemetery of Opushki]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. VI. Simferopol, 66–112.
- Polit, B. 2022: *Jewellery of the Barbarian Societies from the Crimea in the Sarmatian Period. Earrings, Bracelets, Band Rings and Finger Rings*. Rzeszów.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd Century BC – 3rd Century AD. Burial Monuments]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2008–2014 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2008–2014]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2000–2003 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2000–2003]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2004–2007 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2004–2007]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A. E., Trufanov, A. A., Zaytsev, Yu. P., Nenevolya, I. I. 2021: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 1997–1999 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 1997–1999]. Simferopol.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Neyzats [Pendants from the Cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats]. Simferopol, 122–165.
- Stoyanova, A.A.: Grivny iz pavyatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Torcs from Crimean sites of the Sarmatian period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 17, 116–140.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropol'ya Neapolya skifskogo)* [Population of the capital of the Late Scythian Kingdom (based on the materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapolis)]. Kiev.
- Trufanov, A.A. 2005–2009: *Khronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e.* [Chronology of burial grounds of the Foothill Crimea of the 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Trufanov, A.A. 2022b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2015–2017 gg.* [Field Studies of the Ust-Alma Necropolis in 2015–2017]. Simferopol.
- Trufanov, A.A. 2022a: Kolokol'chiki iz Ust'-Al'minskogo nekropol'ya [The small bells from the Cemetery of Ust-Alma]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. VIII. Simferopol, 223–267.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [The Ust-Alma Hillfort and Necropolis]. Kiev.
- Zaytsev, Yu.P. 1994: Sklep № 390 Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo nekropol'ya [Crypt No. 390 of the Ust-Alma Late Scythian necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection]. I. Simferopol, 156–166.

AN UNUSUAL LATE SCYTHIAN BURIAL STRUCTURE
IN THE CEMETERY OF OPUSHKI, THE CRIMEA

Igor. N. Khrapunov

Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

The cemetery of the Opushki is located in the centre of the Foothill Crime. During excavations conducted continuously since 2003, 399 burial structures of various types were discovered. The burials were made by the populations of various archaeological cultures. The northern part of the cemetery is occupied by the burials of the Late Scythian culture. They were made into burial vaults, undercut graves, and pit graves. The excavations at the Late Scythian part yielded Grave no. 21, distinguished by funeral rites not documented in any of the structures both in the cemetery of Opushki and in other Late Scythian cemeteries. This grave contained 20 deceased buried in tiers separated with soil layers; the grave was covered with soil and overlaid with stone slabs. So far, nothing similar occurred in the Late Scythian culture. Strictly speaking, from the funeral rites there is no reason to attribute Grave no. 21 to the Late Scythian (or any other) archaeological culture. However, it is surrounded by Late Scythian burial structures and contained corresponding set of grave goods. Therefore, one should not doubt cultural attribution of the buried persons. The grave goods discovered in the grave under study is poor and not expressive chronologically. By all appearance, this grave contained the burials made from the first century AD to the first half of the second century AD. In the area of the Opushki cemetery, amidst traditional Late Scythian underground structures, such as burial crypts, undercut graves, and pit graves, there were a few specific graves. Crypt no. 250 was a stone structure filled with the remains of the buried persons. Although burial Crypt no. 340 was dug into the ground, it contained various stone constructions. Currently, Grave no. 21 can be yielded to the group of unusual and unparalleled burial structures.

Keywords: Crimea, Late Scythian culture, Opushki Necropolis, burial structure

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-79–86

ВАРВАРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

А.В. Безруков¹, В.В. Улитин²

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия*

¹ *E-mail: buonogiorno@mail.ru* ² *E-mail: ulitin_vladislav@yahoo.com*

¹*ORCID: 000-0003-1243-2188* ²*ORCID: 0000-0002-6470-7668*

В статье охарактеризованы проблемы выявления, интерпретации и сопоставления «военных» и «торговых» следов в варварских погребальных комплексах в контексте их потенциала для реконструкции воздействия военно-политической динамики на развитие греко-варварской торговли. Рассмотрены погребальные комплексы Прикубанья и междуречья Волги и Урала – регионов ближней и дальней варварской периферии античного мира, имевших свои особенности как военно-политической истории, так и торговых контактов с античным миром. Сравниваются характерные для этих регионов особенности групп археологических «торговых» и «военных» свидетельств в материалах погребальных памятников. Для ближней периферии характерно большее разнообразие материальных свидетельств, отражающих изменения как в торговле, так и в военно-политической динамике. Обзор проблем отражения динамики греко-варварской торговли и военно-политической динамики в материалах погребальных комплексов Прикубанья и междуречья Волги и Урала показывает возможность реализации общих подходов к их изучению. Вместе с тем имеются различия в круге соответствующих материальных свидетельств, их информативных возможностей и проблем данного рода, наиболее актуальных и доступных для изучения. Эти различия связаны с особенностями природных условий регионов, набора характерных хозяйственно-культурных типов, этнического состава населения, военно-политической истории и степени интенсивности и характера контактов с античным миром и, как следствие, спецификой источниковой базы.

Ключевые слова: греко-варварская торговля, военно-политические факторы, погребальные комплексы, Прикубанье, междуречье Волги и Урала, меоты, сарматы

Данные об авторах. Андрей Викторович Безруков – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова; Владислав Всеволодович Улитин – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ.

Динамика военно-политических событий оказывала сильное воздействие на динамику греко-варварской торговли. При этом следы «военной» и «торговой» групп свидетельств лишь частично соприкасаются физически друг с другом на археологических объектах, к тому же методика их изучения различна¹. Основная цель настоящей статьи – на примере Прикубанья (ближняя варварская периферия античного мира) и междуречья Волги и Урала (дальняя периферия) охарактеризовать проблемы выявления, интерпретации и сопоставления «военных» и «торговых» следов в погребальных комплексах в контексте их потенциала для реконструкции воздействия военно-политической динамики на развитие греко-варварской торговли. Вторая цель – обозначить характерные для регионов Прикубанья и междуречья Волги и Урала особенности групп материальных «торговых» и «военных» свидетельств в материалах погребальных памятников, их выявления, интерпретации, сопоставления с данными письменных источников и между собой.

Динамика торговли в погребальных комплексах фиксируется по ее важнейшим параметрам: динамика объема поступления товаров, изменения в их ассортименте, составе импорта-экспорта по каждой категории товара, ареале распространения, а также в системе организации торговли.

Реконструкции динамики торговли предполагает отбор предметов импорта, поступавших торговым способом (с учетом существования и иных пути проникновения импортных предметов²), одновременно массового и достаточно узко датируемого. Для меотских погребений это находки амфор, чрезвычайно редкие в междуречье Волги и Урала³. Для меотских и сарматских погребений это лаковая и красноглиняная посуда⁴, бронзовые фибулы⁵, часть бронзовой посуды⁶.

Проблемы датировки импорта и в целом погребальных комплексов, содержащих его включают проблемы установления узких дат, сопоставления изменений по различным категориям импорта, а также «запаздывания» некоторых из них в варварской среде⁷.

Военно-политическая динамика в погребальных комплексах может проявляться в свидетельствах усиления/уменьшения военно-политической активности и нарастания/спада военно-политической напряженности; непосредственного участия воинов в военных действиях; последствий конфликтов; миграций как военно-политического фактора.

Изменение военно-политической активности и военно-политической напряженности в погребальных комплексах выявляется по степени милитаризованности. О военной угрозе для меотов Прикубанья свидетельствует резкое увеличение количества меотских погребений с оружием и высокий их процент в ряде меотских могильников⁸. Более разнообразный комплекс вооружения связан с ростом военно-политической активности, что хорошо прослежено на примере сарматов

¹ Venci 1984, 116–132; Брашинский 1984; Monachov, Kuznetsova 2017, 59–99.

² Брашинский 1984, 22–23; Simonenko et al. 2008, 329–330.

³ Безруков, Улитин 2017, 241–244, 248.

⁴ Безруков, Улитин 2017, 242–245, 249–251.

⁵ Кропотов 2010, рис. 105.

⁶ Simonenko et al. 2008, 329–330.

⁷ Симоненко 2014, 261; Скрипкин 2017, 83.

⁸ Лимберис, Марченко 2010, 265; Монахов и др. 2021, 24; Иванов, 2020, 7.

Южного Урала⁹. На воинственность кочевников ранней сарматской группы в Прикубанье указывают находки оружия практически во всех погребениях¹⁰. О нарастании военной угрозы свидетельствует разнообразие комплекса меотского вооружения IV в. до н.э.¹¹.

Свидетельства непосредственного участия в военных действиях, выявляемые в погребальных комплексах включают трофеи; предметы вооружения, связанные с пребыванием представителей племен на службе у правителей античных государств; следы боевых травм у воинов в погребениях. В Прикубанье это стеклянные скифосы и канфары, часть металлической посуды и бронзовых фибул¹², а также навершие римского знамени и бронзовая пластина от перекрестья римского меча¹³. Шлемы типа Монтефортино могли быть получены представителями сарматских племен в связи с их службой у Митридата Евпатора¹⁴. Характер боевых травм показывает, что кочевники Волго-Уральского региона принимали участие в конфликтах за пределами территории своего кочевания¹⁵.

Миграции прослеживаются по уменьшению количества сарматских памятников в Южном Приуралье и их увеличению в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону¹⁶ и появлению в Прикубанье с конца III – начала II в. до н.э. большого количества погребений кочевых сарматов – сираков¹⁷.

Проблемы этнокультурной атрибуции могильников вызывают дискуссии о самой ранней группе сарматских памятников в Прикубанье, этнокультурной принадлежности памятников Zubovsko-Vozdvizhenskoy группы и Золотого кладбища¹⁸.

Может быть также выделена проблема определения причин сокращения количества погребальных комплексов. С военными действиями Полемона I предложено связывать начало оттока сарматов из Восточного Приазовья¹⁹, а с римско-боспорской войной 45–49 гг. н.э. – исчезновение курганов сираков там же²⁰.

Проблема выявления типа военно-политического фактора связана, прежде всего, с необходимостью идентификации нападающей, либо угрожавшей стороны. Некоторые крупные меотские памятники исчезают вследствие укрепления сарматского влияния в Прикубанье (по И.И. Марченко²¹) или политики Боспорского царства (по Н.Ф. Шевченко и Н.Е. Берлизову²²). Экспансия сарматов в Вос-

⁹ Васильев 2001, 95–96.

¹⁰ Марченко 1996, 116.

¹¹ Лимберис, Марченко 2006, 152, 174; Марченко, Лимберис 2011, 132; Монахов и др. 2021, 26; Лимберис, Марченко 2022, 154.

¹² Simonenko et al. 2008, 329–330.

¹³ Виноградов, Горончаровский 2009, 269.

¹⁴ Симоненко 2014, 262.

¹⁵ Китов и др. 2019, 169.

¹⁶ Скрипкин 2017, 129, 100, 161.

¹⁷ Лимберис, Марченко 2010, 267; Шевченко 2013, 48.

¹⁸ Скрипкин 2017, 107–110, 135–137, 147–148, 191–194, 203.

¹⁹ Шевченко 2013, 67, 69.

²⁰ Марченко 1996, 133.

²¹ Марченко, 1996, 117–118

²² Шевченко 2013, 47–48; Берлизов 2014, 74.

точном Приазовье в начале II в. до н.э. могла привести к переселению дандариев в более западные плавневые районы²³.

Проблемы сопоставления с данными письменных источников связаны главным образом с локализацией областей и племен²⁴. Так, в Прикубанье, в отличие от дандариев²⁵ локализация племени фатеев²⁶ пока не стала общепризнанной. Выявлены противоречия с данными письменных источников: между отсутствием сарматских памятников I в. н.э. на территории Восточного Приазовья и информацией Тацита о войне 49 г. н.э.²⁷; границами зоны обитания сарматов по данным античной нарративной традиции и сарматским характером прохоровской культуры Южного Зауралья и Приуралья²⁸.

Следующий этап исследования связан с сопоставлением данных «военной» и «торговой» группы и интерпретацией сопоставленных данных. Он предполагает рассмотрение проблем синхронизации изменений в торговле и событий, выявления взаимосвязи между изменениями в торговле и военно-политическими событиями, определения продолжительности и масштабов влияния.

Сравнительный анализ показывает, что при отборе материала в погребальных комплексах круг материальных «торговых» и «военных» свидетельств, отражающих воздействие военно-политической динамики на развитие торговли, является более широким на ближней периферии, в Прикубанье. При выявлении и интерпретации следов воздействия военно-политических факторов на развитие торговли для дальней периферии, междуречья Волги и Урала, особое значение имеют проблемы изучения свидетельств миграций, тогда как для ближней периферии не менее важными являются проблемы изучения иных типов военно-политических факторов. Безусловно, материалы ближней периферии предоставляют больше возможностей для сопоставления с данными письменных источников. В целом же погребальные комплексы ближней периферии предоставляют больше возможностей для решения проблем сопоставления данных о военно-политических факторах и изменениях в греко-варварской торговле.

Обзор проблем отражения динамики греко-варварской торговли и военно-политической динамики в материалах погребальных комплексов Прикубанья и междуречья Волги и Урала показывает возможность реализации общих подходов к их изучению (выявлению, интерпретации, сопоставлению с данными письменных источников и между собой). Вместе с тем имеются различия в круге соответствующих материальных свидетельств, их информативных возможностей и проблем данного рода, наиболее актуальных и доступных для изучения. Отмеченные различия связаны, прежде всего, с особенностями природных условий регионов, набора хозяйственно-культурных типов, для них характерных, этнического состава их населения, военно-политической истории и степени интенсивности и характера контактов с античным миром и, как следствие, спецификой источниковой базы.

²³ Шевченко, 48.

²⁴ Скрипкин 2017, 10–11.

²⁵ Каменецкий 2011, 204; Шевченко 2013, 46–48.

²⁶ Марченко, Лимберис 2001, 87–91

²⁷ Шевченко 2013, 69.

²⁸ Скрипкин 2017, 62–65.

ЛИТЕРАТУРА

- Безруков, А.В., Улитин, В.В. 2017: Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н. э. – II в. н. э. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Берлизов, Н.Е. 2014: К вопросу о существовании сирако-меотского племенного союза. *Культурная жизнь Юга России* 2, 72–75.
- Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)*. Л.
- Васильев, В.Н. 2001: *Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI – II вв. до нашей эры*. Уфа.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2009: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.)*. СПб.
- Иванов, А.В. 2020: *Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье*. Краснодар.
- Каменецкий, И.С.: 2011: *История изучения меотов*. М.
- Китов, Е.П., Хохлов, А.А., Иванов, С.С. 2019: Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н. э. *Stratum plus* 3, 169–180.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2006: Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 6. Краснодар, 152–181.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2010: Сарматы. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. 1. М., 260–284.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2022: Конская узда V – IV вв. до н.э. из меотских грунтовых могильников правобережья Кубани. В сб.: М.С. Гаджиев, В.Р. Эрлих (ред.), *Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения*. Майкоп, 154–156.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Марченко, И.И., Лимберис, Н.Ю. 2001: О локализации меотского племени фатеев. В сб.: И.И. Марченко (ред.), *Третья Кубанская археологическая конференция*. Краснодар–Анапа, 87–91.
- Марченко, И.И., Лимберис, Н.Ю. 2011: Меотские дротики из памятников правобережья Кубани. В сб.: А.Ю. Скаков (ред.), *Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум)*. Сухум, 131–133.
- Монахов, С.Ю., Марченко, И.И., Лимберис, Н.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2021: *Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына)*. Саратов.
- Симоненко, А.В. 2014: Шлемы сарматского времени из Восточной Европы. *Stratum plus* 4, 249–284.
- Скрипкин, А.С. 2017: *Сарматы*. Волгоград.
- Шевченко, Н.Ф. 2013: *Племена Восточного Приазовья на рубеже эры*. Ростов-на-Дону.
- Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas trade in the Black Sea region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, connectivity and cultural interactions*. Cambridge, 59–99.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.

Vencl, Sl. 1984: War and Warfare in Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116–132.

REFERENCES

- Berlizov, N.E. 2014: K voprosu o sushchestvovanii sirako-meotskogo plemennogo soyuza [On the existence of Siraco-Maeotian tribal alliance]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South] 2, 72–75.
- Bezrukov A.V., Ulitin V.V. 2017: Osobennosti keramicheskogo importa u kochevnikov Prikuban'ya i Volgo-Kam'ya vo II v. do n.e. – II v. n.e. [Ceramic Import Peculiarities in the Nomadic Area of Kuban and the Volga-Kama Rivers Region in the 2nd c. BC to 2nd c. AD]. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Brashinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ya)* [Research Methods of Ancient Trade (on the Example of the Northern Black Sea Region)]. Leningrad.
- Ivanov, A.V. 2020: Meotskiy mogil'nik "Furozhan" v Zapadnom Zakuban'e. [Maeotian Burial Mound "Furozhan" in the Western Trans-Kuban Region]. Krasnodar.
- Kamenetskiy, I.S. 2011: *Istoriya izucheniya meotov* [History of the Maeotian Studies]. Moscow.
- Kitov, E.P., Khokhlov, A.A. Ivanov S.S. 2019: Boevye travmy u rannikh kochevnikov "savromato-sarmatskogo" oblika kak otrazhenie sotsial'no-politicheskoy obstanovki v stepnoy polose Evrazii v VI—II vv. do n. e. [Combat Injuries of the Early Nomads of the "Savromatian-Sarmatian" Appearance as a Reflection of the Social and Political Situation in the Steppes of Eurasia in 6th—2nd cc. BC]. *Stratum plus* 3, 169–180.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Era]. Kiev.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010: Sarmaty [The Sarmatians]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe Nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] 1. Moscow, 260–284.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2022: Konskaya uzda V–IV vv. do n.e. iz meotskikh gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Horse bridle of the 5th–4th centuries BC from Maeotian burial grounds on the right bank of the Kuban]. In: M.S. Gadzhiev, V.R. Erlikh (eds.), *Drevnie i srednevekovye kul'tury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, interpretatsii. XXXII Krupnovskie chteniya* [Ancient and Medieval Cultures of the Caucasus: Discoveries, Hypotheses, Interpretations. XXXII Krupnov Readings]. Maykop, 154–156.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I., 2006: Tipologiya i khronologiya meotskikh zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and chronology of Maeotian iron spearheads from archaeological sites on the right bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of Kuban] 6. Krasnodar, 152–181.
- Marchenko, I.I. 1996: Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Kuban Siraces (Basing on the Materials from the Barrow Burials of the Lower Kuban Region)]. Krasnodar.
- Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu. 2001: O lokalizatsii meotskogo plemeni fateev [On the localization of the Maeotian tribe of Phateians]. In: I.I. Marchenko (ed.), *Tret'ya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Third Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar–Anapa, 87–91.
- Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu. 2011: Meotskie drotiki iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Meotian javelins from archaeological sites on the right bank of the Kuban River]. In: A.Yu. Skakov (ed.), *Problemy arkheologii Kavkaza. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Yu.N. Voronova (10–11 maya 2011 g., g. Sukhum)* [Problems of Archaeology of the Caucasus. Collection of Materials of the

- International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Yu.N. Voronov (May 10–11, 2011, Sukhum)*]. Sukhum, 131–133.
- Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas trade in the Black Sea region from the Archaic to the Hellenistic period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity and Cultural Interactions*. Cambridge, 59–99.
- Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2021: *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna)* [*Amphorae from the Kuban Necropolis of the 4th – early 3rd century BC in the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn*]. Saratov.
- Shevchenko, N.F. 2013: *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery* [*Tribes of the East Azov Sea Shore on the Turn of Erae*]. Rostov-on-Don.
- Simonenko, A.V. 2014: Shlemy sarmatskogo vremeni iz Vostochnoy Evropy [Sarmatian Age Helmets from Eastern Europe]. *Stratum plus* 4, 249–284.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz–Berlin.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd.
- Vasilyev, V.N. 2001: *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashei ery* [Weaponry and Warfare of the Nomads of the Southern Urals in the 6th – 2nd Centuries BC]. Ufa.
- Vencl, Sl. 1984: War and Warfare in Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116–132.
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskii, V.A. 2009: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (VI v. do n. e. – seredina III v. n. e.)* [Military History and Warfare of Cimmerian Bosphorus (6th Century BC – Middle 3rd Century AD)]. Saint Petersburg.

BARBARIAN FUNERAL COMPLEXES IN THE CONTEXT OF TRADE AND MILITARY-POLITICAL DYNAMICS

Andrey V. Bezrukov¹, Vladislav V. Ulitin²

¹ Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

² Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ E-mail: buonogiorno@mail.ru ² E-mail: ulitin_vladislav@yahoo.com

The article discusses the problems of identifying, interpreting and comparing “military” and “trade” traces in barbarian burial complexes in the context of their potential for reconstructing the impact of military-political dynamics on the development of Greco-barbarian trade. The funerary complexes of the Kuban region and the interfluvies of the Volga and the Ural Rivers are considered. These are regions of the near and distant barbarian periphery of the Classical World, which had their own characteristics of both military-political history and trade contacts with the ancient world. The characteristic features of these regions of groups of archaeological “trade” and “military” evidence in the materials of funerary monuments are compared. The near periphery is characterized by a greater variety of material evidence reflecting changes in both trade and military-political dynamics. A review of the problems of reflecting the dynamics of Greek-barbarian trade and military-political dynamics in the materials of burial complexes

of the Kuban region and the interfluvium of the Volga and Ural Rivers shows the possibility of implementing common approaches to their study. At the same time, there are differences in the range of relevant material evidence, their informative capabilities and problems of this kind that are most relevant and accessible for study. These differences are associated with the peculiarities of the natural conditions of the regions, a set of characteristic economic and cultural types, the ethnic composition of the population, military-political history and the degree of intensity and nature of contacts with the ancient world and, as a consequence, the specifics of the source base.

Keywords: Greek-barbarian trade, military-political factors, burial complexes, Kuban region, interfluvium of the Volga and Ural Rivers, Maeotians, Sarmatians

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 87–101
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 87–101
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-87–101

О ПОЯВЛЕНИИ САРИССЫ В МАКЕДОНСКОМ ВОЕННОМ ОБИХОДЕ

А.А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

Аннотация. В статье рассматриваются время и обстоятельства появления сариссы на вооружении представителей македонской фаланги. Этот тип пехотного копья длиной значительно превосходил традиционное гоплитское древковое оружие, наделяя обладателей преимуществом в дистанции воздействия. Кроме того, сарисса требовала нехарактерного для эллинской военной практики двуручного хвата и перехода к использованию нового варианта щита. Процесс внедрения сарисс очень скупо освещен в письменных источниках и, ввиду отсутствия подробных описаний этого оружия, не может быть уверенно отследен в археологических материалах. Тем не менее определено, что предположение о появлении сариссы в арсенале македонской пехоты лишь к концу правления Филиппа II малообоснованно. Согласно информации, восходящей корнями к утраченному сочинению Эфора, сариссы были частью экипировки фалангитов Филиппа уже на начальной стадии его правления. Это заключение хорошо соотносится и с обстоятельствами первой победы Филиппа над иллирийцами, достигнутой, по указанию источников, с помощью отборных подразделений пехоты. Рассмотрение сведений о реформаторской деятельности Ификрата, подразумевавшей вооружение наемников более длинными копьями, показывает, что убедительных оснований считать афинского полководца настоящим создателем сарисс нет. Схожий вывод сделан применительно к гипотезе о заимствовании Филиппом длинных двуручных копий у фракийцев. Ее явными недостатками являются отсутствие убедительных археологических свидетельств и плохое соответствие особенностям военного дела фракийцев, не имевших аналогов македонской фаланги и вряд ли нуждавшихся в громоздком оружии, эффективном лишь в плотных боевых порядках. Данные источников, анализ терминологии, учет условий и обстоятельств создания новой македонской «военной машины» позволяют заключить, что наиболее обоснованным является мнение, согласно которому сарисса была создана именно в царстве Аргеадов на начальном этапе военных преобразований Филиппа.

Ключевые слова: сарисса, фаланга, Филипп II, Македония, Александр Македонский, Ификрат, фракийцы

Данные об авторе. Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГУ им. Л.Н. Толстого.

В исторической науке существует немало проблем, значимость которых обратно пропорциональна степени информированности современных исследователей, определяемой, конечно, состоянием источниковой базы. В некоторых случаях она чрезвычайно бедна и не позволяет дать однозначные ответы на важные вопросы, превращая поле их обсуждения в настоящее ристалище, где регулярно проходят поединки разнообразных и порой взаимоисключающих трактовок и гипотез. Пусть это прозвучит несколько иронично, но особенно много подобных «полей сражений» в истории античного военного дела, изучаемого по сохранившимся осколкам греко-римского письменного наследия и часто неоднозначным археологическим данным. К числу очень сложных вопросов, несомненно, относятся обстоятельства и предпосылки появления в арсенале македонской армии времен великих завоеваний IV в. до н.э. сариссы – предмета вооружения сколь значимого, столь и загадочного.

1. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ САРИССЫ И ВРЕМЯ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ В МАКЕДОНСКОМ АРСЕНАЛЕ

Прежде всего, нельзя не отметить, что древковое оружие македонских фалангитов, обозначаемое в античной письменной традиции как $\sigma\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\alpha$ или $\sigma\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\alpha$, было по-настоящему ярким элементом экипировки. Первой и основной особенностью этого копья являлись внушительные размеры. Так, согласно сообщению Теофраста, являвшегося современником азиатской экспедиции Александра, наиболее длинные сариссы были в 12 локтей ($\pi\eta\chi\epsilon\omega\varsigma$) (Hist. plant. III. 12. 2). Близкие данные приводит Асклепиодот, указывающий, что габариты этого оружия составляли от 10 до 12 локтей (Tact. 5. 1). По сведениям Полибия, описывающего события II в. до н.э., вначале сариссы имели 16 локтей в длину, но затем были укорочены до 14 (XVIII. 29. 2). Эта информация достаточно хорошо соотносится с данными Элиана (Tact. 14; ср. 12) и Полиэна (II. 29. 2). Арриан, в свою очередь, определяет длину сарисс в 16 «футов» ($\pi\omicron\delta\acute{o}\varsigma$) (Tact. 12. 7). Разные подходы к определению значений указанных единиц измерения и интерпретации получаемых размеров на предмет реалистичности привели к большому разбросу мнений о длине сарисс времен великих завоеваний. Так, В. Рюстов и Г. Кехли, отмечая тяжесть и крайнюю непрактичность излишне длинных копий, предположили, что в античных сочинениях «локти» указаны ошибочно вместо «футов», благодаря чему определили длину сарисс в 4,2–4,8 м¹. У. Тарн, акцентируя внимание на значительной мобильности пехоты Александра, выдвинул гипотезу, согласно которой для обозначения габаритов сарисс в источниках применялись некие короткие «македонские локти», а реальная длина оружия во времена Восточного похода была около 4 м². По наиболее распространенным оценкам современных исследователей, опирающихся на «классическую» аттическую систему мер, в эпоху Александра сариссы фалангитов имели длину от 4,5 до 6 м³. Большой размер неизбежно определил другую особенность сариссы в виде двуручного хвата, связанного, в свою очередь, с переходом к новому, нетипичному для греческой военной

¹ Rüstow, Köchly 1852, 238–239.

² Tarn 1930, 15–16.

³ Markle 1977, 323; Noguera Borel 1996, 839–842; Matthew 2012, 97; Campbell 2016, 52.

практики способу ношения щита. Из древних авторов на него прямо указывает лишь Плутарх, согласно которому применение сариссы требовало обеих рук, и, соответственно, отказа от рукояти щита в пользу плечевого ремня (Cleom. 11; ср. Plut. Aem. 19). К этому также можно присовокупить указание Асклепиодота (Tact. 5. 1) на наиболее подходящий воинам фаланги щит македонского типа, не слишком выпуклый и имеющий размер в 8 «ладоней» (παλαστή). Аналогичный размер щита фалангитов упоминает и Элиан (Tact. 12). Эти данные, а также присутствующие в археологическом материале эллинистического времени специфические бронзовые накладки на щиты позволили сделать заключение о наличии у пеших сариссофоров щита, который имел в диаметре всего 60–70 см и, закрепляясь на предплечье воина и плечевом ремне, оставлял кисть левой руки свободной⁴. Отличие этого элемента защитной экипировки от более крупных гоплитских образцов подтверждается и терминологией: в письменной традиции для обозначения данной части снаряжения воинов македонской фаланги весьма часто используется слово «пельта» (πέλτη), которое, как правило, служило для наименования щитов, уступавших гоплитским в размере и весе⁵.

Особый вариант пехотного копья и связанные с ним изменения в облике защитного снаряжения сделали македонского фалангита отличающимся от эллинских тяжеловооруженных пехотинцев не только по внешним признакам. Как неоднократно отмечалось в литературе, переход к использованию сарисс обеспечил боевое превосходство македонской фаланги над греческими гоплитами, имевшими более короткие копья и потому способными поражать противника с гораздо меньшей дистанции⁶. В этой связи особенно интересна ситуация, сложившаяся в античном нарративе, освещающем военные события эпохи установления македонской гегемонии, где и момент появления сарисс, и их влияние на ход боевых столкновений не выделяются. Относительно времен Филиппа точную хронологическую привязку имеет лишь одно сообщение о сариссе как части македонского комплекса вооружения. Оно относится к знаменитой битве при Херонее 338 г. до н.э. и содержится в историко-литературном наследии Плутарха (Pelop. 18), который в рассказе о боевых качествах фиванского «Священного отряда» упомянул, что в сражении с Филиппом представители этого подразделения грудью встречали удары сарисс (σάρισαις). Напротив, в нарративе, освещающем военные события времен Александра, упоминания сарисс как элемента вооружения македонской пехоты носят регулярный характер. Так, сариссы фигурируют в рассказе Арриана о первой самостоятельной кампании Александра на Балканском полуострове 335 г. до н.э. (см. Anab. I. 2. 1), а применительно к событиям Восточного похода их упоминают все основные источники (см. Arr. Anab. III. 14. 3; Diod. XVII. 57. 6; 58. 3; 84. 4; 88. 2; 100. 6; Curt. IX. 7. 19).

Преодолеть недостатки письменной традиции посредством привлечения археологического материала в данном случае невозможно. Причиной является от-

⁴ Snodgrass 1967, 117–118; Griffith 1981, 161; Cascarino 2011, 105–110; Karunanithy 2013, 188; Кузьмин 2010, 2. У.К. Притчетт сделал предположение о несколько большем размере македонского щита (80 см в диаметре) при принятии общей концепции использования (Pritchett 1971, 148–150). Принципиально иное мнение по данному вопросу и доводы в пользу применения македонскими пехотинцами типичных для гоплитов щитов аргивского типа см.: Anderson 1976, 5–6.

⁵ Подробнее об этом: Liampi 1998, 7–17; Matthew 2015, 73–75.

⁶ Griffith 1979, 421; Markle 1982, 94; Hammond 1994, 19; English 2009, 43–44; Борза 2013, 265.

сутствие в античном нарративе сколь-нибудь подробных описаний конструктивных особенностей сарисс. По сути, в нашем распоряжении есть лишь указание Плутарха на способность сариссы легко пробивать щиты и панцири (см. Аем. 20) и сообщение Граттия Фалиска о сравнительно небольшом размере ее наконечника (Суп. 117–120). Кроме того, имеющиеся немногочисленные находки можно интерпретировать весьма вариативно. Д.М. Робинсон идентифицировал как части сарисс небольшие (13,5 см) железные наконечники копий, обнаруженные возглавляемой им экспедицией в разрушенном Филиппом II Олинфе⁷. Согласие с этим выводом, подразумевающим использование сарисс в 348 г. до н.э., высказано в фундаментальной работе Э.М. Снодрасса⁸. Данное заключение было признано допустимым и в некоторых более поздних исследованиях⁹. Также с сариссами сопоставлялись более длинные (до 31 см) наконечники, обнаруженные на месте битвы при Херонее¹⁰. Большую известность получил вывод греческого археолога М. Андроникоса, который определил как детали сариссы крупный (51 см) и тяжелый (1,235 кг) листовидный железный наконечник копья, а также массивный четырехлопастной бронзовый вток (44,5 см в длину при весе 1,070 кг), найденные в непосредственной близости от знаменитой Гробницы №2 в Вергине¹¹. Эта интерпретация встретила широкий отклик в научной среде. Наиболее подробные доводы в пользу того, что именно описанные М. Андроникосом артефакты, а не уступающие им в размерах находки более раннего времени являются частями сариссы, привел М.М. Маркл¹². Авторы большого количества работ согласились с данным вариантом идентификации археологического материала¹³. Впрочем, и это мнение, несмотря на свою распространенность, далеко не однозначно. Так, К.А. Мэттью пришел к выводу, согласно которому найденный М. Андроникосом четырехлопастной вток действительно принадлежал сариссе, но наконечник опознан неверно, так как в реальности эта часть македонского длинного копья явно обладала меньшим размером¹⁴. Н. Секунда, обратив внимание на сообщение о большой проникающей силе сарисс, изображения копий на памятниках искусства и практику использования пехотных пик XVI–XVII вв., отметил, что сариссы должны были иметь сравнительно узкий наконечник и небольшой вток. Исследователь определил найденное М. Андроникосом копье как церемониальное и констатировал отсутствие возможности выделить из массы находок наконечников позднеклассического и эллинистического времени уверенно идентифицируемые части сарисс¹⁵. Признавая эти критические замечания обоснованными, следует подчеркнуть, что сейчас невозможно выделить явные археологические маркеры, свидетельствующие о наличии сарисс на том или ином датированном памятнике.

⁷ Robinson 1941, 412–413.

⁸ Snodgrass 1967, 119.

⁹ Griffith 1979, 418–428; Lee 2001, 20.

¹⁰ См. Sotiriades 1903, 309; Champion 2009, 24.

¹¹ Andronicos 1970, 98–101.

¹² Markle 1977, 325–326.

¹³ К примеру: Head 1982, 105–106; Ducrey 1985, 87–88; Bosworth 1988, 260; Mixter 1992, 23; Heckel, Jones 2006, 13–14; English 2009, 20; King 2017, 110–111. О возможном соотношении находок из Вергины с наконечниками, найденными у Херонеи см.: Ma 2008, 75.

¹⁴ Matthew 2015, 48–49.

¹⁵ Sekunda 2001, 13–22.

Источниковая ситуация, конечно, в значительной степени затрудняет исследование проблемы появления сариссы в обиходе македонской армии времен Филиппа II. Это обусловило возникновение скептической позиции М.М. Маркла, по мнению которого при Филиппе воины македонской фаланги вооружались обычными гоплитскими копьями, а сариссы стали использовать лишь в период правления Александра. В соответствии со своей концепцией М.М. Маркл идентифицировал упоминаемые применительно к битве при Херонее «сариссы» как копья македонской кавалерии, уничтожившей «Священный отряд»¹⁶. Рассматривая последний из аргументов, следует заметить, что приписывание разгрома «Священного отряда» исключительно коннице малообоснованно и противоречит другим, более распространенным вариантам реконструкции знаменитой битвы, по которым фиванская пехота была разбита или силами македонских фалангитов, использовавших превосходство своих сарисс в длине¹⁷, или совместными действиями тяжеловооруженных пехотинцев и кавалерии, осуществившей фланговую атаку¹⁸. Каждая из этих версий подразумевает, что сариссы, пронзавшие бойцов «Священного отряда», вероятнее всего, принадлежали македонской пехоте. Кроме того, говоря об особенностях отражения проблемы в источниках необходимо указать на присутствие в письменном наследии нередко упускаемого из виду фрагмента, свидетельствующего о достаточно раннем включении сарисс в комплекс вооружения македонских фалангитов. Он содержится в сочинении Полиэна, согласно которому во время проводившихся при Филиппе учебных походов македоняне несли шлемы (κράνη), пельты (πέλτας), поножи (κνημίδα) и сариссы (σαρίσας) (IV. 2. 10). В контексте рассматриваемой проблемы важно, что информация Полиэна близка к рассказу Диодора о начальном этапе правления Филиппа, где описываются снабжение македонян вооружением, создание фаланги и тренировки (XVI. 3. 1–2), а также к одной из стратегем Фронтинана, который, говоря о мероприятиях, связанных с первым сбором войска при Филиппе, упоминает реформу обоза и приучение воинов к переноске грузов на себе (Strat. IV. 1. 6). Как убедительно показал Н. Хэммонд, эти сообщения не только посвящены одной проблеме, но и стилистически схожи как между собой, так и с известными ныне фрагментами сочинения Эфора, чей рассказ о первых мероприятиях Филиппа, видимо, и выступил первоисточником данных во всех трех случаях¹⁹. К данному блоку информации следует присовокупить сообщения о первом сражении Филиппа с иллирийцами, оставленные уже упомянутыми Диодором (XVI. 4. 5–7) и Фронтином (Strat. II. 3. 2), которые не противоречат друг другу и, видимо, также опираются на наследие Эфора²⁰. Согласно этим свидетельствам, в битве, произошедшей в 358 г. до н.э., то есть спустя всего лишь год после прихода Филиппа к

¹⁶ Markle 1978, 488–497. Позже с этим выводом согласился Ю.Н. Борза: Борза 2013, 291.

¹⁷ Rahe 1981, 85–87; Gaebel 2002, 156; Buckler, Beck 2008, 256–258.

¹⁸ Burn 1964, 40–41; Hammond 1980, 62; Anson 2020, 70–71; Сивкина, Новосильнов 2021, 1606. Вывод о комбинированной атаке с активным участием конницы на основании анализа повреждений, выявленных у захороненных участников битвы, см.: Ма 2008, 74–76.

¹⁹ См. Hammond 1980, P. 56. Примечательно, что аналогичный вывод о происхождении рассказа Диодора сделал М.М. Маркл (Markle 1978, 484).

²⁰ Hammond 1937, 851; Lane Fox 2011, 343.

власти, решающую роль сыграли лучшие македонские пехотинцы, являвшиеся, вероятнее всего, сариссофорами²¹.

2. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ САРИССЫ

Достаточно непросто определить, как именно появилась такая необычная и важная часть арсенала армии Филиппа и Александра, как сарисса. При обращении к данному вопросу часто и вполне закономерно акцентируется внимание на преобразованиях афинского полководца Ификрата в области пехотного вооружения, известных по сообщениям Диодора и Корнелия Непота. Так, первый из упомянутых писателей указывает, что Ификрат отказался от бытовавших у греков больших щитов и снабдил воинов пельтами (πέλτας), прикрывавшими тело, но позволявшими быть подвижным. Как отмечается, благодаря этому воины, ранее называвшиеся «гоплитами», стали именоваться «пельтастами» (πέλτασταί). Особенно интересно сообщение об осуществленном Ификратом увеличении длины копий в полтора раза (δώραта ἡμιολίῳ μεγέθει), помимо которого упоминается почти двукратное увеличение длины мечей и введение обуви, названной «ификратидами» (см. Diod. XV. 44. 1–4). В латиноязычной работе Непота также есть указание на отказ от прежних больших щитов и появление «пельтастов» (peltastae), однако отмечается, что мечи Ификрат сделал длиннее, а копья увеличил вдвое (hastae modum duplicavit). Кроме того, римский автор пишет о замене плетеных и медных панцирей на льняные (linteas), в итоге отмечая повышение боеспособности воинов из-за наличия у них легкого и надежного снаряжения (см. Nep. 11. 1. 3–4). Так как период военно-политической деятельности Филиппа сравнительно близок ко времени полководческой активности Ификрата, а реформы последнего подразумевали удлинение копий и внедрение щитов-пельт, предположение об использовании македонским царем-реформатором идей афинянина получило большое распространение в историографии²². Тем не менее принять мнение об очевидной преемственности между македонскими пешими сариссофорами и новыми пельтастами Ификрата не представляется возможным. Главной причиной этого является состояние источниковой базы: о реформах Ификрата сообщают только два указанных выше фрагмента сравнительно поздних сочинений, которые, предположительно, со значительными искажениями передают сведения Эфора, в то время как других письменных свидетельств о преобразованиях и их последствиях нет²³. Из-за этого сложно определить и содержание, и значение реформ Ификрата. С одной стороны, существует достаточно оптимистическая позиция, подразумевающая, что приписываемые афинскому военачальнику преобразования имели место в реальности и сказались на практике ведения войн в Греции, так как привели либо к перевооружению значительной части греческих наемников, либо к

²¹ Errington 1990, 40; Billows 1995, 14; Buckler 2003, 391; Anson 2010, 63; Bardunias, Ray 2016, 149. Более осторожное, но подтверждающее показательный характер победы Филиппа мнение см.: Ellis 1976, 58.

²² К примеру: Burn 1965, 141; Anderson 1970, 131; Sekunda 2007, 329; Sears 2019, 154, 160; Жеков 2008, 37–38. Отдельное можно упомянуть осторожную позицию Г.Т. Гриффита, который назвал связь между преобразованиями Филиппа и Ификрата возможной, но не обязательно решающей (см. Griffith 1981, 164–165).

²³ Stylianou 1998, 343–345.

формированию отдельного контингента «солдат удачи», проявившего себя в межполисных войнах²⁴. По мнению второй группы специалистов, Ификрат провел свои реформы во время службы персам в период одной из египетских кампаний и сколь-нибудь значительного влияния на военные события в континентальной Греции его преобразования не оказали²⁵. Согласно наиболее критической позиции, сообщения о реформе, не упоминаемой в хронологически синхронных источниках, появились вследствие непонимания более поздними авторами военных реалий IV в. до н.э., а само создание нового комплекса пехотного вооружения в действительности не произошло²⁶. Иными словами, нельзя исключать вероятность того, что реформ Ификрата в описываемом варианте не было или же они имели локальный характер, а значит, вряд ли могли быть хорошо известны молодому Филиппу. Кроме того, ни в одном из источников, затрагивающих реформы Ификрата или действия афинских и иных наемников, не упоминается такая важная новация, как двуручный хват копья. Это позволяет присоединиться к выводу, согласно которому перевооруженные пехотинцы Ификрата в случае их реального существования держали свои удлиненные копья сообразно греческим традициям в одной руке²⁷. Соответственно, видеть в этом оружии близкий аналог македонской сариссы нельзя.

Еще большим количеством слабых сторон обладает концепция, в наиболее полном виде сформулированная К.А. Мэттью, который, считая фалангу вооруженных двуручными «пиками» воинов изобретением Ификрата, предположил, что она стала частью македонской военной практики еще до Филиппа II, в эпоху правления его отца Аминты III или брата Александра II²⁸. Это предположение обладает не только всеми недостатками версии о прямой связи сариссы и длинных копий Ификрата, но и другими существенными изъянами. Так, оно противоречит восходящему к Эфору сообщению Диодора (XVI. 3. 2), назвавшего Филиппа первым создателем македонской фаланги (πρῶτος συνεστήσατο τῇν Μακεδονικὴν φάλαγγα), и плохо соотносится с самим ходом военной истории дофилипповского времени, на всем протяжении которого македонская пехота себя достойным образом не проявляла. Особо примечателен полный разгром армии Пердикки III иллирийцами в 360/359 г. до н.э. Эта катастрофа, непосредственно предшествовавшая приходу Филиппа к власти и побудившая его к строительству новой армии, свидетельствует если не об отсутствии значимых военных преобразований в предшествующее время, то как минимум об их неудовлетворительных результатах²⁹.

Другая попытка выявить греческие корни македонской сариссы основана на часто репрезентируемой в источниках информации о пребывании молодого Филиппа в качестве заложника в Фивах и его знакомстве с местным военным опытом (см. Diod. XVI. 2. 2; Just. VII. 5. 1; Plut. Pelop. 26), очевидно, восходящей к рассказам сразу нескольких ранних авторов³⁰. Эти явные и, очевидно, вполне до-

²⁴ См. Lippelt 1910, 65–67; Pritchett 1974, 117–125; Yalichev 1997, 161; Маринович 1975, 46–50; Парк 2013, 97–100; Нефёдкин 2018, 34–38.

²⁵ Anderson 1970, 129–131; Stylianou 1998, 343–345; Bardunias, Ray 2016, 149; Жеков 2021, 91.

²⁶ Best 1969, 102–110; Trundle 2004, 51.

²⁷ Everson 2004, 174.

²⁸ Matthew 2015, 27. Близкий, но не столь развернутый вывод см.: Noguera Borel 1996, 839.

²⁹ Roisman 2010, 162.

³⁰ Hammond 1997, 355–356.

стоверные указания на использование Филиппом беотийских военных наработок привели к появлению предположения о заимствовании идеи сариссы у фиванцев, соответственно, во времена Эпаминонда использовавших аналогичные длинные копья³¹. Данная гипотеза в еще большей степени малоубедительна, так как об особых фиванских копьях не сообщает ни один из античных авторов, причем о столь важном новшестве молчат Ксенофонт, крайне предвзято относившейся к Эпаминонду, но вполне способный отдать должное военным решениям беотийского лидера³², и Плутарх, хорошо информированный земляк и явный поклонник Эпаминонда и Пелопида³³. Совокупность имеющихся данных свидетельствует, что новаторство Эпаминонда было связано с тактикой применения войска, а не с вооружением гоплитов, являвшимся в армии великого фиванца вполне традиционным³⁴. Соответственно, по этим основаниям предположение о фиванских «сариссах» следует отвести как сугубо умозрительное.

Присутствуют попытки выявить и фракийские корни двуручных македонских копий. В данном случае обращается внимание на один из комментариев Дидима к речам Демосфена, где упоминается, что Филипп во время войны с трибаллами был ранен в бедро «сариссой» (σάρισσιν) (см. D. Col. 13. 3–7). Информацию об этом инциденте, имевшем место в 339 г. до н.э., с иными деталями приводит Юстин, по версии которого Филипп во время боя с трибаллами был ранен в бедро оружием, прошедшим сквозь тело и убившим под царем коня (IX. 3. 2). Согласно Плутарху (Moral. 331b) Филипп в землях трибаллов был ранен в бедро «древковым оружием» (λόγχῃ) и остался хромым. Этот блок сведений может быть обозначен как вполне достоверный и восходящий к ранним авторам в лице Марсия и Феопомпа³⁵. Факт заметной хромоты Филиппа из-за ранения был известен и Сатиру Перипатетику (см. Athen. VI. 248f–249a). На основании присутствия в сообщении Дидима упоминания сариссы было высказано предположение о введении данной разновидности пехотного копья в военный оборот фракийцами, у которых Филипп и перенял новое оружие для своих фалангитов³⁶.

Рассматривая обоснованность этого заключения, прежде всего, необходимо обратить внимание на присутствующие в историографии иные трактовки эпизода, ставшие возможными из-за крайне расплывчатых описаний произошедшего. Так, последнее обстоятельство и упоминание характерного для македонского войска вооружения подтолкнули П.Ф. Фукара к выводу о случайном ранении Филиппа одним из его воинов³⁷. По мнению М.М. Маркла, монарх был поражен фракийским всадником, использовавшим кавалерийскую разновидность сариссы, вскоре

³¹ Коннолли 2000, 51.

³² См. Westlake 1975, 37–39; Hanson 1988, 201–203; Flower 2017, 308.

³³ Westlake 1939, 22; Кутергин 1991, 11–13.

³⁴ См. об этом: Snodgrass 1967, 111; Hanson 1999, 126; Mattew 2015, 36. Данное заключение не вступает в противоречие и с ревизионистской концепцией Р. Конейндейка, в соответствии с которой полководческие решения Эпаминонда не носили по-настоящему революционный характер и в целом вписывались в тактику применения гоплитских армий, где и ранее отсутствовала шаблонность, а военачальники стремились использовать слабые стороны диспозиции противника (см. Konijnendijk 2017, 218–224).

³⁵ См. Foucart 1906, 120–121; Hammond 1991, 503.

³⁶ Head 1982, 105; Webber 2001, 39.

³⁷ Foucart 1906, 120–121.

введенную как предмет экипировки македонской конницы³⁸. Эти варианты трактовок считать убедительными не позволяет характер ранения, сообщения о котором последовательны и вполне достоверно описывают картину очень тяжелого повреждения³⁹. Подобный сильный копейный удар, пробивший насквозь бедро Филиппа и убивший под ним лошадь, очевидно, был хорошо выверен и нанесен человеком, крепко державшим оружие и стоявшим на твердой поверхности. С особенностями пехотной сариссы в виде двуручного хвата и хорошо проникающего наконечника это вполне коррелирует. Мало того, версия с «трибалльской сариссой» хорошо сочетается с фактом широкого использования фракийцами ударных копий, фиксируемым в иных письменных материалах и изобразительных источниках⁴⁰. Впрочем, подкрепить предположение о фракийских корнях сариссы данными археологии на настоящий момент нельзя. Присутствие сариссы в арсенале фракийцев во второй половине IV в. до н.э. подтверждается некоторыми находками, однако практически полная идентичность обнаруженных экземпляров некоторым предполагаемым македонским образцам того времени, скорее, свидетельствует не о принятии македонянами фракийского оружия, а об обратном влиянии⁴¹. Кроме того, сомнения вызывает сама возможность изобретения во Фракии столь длинного копья, эффективного лишь в плотных боевых порядках, но практически бесполезного, если столкновение проходит вне строя⁴². Как справедливо отметил еще А. Фол, никаких письменных и археологических данных о наличии у фракийцев классического времени фаланги, аналогичной македонской, нет⁴³.

Неоднозначный характер рассмотренных выше концепций позволяет считать по-прежнему актуальным мнение, согласно которому сарисса была изобретена в Македонии в начале правления Филиппа II⁴⁴. Одним из важных аргументов в пользу данного вывода является характер самого понятия. Как убедительно показал А. Ногера Борель, лексема *σάρισσα/σάρισα* в македонском диалекте изначально служила для обозначения любого древкового оружия и лишь после завоевания македонской фалангой ее грозной репутации стала использоваться преимущественно для наименования длинных двуручных копий⁴⁵. Иначе говоря, знаменитое оружие фалангитов обозначалось сугубо македонским, а не заимствованным термином, при этом чуждое для македонского военного глоссария слово, скорее всего, изначально отсутствовало: согласно основным принципам взаимодействия традиционной и заимствованной лексики, чужое понятие, как правило, усваивается для устранения полисемии исконного слова и удовлетворения потребности в уточнении соответствующего понятия⁴⁶. Еще одним доводом является практически идеальное соответствие боевых характеристик сариссы и, соответственно, фаланги сариссофоров, общей ситуации первых лет правления Филиппа, который должен был в условиях переживающего тяжелый кризис царства Аргеадов бы-

³⁸ Markle 1978, 490.

³⁹ Riginos 1994, 116–117.

⁴⁰ См. Best 1969, 5–7.

⁴¹ Stoyanov 2015, 428.

⁴² Ashley 1998, 36–37; English 2009, 43–44; Matthew 2015, 182; Taylor 2021, 97.

⁴³ Фол 1969, 61–62.

⁴⁴ См. Griffith 1979, 421; Hammond 1989b, 100–102; Gabriel 2010, 62–64.

⁴⁵ Noguera Borel 1996, 845–850.

⁴⁶ Подробнее см.: Крысин 2004, 27–28.

стро создать силу, способную противостоять иллирийским войскам, преимущественно состоявшим из пеших копейщиков⁴⁷. Именно тогда Филипп и внедрил в военный оборот более глубокий по сравнению с греческой фалангой строй вооруженных сариссами пехотинцев, имевших возможность поражать противника на недоступной для последнего дистанции. Эффективность этой формации зависела исключительно от слаженности действий бойцов и потому не требовала долгой и затратной индивидуальной подготовки, что для нового правителя Македонии должно было играть немалую роль⁴⁸. Вдобавок к этому, преимущество сариссофоров в дальности воздействия позволяло им использовать более легкий набор доспехов, благодаря чему оснащение войска не влекло за собой больших затрат, а фаланга стала гораздо мобильнее и потому лучше приспособлена для сражений с подвижными отрядами соседних «варваров»⁴⁹. В соотношении со знаменитыми принципами «бритвы Оккама» столь хорошее соответствие особенностей нового пехотного вооружения военным, социально-демографическим и экономическим условиям следует связать именно с целенаправленным созданием, а не с чрезвычайно удачным и удивительно своевременным заимствованием оружия, оказавшегося слабо востребованным у своих «настоящих творцов».

О процессе изобретения нового варианта копья сложно сказать что-то определенное. В ряде случаев исследователи акцентируют внимание на сообщении Дидора, согласно которому Филипп создал фалангу в подражание прикрытому щитами строю троянцев (XVI. 3. 2). Так, существует предположение, что практика времен легендарной троянской войны действительно повлияла на реформы Филиппа, побудив македонского царя внедрить новый щит, крепившийся на перевязи и позволявший пехотинцам держать копье обеими руками⁵⁰. Этот вывод подразумевает обращение македонского реформатора и его окружения к упоминаемым в «Илиаде» щитам, для переноски которых использовались ремни (τελαμῶν), иногда описываемые в великой поэме детально (см. *Iliad*. XI. 38; XVI. 803; XVIII. 480). По другой версии, изображенные в том же эпическом произведении плотные порядки ахейцев подтолкнули Филиппа к идее более тесного пехотного построения, ставшего возможным из-за уменьшения размера щитов⁵¹. Впрочем, полностью полагаться на факт связи реформ Филиппа и реалий гомеровского мира нельзя, так как сообщение об этом могло возникнуть в результате осуществленного Эфором сугубо литературного сравнения облика македонской фаланги и описанных в «Илиаде» пехотных порядков⁵². При поиске отправной точки новации также отмечается традиционно хорошее знакомство македонян с одним из вариантов древкового вооружения. Как показывают переданные Афинеем сведения Гегесистрата, важное место в македонских обычаях, связанных с инициацией, занимала охота с копьем на дикого кабана (*Athen.* I. 18a). Обстоятельства наказания юноши Гермолая, убившего на охоте кабана, предназначенного для Александра (см. *Arr. Anab.* IV. 13. 2; *Curt.* VIII. 6. 7–8), также подтверждают большое общественное значение

⁴⁷ См.: Hammond 1989a, 1–2; Ashley 1998, 18; Ray 2012, 95.

⁴⁸ См. об этом: Anson 2010, 63–65; Gabriel 2010, 63; Matthew 2015, 192–194.

⁴⁹ Ellis 1976, 56; Griffith 1979, 424; Бопза 2013, 265.

⁵⁰ Lendon 2005, 124; Gabriel 2010, 65.

⁵¹ Sears 2019, 153.

⁵² Markle 1978, 484.

этой практики⁵³. Соответственно, некоторые из исследователей считают прообразом введенных Филиппом сарисс тяжелые македонские охотничьи копья⁵⁴. Это предположение, не лишенное определенного изящества, также является сугубо гипотетическим. Следует заметить, что обозначение сариссы как собственно македонского нововведения вовсе не отрицает наличия некоторого внешнего влияния на процесс создания этой разновидности копья. Возможно, появление сариссы было обусловлено сочетанием многих факторов. Это отнюдь не является доводом в пользу компромиссной позиции Э.М. Энсона, который, отметив использование длинных копий и фракийцами, и воинами Ификрата, констатировал, что Филипп мог наблюдать преимущества, предоставляемые новым оружием, но именно македонский царь стал максимально эффективно использовать своих «пикинеров», может быть, не сильно отличавшихся от аналогичных воинов из соседних стран⁵⁵. В данном случае важно обратить внимание на отсутствие убедительных доказательств более раннего присутствия полностью аналогичного сариссе оружия и в Греции, и во Фракии. Филипп, возможно, осознал сильные стороны вооруженных удлинненными копьями и легко экипированных пехотинцев благодаря рассказам о реформе Ификрата, потенциально мог подсмотреть у фракийцев кое-что из практики применения древкового оружия, однако основные черты сариссы в виде очень большой длины, двуручного хвата и хорошо проникающего наконечника получили оформление именно на македонской почве и были напрямую связаны с новым вариантом фаланги, являвшимся ответом на стоявшие перед монархией Аргеадов вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая вышеизложенное, нельзя не признать, что рассмотрение проблемы внедрения сариссы в македонский военный обиход осложнено многочисленными «белыми пятнами», а выявляемые посредством анализа ограниченной источниковой базы факты редки и неоднозначны. Тем не менее можно отметить наибольшую обоснованность выводов о появлении сариссы на вооружении македонских пехотинцев в первые годы правления Филиппа. Часто встречающиеся в историографии предположения, согласно которым македонский реформатор заимствовал этот тип копья в уже готовом виде благодаря знакомству с новаторскими наработками Ификрата или фракийской военной практикой, чрезвычайно уязвимы для критики. Это не позволяет лишить Филиппа и его ближайшее окружение лавров настоящих создателей и знаменитой македонской фаланги, и ее грозного оружия, внесшего немалый вклад в первую победу македонского царя над иллирийцами, а затем помогшего царству Аргеадов завоевать господство на Балканском полуострове и создать «мировую» державу Александра.

⁵³ Briant 1994, 306; Carney 2015, 269.

⁵⁴ Gabriel 2010, 65; Anson 2020, 50; Грэйнджер 2010, 58–59.

⁵⁵ Anson 2010, 65–66.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anderson, J.K. 1970: *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Anderson, J.K. 1976: Shield of Eight Palms' Width. *CSCA* 9, 1–6.
- Andronicos, M. 1970: Sarissa. *BCH* 94.1, 91–107.
- Anson, E.M. 2010: The Introduction of the 'Sarisa' in Macedonian Warfare. *AS* 40, 51–68.
- Anson, E.M. 2020: *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*. London–New York.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Bardunias, P.M., Ray, F.E. 2016: *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE*. Jefferson.
- Best, J.G.P. 1969: *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*. Groningen.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Borza, E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The History of Ancient Macedonia (Before Alexander the Great)*]. Saint Petersburg.
- Борза, Ю.Н. 2013: *История античной Македонии (до Александра Великого)*. Санкт-Петербург.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Briant, P. 1994: Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et institutions macédoniennes: continuités, changements et bricolages. In: A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg, M.C. Root (eds.), *Achaemenid History*. Vol. VII. *Continuity and Change*. Leiden, 283–310.
- Buckler, J. 2003: *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden–Boston.
- Buckler, J., Beck, H. 2008: *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC*. Cambridge–New York.
- Burn, A.R. 1964: *Alexander the Great and the Hellenistic World*. London.
- Burn, A.R. 1965: The Generalship of Alexander. *GR* 12.2, 140–154.
- Campbell, D.B. 2016: How long was the Macedonian Sarissa? An obscure debate over a very long spear. *Ancient Warfare* 8.3, 48–52.
- Carney, E.D. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
- Cascarino, G. 2011: *Tecnica della Falange*. Rome.
- Champion, J. 2009: *Pyrrhus of Epirus*. Barnsley.
- Connolly, P. 2000: *Gretsiya i Rim. Ehntsiklopediya voennoy istorii* [*Greece and Rome. Encyclopedia of Military History*]. Moscow.
- Коннолли, П. 2000: *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. Москва.
- Ducrey, P. 1985: *Guerre et guerriers dans Grèce antique*. Fribourg.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- English, S. 2009: *The Army of Alexander the Great*. Barnsley.
- Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles.
- Everson, T. 2004: *Warfare in Ancient Greece*. Stroud.
- Flower, M.A. 2017: Xenophon as a Historian. In: M.A. Flower (ed.), *The Cambridge Companion to Xenophon*. Cambridge, 301–322.
- Fol, A. 1969: *Trakiysko voenno izkustvo* [*Thracian Art of War*]. Sofia.
- Фол, А. 1969: *Тракийско военно изкуство*. София.
- Foucart, P.F. 1906: *Étude sur Didymos d'après un papyrus de Berlin*. Paris.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.

- Grainger, J.D. 2010: *Imperiya Aleksandra Makedonskogo. Krushenie velikoy derzhavy* [The Empire of Alexander the Great. Collapse of the Great State]. Moscow.
- Грэйнджер, Дж.Д. 2010: *Империя Александра Македонского. Крушение великой державы*. Москва.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Griffith, G.T. 1981: Peltasts, and the Origins of the Macedonian Phalanx. In: H.J. Dell (ed.), *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 161–167.
- Hammond, N.G.L. 1937: The Sources of Diodorus Siculus XVI. *CQ* 31.2, 79–91.
- Hammond, N.G.L. 1980: Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C. *Antichthon* 14, 53–63.
- Hammond, N.G.L. 1989a: The Battle between Philip and Bardylis. *Antichthon* 23, 1–9.
- Hammond, N.G.L. 1989b: The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford.
- Hammond, N.G.L. 1991: The Sources of Justin on Macedonia to the Death of Philip. *CQ* 41.2, 496–508.
- Hammond, N.G.L. 1994: *Philip of Macedon*. London.
- Hammond, N.G.L. 1997: What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? *GRBS* 48.4, 355–372.
- Hanson, V.D. 1988: Epameinondas, the Battle of Leuktra (371 B.C.), and the “Revolution” in Greek Battle Tactics. *CA* 7.2, 190–207.
- Hanson, V.D. 1999: *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-By-Sea.
- Heckel, W., Jones, R. 2006: *Macedonian Warrior. Alexander's Elite Infantryman*. Oxford.
- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- King, C.J. 2017: *Ancient Macedonia*. London–New York.
- Konijnendijk, R. 2017: *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden–Boston.
- Krysin, L.P. 2004: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and Another's: Research on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow.
- Крысин, Л.П. 2004: *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва.
- Kutergin, V.F. 1991: *Beotiytskiy soyuz v 379 – 335 gg. do n.e.: Istoricheskiy ocherk* [The Boeotian Union in 379–335 BC: Historical essay]. Saransk.
- Кутергин, В.Ф. 1991: *Беотийский союз в 379 – 335 гг. до н.э.: Исторический очерк*. Саранск.
- Kuzmin, Yu.N. 2010: Zametki o shhitakh “makedonskogo tipa”: literaturnaya traditsiya, arkheologiya, ehpiigrafika [Notes on “Macedonian type” shields: literary tradition, archaeology, epigraphy]. *Voin [Warrior]* 13, 2–6.
- Кузьмин, Ю.Н. 2010: Заметки о щитах «македонского типа»: литературная традиция, археология, эпиграфика. *Воин* 13, 2–6.
- Lane Fox, R. 2011: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation. In: R. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD*. Leiden–Boston, 367–391.
- Lee, J.W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman, A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Lendon, J.E. 2005: *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven–London.
- Liampi, K. 1998: *Der makedonische Schild*. Bonn.
- Lippelt, O. 1910: *Die griechischen Leichtbewaffneten bis auf Alexander den Großen*. Jena.

- Ma, J. 2008: Chaironeia 338: Topographies of Commemoration. *JHS* 128, 72–91.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n. eh. i krizis polisa* [*The Fourth-Century BC Greek Mercenary and Crisis of the Polis*]. Moscow.
- Маринович, Л.П. 1975: *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.
- Markle, M.M. 1977: The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor. *AJA* 81.3, 323–339.
- Markle, M.M. 1978: Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander. *AJA* 82.4, 483–497.
- Markle, M.M. 1982: Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great. In: B. Barr-Sharrar, E.N. Borza (eds.), *Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington, 86–111.
- Matthew, C.A. 2012: The Length of the Sarissa. *Antichthon* 46, 79–100.
- Mattew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Mixter, J.R. 1992: The Length of the Macedonian Sarissa during the Reigns of Philip II and Alexander the Great. *AncW* 23.2, 21–29.
- Nefedkin, A.K. 2018: Ifikratovy pel'tasty – perevooruzhennyye goplity [Iphicrates' peltasts were re-armed hoplites]. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.
- Нефёдкин, А.К. 2018: Ификратовы пельтасты – перевооруженные гоплиты. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.
- Noguera Borel, A. 1996: L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse. In: *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium*. Vol. 2. Thessaloniki, 839–850.
- Parke, H.W. 2013: *Grecheskie naemniki. "Psy voyny" drevney Ehllady* [*Greek Mercenaries. "Dogs of War" of Ancient Hellas*]. Moscow.
- Парк, Г.У. 2013: *Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады*. М.
- Pritchett, W.K. 1971: *The Greek State at War*. Pt. I. Berkeley–Los Angeles.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War*. Pt. II. Berkeley–Los Angeles.
- Rahe, P.A. 1981: The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea. *AJA* 85.1, 84–87.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century B.C.* Jefferson.
- Riginos, A.S. 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *JHS* 114, 103–119.
- Robinson, D.M. 1941: *Excavations at Olynthus*. Pt. X. *Metal and Minor Miscellaneous Finds*. Baltimore.
- Roisman, J. 2010: Classical Macedonia to Perdiccas III. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 145–165.
- Rüstow, W., Köchly, H. 1852: *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*. Aarau.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Sekunda, N. 2001: The Sarissa. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Archaeologica* 23, 13–41.
- Sekunda, N. 2007: The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 325–357.
- Sivkina, N.Y., Novosilnov, A.S. 2021: Uchastie konnitsy v bitve pri Kheronee 338 g. do n.eh. [The Cavalry's participation in the 338 BC Battle of Chaeronea]. *Manuscript* 14.8, 1603–1607.
- Сивкина, Н.Ю., Новосильнов, А.С. 2021: Участие конницы в битве при Херонее 338 г. до н.э. *Манускрипт* 14.8, 1603–1607.
- Snodgrass, A.M. 1967: *Arms and Armor of the Greeks*. Ithaca–New York.
- Sotiriades, G. 1903: Das Schlachtfeld von Chäronea und der Grabhügel der Makedonen. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 28, 301–330.
- Stoyanov, T. 2015: Warfare. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Malden–Oxford, 426–442.
- Stylianou, P.J. 1998: *A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15*. New York.

- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Taylor, R. 2021: *The Greek Hoplite Phalanx: The Iconic Heavy Infantry of the Classical Greek World*. Barnsley.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.
- Webber, C. 2001: *The Thracians 700 BC – AD 46*. Oxford.
- Westlake, H.D. 1939: The Sources of Plutarch's Pelopidas. *CQ* 33.1, 11–22.
- Westlake, H.D. 1975: Xenophon and Epaminondas. *GRBS* 16.1, 23–40.
- Yalichev, S. 1997: *Mercenaries of the Ancient World*. London.
- Zhekov, Zh. 2008: Peltasti i pedzetayri [Peltast and Pedzetayrs]. *Balkanite – ezik, istoriya, kultura. Mezhdunarodna nauchna konferentsiya [The Balkans – Language, History, Culture. International Scientific Conference]*. Veliko Tarnovo, 31–39.
- Жеков, Ж. 2008: Пелтасти и педзетайри. *Балканите – език, история, култура. Международна научна конференция*. Велико Търново, 31–39.
- Zhekov, Zh. 2021: Peltastite v antichnata narativna traditsiya [Peltasts in the ancient narrative tradition]. *Jubilaus* 8.1, 83–96.
- Жеков, Ж. 2021: Пелтастите в античната наративна традиция. *Jubilaus* 8.1, 83–96.

THE INTRODUCTION OF THE SARISSA IN MACEDONIAN MILITARY PRACTICE

Aleksandr A. Kleymenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

E-mail: alek-kleymenov@yandex.ru

The article examines the time and circumstances of the introduction of the sarissa into use on the Macedonian phalanx. This type of infantry spear was significantly longer than the traditional hoplite polearm, giving the wielder an advantage in striking range. Moreover, the sarissa required a two-handed grip, unusual for Hellenic military practice, and a transition to the use of a new version of the shield. The process of introducing the sarissa is very sparingly covered in written sources and, due to the lack of detailed descriptions of this weapon, cannot be reliably traced in archaeological materials. However, it has been established that the assumption that the sarissa appeared in the arsenal of the Macedonian infantry only towards the end of the reign of Philip II is unfounded. According to information going back to the lost work of Ephorus, sarissas were part of the equipment of Philip's phalangists already at the initial stage of his reign. This conclusion correlates well with the circumstances of Philip's first victory over the Illyrians, achieved, according to sources, with the help of selected infantry units. Consideration of information about Iphicrates' reform, which involved arming mercenaries with longer spears, shows that there are convincing reasons to consider the Athenian commander the real creator of the sarissa. A similar conclusion is drawn regarding the hypothesis that Philip borrowed a long two-handed spear from the Thracians. Its obvious disadvantages are the lack of convincing archaeological evidence and poor compliance with the peculiarities of the military art of the Thracians, who had no analogue to the Macedonian phalanx and had virtually no need for bulky weapons, which could only be effective in dense battle formations. These sources, the result of terminological analysis taking into account the conditions and circumstances of the creation of the new Macedonian "military machine," allow us to conclude that the most reasonable is the opinion that the sarissa was created in the Argead kingdom during the initial stage of Philip's military reform.

Keywords: sarissa, phalanx, Philip II, Macedonia, Alexander the Great, Iphicrates, Thracians

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-102–115

КОМАНДНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СИСТЕМА БОСПОРСКОГО ВОЙСКА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

И.А. Астахов

Независимый исследователь, Тула, Россия

E-mail: astaha1@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5377-9949

Автор статьи реконструирует основные командные должности и организацию армии позднеантичного Боспора, опираясь как на хорошо известные источники об организационной структуре боспорской армии I–III вв. н.э., так и фрагментарные источники более позднего времени. Предполагается, что в позднеантичное время военные должности среднего и низшего звена исчезают, заменяясь варварскими командирами-аристократами, но высшие командные посты продолжают существовать, хотя и отчасти видоизмененные; появляются новые должности, имеющие византийские корни. Боспорская армия III–IV вв. н.э. состоит из легкой и тяжелой сарматизированной конницы, а также легкой пехоты из варварских гарнизонов пограничных крепостей и местных городских ополчений. Дальнейшие миграционные процессы на территории Северного Причерноморья ведут к постепенному исходу сарматизированной конницы с Боспора, а затем и варварских гарнизонов пограничных крепостей.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, поздняя античность, армия, организация, командная структура

При изучении военного дела любого народа одним из основных вопросов всегда является организационная структура. В случае с боспорской армией римского времени, В.А. Горнчаровский предложил реконструкцию достаточно четкой и логичной структуры командного управления и организации¹. Фрагментарность, а порой и вовсе отсутствие источников осложняют подобный анализ для позднеантичного боспорского войска. Тем не менее в настоящей статье мы попытаемся конкретизировать имеющиеся данные и реконструировать командную и организационную структуру армии Боспорского царства в позднеантичный период. Данные эпиграфики приводят обширный список военно-административных должностей I–III вв. н.э., из которых нам необходимо в первую очередь вычленишь те, что имеют отношение к военному делу.

Данные об авторе. Иван Алексеевич Астахов – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

¹ Виноградов, Горнчаровский 2008, 151–176.

Главой боспорской армии, естественно, является царь – βασιλεύς. Второй по важности была должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας (КБН 36, 58, 628, 1051, 1134, 1249). Лица, занимавшие ее, вероятно, контролировали царские войска в пределах столицы и прилегающей к ней области².

К должностям, имеющим эллинистическое происхождение, можно отнести следующие:

1) стратег (КБН 1134, 1141, 1179, 1237, 1256) – начальник крупных воинских подразделений³;

2) хилиарх (КБН 36, 53, 58, 984, 1049) – точное значение неясно. По версии А.А. Масленникова, хилиарх – тысяченачальник⁴; В.А. Сидоренко предположил, что хилиарху соответствовал римский чин трибуна⁵ (Iv Olympia, 447); М.И. Ростовцев полагал, что это командир наемной царской гвардии, несшей постоянную военную службу при дворе⁶;

3) спирах (КБН 263) – вероятно, командующий спира, подразделения из 600 человек. Спира впервые появляется в армиях диадохов и определяется как отряд численностью в 256 человек. Полибий часто заменяет этим словом римскую манипулу численностью в 140 человек;

4) лохаг – М.И. Ростовцев считал, что так именовали ближайших помощников хилиарха и стратега⁷. В.А. Сидоренко видит в этом чине командующего подразделением флота⁸, Г.В. Требелева – командира наименьшего боевого подразделения – лоха, который соответствовал римской центурии⁹. В.А. Горончаровский указывает, что лохаги являлись командирами отдельных отрядов, набиравшихся по территориально-административному принципу, скорее всего, такие отряды не имели постоянной численности: все зависело от количества воинов, имевшихся в распоряжении поселений, и в то же время они являлись командующими укрепленных городищ в вверенных им округах¹⁰, вероятно, можно сравнить их с бактрийским фрурархом – командующим гарнизоном в крепости или в акрополе крупного города. Наконец, С.А. Грингоф полагает, что должность лохага следует интерпретировать как командира гарнизона крепости¹¹;

5) тагматарх (КБН 1213) – вероятно, командир тагмы, т.е. отряда¹².

К военным должностям, имеющим явно римское происхождение можно отнести:

1) κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ (КБН 666) – калька с латинского centurio princeps, в римской традиции выполняли обязанности младших офицеров, занимая по своему служебному положению ранг между центурионами и простыми солдатами¹³, что, как предполагается, характерно и для Боспора;

² Сидоренко 2001, 140.

³ Виноградов, Шестаков 2005, 42–44.

⁴ Масленников 1990, 144.

⁵ Сидоренко 2001, 138.

⁶ Ростовцев 1990, 178.

⁷ Ростовцев 1990, 179.

⁸ Сидоренко 2001, 140.

⁹ Требелева 2002, 313.

¹⁰ Виноградов, Горончаровский 2009, 155.

¹¹ Грингоф 2010, 32–41.

¹² Сапрыкин 2005, 77.

¹³ Махлаюк, Негин 2009, 145–155.

2) *praefecti equites* – командир алы¹⁴, вероятно, тоже мог употребляться в отношении боспорской кавалерии, хотя его можно отождествить и с хилиархом, т.к. хилиарх – тысячник, а римская ала состояла из тысячи всадников¹⁵.

Помимо этого, известно, что на службе Боспорского царства находилось значительное количество римских офицеров, которые обучали боспорскую армию по римскому стандарту. Чем сильнее становилась зависимость Боспора от Римской империи, тем больше было таких инструкторов, что может свидетельствовать о заимствовании не только римской тактики, но и военных должностей Боспорским царством из римского военного дела.

Данные эпиграфики V–VI вв. н.э. скудны, однако также содержат определенную информацию о командном составе боспорской армии. Эпарх (КБН 67) упоминается на Боспоре единожды. Запись датируется концом V – началом VI в. н.э.¹⁶ В византийской традиции должность эпарха ассоциируется с должностью префекта, но сами префекты были разные. В надписи речь идет о том, что эпарх имел отношение к фортификационному строительству, однако, сопоставляя его с византийскими должностями, можно предположить, что эпарх являлся наместником определенной части царства и командующим войсками этой части¹⁷. В.Д. Блаватский полагал, что эпарх был либо наместником, либо военачальником, отмечая, что носитель этой должности упомянут после царя¹⁸. По мнению Ю.Г. Виноградова, эпарх был царским наместником европейской части государства¹⁹. Вполне вероятно, что эпарх мог сочетать ряд обязанностей: в мирное время выступать как наместник части царства, а в военное – принимать на себя командование армией.

В упомянутой нами надписи также присутствует должность комита, при этом фигурируют две персоналии, занимающих эту должность. Ю.Г. Виноградов отмечает, что комит Спадин, вероятно, был личным секретарем царя и командовал войском европейской части Боспора. Комит Саваг, должность которого восстанавливается как «протокомит» или «первый среди комитов», являлся военачальником войска азиатской части Боспора²⁰. «Первый комит» мог иметь некое отношение к фортификационному строительству. Ю.А. Кулаковский²¹, В.М. Зубарь и В.Н. Зинько²² видят в этой должности присланного из Византии чиновника, в ведение которого входил контроль над Боспором или его торговлей. По мнению И.Н. Храпунова, должность «первого комита» следует соотносить с византийской должностью протокомит (глава сельского округа)²³. Оба комита в равной степени могли комбинировать как административные, так и военные обязанности. При этом их стоит относить к представителям высших командных должностей.

¹⁴ Махлаюк, Негин 2009, 294–300.

¹⁵ Сапрыкин 2005, 74.

¹⁶ Виноградов 1998, 234–238; Болгов, Зайцева 2019, 517–526.

¹⁷ Сапрыкин 1996, 225.

¹⁸ Блаватский 1985, 255.

¹⁹ Виноградов 1998, 236–238.

²⁰ Виноградов 1998, 242–243.

²¹ Кулаковский 2002, 138.

²² Зубарь Зинько 2006, 229.

²³ Храпунов 2011, 353–370.

В составе боспорской армии всегда присутствовал значительный варварский контингент²⁴, который к концу III в. н.э. не просто расширился, а стал играть значительную роль. На рубеже II–III вв. н.э. число иранских имен на Боспоре достигает 20%²⁵, к IV в. н.э. – до 40%²⁶. Это несомненно означает проникновение в организацию и командный состав боспорского войска варварских, кочевых элементов.

Полные и достоверные сведения о командном составе и организации варварских народов Северного Причерноморья отсутствуют, однако античными авторами отмечен ряд важных фактов. Кочевые племена, как правило, объединялись в племенные союзы, возглавляемые главой лидирующего племени – царем (гex). По-видимому, племенные союзы имели только одного царя, но сохранившейся информации слишком мало, чтобы составить хоть сколько-нибудь поверхностный список царей. Например, царя роксоланов звали Распараги (ок. 180 г. н.э.), царя части аланов – Сангибан (ок. 450 г. н.э.). Племена же управлялись вождями (гe-gales) (Starbo. XI. 2. 13). Во время волнений на Дунае в середине IV в. н.э. «свободные сарматы» имели множество вождей и удельных князей. Известны такие имена, как Румон, Зинафе, Зизай (Amm. XXVII. 12. 11). Вожди выбирались мелкими предводителями племен – князьями-«скептухами» (subreguli) (Tac. Ann. VI. 33). Далее по социальной лестнице находились рядовые кочевники, выступавшие ядром кочевого войска (Amm. XXXI. 2. 25).

Нет сомнения, что комплектование кочевой армии непосредственно связано с отмеченной выше социальной системой и является следствием родоплеменной структуры кочевого социума²⁷. Царь выступал руководителем всего кочевого войска. Он имел непосредственные контакты с вождями племен, которые руководили кочевыми ополчениями конкретного племени. Племенным вождям на поле боя подчинялись князья – «скептухи», которые руководили рядовым кочевниками. Вероятно, у каждого стоящего в этой цепи командира имелась личная «дружина», состоящая из дружинников – азатов, формирующихся по принципу родства (Lus. Тох. 48) и служивших катафрактариями²⁸. Таким образом, все кочевой войско состояло из мелких родоплеменных отрядов, возглавляемых племенной аристократией²⁹.

Рассматривая систему боспорского командования периода поздней античности, следует в первую очередь отметить те тенденции, которые сопутствовали ее развитию в данное время. Во-первых, представляется, что позднеантичная боспорская армия сохраняет строгую иерархию и организацию. Археологическое свидетельство этого – находка шариков-бусин с продевавшимися через них золотыми гвоздиками с перегородчатой инкрустацией на шляпках в керченском склепе 145/1904 г., который датируется концом IV – началом V в. н.э. Л.А. Мацулевич высказал мнение, что эти шарики-бусины являются элементами боевого знамени (наподобие римского орла на древке, где шарики были припаяны вдоль спины

²⁴ Mielczarek 1999, 82–83.

²⁵ Шелов 1974, 90–93.

²⁶ Масленников 1990, 111, рис. 7.

²⁷ Нефедкин 2011, 72.

²⁸ Десятчиков 1974, 10–16; 1988, 24.

²⁹ Смирнов 1964, 209; Хазанов 1971, 67–68; Кузнецов 1984, 230; Каминский 1993, 95; Михайлов 1993, 55.

статуэтки птицы³⁰) не византийского, а, скорее, боспорского отряда, а само захоронение принадлежит боспорскому военачальнику³¹. По мнению Н.Н. Болгова, такой знак мог иметь отряд царской гвардии³². Все это говорит о том, что в позднеантичном боспорском войске продолжается деление на подразделения, во главе которых стоят командующие, сохраняется определенная иерархия.

Во-вторых, часть военных должностей греческого и латинского происхождения отмирает за ненадобностью. В первую очередь, это малые и средние командные должности. Нам представляется, что такие должности, как *спирарх* и *тагматарх*, прекращают свое существование. Основой армии Боспора становится варварский контингент, сформированный по принципу родства и не имеющий конкретной численности. По этой причине должность *спирарха* как командира отряда в 600 человек либо исчезает полностью, либо приобретает иное значение. Та же ситуация наблюдается и с должностью *тагматарха*: вместо него «отрядами» командуют родоплеменные аристократы и князья. При доминировании кочевой системы командования также нет необходимости в таких должностях, как *praefecti equites* и *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ*. А.Х.М. Джонс считает, что офицерские звания эпохи принципата могли сохраниться в Римской армии и к IV в. н.э.³³, однако мы полагаем, что на Боспоре роль этих должностных лиц выполняет родоплеменная варварская элита.

В-третьих, высшие командные должности, по нашему мнению, продолжают существовать, но видоизменяются в более административные или чисто титулярные. Должность *лохага* сохраняется, однако трансформируется из военной в чисто административную. *Лохаги* могли выступать и как командиры гарнизонов *понтийского лимеса*³⁴.

Военные городки-крепости на границе Боспорского царства ко второй половине III в. н.э. были заселены варварами-федератами, осуществлявшими охрану фронта. Для поддержания порядка в этих пунктах, несомненно, был необходим представитель царской власти – *лохаг*. Таким образом, должность *лохага* сохраняется до тех пор, пока существуют оборонительные форпосты на границе Боспора.

Стратег мог продолжать выполнять свои функции командира крупных воинских соединений. Несмотря на нарастающее влияние кочевого военного дела, сложно представить, что данная должность исчезает на Боспоре. Хотя армия и состоит в значительной степени из варварского элемента, высшие командные должности обязаны представлять официальную администрацию Боспора. В то же время стратегами именовали подчас тех командующих, которые успешно проявили себя на поле боя. Таким образом, мы полагаем, что стратегами могли называть варварских (хотя необязательно) командиров, получивших эту должность как титул или для демонстрации их лояльности боспорской власти.

Та же ситуация обстоит и с должностью *хилиараха*, которая могла сохраниться как титул лояльного высшей боспорской власти офицера или командира наемной царской гвардии, несшего постоянную военную службу при дворе. Вплоть

³⁰ Мацулевич 1959, 196–197.

³¹ Мацулевич 1959, 199.

³² Болгов 2003, 269.

³³ Jones 1964, 633.

³⁴ Масленников 2004, 58.

до 534 г. н.э. на Боспоре существовал отряд гуннов, подчиняющийся боспорским царям³⁵. Командиром такого подразделения мог выступать варвар в должности хилиарха.

К рубежу V–VI вв. н.э. относятся боспорские должности эпарх, комит и протокомит. Мы полагаем, что они вытесняют и заменяют должность *ο ἐπί της βασιλείας* из-за дублирования функций. Вероятно, они также заменяют стратега и хилиарха – командиров крупных воинских соединений. Но еще раз подчеркнем, что стратег и хилиарх могли представлять просто торжественные титулы.

Система командования позднеантичным боспорским войском представляется нам в таком виде:

- 1) «царь Боспора» – главнокомандующий боспорской армией;
- 2) *ο ἐπί της βασιλείας* – контролировали царские войска в пределах столицы и ее окружи. К рубежу V–VI вв. н.э. появляются должности эпарха, комита и протокомита: они приходят на смену должности *ο ἐπί της βασιλείας* и выступают как наместники определенной части царства и/или командиры крупных воинских соединений;
- 3) стратег (как командир крупных воинских соединений, либо как торжественный титул для варварских командиров, подчеркивающий их лояльность боспорской власти) и хилиарх (как командир воинских соединений, либо как командир наемной царской гвардии, либо как торжественный титул);
- 4) лохаг – командующий гарнизоном крепости;
- 5) представители варварской родоплеменной знати, выступающие как командиры малых воинских подразделений.

Варваризация (сарматизация) Боспора, несомненно, сыграла важнейшую роль не только в трансформации командной системы позднеантичного боспорского войска, но и определенно повлияла на ее организацию. Как уже отмечалось, на рубеже II–III вв. н.э. число иранских имен на Боспоре достигает 20%³⁶, а к IV в. – 40%³⁷, что говорит об исключительной важности сарматского военного элемента в боспорском войске. Этот тезис подтверждают многочисленные изображения сармато-аланских всадников в росписях боспорских склепов I–III вв. н.э.³⁸ С возрастанием количества выходцев из сармато-аланской среды на Боспоре, увеличивается роль кавалерии в Боспорской армии. Конечно, кавалерия всегда играла важную роль в боспорском войске, особенно ее координированные действия с пехотой на флангах³⁹. Однако мы полагаем, что к IV в. н.э. конница становится ключевым родом войск на Боспоре.

Разгром множества пограничных крепостей Боспорского царства в III–IV вв. н.э. создает ситуацию, при которой существенно снижается доля постоянных пехотных соединений, предназначенных преимущественно для несения гарнизонной службы. Резкое снижение численности населения на Боспоре стало причиной ослабления роли местного ополчения в армии. Мы полагаем, что недостаток воинов заполняется выходцами из сармато-аланской среды. Естественно, какая-то их

³⁵ Масленников 1997, 191.

³⁶ Шелов 1974, 90–93.

³⁷ Масленников 1990, 111, рис. 7.

³⁸ Виноградов, Горончаровский 2009, 211–216.

³⁹ Горончаровский 2004, 99.

часть становится оседлыми федератами, несущими службу в опустевших пограничных крепостях государства, тем более что в IV в. н.э. идет активное восстановление разрушенных или заброшенных ранее крепостей в Крымском Приазовье⁴⁰, в районе Узунларского вала⁴¹ и на Азиатском Боспоре (КБН 1112). Данные археологии также свидетельствуют о доминировании варварских этнических групп на территории некоторых Боспорских крепостей: например, часть гарнизона Белинского городища составляли носители аланской культуры⁴².

В то же время, в позднеантичных боспорских некрополях встречаются готские умбоны щитов⁴³ и другие предметы, характерные для готской материальной культуры⁴⁴. Появление готских элементов вооружения в пределах Боспорского царства говорит о существовании определенного готского военного контингента в составе боспорской армии. Судя по всему, этот контингент базировался в пограничных крепостях недалеко от Казантипской бухты, а его задачей было несение гарнизонной службы, тем более что предпочтительная для готов оборонительная тактика вполне согласуется с задачей по обороне и охране границ. Вспоминая сообщение Прокопия Кесарийского (Proc. *Bel Goth.* IV. 5. 19), отметим, что место противостояния утигуров и готов локализуется недалеко от побережья Казантипского залива, в районе северной оконечности Узунларского вала⁴⁵. Готы стояли на гарнизонной службе ряда пограничных крепостей Боспорского царства.

Также готы-федераты отправлялись на Боспор из Восточной Римской империи. В частности, Иоанн Малала упоминает гарнизон в Пантикапее-Боспоре – «нумер (отряд) римских солдат, которые были италийцами, называемыми испанцами» (Malal. XVIII. 14). Хронист IX в. Феофан указывает, что в столице Боспорского царства начальником этого гарнизона был трибун Далмаций, убитый гуннами после восстания в 528 г. (Theoph. a. 6020/520). Известно, что в VI в. на территории Испании существовало Вестготское королевство, а в Италии – Остготское, что позволяет сделать вывод об именно этой этнической принадлежности боспорского гарнизона.

Также Малала сообщает о посланном против восставших на Боспоре гуннов императором Юстинианом войска готов во главе с комитом проливов Иоанном и готским командиром Вадуарием (Malal. XVIII. 14). Феофан же упоминает вождя Годиллу из Одиссополя (Theoph. a. 6020/520)⁴⁶.

Прокопий Кесарийский говорит о договорах *foedera* между выселившимся с Боспора готами и Римской империей, говоря о них как об актуальных для его времени (Proc. *Bel Goth.* IV. 5).

Таким образом, в IV в. н.э. боспорская армия состоит из двух главных элементов: 1) легкой и тяжелой сармато-аланской либо сарматизированной конницы; 2) легкой пехоты из оседлых варваров, несущих службу на границах государства, и местного ополчения городов Боспора.

⁴⁰ Масленников 1993, 23–24.

⁴¹ Ланцов, Голенко 1999, 177–181; Голенко 1999, 47; Зубарев 2011, 246.

⁴² Зубарев 2019, 184.

⁴³ Казанский 2020, 141.

⁴⁴ Блаватский 1964, 226; Казанский 1999, 294.

⁴⁵ Ермолин 2005, 349–354; 2006, 90–96.

⁴⁶ Болгов 2017, 375–380.

Появление гуннов в Северном Причерноморье кардинально меняет облик боспорской армии. Обезлюдение в начале V в. н.э. степей Северного Причерноморья⁴⁷ показывает, что большая часть сармато-аланской конницы покидает пределы Боспорского царства и уходит с гуннами на запад. Таким образом, Боспорское царство лишается своего основного воинского контингента – легкой и тяжелой сармато-аланской конницы. Вероятно, Боспор покидает подавляющее число всадников. Какая-то часть, несомненно, остается, но, она, по-видимому, крайне незначительна. В то же время внешнеполитическую ситуацию в степях Северного Причерноморья после покорения гуннами можно охарактеризовать как спокойную. В первую половину V в. н.э. на Боспоре не зафиксировано каких-либо разрушений и следов активных боевых действий⁴⁸. В этой связи отпадает нужда в существовании постоянного мобильного воинского контингента. Мы полагаем, что боспорская армия в это время ограничивается незначительным отрядом оставшихся на Боспоре сармато-аланских всадников, а также местным ополчением и варварскими пограничными гарнизонами, которые составляют основу боспорского войска.

Представляется, что, если и могли возникать ситуации, при которых была необходимость в мобильных конных соединениях, такую потребность можно было решить за счет привлечения на службу наемников из представителей различных гуннских племен, тем более что в IV в. н.э. практика найма отрядов конницы из соседних племен определенно существовала⁴⁹.

В первой половине V в. н.э. в степях Северного Причерноморья кочуют племена акациров, сарагуров, урогов, оногуров и т.д. (Prisc. IV. 30)⁵⁰. Византийский историк VI в. Агафий Миринейский указывает, что гунны жили на восточном побережье Меотиды и к северу от реки Танаис (Agath. Myr. V. 10). В случае необходимости Боспор мог привлекать на свою сторону отряды всадников из этих племен. Современные исследователи считают, что боспоряне выплачивали кочевникам дань, в то время как гунны могли быть заинтересованы в сохранности своих тыловых регионов, к каковым относился и Боспор⁵¹; так что это было взаимовыгодное сотрудничество двух сторон, чем объясняется сохранность боспорских городов.

О том, что гунны могли выполнять оборонительные функции на границах Боспорского государства, косвенно свидетельствуют данные археологии. В частности, их погребения и курганы встречаются в большом количестве на северо-востоке Крымского полуострова⁵². Места гуннских кочевий определяются к западу от Узунларского вала. Также в самом Пантикапее-Боспоре находятся некоторые элементы гуннских погребений. Это может указывать на интеграцию гуннской элиты в социальную структуру Боспора⁵³.

Появление гуннов-утигуров в степях Северного Причерноморья во второй половине V в. н.э. создает новую угрозу для Боспора. Уход готов вместе с утигурами на Тамань (Procop. *Bell. Goth.* III. 5), несомненно, оставляет без гарнизонов

⁴⁷ Буданова 2011, 194.

⁴⁸ Амброз 1992, 15–16.

⁴⁹ Болгов 2003, 270; Масленников 1990, 146.

⁵⁰ Артамонов 2001, 89–90.

⁵¹ Виноградов 2009, 5–90.

⁵² Казанский 2018, 393–408.

⁵³ Болгов 2021, 393–394.

пограничные крепости Боспорского царства. Это лишает боспорскую армию последнего боеспособного контингента.

После этих событий трудно говорить о существовании боспорского войска как чего-то цельного. Хотя А.А. Масленников отмечает, что вплоть до 534 г. н.э. на территории Боспора существовал гуннский отряд⁵⁴, но вряд ли он мог представлять реальную угрозу для вторгнувшегося противника. В еще функционирующих городах и поселениях Боспорского царства существовали местные ополчения, однако они едва ли были способны на реальные боевые действия.

Неспособность Боспора отражать внешнюю агрессию создает ситуацию, при которой государство попадает под протекторат племени гуннов-утигуров. При этом в крайне немногочисленных официальных надписях второй половины V в. н.э. явно прослеживается проимперская ориентация боспорской знати (КБН 67)⁵⁵. Отсутствие своих военных контингентов боспорская администрация пытается заместить поддержкой со стороны Византийской империи, однако заканчивается это полным прекращением боспорской государственности и вхождением Боспора в состав Византии на рубеже первой и второй четверти VI в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.К. 1992: Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. *Боспорский сборник* 1, 6–108.
- Артамонов, М.И. 1962: *История хазар*. Л.
- Блаватский, В.Д. 1985: *Античная археология и история*. М.
- Блаватский, В.Д. 1964: *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*. М.
- Болгов, Н.Н., Зайцева, И.В. 2019: Тиберий Юлий Дуптун – последний царь Боспора и политика императора Анастасия. *МАИАСП* 11, 517–526.
- Болгов, Н.Н. 2003: *Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III – VI вв.)*: дисс. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород.
- Болгов, Н.Н. 2017: Византийцы на Боспоре VI в. *МАИАСК* 9, 375–380.
- Болгов, Н.Н. 2021: *Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.)*. Белгород.
- Буданова, В.П. 2000: *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М.
- Виноградов, Ю.А. 2009: Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского. *БИ* 22, 5–90.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2008: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.)*. СПб.
- Виноградов, Ю.Г. 1998: Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. *ВДИ* 1, 234–238.
- Виноградов, Ю.Г., Шестаков, С.А. 2005: *Laudatio Funebris* из Пантикапея. *ВДИ* 2, 42–44.
- Голенко, В.К. 1999. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук. *Херсонесский сборник* 10, 39–49.
- Горончаровский, В.А. 2004: Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь, 96–103.
- Грингоф, С.А. 2010: Командно-административная организация боспорской армии римского времени. *ПИФК* 2, 32–41.

⁵⁴ Масленников 1999, 191.

⁵⁵ Виноградов 1998, 246.

- Десятчиков, Ю.М. 1974: *Процесс сарматизации Боспора*: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Десятчиков, Ю.М. 1988: Социальная структура Сиракены. В сб.: *Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке*. Ереван, 24–25.
- Ермолин, А.Л. 2005: Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их продвижения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н.э.). *БФ*, 349–354.
- Ермолин, А.Л. 2006: Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове. *ДБ* 9, 90–96.
- Зубарев, В.Г. 2019: «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II–V вв. н.э. (на примере городища Белинское). *БИ* 38, 179–204.
- Зубарев, В.Г. 2011: К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н.э. *БФ*, 244–247.
- Зубарь, В.М., Зинько, В.Н. 2006: *Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории* (БИ 12).
- Казанский, М.М. 1999: Готы на Боспоре Киммерийском. В кн.: М.Е. Левада (отв. ред.), *100 лет черняховской культуре*. Киев, 277–297.
- Казанский М.М. 2020: Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов. *БИ* 40, 140–156.
- Казанский, М.М. 2018: Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях. В кн.: *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére*. Budapest, 393–408.
- Каминский, В.Н. 1993: Военное дело алан Северного Кавказа. В кн.: *Древности Кубани и Черноморья* (Понтийско-Кавказские исследования I). Краснодар, 90–114.
- Кузнецов, В.А. 1984: *Очерки истории алан*. Орджоникидзе.
- Кулаковский, Ю.А. 2002: *Прошлое Тавриды*. Киев.
- Ланцов, С.Б., Голенко, В.К. 1999: О западной границе Боспора в IV в. *БФ*, 177–181.
- Масленников, А.А. 1990: *Население Боспорского царства в первых веках н.э.* М.
- Масленников, А.А. 1993: *Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения)*: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Масленников, А.А. 1999: Греки и варвары на границах Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия). В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997*. М., 170–192.
- Масленников, А.А. 2004: Системный кризис III в. н.э. на Боспоре и крах античного военного искусства. В сб.: *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.)*. Харьков, 56–59.
- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. 2012: *Римские легионы в бою*. М.
- Мацулевич, Л.А. 1959: Войсковой знак V в. *ВВ* 16, 183–205.
- Михайлов, В.А. 1993: *Оружие и доспехи бурят*. Улан-Удэ.
- Нефёдкин, А.К. 2011: *Военное дело сарматов и аланов (по данным античных историков)*. СПб.
- Ростовцев, М.И. 1990: Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный слой эпохи римского протектората. *ВДИ* 1, 175–183.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 55–76.
- Сидоренко, В.А. 2001: Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV в. н.э. (по материалам эпиграфики). *БИ* 1, 137–146.

- Смирнов, К.Ф. 1964: *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. М.
- Требелева, Г.В. 2002: Структура боспорской армии в первые века нашей эры. *ПИФК* 12, 111–116.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Храпунов, И.Н. 2011: Администрация Боспора в V в. н.э. *ДБ* 15, 353–370.
- Шелов, Д.Б. 1974: Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным ономастики. *ВДИ* 1, 90–93.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 3 vols. Oxford.
- Mielczarek, M. 1999: *The Army of the Bosporan Kingdom*. Lodz.

REFERENCES

- Ambroz, A.K. 1992: Bospor. Khronologiya rannesrednevekovykh drevnostey [Bospor. Chronology of early medieval antiquities]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 1, 6–108.
- Artamonov, M.I. 1962: *Istoriya khazar [History of the Khazars]*. Leningrad.
- Blavatskiy, V.D. 1964: *Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora [Panticapaeum. Essays on the History of the Capital of Bosporus]*. Moscow.
- Blavatskiy, V.D. 1985: *Antichnaya arkheologiya i istoriya [Ancient Archaeology and History]*. Moscow.
- Bolgov, N.N. 2003: *Problemy kontinuiteta v kontekste razvitiya antichnoy tsivilizatsii v Severnom Prichernomor'ye (konets III – VI vv.) [Problems of Continuity in the Context of the Development of Ancient Civilization in the Northern Black Sea Region (Late 3rd to 6th Centuries)]*. PhD Thesis. Nizhny Novgorod.
- Bolgov, N.N. 2017: Vizantiysy na Bospore VI v. [Byzantines in the sixth-century Bosporus]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea]* 9, 375–380.
- Bolgov, N.N. 2021: *Severnoye Prichernomor'ye ot antichnosti k srednevekov'yu (2-ya pol. III – 1-ya pol. VII vv.) [Northern Black Sea Region from Antiquity to the Middle Ages (second half of the 3rd – first half of the 7th century)]*. Belgorod.
- Bolgov, N.N., Zaytseva, I.V. 2019: Tiberiy Yuliy Duptun – posledniy tsar' Bospora i politika imperatora Anastasiya [Tiberius Julius Duptun, the last king of the Bosporus and the policy of Emperor Anastasius]. *Materialy po istorii i arkheologii antichnogo severnogo Prichernomor'ya [Materials on the History and Archaeology of the Ancient Northern Black Sea Region]* 11, 517–526.
- Budanova, V.P. 2000: *Varvarskiy mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Barbaric World of the Era of the Great Migration]*. Moscow.
- Desyatchikov, Yu.M. 1974: *Protsess sarmatizatsii Bospora: abstract of diss. ... cand. ist. Sciences [The Process of Sarmatization of the Bosporus. PhD Abstract]*. Moscow.
- Desyatchikov, Yu.M. 1988: Sotsial'naya struktura Sirakeny [The social structure of Siracena]. In: *Tretiy vsesoyuznyy simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke [Third All-Union Symposium on Problems of Hellenistic Culture in the East]*. Yerevan, 24–25.
- Golenko V.K. 1999. K voprosu o vremeni sooruzheniya “tsitadeli” na gore Opuk [On the question of the time of construction of the “citadel” on Mount Opuk]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesus Collection]* 10, 39–49.
- Goroncharovskiy, V.A. 2004: Strategiya i taktika bosporskoy armii pervykh vekov n. e. [Strategy and tactics of the Bosporan army in the first centuries AD]. In: V.N. Zinko (ed.), *V Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy [Vth Bosporus Readings. The Cimmerian Bosporus]*

- and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Ethnic Processes*]. Kerch, 96–103.
- Gringof, S.A. 2010: Komandno-administrativnaya organizatsiya bosporskoy armii rimskogo vremeni [Command-administrative organization of the Bosporan army in Roman times]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 32–41.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 3 vols. Oxford.
- Kaminskiy V.N. 1993: Voennoye delo alan Severnogo Kavkaza [Warfare of the Alans of the North Caucasus]. In: *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya* [Antiquities of the Kuban and the Black Sea], 90–114.
- Kazanskiy M.M. 1999: Goty na Bospore Kimmeriyskom [Goths in the Cimmerian Bosporus]. In: M.E. Levada (ed.), *100 let chernyakhovskoy kul'ture* [100 Years of Chernyakhov Culture]. Kyiv, 277–297.
- Kazanskiy, M.M. 2018: Pogrebeniya i “pominal'niki” voinskikh predvoditeley post-gunnskogo vremeni v pontiyskikh stepyakh [Burials and “commemorations” of military leaders of the post-Hunnic period in the Pontic steppes]. In: *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére*. Budapest, 393–408.
- Kazanskiy, M.M. 2020: Goty na Bospore Kimmeriyskom v nachale epokhi Velikogo peresele-niya narodov [Goths in the Cimmerian Bosporus at the beginning of the era of the Great Migration of Nations]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] 40, 140–156.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voynenogo dela sarmatov* [Essays on the Warfare of the Sarmatians]. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2011: Administratsiya Bospora v V v. n.e. [Administration of the Bosporus in the 5th AD]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 15, 353–370.
- Kulakovskiy, Yu.A. 2002: *Proshloye Tavridy* [Past of Taurida]. Kyiv.
- Kuznetsov, V.A. 1984: *Ocherki istorii alan* [Essays on the History of the Alans]. Ordzhonikidze.
- Lantsov, S.B., Golenko, V.K. 1999: O zapadnoy granitse Bospora v IV v. [On the western border of Bosporus in the 4th century]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon], 177–181.
- Makhlayuk, A.V., Negin, A.Ye. 2012: *Rimskiye legiony v boyu* [Roman Legions in Battle]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1990: *Naseleniye Bosporskogo tsarstva v pervykh vekakh n.e.* [The Population of the Bosporan Kingdom in the First Centuries AD]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1993: *Sel'skaya territoriya yevropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu (sistema rasseleniya i etnicheskoy sostav naseleniya): avtoref. dis. ... doc. ist. sciences* [Rural Territory of the European Bosporus in Antiquity (Settlement System and Ethnic Composition of the Population)]; *PhD Abstract*. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1999: Greki i varvary na granitsakh Bospora (Vzglyad na problemu k kontsu tysyacheletiya) [Greeks and barbarians on the borders of the Bosporus (A look at the problem towards the end of the millennium)]. In: *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy* [The Oldest States of Eastern Europe]. 1996–1997. Moscow, 170–192.
- Maslennikov, A.A. 2004: Sistemnyy krizis III v. n.e. na Bospore i krakh antichnogo voynenogo iskusstva [The third-century AD systemic crisis on the Bosporus and the collapse of ancient military art]. In: *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Problems of History and Archaeology of Ukraine: Proceedings of the Vth International Scientific Conference. Kharkov, November 4–6, 2004]. Kharkov, 56–59.
- Matsulevich, L.A. 1959: Voyskovoy znak V v. [Military badge of the 5th century]. *Vizantiyskiy Vremennik* [Byzantine Chronicle] 16, 183–205.
- Mielczarek, M. 1999: *The Army of the Bosporan Kingdom*. Lodz.

- Mikhaylov, V.A. 1993: *Oruzhiye i dospekhi buryat* [Weapons and Armor of the Buryats]. Ulan-Ude.
- Nefedkin, A.K. 2011: *Voyennoye delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istorikov)* [Warfare of the Sarmatians and Alans (According to Ancient Historians)]. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 1990: Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo tsarstva: 2. Gosudarstvo i sotsial'nyy sloj epokhi rimskogo protektorata [State and culture of the Bosporan kingdom: 2. State and social layer of the era of the Roman protectorate]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 175–183.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoye tsarstvo: Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye* [Kingdom of Pontus: The State of Greeks and Barbarians in the Black Sea Region]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2005: Enkomiy iz Pantikapeya i polozeniye Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n.e. [Encomion from Panticapaeum and the history of the Bosporan Kingdom on the turn of the 1st and the 2nd cc. AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.
- Shelov, D.B. 1974: Nekotoryye voprosy etnicheskoy istorii Priazov'ya II–III vv.n.e. po dannym tanaisskoy onomastiki [From the ethnic history of the Azov Region in the 2nd and 3rd centuries AD according to Tanais onomastics]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 90–93.
- Sidorenko, V.A. 2001: Vysshie voynskie dolzhnosti na Bospore vo II – nachale IV v. n.e. (po materialam epigrafiki) [Highest military posts in the Bosporus in the 2nd – early 4th centuries AD (based on epigraphy)]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] 1, 137–146.
- Smirnov, K.F. 1964: *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Savromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow.
- Trebleva, G.V. 2002: Struktura bosporskoy armii v pervyye veka nashey ery [The structure of the Bosporan army in the first centuries of our era]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XII, 111–116.
- Vinogradov, Yu.A. 2009: Migratsii kochevnikov Yevrazii i nekotoryye osobennosti istoricheskogo razvitiya Bospora Kimmeriyskogo [Migration of Eurasian nomads and some features of the historical development of the Cimmerian Bosporus]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] 22, 5–90.
- Vinogradov, Yu.G. 1998: Pozdneantichnyy Bospor i rannaya Vizantiya [Late Antique Bosporus and Early Byzantine Empire]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 234–238.
- Vinogradov Yu.G., Shestakov S.A. 2005: Laudatio Funeris iz Pantikapeya [Laudatio Funeris from Panticapaeum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 42–44.
- Vinogradov, Y.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009: *Voennaya istoriya i voennoye delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* [Military History and Warfare of the Cimmerian Bosporus (the 6th Century BC to the Mid-3rd Century AD)]. Saint Petersburg.
- Yermolin, A.L. 2005: Gunny-utigury i goty-tetraksity v sochinenii Prokopiya Kesariyskogo (lokalizatsiya mesta protivostoyaniya gunnov i gotov, a tak zhe put' ikh prodvizheniya cherez Kerchenskiy poluostrov v 3-y chetverti V v. n.e.) [Huns-Utigurs and Goths-Tetraxites in the work of Procopius of Caesarea (localization of the place of confrontation between the Huns and the Goths, as well as the path of their advance through the Kerch Peninsula in the third quarter of the 5th century AD)]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon], 349–354.
- Yermolin, A.L. 2006: Lokalizatsiya mesta protivostoyaniya gunnov i gotov na Kerchenskom poluostrove [Localization of the place of confrontation between the Huns and the Goths on the Kerch Peninsula]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 9, 90–96.
- Zubar, V.M., Zinko, V.N. 2006: *Bospor Kimmeriyskiy v antichnuyu epokhu. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [The Cimmerian Bosporus in Antiquity. Essays on Socio-Economic History] (Bosporskiye issledovaniya [Bosporos Studies] 12).

- Zubarev, V.G. 2011: K voprosu o zapadnoy granitse Bospora vo vtoroy polovine IV – nachale V v. n.e. [On the question of the western border of the Bosphorus in the second half of the 4th and the early 5th centuries AD]. *Bosporskiy fenomen* [*Bosporan Phenomenon*], 244–247.
- Zubarev, V.G. 2019: “Varvarskiy” komponent v material’noy kul’ture sel’skikh poseleniy Yevropeyskogo Bospora vo II – V vv. n.e. (na primere gorodishcha Belinskoye) [“Barbarian” component in the material culture of the rural settlements of the European Bosphorus in the 2nd to 5th centuries AD (the case of the Belinskoe settlement)]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 38, 179–204.

COMMAND AND ORGANIZATIONAL SYSTEM OF THE BOSPORAN ARMY IN THE LATE ANTIQUITY

Ivan A. Astakhov

Independent Researcher, Tula, Russia

E-mail: astahal@rambler.ru

The author of the article reconstructs the main command ranks and organization of the army of the Late Antique Bosphorus, relying both on well-studied sources on the command and organizational system of the Bosporan army of the 1st–3rd centuries AD, as well as fragmentary sources of later times. It is assumed that in Late Antiquity, the middle and lower military ranks disappeared, replaced by barbarian aristocratic commanders, and the highest command ranks continued to exist, although partly modified; new positions appear that have Byzantine roots. Bosporan army of the 3rd–4th centuries AD consists of light and heavy Sarmatized cavalry, as well as light infantry composed on the barbarian garrisons of border fortresses and the local militia of the cities. Further migration processes on the territory of the Northern Black Sea region led to a gradual exodus of Sarmatized cavalry from the Bosphorus, and then of the barbarian garrisons of border fortresses.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Late Antiquity, army, organization, command structure

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 116–123
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 116–123
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-116–123

IMAGINES AUGUSTI: РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ГОРОДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В.А. Конопаткин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4579-1753

В статье рассматривается роль императорских изображений в городах Поздней Римской империи. На основании нарративной традиции, текстов законодательства и панегириков анализируется частотность размещения статуй августов в пространстве города, а также практики взаимодействия с ними со стороны подданных. Автор заключает, что статуи находились в империи повсеместно в наиболее людных и значимых местах, а их частотность и монументальность создавали ощущения «вечного присутствия» императора, что обеспечивало видимость легитимности установленного порядка. Сведения как христианских, так и языческих авторов вместе с данными законодательства подтверждают, что практики поклонения императорским образам сохранялись, поскольку статуи правителя и реальное правящее лицо фактически отождествлялись. Императорские статуи оказывались встроены в практики повседневных ритуалов жителей города. Они санкционировали власть магистратов, выполняли надзорную функцию, им поклонялись, подносили петиции, искали у них убежища. В периоды смут и мятежей императорские статуи подвергались нападению, тем самым подданные выступали против власти, символически оспаривая легитимность августа; соответственно, статуи охранялись законодательно, причем не только правящих императоров. Особое отношение к статуям императора не исчезало после его смерти, а практики, связанные с почитанием их, сохранялись позднее. Таким образом, значение имел не конкретный правитель, наделенный властью, а абстрактная власть как таковая, заключенная в фигуре императора.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, репрезентация власти, императоры, постестарная имагология

В Поздней Римской империи в контексте общего переустройства государства фигура августа также претерпевала изменения. Теперь репрезентация императорской власти приобрела новые символические формы, выраженные в изменениях в титулатуре и церемониале. Все это отвечало на вопрос: в каком смысле Римская

Данные об авторе. Владислав Алексеевич Конопаткин – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

империя оставалась единой политической системой? Ответ – у всех жителей империи был один император. Любая политическая активность сводилась к фигуре августа. Общий культурный контекст по всей империи заполнялся символами императорской власти, в том числе изображениями императора. Последние имеют большую историческую ценность с точки зрения представления в них политических идей. Через изображения современники визуализировали различные этические, культурные и политические цели. Однако вызывает интерес не визуализация идей (этот вопрос основательно исследован в историографии¹), а сами изображения, точнее их роль в пространстве города и практики взаимодействия с ними.

Статуя императора воспринималась не просто как безжизненный памятник, эстетическое украшение общественной площади, которое передавало некое послание публике. Изображения сами по себе являлись неотъемлемой частью городского пространства, находясь повсеместно. С одной стороны, они поддерживали так называемое «вечное присутствие», по выражению С. МакКормака², т.е. создавали ощущение постоянного пребывания императора в каждом уголке империи одновременно, с другой – императорские статуи вовлекались в практики повседневных ритуалов жителей города.

РАСПОЛОЖЕНИЕ СТАТУЙ ИМПЕРАТОРОВ

Севериан, епископ Гавальский, сообщает, что император не может присутствовать везде, где действует то или иное официальное лицо, чтобы проконтролировать исполнение своей власти. А следовательно, там – в судах, на рынках, в общественных собраниях и театрах – должна стоять статуя императора, чтобы правитель таким образом мог подтвердить происходящее и санкционировать власть магистратов (PG 56, 489). Кроме того, например, закон от 394 г. предписывает, чтобы рекламные изображения были удалены из общественных портиков и других мест, в которых обычно находятся (императорские) изображения (С. Th. XV.7,12). Рекламу, естественно, стремились разместить там, где ее увидело бы большее число людей, но, по-видимому, наиболее выгодные места уже были заняты изображениями императора, а соседство не допускалось.

Статуи императора украшали и ворота, например, знаменитые золотые ворота в Константинополе (Euseb. *Vit. Const.* 4.15, 3.3). Археологически расположение статуй проследить сложно, однако Г. Дей в исследовании позднеантичных городов с точки зрения репрезентации власти утверждает, что статуи являлись неотъемлемой частью оформления триумфального пространства – главных улиц, вокруг которых строилось самовыражение императорской власти³. К схожим выводам приходит и ряд других авторов⁴. Л. Лаван исследовал вопрос присутствия в городах Поздней Римской империи статуй уже умерших императоров⁵. В Константинополе сохранялись многочисленные форумы, созданные во времена правления тех или иных императоров, где помещались их изображения; особенно в

¹ Zanker 1973; 1983; 1987; Smith 1985; 1987; 1996; 1997; 2000; Guidetti 2021.

² MacCormack 1981, 43.

³ Dey 2014, 94.

⁴ Bauer 2001; 1996.; Kelly 2001, 173; Hopkins 1978, 223; Lavan 2003, 323.

⁵ Lavan 2011.

пространстве города доминировали статуи Константина. Так, известно, что одна из них ежегодно удостоивалась почестей от правящего императора вплоть до времен Льва⁶. Изображения Константина сохранялись также и в Риме. Изображение Феодосия I сохранялось вплоть до времени правления Анастасия и было убрано только потому, что упало, считает Л. Лаван⁷.

Даже статуи Юлиана сохранялись на улицах и площадях в Эфесе, Сагалассосе, Сиде, Кесарии Филипповой, в Оксирихе и Константинополе, хотя этот император имел плохую репутацию в христианизированной империи⁸. На улицах и площадях, открытых в ходе археологических раскопок, сохранность императорских статуй замечательна – восточные города, такие как Эфес, Афродизиас, Сагалассос и Антиохия-на-Оронте, с гордостью выставляли на улицах и площадях памятники императорам IV в. (и даже I–III вв.) вплоть до конца VI или VII вв.⁹ В текстах гораздо труднее атрибутировать принадлежность упоминаемых статуй, однако следует так или иначе заострить внимание на вопросе – взаимодействовали ли подданные со статуями только правящих императоров или со статуями августов вообще.

Захария Митилинский насчитывает около 4 000 почетных памятников только в Риме V в. (*Chron.* 10.16). Это подтверждает высокую значимость образов императоров, а из-за обилия и частоты расположения публичных статуй их идентичность была важна менее, чем общая монументальность и связанная с этим трансформация общественного пространства в контексте создания ощущения вездесущности власти императора¹⁰. Неизвестный панегирист 310 г. прямо заявляет, что подданные хотят присутствия императора повсюду, словно это возможно в реальности (*Pan. Lat.* VII. XXI. 1), поскольку от этого «увеличивается численность населения, растут городские стены и роскошные здания» (*Pan. Lat.* XII. XXII. 6). В панегирике цезарю Констанцию даже говорится, что мятежник, скрываясь от правосудия, «куда бы ни побежал, встретит силу императорской божественности везде, где поклоняются изображениям и статуям Августа» (*Pan. Lat.* VIII. XV. 6).

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБРАЗАМИ АВГУСТОВ

Итак, статуи и портреты императора стали неотъемлемой частью имперского пространства и формально санкционировали власть магистратов своим присутствием. Однако так же они могли воздействовать на римлян и иначе. С. МакКормак показала, что в поздней античности различные способы репрезентации власти императора носили единый характер: ритуалы императорского самовыражения перекликались с текстами и изображениями¹¹. В панегириках всячески подчеркиваются сверхъестественные провиденциальные способности императора¹². Он настолько пронизателен, что может отчетливо видеть настоящее и будущее и сравним с Линеем, который, по рассказам, проникал взглядом сквозь стены

⁶ Lavan 2011, 465.

⁷ Lavan 2011, 466.

⁸ Lavan 2011, 466.

⁹ Lavan 2011, 467.

¹⁰ Weisweller 2012, 324.

¹¹ MacCormack, 1981, 181–186.

¹² Об этом также см.: Rees 2015, 102; Smith 1997, 182.

домов и стволы деревьев (Pan. Lat. IV. XI. 4). Взгляд императора не могут выдержать и нерадивые слуги, и те, кто вынашивает преступные помыслы (Pan. Lat. XII. XXXI. 1). Таким образом, присутствие императорских статуй на площадях и рынках выполняло и охранную функцию. Находясь перед взором императора, пусть воплощенного в своем изображении, злоумышленник рисковал, ибо август все знает и все видит, особенно если преступление совершено перед его статуей. А убеждение, согласно которому правитель и его образ чрезвычайно близки, было достаточно распространено¹³.

Например, Святой Афанасий сравнивает Бога с императором в попытках объяснить единство Отца и Сына. Сын и Отец едины, ибо Сын находится в Отце, а Отец в Сыне. Также в образе есть форма Императора, а в Императоре есть та форма, которая есть в образе. Человек, который смотрит на изображение, видит в нем Императора, и тот, с другой стороны, кто видит Императора, признает, что это он находится в изображении (Athan. *Contra Arianos orat.* III. 5 (PG 26, 332B)). В очень похожем пассаже Василий Великий замечает, что честь, оказываемая изображению, соответствует чести того, кто в нем воплощен (Bas. Caes. *De spiritu sancto.* 45 (PG 32, 149C)). Севериан Гавальский говорит, что если в отсутствие императора его место занимает изображение, то и магистраты, и народ должны относиться к нему так, как если бы они смотрели не на изображение, а на само лицо императора. Ведь образ бессмертного императора может пробиться не только сквозь камень, но даже сквозь небо и землю (PG 94, 1409A).

А поскольку статуи – это почти то же, что и сам император, то и относиться к ним следует соответствующе. Григорий Назианзин в своей первой речи против Юлиана говорит, что одним из самых почитаемых обычаев римлян было чествование императоров публичными изображениями, которым нужно было поклоняться (Gr. Naz. Or. IV. 80 (PG 35, 605B, 605C)). Святой Амвросий в рассуждении о достоинствах различных частей человеческого тела ненароком упоминает о почитании императорских черт в изображении со стороны граждан (Ambr. *Exameron.* VI. 57 (CSEL 32.1, 248)). Он также замечает, что тот, кто почитает изображение императора, почитает тем самым того, чей образ он увенчал, и тот, кто проявил свое презрение к статуе императора, считается причинившим вред самому императору (Ambr. *Expositio in ps.* CXVIII. 10, 25 (CSEL 62, 219)). Иоанн Лид описывает, как префекта принимал не император, а его изображение Jo. Lyd. *De Magistratibus* 3. В 467 г. император Лев послал в Рим свое изображение, тем самым напомнив Городу о своей власти. Это было как бы символом единства империи. Изображение императора Антемия заменяло фигуру самого правителя в ходе адвента в Константинополь (De Ceremoniis. 1. 87).

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать то, что, во-первых, в сознании римлян существовало убеждение о прямой связи между изображением августа и самим августом на уровне близком к отождествлению. Во-вторых, образы правителя необходимо было почитать определенным образом, однако это создавало некоторые трудности для христиан, поскольку для них почитание образов правителей являлось идолопоклонством. Однако эта проблема выходит за рамки статьи и уже достаточно подробно рассмотрена в историогра-

¹³ Kelly 2001, 173.

фии¹⁴, нам же интересен сам факт внимания авторов к повсеместному почитанию статуй.

Однако неизвестно, что конкретно представляло собой поклонение изображениям. Христианские авторы выделяют понятия *colere* и *adorare*; по отношению к императорским статуям применялось именно последнее, т.е. проскинеза, поскольку первое в большей степени означает религиозное почитание¹⁵. Все же неясно, осуществлялась ли проскинеза с целью исполнения гражданского долга, поскольку к статуям нужно было относиться так же, как к живому императору, либо же перед статуями совершали обряд с целью получить от августа помощь в каком-то деле. Например, Севериан сообщает, что жертва насилия может спрятаться за изображением Августа, и тогда никто больше не посмеет причинить ей зла (PG 56.489). Перед изображением императора приносилась и присяга на верность¹⁶. В 386 г. Феодосий издал указ, согласно которому около императорской статуи беглецы смогут найти убежище в течение десяти дней, когда их нельзя будет трогать (C. Th. VIII.44.1). Более того, известно, что к статуе императора Льва подносились петиции – они прикреплялись прямо к изображению, откуда потом их собирали и относили императору (PG 2.31).

В 425 г. Феодосий II осудил чрезмерное поклонение императорским статуям или изображениям (*status vel imagines*) при их установке, будь то в праздничные или будние дни. Императорские портреты выставлялись на играх для того, чтобы императорские *pumen* и *laudes* жили в сердцах и умах собравшихся. Поклоняться же следует только Богу (C. Th. XV.4.1). Конечно, это событие можно оценить как победу христианского мировоззрения, осуждающего поклонение императорским изображениям как языческим божествам и идолам. Однако это императорское замечание напоминает традиционную для принцевов ложную скромность, которая стоит в одном ряду с показным отказом от власти, скромно организованными пирами, либо же напоминает отказ Августа или Тиберия от культового почитания собственной фигуры¹⁷. Более того, в тексте используется местоимение *nostra*, которое свидетельствует о запрете поклонения статуям именно Феодосия II и Валентиниана III. К тому же, запрет на почитание говорит в первую очередь о том, что оно до сих пор сохранялось.

О высокой значимости императорских статуй в пространстве города говорит и то, что во время смут и мятежей горожане первым делом стремились избавиться от изображений августа, причем зачастую достаточно изощренными методами. Например, толпа бунтовщиков в Антиохии яростно возражала против увеличения налогов в 387 г. и громила статуи, за что город был жестоко наказан. Об этом подробно сообщают Либаний и Созомен (Lib. Or. 22.7; Soz. 7.23), но не уточняют, чьи именно статуи подверглись разрушению, хотя восстание и было направлено против Феодосия – они говорят об императорских изображениях вообще. Уточняет лишь Иоанн Златоуст, имея в виду Феодосия, однако его текст построен как обращение к императору (PG 49, 73). Гнев был направлен на правящего императора, но уничтожались ли только его изображения? Вероятно, разрушались все статуи

¹⁴ Kahlos 2016; Setton, 1941.

¹⁵ Setton, 1941, 198.

¹⁶ Kahlos 2016, 183.

¹⁷ Bowersock 1983, 53–54. Другая точка зрения: Rollin 1979, 181.

без разбора, потому как сомнительно, что бунтующий народ, который выступал против власти вообще, делал какие-то различия.

В других случаях бунтовщики проявляли показную враждебность, жестоко обращаясь со статуей августа, как с обычным преступником. Либаний рассказывает, как однажды жители Эдессы снесли бронзовую статую императора Констанция и протащили ее по улицам лицом вниз, избивая ремнями (*Lib. Or.* 19.48). Таким образом, население выплескивало свой гнев, а затем проводило тревожные дни в трепете, ожидая наказания (*PG* 49, 43, 216). Забивание камнями императорского образа было тяжким преступлением, и даже клевета на кого-то по этому поводу была серьезным оскорблением, как показывает обвинение против Афанасия Александрийского, брошенное его противниками на Тирском соборе в 335 г. Противники Афанасия обвинили его в клевете против пресвитера, который якобы бросал камни в императорские статуи (*Soz.* 2.25).

Василий Кесарийский замечал, что человек, который оскорбляет образ императора, осуждается, как будто бы это был выпад против самого императора (*PG.* 30, 589A–B). Амвросий Медиоланский, вторя Василию, утверждает, что тот, кто непочтительно обращается с императорской статуей, считается совершившим преступление против императора (*Ambr. Expositio in ps.* CXVIII. 10.25 (*CSEL* 62, 219)).

Таким образом, императорские статуи не только предполагали возможность через них обращаться к императору или искать возле них защиты, но и выступать против его власти, символически оспаривая легитимность августа и правомерность установленного порядка. Соответственно, статуи охранялись и законодательно. Всевозможные изменения или несанкционированные копии императорских образов были строго запрещены. В законе 381 г. копирование «священных императорских черт, то есть посягательство на их божественный лик» и «кощунственное подражание их почтенным образам» перечисляется в одной строке с такими преступлениями, как паррицид, инцест и отравление (*C. Th.* 9.38.6). Интересно, что не упоминается, образы каких именно императоров не дозволяется копировать – правящих в прежние времена или нынешних. Более того, оговаривалось, что статуи в честь августа не должны браться из частных коллекций, чтобы частное лицо не могло претендовать на владение образом императора (*C.J.* 1.24.3) – здесь также отсутствуют какие-либо сведения об атрибуции изображений. Следовательно, по-видимому, законом охранялись все статуи, и никто кроме государства в принципе не мог претендовать на обладание какой-либо долей власти, принадлежащей исключительно императору. А эта власть распространялась также и на образы умерших правителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, императорские статуи играли значительную роль в организации пространства позднеантичного города. Они располагались в наиболее людных и значимых местах, где таким образом санкционировалась государственная власть, а горожане могли увериться в заботе над ними со стороны этой власти. Подданный мог искать защиты у статуи или через статую просить помощи напрямую у правителя, а в случае недовольства выплеснуть свою ярость на образ августа. Следо-

вательно, «вечное присутствие» обеспечивалось вездесущностью императорского образа и распространением практики взаимодействия с ним. Поскольку император не может одновременно находиться повсеместно, чтобы обосновать право магистрата осуществлять свою власть и заставить подданного подчиняться, его изображение воплощает это присутствие, причем правитель в таком случае – это не конкретное лицо, правящее в данный момент, а любой представитель императорской власти, запечатленный в изображении. Наполнение города императорскими статуями обосновывало незыблемость государственного строя и правопорядка, придавая сакральность и легитимность тому пространству, в котором император оказывался главным благодетелем, арбитром и источником власти.

Единство политической системы основывается не только на общих государственных институтах и налогах, но и общих символах и ритуальных практиках. Культ императора и все, что с ним было связано, создавал контекст, в котором жители всех уголков империи могли фиксировать свою принадлежность к единому политическому порядку. Общий и доступный для всех императорский образ вместе с сопутствующими ему повседневными практиками являлся одним из важнейших элементов коллективного опыта римлян, который был призван обеспечить единство государства.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bauer, F.A. 1996: *Platz und Denkmal in der Spätantike*. Mainz.
- Bauer, F.A. 2001: Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia* 15, 27–61.
- Bowersock, G.W. 1982: The Imperial Cult: Perceptions and Persistence. *Jewish and Christian Self-Definition* 3, 171–182.
- Dey, H. 2014: *The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. New York.
- Guidetti, F. 2021: Between Expressionism and Classicism: Stylistic Choices as Means of Legitimation in Late Fourth-Century Imperial Portraits. In: M.P.G. Ruiz, A.J.Q. Puertas (eds.), *Imperial Portraits in Late Antiquity: Images and Narratives*. Madrid, 139–76.
- Hopkins, K. 1978: *Conquerors and Slaves (Sociological studies in Roman history, I)*. Cambridge.
- Kahlos, R.T.M. 2016: The Emperor's new Images: How to Honour the Emperor in the Christian Empire In: M. Kahlos (ed.), *Emperors and the Divine: Rome and its Influence*. Helsinki, 119–138.
- Kelly, C. 2001: Empire building. In: G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar (eds.), *Interpreting Late Antiquity*. Belknap, 170–195.
- Lavan, L. 2003: The Political Topography of the Late Antique City: Activity Spaces. *LAA* 1, 314–337.
- Lavan, L. 2011: Political Talismans? Residual 'Pagan' Statues in Late Antique Public Space. *LAA* 7, 437–477.
- MacCormack, S. 1981: *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley.
- Rees, R. 2015: The Look of the Late Antique Emperor and the Art of Praise. In: H. Lovatt, C. Vout (eds.), *Epic Visions. Visuality in Greek and Latin Epic and its Reception*. Cambridge, 199–221.
- Rollin, J.P. 1979: *Untersuchungen zu Rechtsfragen römischer Bildnisse*. Bonn.
- Setton, K.M. 1941: *Christian Attitude towards the Emperor in the Fourth Century*. New York.

- Smith, R.R.R. 1985: Roman Portraits: Honours, Empresses, and Late Emperors. *JRS* 75, 209–221.
- Smith, R.R.R. 1987: The Imperial Reliefs from the Sebasteion at Aphrodisias. *JRS* 77, 88–138.
- Smith, R.R.R. 1996: Typology and Diversity in the Portraits of Augustus. *JRA* 9, 30–47.
- Smith, R.R.R. 1997: The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century. *JRS* 87, 170–202.
- Smith, R.R.R. 2000: Nero and the Sun-God: Divine Accessories and Political Symbols in Roman Imperial Images. *JRA* 13, 532–542.
- Weisweller, J. 2012: From Equality to Asymmetry: Honorific Statues, Imperial Power, and Senatorial Identity in Late-Antique Rome. *JRA* 25, 319–350.
- Zanker, P. 1973: *Studien zu den Augustus-Porträts*. Bd. 1. *Der Actium-Typus*. Göttingen.
- Zanker, P. 1983: *Provinzielle Kaiserporträts. Zur Rezeption der Selbstdarstellung des Princeps*. München.
- Zanker, P. 1987: *Augustus und die Macht der Bilder*. München.

IMAGINES AUGUSTI: ON THE ROLE OF IMPERIAL IMAGES IN THE CITIES OF THE LATE ROMAN EMPIRE

Vladimir A. Konopatkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: vladgimn93@gmail.com

The article examines the role of Emperor's images in the cities of the Late Roman Empire. Based on the narrative tradition, legislative texts and panegyrics, the frequency of placement of imperial statues in the city space, as well as the practice of interaction with them by subjects, is analyzed. It is concluded that the statues were located everywhere in the Empire in the most crowded and significant places, and their frequency and monumentality created a feeling of the "eternal presence" of the emperor, which provided the appearance of legitimacy of the established order. Information from both Christian and pagan authors, together with legislative data, confirms that the practice of worshipping imperial images was preserved, since the statues of the ruler and the real ruling person were practically identified. Imperial statues found themselves embedded in the daily rituals of the city's inhabitants. They sanctioned the power of officials, performed a supervisory function, they were worshiped, presented petitions, and sought refuge with them. During periods of unrest and rebellion, imperial statues were attacked, thereby subjects opposed the government, symbolically challenging the legitimacy of emperor; accordingly, the statues were protected by law, and not only of the ruling emperors. The special attitude towards the statues of the emperor did not disappear after his death, and the practices associated with their veneration continued later. Thus, what mattered was not the specific ruler endowed with power, but the abstract power as such, contained in the figure of the emperor.

Keywords: Late Roman Empire, representation of power, emperors, potestary imagology

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 124–131
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 124–131
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-124–131

АФИНСКИЕ «МАЛЫЕ» ФИЛОСОФЫ V ВЕКА

И.В. Денисова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: eivv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6612-4191

Статья посвящена проблеме изучения «малых» философов в Афинской Академии V в. н.э., в эпоху Плутарха Афинского, Сириана и Прокла Диадоха. Исследуются их социальное окружение, круг коллег и учеников. Последовательно в хронологическом порядке рассматривается деятельность философов Афинской школы на протяжении всего столетия. Показано, что «малые» философы были достаточно многочисленны. Большая часть их упоминается в источниках философов, которые так или иначе связаны с Афинской школой Плутарха–Сириана–Прокла. К их школе принадлежат, помимо Прокла, философы Однат, Николай, а также философ и инженер Феодор. Эта школа достигла расцвета к середине V в. и пришла в упадок после смерти Прокла Диадоха ок. 485 г., когда ему не нашлось достойного преемника. Исследование позволяет выявить и систематизировать имена целой плеяды философов. Отмечено, что внешкольные философы начала V в. имеют полулегендарный характер, будучи связанными с кругом будущей императрицы Афинаиды-Евдокии. К концу V в. принадлежат имена трех «малых» философов, относящихся к младшему поколению учеников Прокла: Агапий, Зенодот и Сириан. В V в. утверждается особый статус Афин как одного из крупнейших центров интеллектуальной жизни, с которой связана целая плеяда видных имен.

Ключевые слова: Прокл Диадох, Дамаский, Афинаида-Евдокия, позднеантичные интеллектуалы, Афины, «малые» философы, софисты, неоплатонизм, Афинская школа, Академия

В V в. н.э. Афины упрочили свой особый, неформальный статус крупнейшего центра интеллектуальной жизни Империи, возрожденный софистами IV в., благодаря новому расцвету Академии – философской школы. С ней связаны имена таких виднейших неоплатоников и схолархов как Плутарх, Сириан, Прокл, Марин в Афинах, александрийских философов-учеников Сириана и Прокла: Гермия, Аммония, Исидора, Асклепиодота¹. Также известным афинским философом-не-

Данные об авторе: Ирина Викторовна Денисова — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета педагогического института НИУ «БелГУ», директор музея истории НИУ «БелГУ».

¹ Watts 2006, 79–111, 204–232.

оплатоником и ритором являлся Салюстий². Однако источники дают имена еще полутора десятков менее известных философов, которых мы объединяем в группу «малых» представителей этой ветви интеллектуалов. Рассмотрим их жизнь и деятельность в хронологическом порядке.

НАЧАЛО V в.

В начале пятого столетия в Афинах наибольшей известностью пользовалась философская школа Плутарха Афинского, к которой принадлежали Сириан, а затем Прокл³. О существовании других философских школ и философах информация сохранилась скудная.

Первая микрогруппа из семи афинских философов упоминается в связи с их сопровождением будущей императрицы Евдокии из Афин в Константинополь в первой четверти V в.: в столице они посетили Ипподром как место отражения стихий (Patr. Const. II.82)⁴. Подлинность и количество этих философов сомнительны, а их имена фигурируют только в поздневизантийской традиции: Апеллес (Apelles 1: PLRE II, 109), Кар (Carus: PLRE II, 263), Кран (Cranus: PLRE II, 328), Курб (Curbus: PLRE II, 330), Нерва (Nervas: PLRE II, 779), Пелопс (Pelops: PLRE II, 858), Сильван (Silvanus 4: PLRE II, 1011). В источнике они упомянуты в следующем порядке: Кран, Кар, Пелопс, Апеллес, Нерва, Сильван и Курб. Три имени являются латинскими (Нерва, Сильван, Кар), два – непонятного (варварского?) происхождения (Кран и Курб), еще два – греческие (Апеллес и Пелопс).

В аутентичных источниках, в частности, у церковного историка Сократа Схоластика, фигурирует имя интеллектуала Сильвана, ритора и ученика философа начала V в. Троила (Troilus 1: PLRE II, 1128). Он был назначен епископом Филиппополя при константинопольском патриархе Аттике (405–425) (Socr. HE. VII.36–37). Сильван мог входить в сформированный еще при дворе Аркадия и продолживший свою деятельность при Феодосии II кружок «Панэлленион»⁵. Этот Сильван мог быть впоследствии соотнесён с философом, прибывшим с Афинаидой в Константинополь.

Связь Афинаиды-Евдокии с философами была обусловлена её происхождением: она была дочерью афинского софиста Леонтия (Leontius 6: PLRE II, 668), о чем сообщают аутентичный церковный историк Сократ Схоластик (Socr. HE. VII.21) и антиохийский хронист VI в. Иоанн Малала; последний добавляет подробности, что у будущей императрицы было два старших брата – Валерий и Гесий, а также две тётки – по отцу и матери (Malal. XIV.4–5).

Также применительно к концу IV – началу V в. в источниках упоминается ещё один афинский философ – Музоний, имевший трех сыновей: Музония, Аксиоха и Антиоха. По словам историка конца V в. Зосима, Антиох принял участие в интригах префекта претория Востока Руфина и был назначен тем проконсулом Греции (Zos. V.5). Здесь также может идти речь о софисте Музонии, ученике и сопернике софиста второй половины IV в. Евсевия, ученика знаменитого ритора Проэресия,

² Афонасин 2020, 285–317.

³ Лосев 1988, 4.

⁴ Preger 1907, 192–193.

⁵ Cameron 1982; Болгов 2021, 326–346.

о котором упоминает его современник Евнапий (Eunap. V. soph. 493). В византийском словаре X в. «Суда» упоминается Музоний, который жил во времена императора Иовиана (363–364) и отличался глубиной и силой суждений, занимая разные государственные посты (Suid. M 1306). Но Евнапий и Аммиан Марцеллин сообщают о смерти этого Музония во время подавления разбоев исавров в 367–368 гг., когда тот будучи викарием Азии вел вооруженную борьбу с ними и попал в засаду (Eunap. Hist. fr. 46; Amm. Marc. XXVII.9.6). Таким образом, философ Музоний, упоминаемый Зосимом, является другим лицом.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА – СЕРЕДИНА V в.

В первой половине – середине V в. Афинскую Академию возглавлял ученик Плутарха Афинского – Сириан, учеником которого и стал Прокл Диадох (412–485)⁶. Применительно к этому периоду в источниках появляется конкретная информация и о других философах – учениках Плутарха и однокашниках Сириана или Прокла. Группу «малых» философов середины столетия составляют философы Оденат, Николай и Феодор – все они были либо учениками Плутарха и однокашниками Сириана, либо учениками Сириана и однокашниками Прокла в молодости.

Философ-неоплатоник Оденат (Odaenatus: PLRE II, 790), родом из Сирии, был учеником схоларха Плутарха. Дамаский писал о нём в «Философской истории», что на занятиях Оденат засыпал своего учителя вопросами, но был слаб в том, чтобы ухватить истину (Dam. 65 Ath.). По информации из «Суды», Оденат рассматривал спекуляции о божественных материях невозможными и отказывался давать ответы на вопросы, касавшиеся философии (Suid. O 31).

Николай (Nicolaus 2: PLRE II, 783), которого Марин Неаполитанский называет знаменитым в будущем софистом, был земляком и другом Прокла. Будучи еще студентом, он встретил молодого учёного у въезда в Афины. Николай даёт религиозно-философскую трактовку знамениям, сопровождавшим прибытие Прокла, что может указывать на получение им двух образований – риторического и философского (Marin. V. Procl. 10). Дамаский сообщает, что Николай был ритором, учеником Плутарха и Прокла, процветавшим во времена императора Льва I (457–474) и оставившим ряд риторических работ (Dam. 64 Ath.; Suid, N 394). «Суда» также в отдельной статье дополняет эту информацию тем, что Николай происходил из Мир Ликийских, был братом грамматика и сановника Диоскорида, также являлся софистом в Константинополе и написал риторические сочинения (Suid. N 395). Сам Диоскорид был воспитателем дочери императора Льва и занимал высокие государственные посты (Suid. Δ 1208).

Феодор – инженер и философ середины V в. (Theodorus 29: PLRE II, 1091) был современником и другом Прокла, посвятившего ему сочинение «О Провидении и Судьбе» (существует только в латинском переводе, сделанном в XIV в. архиепископом Коринфа Вильгельмом фон Мёрбеке). Феодор тоже писал сочинения на различные темы. Он состоялся и как инженер («лучший в механике»), чьи взгляды на Сотворение мира были влиятельными в силу его профессии. Как философ он известен в меньшей степени, однако, репутация студента и особенно друга Прокла давала ему определенные преференции.

⁶ Лосев 1988, 9.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА V в.

От данного периода, в котором наступает расцвет учёной деятельности Прокла Диадоха, дошли имена целой плеяды философов, процветавших вместе с ним, а источники (Дамаский и «Суда») дают относительно них больше подробностей. Это Архиад и Афинодор, являвшиеся коллегами Прокла, а также ученики старшего поколения знаменитого философа – Гиерий и Перикл. Особняком стоит Гиларий из Антиохии.

Одним из лучших друзей Прокла был Архиад (Archiadus 1: PLRE II, 134), внук Плутарха Афинского. О нём подробно сообщает Марин: Архиаду вместе с Сирианом умирающий Плутарх передал на попечение Прокла. Архиад и Прокл очень сдружились и сблизились не только как родственники, но как соученики, а затем учитель и ученик, связанные «пифагорейской дружбой». Вместе Архиад и Прокл занимались вопросами разработки политической философии (Marin. V. Procl. 12–14, 17). Это может указывать на то, что Архиад не только был философом, но и занимал высокую должность в Афинах. Он, возможно, был сыном дочери Плутарха Асклепигении, имел жену Плутарху, от которой у него родилась единственная дочь, тоже названная Асклепигенией, впоследствии ставшая женой архонта и философа Феагена⁷, приёмного сына Архиада и покровителя Марина (Marin. V. Procl. 28–29; Dam. 100, 105 Ath.; Suid. A 4102).

Афинодор (Athenodorus 1: PLRE II, 178) – возможно, афинянин (о его происхождении источники молчат) имел природную склонность к философии и развивал ее при жизни Прокла (до смерти того в 485 г.), добившись признания за свои познания в толковании (интерпретации). Его хвалил за пламенный энтузиазм Салустий Афинский, который, тем не менее, почему-то убеждал его оставить занятия философией (Dam. 66 Ath.; Suid. A 735). Очевидно, Афинодор был участником афинской профессорской корпорации, на которую намекает Марин, говоря, что Прокл любил проводить по вечерам беседы с другими философами (Marin. V. Procl. 22). Афинодор преподавал философию в Академии вместе с Проклом, Салустием и др. Вероятно, в эту корпорацию могли входить все философы города.

Старшим учеником Прокла, возможно, был афинянин Гиерий (Hierius 5: PLRE II, 558), сын Плутарха. По всей видимости, несмотря на попытки отождествления отца Гиерия с первым схолархом неоплатонической Академии (Plutarchus 1: PLRE II, 893), все же его отцом следует признать другого Плутарха, софиста 408–410 гг. (Plutarchus 2: PLRE II, 893–894). Гиерий обучался философии в Академии у Прокла Диадоха, о чем сообщает Дамаский (Dam. 63 Ath.), то есть, он был младше Прокла. Гиерий имел сына – грамматика Плутарха (Plutarchus 4: PLRE II, 894), упоминаемого в источниках в 473–476 гг.

Перикл (PLRE II, 860), родившийся в Лидии, работал в Академии вместе с Проклом. Марин указывает, что Перикл сопровождал уже пожилого Прокла в храм, то есть, он мог быть среди его помощников, а также сам был достойным философом (Marin. V. Procl. 29).

Известен и другой ученик Прокла, пришедший к нему уже немолодым, – Гиларий (Hilarius 5: PLRE II, 563) из Антиохии. Он достиг на родине высших долж-

⁷ Арисланов 2019, 172–174.

ностей в муниципальной организации: был одним из ведущих декурионов – предводителей булевтерия и членом протейи (protos) («первенствующим»). Любил учиться и был прилежным студентом, собрал большую и разнообразную библиотеку. Он обратился к философии лишь в зрелом возрасте, до этого будучи всецело поглощен своими муниципальными обязанностями. Узнав об измене своей супруги с ритором Мосхом, его приятелем, он передал тому и ее, и свое имущество вместе со своими куриальными обязанностями (блестящий повод оставить тяжкое бремя муниципальных обязанностей второй половины V в.!) и уехал из Антиохии для обучения философии. По-видимому, после недолгого пребывания в Карии и Ликийи, он приехал в Афины и начал учиться у Прокла, однако, тот вскоре отказался от Гилария за нефилософский образ его жизни, полный мирских наслаждений и роскоши. После этого Гиларий покинул Афины, чтобы жить менее суровой жизнью, чем требовал от философа Прокл (Dam. 91 Ath.; Suid. I 291). Куда Гиларий уехал, чтобы попытаться совместить свой образ жизни и философию, неизвестно. Можно лишь крайне осторожно предположить, что это был не Константинополь с его столичными карьерными предписаниями, а обширная Малая Азия, где Гиларию было легче реализовать идеал по совмещению несовместимого. Гиларий, вероятно, был среди учителей Асклепиодота, перешедшего в школу Прокла (Dam. 90 Ath.).

Дамаский приводит настолько многочисленные подробности из личной жизни Гилария до Афин, что возникает вопрос — почему он так подробно пишет о человеке, которого в итоге даже трудно назвать афинским философом в силу недолгого его пребывания в городе. Причем он даже утверждает, что Гиларий вообще не был принят в студенты Прокла, провалившись прямо на «вступительном собеседовании» (Dam. 90 Ath.). Последний факт вызывает сомнение, так как из него следует, что Прокл сразу отверг Гилария лишь за его репутацию, хотя в Карии и Ликийи тот «вел философскую жизнь» без излишеств, да и в Афинах «занимался философией» самостоятельно. Возможно, эта история понадобилась Дамаскию как назидание из-за измены идеалу философа: «Гиларий предал тяжелую [умственную] работу ради сирийских наслаждений». Вторая возможная причина – какой-то личный интерес Дамаския, чтобы опорочить именно Гилария: возможно, аскета Дамаския, отказавшегося от мирских радостей, чем-то лично задела эта интимная история.

КОНЕЦ V в.

К концу столетия – эпохе после Прокла относятся имена трех «малых» философов из младшего поколения учеников Прокла и уже собственных учеников прокловских учеников – это Агапий, Зенодот и Сириан (не путать с учителем Прокла, схолархом Академии 432–438 гг.).

Агапий (Agapius 3: PLRE II, 32–33) упоминается как видный философ при схолархе Марине (485–489) после смерти великого Прокла (485 г.). Он вызывал восхищение за свою любовь к знаниям и стремление к учебе, решению наиболее трудных проблем. Дамаский называет Агапия наряду с Номом и Северианом среди лучших современных ему критиков риторики. Агапий учился у Прокла уже в поздний период, а затем под руководством Марина. Он в совершенстве освоил

многие дисциплины: философию, медицину, грамматику, риторику, получив за свою мудрость прозвище «Квадрат» (Dam. 106–107, 127 Ath.). В правление императора Зенона в конце 480-х гг. он был арестован вместе с другими философами (Dam. 126 Ath.; Suid. Г 207), когда начались антиязыческие репрессии в Александрии⁸. Впоследствии открыл свою школу в Константинополе (Dam. 107 Ath.). Очевидно, его можно идентифицировать с константинопольским философом начала VI в., под чьим руководством чиновник Иоанн Лид изучал Аристотеля и Платона в 511 г., и которого хвалил поэт Христофор, называвший его «последним, но лучшим из всех» учеником Прокла (Lyd. De mag. III.26)⁹.

Зенодот (Zenodotus 1: PLRE II, 1197) – преподаватель философии в Афинах, у которого учился Дамаский. Сам же он был студентом Прокла и, как сообщает Фотий, был главой школы после Марина (489 г.): «В теоретической философии Зенодот – также преемник Прокла, сразу после Марина – был учителем Дамаския в Афинах» (Phot. Bibl. 181). С мнением Фотия согласна П. Афанассиади¹⁰. Дамаский называл Зенодота «любимцем Прокла» (Dam. 99 Ath.), так как тот хорошо знал теоретическую философию, в отличие от Марина, лучше разбиравшегося в математике, и Прокл возлагал на Зенодота большие надежды. Однако Э. Уоттс ставит Зенодота на третье место в списке преемников¹¹, в то время как главой Академии после Марина скорее всего становится Исидор¹² (Dam. 151 Ath.). Возможно, Зенодот занимал вторую кафедру (второе место) при Марине. Таким образом, Фотий скорее всего ошибается, и Зенодот не стал схолархом. Он учил Дамаския более передовой дисциплине – теоретической философии, в то время как Марин преподавал геометрию, арифметику и другие науки (Phot. Bibl. 181).

Сириан (Syrianus 4: PLRE II, 1051–1052) был еще одним философом поколения Гегия, вероятно, его однокашника из школы Прокла. Сириана вместе с Гегием увещевает Исидор, чтоб они сохранили Академию после смерти Марина в 489 г., говоря о снижении стандартов философии в Афинах и о том, что ее надо спасать от упадка. Этого Сириана соотносят с очень восхищавшимся своим учеником математиком Ульпианом, братом Исидора, умершим в молодом возрасте, из чего делается вывод о том, что Сириан был не только философом, но и преподавателем (Dam. 123 Ath.; Suid. О 914). Однако П. Афанассиади полагает, что речь идет о старшем брате Исидора, который обучался у неоплатоника Сириана, учителя Прокла¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, афинская философская традиция V в. дает не только яркую картину Академии с мощными фигурами великих неоплатоников-схолархов, но и целый бэкграунд, ряд философов второго плана, без которых общий фон был бы неполон. Их изучение делает интеллектуальный мир ранневизантийских Афин более выразительным и многообразным, создавая целостную картину философской жизни афинской Академии.

⁸ Athanassiadi 1993, 1–29.

⁹ Денисова, Сеница 2022.

¹⁰ Athanassiadi 1999, 43–44.

¹¹ Watts 2006, 116.

¹² Болгова, Болгов 2016, 269–274.

¹³ Athanassiadi 1999, 285–287.

Применительно к началу V в. список «малых» философов спорен. Этих учёных связывают с кругом Афинаиды-Евдокии. В середине столетия наблюдается расцвет школы Плутарха и его ученика Сириана. К их школе принадлежат (помимо Прокла) такие философы как Оденат и Николай, а также философ и инженер Феодор.

Расцвет школы Прокла приходится на вторую половину V в., когда появляется целая плеяда его учеников – Архиад, Афинодор, Перикл Лидиец, Гиерий, Гиларий.

Конец V в., после смерти Прокла, ознаменован деятельностью в Афинах младшего поколения его учеников (помимо Марина это Агапий, Зенодот, Сириан), борьбой за кафедру схоларха Академии между Марином, Исидором и Гегием, также выходом на ведущие роли нового поколения во главе с Дамаскием.

ЛИТЕРАТУРА

- Арисланов, Б.С. 2019: Афинская городская знать V века. Архиад и Феаген. В сб.: *Молодежь – науке. 2019. Материалы молодежных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2018/2019 учебном году*. Т. 3. Ч. 1. Псков, 172–174.
- Афонасин, Е.В. 2020: Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его «Философской истории». *Платоновские исследования* 13.2, 285–317.
- Болгов, Н.Н. 2021: «Панэлленион» – интеллектуальный кружок в Константинополе конца IV – первой трети V в. В сб.: *История и культура античного мира. К 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Боруховича*. Нижний Новгород, 326–346.
- Болгова, А.М., Болгов, Н.Н. 2016: Школа Прокла Диадоха и Афины V в. В кн.: *Власть и общество: проблемы взаимоотношений*. Воронеж, 269–274.
- Денисова, И.В., Сеница, М.М. 2022: Ранневизантийский неоплатоник Агапий и его школа в Константинополе. *ПИФК* 2, 177–186.
- Лосев, А.Ф. 1988: *История античной эстетики*. Т. VII. *Последние века*. Кн. 2. М.
- Athanassiadi, P. (ed.). 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Cameron, Al. 1982: The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Preger, Th. 1907: *Scriptores Originum Constantinopolitanarum*. Fasc. II. *Ps.-Codini Origines continens*. Lipsiae.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

REFERENCES

- Afonasin, E.V. 2020: Damaskiy v Afinakh: izbrannye fragmenty ego “Filosofskoy istorii” [Damascus in Athens: Selected Fragments of his “Philosophical History”]. *Platonovskie issledovaniya [Platonic Studies]* 13.2, 285–317.
- Arislanov, B.S. 2019: Afinskaya gorodskaya znat’ V veka. Arkhiad i Feagen [Athenian urban nobility of the 5th century. Archiades and Theagenes]. In: *Molodezh’ – nauke. 2019. Materialy molodezhnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta po itogam nauchno-issledovatel’skoy raboty v 2018/2019 uchebnom godu* [Youth in the Science. 2019. Materials of Youth Scientific and Practical Conferences of Pskov State University Based on the Results of Research Work in the 2018/2019 Academic Year]. Vol. 3. Pt. 1. Pskov, 172–174.
- Athanassiadi, P. (ed.). 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.

- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Bolgov, N.N. 2021: “Panellenion” — intellektula’nyy kruzhok v Konstantinopole kontsa IV–pervoy treti V v. [“Panellenion”, an intellectual circle in Constantinople at the end of the 4th – the first third of the 5th century]. In: *Istoriya i kul’tura antichnogo mira. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.G. Borukhovicha. Sbornik statey [History and Culture of the Ancient World. On the 100th Anniversary of the Birth of Professor V.G. Borukhovich]*. Nizhny Novgorod, 326–346.
- Bolgova, A.M., Bolgov, N.N. 2016: Shkola Prokla Diadoha i Afiny V v. [School of Proclus Diadochus and Athens of the 5th century]. In: *Vlast’ i obshchestvo: problemy vzaimootnoshenij [Power and Society: Relationship Problems]*. Voronezh, 269–274.
- Cameron, Al. 1982: The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Denisova, I.V., Sinita, M.M. 2022: Rannevizantiyskiy neoplatonik Agapiy i ego shkola v Konstantinopole [Agapius, the early Byzantine Neoplatonic, and his school in Constantinople]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 177–186.
- Losev, A.F. 1988: *Istoriya antichnoy estetiki [History of Ancient Aesthetics]*. Vol. VII. *Poslednie veka [Last Centuries]*. Pt. 2. Moscow.
- Preger, Th. 1907. *Scriptores Originum Constantinopolitanarum*. Fasc. II. *Ps.-Codini Origines continens*. Lipsiae.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

ATHENIAN “MINOR” PHILOSOPHERS OF THE FIFTH CENTURY

Irina V. Denisova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: eivv@mail.ru

The article examines the problem of studying Minor philosophers in the Athens Academy of the 5th century AD, in the era of Plutarch of Athens, Syrianus and Proclus Diadochus. Their social environment, circle of colleagues and students are examined. The activities of the philosophers of the School of Athens throughout the entire century are examined sequentially in chronological order. It is shown that Minor philosophers were quite numerous. Most of them are mentioned in the sources of philosophers who are in one way or another connected with the School of Athens, led by Plutarch, Syrianus and Proclus. In addition to Proclus, the school includes the philosophers Odaenathus and Nicolaus, as well as the philosopher and engineer Theodore. This school reached its peak by the mid-5th century and fell into decline after the death of Proclus Diadochus ca. 485, when no worthy successor was found for him. The study allows us to identify and systematize the names of a whole range of philosophers. It is noted that extracurricular philosophers of the early 5th century have a semi-legendary character, being associated with the inner circle of the future Empress Athenais-Eudocia. In the end of the 5th century, three “minor” philosophers belonged to the younger generation of students of Proclus: Agapius, Zenodotus and Syrianus. In the 5th century the special status of Athens is affirmed as one of the largest centers of intellectual life, with which a whole galaxy of prominent names is associated.

Keywords: Proclus Diadochus, Damascius, Athenais-Eudocia, Late Antique intellectuals, Athens, Minor philosophers, sophists, Neoplatonism, School of Athens

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 132–138
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 132–138
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-132–138

ВОЕННЫЙ ТРАКТАТ ШАХИНШАХА АРДАШИРА I ПАПАКАНА

А.К. Нефёдкин

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: alexander-nefedkin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9033-6864

Аннотация. В константинопольском кодексе (codex Constantinopolitanus, 36) первой трети XV в. приводится длинный титул «Тактики-Стратегии» византийского магистра дуки Антиохии Никифора Урана (ок. 1000 г.), где указаны источники трактата. В этом титуле упомянуты 17 авторов. Те из них, кто нам известны, писали на греческом языке, а их творчество датируется от III/II вв. до н.э. до X в. н.э. Эти произведения были как собственно военными трактатами различных жанров (труды Онасандра, Элиана, Арриана, Полиэна, Маврикия, Сириана Магистра, Никифора Фоки), так и историческими сочинениями (Полибий, Диодор Сицилийский, Плутарх, Дион Кассий). Часть авторов атрибутируется предположительно (Ганнибал), а часть нельзя точно атрибутировать (Алкивиад, Александр, Гераклит, Пелопс). К этим неатрибутированным авторам относится и Артаксеркс – единственный в списке титула с персидским именем. В данной статье предлагается сопоставить данного автора с основателем сасанидского государства Ардаширом I (224–241), с именем которого «Фихрист» связывает трактат по военному делу. Этот трактат на персидском языке не сохранился, но он был переведен на арабский язык и оказался доступен Никифору Урану. В трактате рассматривалось ведение войн вообще, штурм укрепления, отправка шпионов, выявление засады, установка гарнизонов на границах и т.д. Впрочем, арабский вариант трактата тоже не дошел до нас.

Ключевые слова: Ардашир I, Никифор Уран, византийская военная теория, сасанидская военная теория

Обширная и разножанровая литература сасанидского Ирана в подавляющем большинстве не сохранилась. Также не дошли до нас в оригинале пехлевийские (среднеиранские) военные трактаты, которые известны лишь по названиям или кратким переложениям в арабских и парсийских источниках¹. Поэтому каждое свидетельство об этой утраченной литературе имеет особое значение. Об одном из таких свидетельств у византийского автора Никифора Урана и пойдет речь в

Данные об авторе. Александр Константинович Нефёдкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторической антропологии БелГУ.

¹ Иностранцев 2003, 7–38.

настоящей работе. Насколько мне известно, специальные работы по данному сюжету отсутствуют.

Прямое указание на существование военного трактата Ардашира содержится в «Фихристе» – арабском энциклопедическом каталоге книг, составленном багдадским книготорговцем ибн ан-Надимом в 987–988 гг. Об интересующем нас сочинении тут говорится следующее: «Ведение войн, штурм крепостей и городов, обнаружение засады, отправка шпионов; авангард, подразделения и пограничные гарнизоны (арсеналы) – перевод того, что было написано для Ардашира ибн Бабака»².

Судя по этому содержанию, в трактате речь шла о следующих сюжетах: общая стратегия, выделение авангарда, распределение подразделений, установка засады, посылка разведки, осада укреплений и деятельность пограничных гарнизонов. В отличие от других случаев автора сочинения ибн ан-Надим не указывает – очевидно, он не был назван, ведь само произведение явно носило чисто компиляционный характер справочника, составленного для монарха.

Нельзя, впрочем, исключить и того, что само сочинение было просто приписано этому популярному шахиншаху. Ведь с именем Ардашира I, сына Папака (224–240), связаны были и другие, более поздние по времени написания (VI – первая половина VII в.) дидактические сочинения, сохранившиеся до нас в арабском переводе, – «Завещание» и беститульное «Установление»³.

Теперь обратимся к византийской «Тактике» Никифора Урана (ок. 950 – после 1007). О самом авторе известно, что он, происходя из столичной константинопольской знати, получил хорошее образование и сначала (к 980 г.) находился на гражданской службе, занимая пост каниклия (секретаря императора), и лишь позднее стал военным, domestиком схол Запада (997–998 гг.) и дукой Антиохии (999–1007 гг.); будучи высококультурным человеком, он оставил и литературное наследство: две поэмы, два жития и 50 личных писем⁴. Его единственный труд на военную тему – «Тактика» – является последним сохранившимся сводным военным произведением, состоящим из 178 глав. По существу, это энциклопедия военного дела, написанная Никифором в Антиохии в 1000-е гг.⁵. Корреспондент и друг Урана, судья города Тарс Филит Синадин, очевидно, не случайно называл Никифора в первых годах XI в. «магистром/стратигом и мудрецом», а также «философом и стратигом»⁶, т.е. Уран, нося придворное звание магистра, воспринимался своим окружением как полководец и поклонник философии.

Итак, в константинопольском кодексе (codex Constantinopolitanus, 36), содержащем первые 43 главы (1430-е гг.), приводится следующий титул труда стратига: «“Тактика” или же “Стратегика” из Арриана, Элиана, Пелопса, Полиэна, Оносандра (sic!), Алкивиада, Артаксеркса, Сириана, Ганнибала, Плутарха, Александра, Дiodора, Диона, Полибия, Гераклита, Маврикия, Никифора и некоторых

² Al-Nadim 1970, 728. Я искренне благодарю А.С. Матвеева за помощь в уточнении перевода арабских терминов.

³ Grignaschi 1966, 2–4, 68–83, 11–123; ср. Иностранцев 1909, 18–19.

⁴ Darrouzès 1960, 45–48; McGeer 1991, 129–131; Trombley 1997, 267–269; Мохов, 2011, 41–49.

⁵ McGeer 1991, 131, 138; 1995, 79; Trombley 1997, 261–264.

⁶ Darrouzès 1960, 255, № 8–9.

других, собранная с большой тщательностью магистром Никифором Ураном от многих, как было сказано, историков»⁷.

Сложность изучения источников «Тактики» с целью выявить пассажи, сходные с известными нам произведениями этих авторов, заключается как в том, что Уран использовал ряд трактатов не прямо, а в переложении, так и в том, что до сих пор нет полного текста «Тактики»; хотя еще в 1745 г. итальянский литератор Джованни Лами (1697–1770) издал первые 53 главы на греческом языке с латинским переводом; главы 56–64 были опубликованы вместе с английским переводом канадским византинистом Эриком Макгиром в 1995 г.; в 1973 г. филолог-классик Жюль-Альбер де Фуко издал гл. 63–74, сопроводив их французским переводом, а его учитель, текстолог Альфонс Дэн (1896–1964), опубликовал в 1943 г. гл. 54, 119–123⁸. Позднее к опубликованному материалу прибавились глава 176, изданная французским византинистом Константином Цукерманом; гл. 89–100, 102–103, 105–111, опубликованные в «Кестах» Юлия Африкана, и гл. 104, 112–115, 172–173 – в «Приложении» в «Бриллевском спутнике к Энею Тактику»⁹. Таким образом, получается, что нет публикаций глав 55, 75–88, 101, 116, 124–171, 174–175, 177–178, о содержании которых можно судить лишь по титулам, приводимым в книге А. Дэна¹⁰. Тот же А. Дэн еще в 1930-е гг. подготавливал издание Урана, опубликовав фундаментальную монографию с аналитическим анализом текста произведения, но сам источник так и не вышел в свет¹¹.

О существовании некой традиции в определении источников тактических трактатов свидетельствует похожий, но более краткий список, сохранившийся в схолии на полях у шестого параграфа введения «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого (886–912), в венской рукописи X–XI вв. (codex Vindobonensis philol. gr. 275, fol. 1^r), у которой, кстати, отсутствует начало¹². На полях у слов Льва «Научные знания, содержащиеся в древних и новых стратегических и тактических сочинениях; другие свидетельства, о которых повествуется в исторических трудах...» (пер. В.В. Кучмы) написан простой список авторов без каких-либо пояснений в таком порядке: Арриан, Элиан, Пелопс, Онисандр (sic!), Мена, Полиэн, Сириан, Плутарх¹³.

Чтобы атрибутировать авторов в списках, стоит рассмотреть структуру их построения с позиции образованного византийца X–XI вв. Ясно, что выполняя два десятка лет обязанности секретаря, Уран явно имел доступ к императорским архивам и книгохранилищам и мог использовать для своей работы и досуга массу книг, которые не были столь доступными другим авторам. Поскольку Уран, чисто гражданский чиновник, в 997 (или в 996 г.) был назначен командовать армией на Балканах и в ночь на 19 июля, неожиданно напав, разбил болгарскую армию при Сперхее, можно полагать, что Никифор уже неким образом интересовался военным делом и имел определенные в нем познания¹⁴. Возможно даже, он делал

⁷ Dain 1937, 13, 90; Dain 1967, 371.

⁸ Meursius 1745, 1211–1418; Dain 1943, 69–104; Foucault 1973, 285–311; McGeer 1991, 88–163.

⁹ Zuckerman 1994, 381–382; Wallraff et al. 2009, 104–117; Pretzler, Barley 2017, 361–363.

¹⁰ Dain 1937, 19–37.

¹¹ Dain 1937, 128–130; 1968, 371.

¹² Hunger 1961, 378–379.

¹³ Dain 1967, 373; Dennis 2010, 6.

¹⁴ Мохов 2011, 46.

для себя и какие-то выписки, которые позднее использовал в Антиохии, во время работы над «Тактикой».

Сам список источников Урана выглядит следующим образом¹⁵:

- 1) «Тактическое искусство» Арриана (время Адриана, 136);
- 2) «Теоретическая тактика» Элиана (время Адриана, как указано во введении к трактату, фактически же – время правления Траяна, 98–117 гг.) – Ael. Tact., прооет., 1); обе работы по жанру – тактики (описание организации и маневров войск¹⁶);
- 3) Пелопс (?);
- 4) «Стратегемы» Полиэна (обращены к императорам Марку Аврелию и Луцию Веру, 161 г.); по жанру – стратегемы (военные хитрости);
- 5) «Стратегикос» Онасандра (обращен к Кв. Веранию Непоту, консулу, 49 г. н.э.); по жанру – стратегика (наставление военачальникам);
- 6) Алкивиад (?)¹⁷;
- 7) Артаксеркс (о нем см. ниже);
- 8) Сириан Магистр, его сочинение полностью не сохранилось, но содержание реконструируется из фрагментов (VI–IX вв.); по жанру – стратегика;
- 9) работа знаменитого карфагенского полководца Ганнибала (247 – ок. 183);
- 10) сочинения моралиста Плутарха Херонейского (ок. 46 – ок. 125);
- 11) Александр (?);
- 12) историк Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), написавший «Историческую библиотеку» в сорока книгах;
- 13) скорее всего, «Римская история» Диона Кассия;
- 14) «Тактика» или/и «Всеобщая история» Полибия (ок. 200 – ок. 120);
- 15) Гераклит (?);
- 16) «Стратегикон» Маврикия (рубеж VI–VII вв.), по жанру – стратегика;
- 17) «Стратегика» императора Никифора II Фоки (963–969), по жанру – стратегика.

В общем, если использовать имеющиеся у нас данные, то список построен в некоем тематико-хронологическом порядке. Если обратится к интересующему нас имени Артаксеркса (Ἀρταξέρξης), то увидим, что его сочинение (вместе с неизвестным нам произведением Алкивиада) стоит между знакомыми нам Онасандром и Сирианом, т.е. среди авторов жанра стратегик, что намекает на подобный же жанр и данного произведения.

Попробуем атрибутировать человека с этим единственным в списке персидским именем. А. Дэн вообще не решался сопоставить Артаксеркса с кем-либо, тогда как британский византист Ф.Р. Тромбли (1947–2015) даже предложил исправить данное имя на Ксенофонта¹⁸.

Рассмотрим тех, кто носил настоящее имя. В античности это имя представителей персидских правящих семей¹⁹. В древности были три царя из династии Ахеменидов, носившие такое имя: Артаксеркс I Долгорукий (465–424), Артаксеркс II

¹⁵ Подробнее см. Нефёдкин 2021, 64–82.

¹⁶ Нефёдкин 2010б, 17.

¹⁷ Атрибутацию см. Нефёдкин 2021а, 807–811.

¹⁸ Dain 1937, 89–90; Trombley 1997, 271.

¹⁹ Justi 1895, 34–36.

Мнемон (404–359) и Артаксеркс III Ох (359–338). Однако нам неизвестно, чтобы сами иранские монархи писали что-то по военному делу, да еще на иностранном греческом языке. Также маловероятно, что сами эллины, не учившие иностранных языков, перевели некий персидский текст на свой язык. О персидской военной теории появляются сведения лишь со времени правления династии Сасанидов (III–VII вв.), когда появляются различные военные руководства²⁰.

О значимости иранских военных реалий на рубеже VI–VII вв. свидетельствует, в частности, «Стратегикон» Маврикия, в котором рекомендуется, чтобы воины умели стрелять из лука на персидский манер (Mauric. Strat. XII. 8. 3), тогда как мандаторы-глашатаи должны были знать латинский, греческий и персидский языки (Mauric. Strat. XII. 8. 7. 1). Более того, персы с именем Артаксеркс фиксируются в византийской армии VI в.²¹, тогда как в средневизантийской просопографии (641–1025) это имя уже не встречается²².

Можно было бы предположить, что какой-то перс-эмигрант с таким именем, будучи на византийской службе, написал некий трактат, в котором он и представил определенные особенности военного дела иранцев. Однако более вероятно, что Уран имел в виду военное руководство, составленное для первого сасанидского шахиншаха Ардашира I, ведь последнего по античной традиции именовали Артаксерксом (Dio Cass. LXXX. 3. 2; Hdn. VI. 2. 1; 3. 5; SHA Alex. Sev. 55. 1). Да и по жанру сочинение Артаксеркса должно быть руководством для военачальника (стратегикой), если судить по месту расположения имени Артаксеркса в списке Урана.

Можно было бы даже представить, что существовал некий перевод или адаптация произведения Ардашира с персидского на греческий язык, сделанный неким персом на византийской службе, где в титуле было указание на Ардашира, ставшего в переводе Артаксерксом; однако оснований для такого предположения, похоже, нет. Если же принять суждение о том, что сам Уран, дважды съездив на переговоры в Багдад в 980/1 и в 982/3 гг., а затем возглавив Антиохийский дукат, знал арабский язык²³, то он вполне мог и сам использовать арабский перевод этого трактата, с которым он познакомился либо в Багдаде во время посольств, либо в Антиохии, которой он управлял в 999–1007 гг. Тем более что в схолии к «Тактике» Льва VI имя Артаксеркса не упомянуто, это косвенным образом свидетельствует о том, что сочинение последнего было на иностранном языке, который не использовал византийский император в своем труде.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- al-Nadim, 1970: *The Fihrist of al-Nadim: A Tenth Century Survey of Muslim Culture. Ed. and Transl. by B. Dodge*. Vol. I–II. New York–London.
 Dain, A. 1937: *La "Tactique" de Nicéphore Ouranos*. Paris.
 Dain, A. 1943: *Naumachica*. Paris.
 Dain, A. 1967: Les stratégistes byzantins. *Travaux et mémoires* 2, 317–390.

²⁰ Иностранцев 2003, 10.

²¹ Justi 1895, 35, № 24; Martindale 1992, 131–132.

²² См. веб-сайт "Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit": <http://pom.bbaw.de/pmbz/scripts/browse.xql?position=656>.

²³ Trombley 1997, 268.

- Darrouzès, J. 1960: *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris.
- Dennis G. (ed.) 2010: *The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary by G. Dennis*. Washington.
- Foucault, J.-A. de. 1973: Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos. *Travaux et Mémoires* 5, 285–311.
- Grignaschi, M. 1966: Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul. *Journal asiatique* 254, 1–142.
- Hunger, H. 1961: *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek*. Bd. I. Wien.
- Inostrantsev, K.A. 2003: Sasanidskaya voennaya teoriya [Sassanian military theory]. *Para bellum: Voennno-istoricheskij zhurnal* [Para bellum: Military History Journal] 3(19), 7–38.
- Иностранцев, К.А. 2003: Сасанидская военная теория. *Para bellum: Военно-исторический журнал*. 3(19), 7–38.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Martindale, J.R. 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. IIIA. Cambridge.
- McGeer, E. 1991: Tradition and Reality in the «Taktika» of Nikephoros Ouranos. *Dumbarton Oaks Papers* 45, 129–140.
- McGeer, E. 1995: *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Washington.
- Meursius, J. 1745: *Operum volume sextum. Ex rec. I. Lami*. Florentiae.
- Mokhov, A.S. 2011: “Khozyain Vostoka” magistr Nikifor Uran [“Master of the East”, Magistros Nikephoros Ouranos]. *Ural'skiy istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin 3(32)], 41–49.
- Мохов, А.С. 2011: «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран. *Уральский исторический вестник* 3(32), 41–49.
- Nefedkin, A.K. 2010: Antichnye taktiki i “Takticheskoe iskusstvo” Flaviya Arriana [Ancient Tactics and “Tactical Art” by Flavius Arrian]. In: A.K. Nefedkin (transl.), *Arrian. Takticheskoe iskusstvo* [Arrianus. Tactical Art]. Saint Petersburg, 17–29.
- Нефёдкин, А.К. (пер.) 2010: Античные тактики и «Тактическое искусство» Флавия Арриана. *Арриан. Тактическое искусство*. СПб., 17–29.
- Nefedkin, A.K. 2021a: Alkiviad – voennyi istorik [Alcibiades, the military historian]. *Via in tempore: Istoria. Politologia* [Via in tempore: History, Politology] 48.4, 807–811.
- Нефёдкин А. К., 2021a: Алкивиад – военный историк. *Via in tempore: История. Политология* 48.4, 807–811.
- Nefedkin, A.K. 2021b: Neizvestnye antichnye istochniki vizantiyskikh voennykh traktatov [Unknown ancient sources for byzantine military treatises]. *Hypothekai* 5, 64–82.
- Нефёдкин, А.К. 2021b: Неизвестные античные источники византийских военных трактатов. *Hypothekai* 5, 64–82.
- Pretzler, M., Barley, N. (eds.) 2017: *Brill's Companion to Aineias Tacticus. Brill's Companions in classical studies*. Leiden–Boston.
- Trombley, F. 1997: The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism. In: P. Binkley (ed.), *Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996*. Leiden, 261–274.
- Wallraff, M., Scardino, C., Mecella, L., Guignard, Ch. (eds.) 2009: *Iulius Africanus. Cesti: The Extant Fragment*. Berlin.
- Zuckerman, C. Chapitres peu connus de l'Apparatus bellicis. *Travaux et Memoires* 12, 359–389.

MILITARY TREATISE OF SHAHINSHAH ARDASHIR I, SON OF PAPAK

Aleksandr K. Nefedkin

*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia**E-mail: alexander-nefedkin@yandex.ru*

Codex Constantinopolitan 36 (first third of the 15th century) mentions the long title of the Byzantine “Tactica-Strateguca” by Nicephorus Uranus (ca. 1000), the Byzantine magister and the doux of Antioch, and indicates the sources of this treatise. Seventeen authors are mentioned in this title. These authors wrote in Greek, and their works date from the third and second centuries BC to the tenth century AD. These were both military treatises of various genres (Onasander, Aelian, Arrian, Polyaeus, Maurice, Syrianus Magister, Nicephorus Phocas), and historical works (Polybius, Diodorus Siculus, Plutarch, Cassius Dio). Some of the authors are attributed presumably (Hannibal), and some cannot be precisely indicated (Alcibiades, Alexander, Heraclitus, Pelops). Artaxerxes is the only author on this list with a Persian name. He is also an unknown author. The article proposes to identify this author with the founder of the Sasanian Empire, Ardashir I (224–242), whose name “Fihrist” is associated with a treatise on military affairs. This treatise in Persian has not survived, but it was translated into Arabic and ended up in the possession of Nicephorus Uranus. The treatise dealt with the conduct of wars in general, storming fortifications, sending spies, detecting ambushes, establishing garrisons on the borders, etc. However, the Arabic version of the treatise has also not survived.

Keywords: Ardashir I, Nicephorus Uranus, Byzantine military theory, Sasanian military theory

В МУЗЕЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 139–177
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 139–177
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-139–177

КЕРАМИКА В ФОНДАХ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (КРАТКИЙ ОБЗОР). ЧАСТЬ II. ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Д.В. Журавлев¹, Г.А. Камелина²

Государственный исторический музей, Москва, Россия

¹ E-mail: denzhuravlev@mail.ru ² E-mail: kamgalina@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-1139-6621 ² ORCID: 0000-0001-8319-969X

Аннотация. Данная работа является второй частью обзора археологической керамики из фондов отдела археологических памятников в секторе раннего железного века и раннего средневековья Государственного исторического музея. Материал в статье представлен по разделам в соответствии с географическим, культурным и хронологическим принципами: фонд Кавказа, фонд античности, скифо-сарматский фонд, фонд Сибири и Азии, фонд Европейской части России, фонд Средневековья степи. Каждый раздел дает представление о составе коллекций, месте и авторе раскопок, характеристике памятника и степени его изученности. Керамические сосуды происходят из различных памятников, многие из которых являются эталонными и давшими название самим археологическим культурам (дьяковская, юхновская, черняховская и другие). Фонды сектора раннего железного века и раннего Средневековья формировались с конца XIX в. и продолжают пополняться и в настоящее время. Многие коллекции из раскопок до 1917 г., а также материалы, полученные в ходе работ более позднего времени, до сих пор не изданы или изданы частично и требуют изучения и введения в научный оборот на современном научном уровне, что является задачей как хранителей, так и специалистов по керамике из других организаций.

Ключевые слова: Государственный исторический музей, керамика, ранний железный век

Данные об авторах. Денис Валерьевич Журавлев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ; ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт»; Галина Алексеевна Камелина – научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ.

Настоящая статья является продолжением обзора археологической керамики в собрании ГИМ¹. В фондах сектора раннего железного века и раннего Средневековья (сектор «Б») хранятся около 640 000 предметов, из которых около 360 000 – керамика, представленная как целыми формами, так и большей частью фрагментами² из ряда многослойных поселений, материалы которых могут относиться к разным эпохам и археологическим культурам. Кроме того, в секторе «Б», как и в других секторах отдела, хранятся материалы из раскопок могильников, покупки и дары. Хранение сектора «Б» состоит из фондов, разделенных по географическому, культурному и хронологическому принципам: фонд Кавказа, представленный материалами, относящимися к широкому историческому периоду от эпохи бронзы до Средневековья; фонд античности – в нем собраны материалы античных поселений и некрополей Северного Причерноморья, а также из византийского Херсона; скифо-сарматский фонд – коллекции с территории Причерноморья, Поволжья, Приуралья и Сибири; фонд Сибири и Азии – материалы раннего железного века и раннего Средневековья с территории Казахстана, Узбекистана, Красноярского края, Томской области, Алтая и Хакасии; фонд европейской части России; фонд Средневековья степи – в нем представлены коллекции, относящиеся к поздне-раннему и раннесредневековому времени с территории Киевской, Черниговской и Харьковской областей, а также горного Крыма и западного побережья Кавказа.

1. ФОНД КАВКАЗА

ГИМ располагает значительной коллекцией материалов эпохи бронзы и раннего железного века с территории Северного Кавказа³. Это прежде всего большая коллекция керамики из раскопок В.И. Долбежева в Северной Осетии, еще не введенная в научный оборот за исключением нескольких сосудов из Северного кладбища Кобани⁴. Эпохой бронзы датируется ряд погребений из Нижне-Джугатского могильника⁵. Коллекция протокобанских керамических сосудов из Дигории была подготовлена к печати А.П. Мошинским, скоропостижно скончавшимся в 2022 г. К эпохе РЖВ относится большая группа сосудов из раскопок Е.И. Крупнова и А.П. Мошинского в Верхней Рутхе, могильнике Гастон Уота⁶. Имеется также эталонная коллекция керамики V–IV вв. до н.э. с кобанского поселения Сауар в Северной Осетии. На этом поселении открыта целая серия гончарных горнов и обнаружено множество целых сосудов и фрагментов керамики различных форм с богатой орнаментацией⁷. Могильник Заюково 3 в Кабардино-Балкарии (раскопки А.А. Кадиевой) дал интересные находки от кобанской эпохи до раннего Средне-

¹ Первая часть обзора была посвящена материалам эпохи неолита и бронзы: см. Журавлев, Петрова 2023. Средневековые материалы будут рассмотрены в третьей части нашего обзора.

² Мы признательны нашим коллегам из сектора «Б» отдела археологических памятников И.В. Белоцерковской, Н.А. Биркиной, С.Ю. Демиденко, А.А. Кадиевой, Г.А. Ломтадзе, А.П. Мошинскому (А.П. Мошинский скончался), К.Б. Фирсову за помощь в работе.

³ Уварова 1900, 229–232, табл. LXXVIII–LXXIX, LXXXV; и т.п.; Крупнов 1960.

⁴ Абрамова 1974, 16, 18–19, рис. V, 30; VI, 20; IX, 9, 18; X, 27; и др.

⁵ Абрамова 1969, рис. 1–2; 1972.

⁶ Мошинский 2006, рис. 41–42.

⁷ Мошинский 2019.

вековья, в том числе и керамику⁸. Музей также хранит уникальную коллекцию керамики со Змейского поселения⁹ и многих других памятников.

Раннеаланская керамика представлена материалами из катакомб с. Алды¹⁰, могильника у с. Карца¹¹. К эпохе раннего Средневековья относится, например, фигурный сосуд-водолей в виде коня в полной упряжи из раскопок Н.Я. Марра в 1892 г.¹² (рис. 1, 1)

Небольшая, но очень интересная коллекция керамики с территории Грузии (в том числе из Самтаврского могильника), происходящая из числа коллекций, перемещенных из Германии в СССР после Великой Отечественной войны, была недавно опубликована¹³.

2. ФОНД АНТИЧНОСТИ

Коллекция античной керамики ГИМ – одна из лучших в России. Большая часть сосудов происходит из античных городов Северного Причерноморья; это керамика как из регулярных раскопок, так и из покупок и частных коллекций¹⁴.

Ольвия. Коллекции сформированы материалами из раскопок Ю.А. Кулаковского, Б.В. Фармаковского и других исследователей¹⁵. Из эллинистического некрополя Ольвии Понтийской происходит несколько комплексов¹⁶, включающих много сосудов разных форм¹⁷. Наиболее интересны среди них две столовые амфоры панафинейской формы втор. пол. II – нач. I в. до н.э. (рис. 1, 2), изготовленные в технике *West Slope* в неизвестном центре¹⁸. Важна также небольшая коллекция фрагментов восточногреческой и аттической посуды с о. Березань из раскопок Э. фон Штерна, но она пока не опубликована, за исключением светильников¹⁹.

Херсонес. Керамические материалы античного времени не столь выразительны, как средневековые. Это частично депаспортизованная керамика эллинистического и римского времени из раскопок городского некрополя К.К. Косцюшко-Валюжинича, а также фрагментированные коллекции из раскопок Н.В. Пяташевой.

Харакс. Из римской крепости Харакс, где раскопки в 1931, 1932 и 1935 гг. вел В.Д. Блаватский²⁰, происходит коллекция столовой посуды²¹, а также керамические строительные материалы с легионными клеймами²².

Пантикапей. Из столицы Боспора происходят значительные коллекции. Среди них материалы из раскопок К.Е. Думберга, Ю.А. Кулаковского, А.А. Бобрин-

⁸ Алексеев и др. 2020, 598, № 222.3; 601, № 222.15.

⁹ Крупнов 1960, 438–440, 444–446, табл. XVI–XVIII, XXII–XXIV.

¹⁰ Абрамова 1989, 10–11, табл. II, 1–6, 8, 10–21.

¹¹ Абрамова 1980, 68–69, рис. 1, 19, 23, 27, 35; 2, 2, 6, 7, 21–24, 41–43.

¹² Мошинский 2003, 57, № 115.

¹³ Nawroth, Moschinsky 2016, 175–184, Taf. 17–34.

¹⁴ Сорокина, Журавлев 1993.

¹⁵ Журавлев, Ломтадзе 2001.

¹⁶ Парович-Пешикан 1974.

¹⁷ Журавлев, Ломтадзе 2007; Lomtadze, Zhuravlev 2014.

¹⁸ Lomtadze, Zhuravlev 2019, fig. 1–2.

¹⁹ Журавлев, Хршановски 2003.

²⁰ Блаватский 1951.

²¹ Камелина 2012б, 46–90.

²² Журавлев, Камелина 2005.

ского, В.В. Шкорпила и других исследователей, а также многочисленные частные коллекции (например, В.И. Сизова, Д.Я. Самоквасова²³) и покупки²⁴. Только лишь неопубликованное собрание И.Е. Забелина включает в себя более 500 целых сосудов различного времени из пантикапейского некрополя²⁵. Среди самых известных чернофигурных сосудов, обнаруженных в Пантикапее – ойнохоя с изображением борьбы Геракла с критским быком²⁶ (рис. 1, 3). Из этого некрополя происходит немало других интересных сосудов²⁷, большая часть которых, впрочем, не издана, за исключением части пелик «керченского стиля»²⁸ (рис. 1, 4). Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея были введены в научный оборот И.И. Гущиной²⁹.

Фанагория. Наиболее ранние по времени раскопок материалы из столицы Азиатского Боспора поступили из Кабинета изящных искусств Московского университета. Это материалы из раскопок К.К. Гёрца в 1859 г. курганного некрополя; в частности, в ГИМ хранится расписная керамика из курганов 5, 10, 26, 30³⁰. Некоторые фанагорийские сосуды происходят из собрания одного из основателей музея – И.Е. Забелина³¹. Дальнейшие широкомасштабные раскопки под руководством В.Д. Блаватского и А.П. Смирнова, а позднее – Н.В. Пяташевой, находки из которых составили около 25 000 единиц хранения, в основном фрагменты керамики, практически не изданы. Лишь отдельные фрагменты керамики из раскопок в Фанагории были опубликованы Н.В. Пяташевой³², а затем, позднее, в каталоге выставки «Пантикапей и Фанагория»³³.

Кепы. В ГИМ имеется значительная часть материалов из раскопок Н.И. Сокольского городища Кеп, а также из раскопок городского некрополя (Н.И. Сокольский, Н.П. Сорокина), лишь малая часть из которых опубликована³⁴. Большая же часть инвентаря этого уникального по своей представительности некрополя, равно как и материал с городища, еще ожидают своего исследователя. Отметим, что специальные публикации кепской керамики отсутствуют, за исключением статьи О.Н. Усачевой о рельефной посуде³⁵ (рис. 2, 1) и статьи об амфорах из некрополя³⁶. Еще одно исследование³⁷ было посвящено глиняной табличке III–IV вв. н.э. с изображением оленя, найденной на городище³⁸.

²³ Журавлев, Черненко 2022.

²⁴ Журавлев 2002а.

²⁵ Сорокина 1992, 3–10.

²⁶ Блаватский 1946, 165–169; Журавлев 2002б, 23, № 10; Кузнецов, Толстиков 2017, 406–407, 379.

²⁷ Журавлев 2002б, 24–26, 32–33. № 18, 20, 26, 53; Кузнецов, Толстиков 2017, 406–409, 378, 380, 383–384.

²⁸ Алексеев и др. 2020, 535–536, № 172.1–2.

²⁹ Гущина 1960, рис. 1.

³⁰ ИРИМ 1893, 485.

³¹ Журавлев 2010а, 299.

³² Пяташева 1960, рис. 2–3.

³³ Кузнецов, Толстиков 2017, 185, № 10.

³⁴ Сокольский, Сорокина 1966, 30–31, 39–41, рис. 1, 6, 7; Сорокина 1962; 1967; 1998а, рис. 1; Сорокина, Усачева 1997, 55, табл. 5.

³⁵ Усачева 1978.

³⁶ Сорокина, Сударев 2003.

³⁷ Камелина 2012а, 98–107.

³⁸ Сокольский 1961, 62; Журавлев 2002б, 36, № 73.

Рис. 1. 1 – акваманил. Армавир. Раск. Н.Я. Марра. Раннее средневековье; 2 – псевдопанафинейские амфоры. Ольвия, раск. Б.В. Фармаковского. Втор. пол. II – нач. I в. до н.э.; 3 – ойнохоя с изображением поединка Геракла с критским быком. Пантикапей, некрополь. Раск. А.А. Бобринского. Атика, ок. 500 г. до н.э.; 4 – пелика с изображением амазономачии. Керчь, собр. В.И. Сизова. Атика, сер. IV в. до н.э.

Fig. 1. 1 – aquamanile. Armavir. Exc. by N.Ya. Marr. Early Middle Ages; 2 – pseudo-Panathenaic amphorae. Olbia, exc. by B.V. Farmakovskiy. Second half of the 2nd – early 1st c. BC; 3 – oinochoe depicting Hercules fighting a Cretan bull. Panticapaeum, necropolis. Exc. by A.A. Bobrinskiy. Attica, ca. 500 BC; 4 – pelike with the scene of Amazonomachy. Kerch, collection of V.I. Sizov. Attica, mid-4th c. BC.

Рис. 2. 1 – пелика с рельефным орнаментом. Кепы, некрополь. Раск. Н.П. Сорокиной. II в. до н.э.; 2 – фигурный сосуд в виде женщины, сидящей на козле. Тузлинский некрополь. Раск. В.В. Шкорпила. V – нач. IV в. до н.э.; 3 – скифос с рельефными сценами. Таманский п-ов, дом Хрисалиска. Раск. Н.И. Сокольского. Пергам, перв. пол. I в. до н.э.; 4 – лекиф с изображением женской головы. Керчь, собрание А.М. Подшивалова. Аттика, IV в. до н.э.; Fig. 2. 1 – pelike with a relief ornament. Keroi, necropolis, excavations by N.P. Sorokina. 2nd c. BC; 2 – vessel in a shape a woman sitting on a goat. Tuzla necropolis. Excavations by V.V. Shkorpil. 5th – early 4th c. BC; 3 – skyphos with relief scenes. Residence of Chrysaliscos. Excavations by N.I. Sokolskiy. Pergamon. First half of the 1st c. BC; 4 – lekythos in a shape a female head. Kerch, collection of A.M. Podshivalov. Attica, 4th c. BC.

Тузлинский некрополь. Монографически опубликован Тузлинский некрополь, часть материалов которого хранится в ГИМ³⁹. Из этого некрополя происходит, например, фигурный сосуд нач. IV в. до н.э. в виде сидящей на козле женщины⁴⁰ (рис. 2, 2).

Тамань. Керамика с Таманского городища представлена материалами из сборов А.С. Башкирова, раскопок И.Б. Зеест в 1957 г. и раскопок Н.П. Сорокиной⁴¹. Большая коллекция из раскопок Д.Б. Шелова на Западно-Цукурском поселении также содержит большое число разнообразных сосудов и их фрагментов⁴². В начале 1950-х гг. работы на Таманском полуострове вела Синдская экспедиция под руководством В.Д. Блаватского. Материалы этих разведок и раскопок были переданы в ГИМ. Среди них находки с поселений Бугазское, Кукурузное поле, Верхне- и Нижнекарабетовское и Яхново⁴³.

Батарейка I и II. Крепость Батарейка I, к настоящему моменту почти полностью разрушенная водами Динского залива, была исследована Н.И. Сокольским в 1960 г.⁴⁴ Материалы, переданные в ГИМ из раскопок Н.И. Сокольским в 1962–1965 гг. крепости Батарейка II, дают важную информацию о жизни сельского населения Азиатского Боспора. В помещениях, погибших в огне пожара рубежа I–II вв. н.э., обнаружены разнообразные керамические сосуды⁴⁵. Интересна также коллекция, относящаяся к позднеантичному периоду существования городища⁴⁶.

Ильичевка и Патрей. Основные материалы из городища Ильичевка поступили в ГИМ также из раскопок Н.И. Сокольского – это керамические формы позднеантичного времени: амфоры, кувшины, очажные подставки, светильники и т.п. Упомянем также глиняный штамп для изготовления ритуальных хлебцев (?) с изображением птицы с распростертыми крыльями и грузило округлой формы с изображением человеческой фигуры⁴⁷. Первые материалы, поступившие в музей из Патрея, происходили из раскопок А.С. Башкирова в 1951 г., часть – из раскопок Н.И. Сокольского в 1969 г. Позднее в музее оказалась большая керамическая коллекция из раскопок А.П. Абрамова 1990-х – начала 2000-х гг.

Таманский толос и резиденция Хрисалиска. В музей были переданы уникальные материалы, открытые экспедицией Н.И. Сокольского у поселка За Родину в Таманском толосе и резиденции Хрисалиска. Огромная керамическая коллекция хорошей сохранности из этого памятника (рис. 2, 3) была предварительно опубликована в посмертной монографии автора раскопок⁴⁸, но еще хранит в себе много тайн⁴⁹.

Раскопки Боспорской археологической экспедиции ГИМ на Таманском полуострове, на поселении *Голубицкая 2* и других памятниках, обогатили коллекцию

³⁹ Сорокина 1957, табл. 6, 2–4; 8, 2–3; 9; 10, 2–3; 11, 2, 4; 13–14.

⁴⁰ Сорокина 1957, табл. 10, 3; 1997, Кат. 18; Журавлев 2002б, 27, № 30.

⁴¹ Сорокина 1961, 46–52.

⁴² Шелов 1953; 1955.

⁴³ Блаватский 1953, рис. 60; 1955; 1957.

⁴⁴ Сокольский 1963, 179–191.

⁴⁵ Сокольский 1967, рис. 42.

⁴⁶ Долгоруков 1967, рис. 47.

⁴⁷ Журавлев 2010а, 316–317, рис. 47–49.

⁴⁸ Сокольский 1976, рис. 48–54.

⁴⁹ Lomtadze, Zhuravlev 2020; Журавлев, Ломтадзе 2022.

музея целой серией интересных керамических сосудов VI–II вв. до н.э., среди которых восточногреческая керамика, тарные амфоры и другие категории находок⁵⁰. Специально исследовались ранняя ионийская и аттическая керамика⁵¹, лепная посуда⁵², чернолаковая керамика⁵³, клейма на амфорах⁵⁴, амфорная тара⁵⁵ и т.п.

Раскопки последних лет на укрепленном поселении *Ахтанизовская 4* пополнили коллекцию ГИМ не только интересными керамическими материалами, связанными с крепостью I в. до н.э.⁵⁶, но и находками времени греческой колонизации Таманского полуострова⁵⁷.

Исторический музей обладает небольшой, но представительной коллекцией фигурных сосудов⁵⁸. В собрании представлена серия пергамских сосудов, в том числе с аппликативными рельефами⁵⁹ (рис. 2, 3), а также рельефной керамики⁶⁰ (рис. 2, 1). В музее хранится одна из лучших в России коллекция аттических краснофигурных пелик «керченского стиля» (рис. 1, 4)⁶¹, хотя и собрание других античных ваз достаточно представительно.

В коллекции представлены и необычные керамические предметы. Например, такие как изготовленный из амфорный ручки терракотовый *олисбос* из Пантикапея⁶² или фрагмент сосуда *dirty trick* с Таманского полуострова⁶³.

С ряда памятников Таманского полуострова, в первую очередь из Кеп и усадьбы у пос. За Родину, происходит интересная серия клейм на столовых сосудах и светильниках, представляющих буквы ИЕ (вероятно, аббревиатура от *ιερος*, т.е. священный)⁶⁴ (рис. 3).

Нельзя обойти стороной и коллекцию терракотовых статуэток – более 700 целых экземпляров и их фрагментов, часть из которых хорошо известна специалистам⁶⁵, но большинство не издано. Среди них выделяется уникальный терракотовый рельеф с Таманского полуострова (рис. 4), изображающий несение Диониса двумя актерами, частично сохранивший полихромиию⁶⁶.

Традиционно вызывает интерес представительная коллекция амфорной тары и амфорных клейм, находящаяся в собрании музея⁶⁷.

⁵⁰ Журавлев, Шлотцауер 2014.

⁵¹ Шлотцауер 2016.

⁵² Камелина 2016.

⁵³ Егорова 2016.

⁵⁴ Ковальчук 2016.

⁵⁵ Журавлев, Ломтадзе, Строков 2019.

⁵⁶ Ломтадзе 2015, рис. 9–18, 21, 2; Ломтадзе, Муратова 2022, 201–212.

⁵⁷ Ломтадзе 2013, рис. 2–6.

⁵⁸ Сорокина 1997.

⁵⁹ Журавлев 1995; 2015; 2006, 80–81, № 80; Zhuravlev 2014.

⁶⁰ Сокольский, Сорокина 1966, 39, рис. 6, 1; Усачева 1978, 100–107; Журавлев 2006, 127, № 134; и т.п.

⁶¹ Beazley 1963, 1474, 1478, No. 1; No. 8; etc; Кобылина 1951, 140, 152, 157, рис. 2, 4; 10, 2; 13, 2; и др.; Журавлев 2002б, 28–29, № 38–41; Журавлев 2006, 57, № 54; 60–61, № 56.

⁶² Журавлев 2004; 2006, 160, № 162.

⁶³ Журавлев 2012а.

⁶⁴ Сокольский 1968; Сорокина 1998б; Журавлев 2010а, 307–308.

⁶⁵ Журавлев 2002б, 61–75.

⁶⁶ Журавлев, Ломтадзе 2012; Zhuravlev, Lomtadze 2013.

⁶⁷ Граков 1926; 1929; Зеест 1960, табл. I, 4а–в; III, 96; IV, 11д; и др.; Сорокина, Сударев 2003; Ломтадзе 2005; Журавлев, Ломтадзе, Строков 2019.

Рис. 3. Клейма ІЕ на фрагментах сосудов и светильника из Кеп и усадьбы Румынское 2. Раск. Н.И. Сокольского, Н.П. Сорокиной. II – перв. пол. I в. до н.э.
Fig. 3. Stamps ІЕ on fragments of vessels and a lamp from Kepoi and the Rumynskoe 2 estate. Exc. by N.I. Sokolskiy, N.P. Sorokina. 2nd – first half of the 1st c. BC.

Рис. 4. Рельеф с изображением несения Диониса. Боспор. IV в. до н.э. Кепы, раск. Н.И. Сокольского.

Fig. 4. Relief depicting the carrying of Dionysus. Bosphorus. 4th c. BC. Кепы. Exc. by N.I. Sokolskiy.

Отдельно следует отметить прекрасную коллекцию греческих и римских светильников, большинство из которых керамические. Представлены все основные типы ламп античного и ранневизантийского времени, а также восточные светильники. Часть их уже издана⁶⁸, остальные готовятся к монографической публикации⁶⁹.

Серия покупок античных расписных сосудов не слишком велика в сегодняшнем собрании музея, поскольку они всегда считались «непрофильными» для нашего собрания и часто служили предметом передачи в другие музеи или обмена. Так, целая серия античных ваз была передана в 1920-е гг. ГМИИ им. А.С. Пушкина в обмен на знаменитый Бородинский клад. Тем не менее, в ГИМ представлена группа краснофигурной керамики из Южной Италии⁷⁰ или Аттики⁷¹, происходящих из бывших частных коллекций П.О. Бурачкова, С.И. Чижова, В.И. Сизова

⁶⁸ Chrzanovski, Zhuravlev 1998.

⁶⁹ Журавлев, Хршановски 1997; 2000.

⁷⁰ Журавлев 2002б, 30–32, № 45–51; 2006, 56, № 53; 102–103, № 113; 106–107, № 116.

⁷¹ Журавлев 2002б, 28, № 36–37; 2006, 66, № 61; 74–75, № 69; 114–115, № 128.

или покупок (например, у С.В. Прохорова). Происхождение многих замечательных сосудов, находящихся в музее с момента первой экспозиции 1883 г., до конца неизвестно⁷². Любопытна коллекция коринфской расписной керамики, которая была опубликована отдельно⁷³.

Определенный интерес вызывают и антикварные подделки, созданные в XIX в. в мастерских Италии⁷⁴, а также серия терракотовых статуэток, собранных из различных, подчас разновременных, частей и приобретенных в первые десятилетия существования музея «на торгу» или у известного керченского торговца древностями Е.Р. Запорожского.

Нельзя обойти вниманием и большую коллекцию античных расписных ваз, перемещенных в 1945 г. в Советский Союз из Германии в качестве компенсаторной реституции⁷⁵. Часть этих ваз была отреставрирована и активно задействована в научной работе и выставках ГИМ⁷⁶. Большая часть этих сосудов дошла до наших дней в разбитом виде, части сосудов были утрачены. Но это не единственная проблема – приходится также решать вопросы открытия и сохранения первоначального вида этих сосудов, т.к. многие из них в ходе реставрации XIX в. были записаны и доделаны⁷⁷.

Ряд античных керамических материалов был исследован с помощью естественнонаучных методов. Так, при помощи спектрального анализа исследовались красный и черный лаки античных сосудов⁷⁸. Методом нейтронной активации исследовались находки Боспорской археологической экспедиции с поселений Голубицкая 2 и Стрелка 2, а также из фондов Исторического музея с территории Таманского полуострова и Восточного Крыма⁷⁹.

3. СКИФО-САРМАТСКИЙ ФОНД

В ГИМ хранятся значительные коллекции, связанные со скифо-сарматским миром. И хотя в основном они представлены материалами из погребальных памятников, где керамики не так много, музей обладает важной коллекцией сосудов евразийских кочевников. Прежде всего, это коллекции из раскопок Б.Н. Гракова в 1920-х гг. и К.Ф. Смирнова в 1952–1953 гг.⁸⁰ в Нижнем Поволжье и Приуралье. Большая коллекция керамики происходит из Каменского городища⁸¹.

⁷² Журавлев 2006, 68–69, № 63; 73, № 68.

⁷³ Букина, Журавлев 2013.

⁷⁴ Журавлев 2006, 28–29, № 13.

⁷⁵ Kästner 2005.

⁷⁶ Журавлев 2006, 22–23, № 4; 81, № 81; 96–96, № 106; 150, 153, № 155–156; 158–161, № 161, 163; Zhuravlev, Lomtadze 2007, 96–99, fig. 8–11.

⁷⁷ Zhuravlev, Lomtadze 2007, 98–99, fig. 10–11. Сотрудниками музея, совместно с коллегами из Античного собрания Государственных музеев Берлина, осуществлялся научный проект по реставрации и введению в международный научный оборот этой уникальной коллекции, в котором были задействованы крупнейшие специалисты в области изучения вазописи из России, Германии и других стран Европы.

⁷⁸ Безруков, Журавлев 1998; Безруков 1998.

⁷⁹ Attula et al. 2014; Моммсен, Журавлев, Шлотцауер 2016, рис. 1–4; Schlotzhauer et al. 2017, 395–397, Abb. 3–6; Mommsen, Schlotzhauer, Zhuravlev 2018, fig. 1–2.

⁸⁰ Смирнов 1964.

⁸¹ Граков 1954, 68–100.

Важные скифские коллекции происходят из могильников Посулья – Аксютинцы, Волковцы и др.⁸², где встречены как скифские формы, так и предметы греческого импорта⁸³ (рис. 5, 1–2).

Значительное число керамических сосудов происходит из Пашковского могильника, исследованного К.Ф. Смирновым в 1947–1949 гг.⁸⁴.

Интереснейшие комплексы, в том числе и целые сосуды, происходят из знаменитого «Золотого кладбища» и других памятников Прикубанья⁸⁵. Большую важность представляет вызывает целая серия сосудов с зооморфными ручками⁸⁶. Из раскопок «Золотого кладбища» также происходит фигурный сосуд цилиндрической формы в виде бочонка⁸⁷, а также птицы (рис. 5, 3)⁸⁸. При раскопках Н.И. Веселовского в ауле Хатажукаевском найдена курительница на трех ножках, орнаментированная по бортику заштрихованными треугольниками⁸⁹.

Из впускных погребений «Круглого кургана», раскопанного В.Г. Тизенгаузен в окрестностях античного Танаиса, происходит целая серия керамических сосудов, часть из которых относится к сарматскому производству, а часть является античным импортом⁹⁰.

Значительно собрание древностей, в том числе и керамических сосудов, из Крыма. Представлены материалы из целой серии позднескифских могильников римского времени, в которых представлены эталонные коллекции краснолаковой керамики, амфорной тары и других групп посуды. Это материалы из раскопанных И.И. Гущиной могильников Бельбек II, Бельбек III и Бельбек IV⁹¹. Именно эти материалы (рис. 5, 4) легли в основу монографического исследования о краснолаковой керамике Юго-Западного Крыма римского времени⁹², а потом были изданы в полной публикации некрополя Бельбек IV⁹³. Уникальный комплекс краснолаковой керамики, в свое время прекрасно изданный Д.С. Раевским⁹⁴, происходит из раскопок Неаполя Скифского⁹⁵.

⁸² Ильинская 1968.

⁸³ Онайко 1970, 113–114, табл. VIII.

⁸⁴ Фирсов 2010, 334–335, рис. 13–14; Ахмедов, Фирсов 2016, 32–48, рис. 131–135.

⁸⁵ Гущина, Попова 1970, 75–77, рис. 16, 1; Гущина, Засецкая 1989, 98–99, табл. IV, 36; 104–105, табл. VI, 69; Фирсов 2010, 348–349, рис. 41–47; Журавлев 2002б, 107–108, № 508.

⁸⁶ Журавлев 2002б, 113–114, № 552, 555, 557; Фирсов 2010, 348, рис. 42.

⁸⁷ Гущина, Засецкая 1994, 66, Кат. 383, табл. 43, 383; Журавлев 2002б, 114, № 556; Алексеев и др. 2020, 632, № 239.1.

⁸⁸ Скалон 1941, табл. XIV; Гущина, Засецкая 1994, 28, Кат. 305, рис. 10 (в книге ошибочно указано, что сосуд бронзовый).

⁸⁹ ОАК за 1899 г., 51; Журавлев 2002б, 114–115, № 561.

⁹⁰ Демиденко, Журавлев, Трейстер 1997, 193–199, рис. 4–5; Žuravlev, Demidenko, Treister 1997, 418–427, Abb. 7–9. В Историческом музее хранятся также материалы из самых первых раскопок Танаиса П.М. Леонтьевым, но за редким исключением (Журавлев 2022, рис. 3, 2), они пока не опубликованы.

⁹¹ Гущина 1969, 96, рис. 1, 1–2; 1974, рис. I–XVII, XIX; 1982, рис. 2–13.

⁹² Журавлев 2010б.

⁹³ Гущина, Журавлев 2016.

⁹⁴ Раевский 1970, 91–105.

⁹⁵ См. также: Гущина, Журавлев, Фирсов 2001, 233, рис. 2; Журавлев 2022, рис. 6.

Рис. 5. 1–2 – чернолаковые канфар и пелика. Могильник у с. Аксютинцы. Раск. С.А. Мазарати. Атика, IV в. до н.э.; 3 – фигурный сосуд. Ст. Тифлисская. Раск. Н.И. Веселовского. I–III вв. н.э.; 4 – понтийская сигиллата В. Могильник Бельбек IV. Раск. И.И. Гушиной. II в. н.э.; 5 – глиняный котел. Джеты-Асар 3. Раск. С.П. Толстова. V в. н.э.

Fig. 5. 1–2 – black glazed kantharos and pelike. Necropolis at Aksyutintsy. Exc. by S.A. Mazaraty. Attica, 4th c. BC; 3 – figured vessel. Kuban region, Tiflisskaya. Exc. by N.I. Veselovsky. 1st – 3rd centuries AD; 3 – Pontic sigillata B. Belbek IV. Exc. by I.I. Gushchina. 2nd c. AD; 3 – clay cauldron. Dzhety-Asar 3 Settlement. Exc. by S.P. Tolstov. 5th c. AD.

Отдельные керамические сосуды разных категорий и форм происходят из курганов Саблы⁹⁶ и в имении Талаевой⁹⁷, могильника Заветное⁹⁸. Ряд сосудов сарматского времени из собрания музея был включен в свод импортных изделий в Восточной Европе⁹⁹.

4. ФОНД СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ¹⁰⁰

Средняя Азия. В собрании ГИМ хранятся коллекции Хорезмской археологической экспедиции, исследовавшей территорию Юго-Восточного Приаралья с конца 1930-х гг. По итогам раскопок, проводившихся в 1948–1953 гг. на городищах Джеты-Асар 3, Джеты-Асар 9 под общим руководством С.П. Толстова, получена большая коллекция керамического материала, которая позволила определить место этих памятников в хронологической системе древних культур Средней Азии. Население древнего Хорезма, проживавшее на данной территории на протяжении всего I тыс. н.э., было однородным. Исследователи выделили три этапа развития этой земледельческой культуры: рубеж эр – конец III – начало IV в. н.э.; IV–VII вв.; VIII–IX вв. Керамический материал показывает связи с соседними культурами и влияние их на местное население, что позволяет определить место памятника в системе общей исторической хронологии¹⁰¹.

Одними из показательных в этом смысле являются находки так называемых глиняных котлов и их фрагментов. Один целый котел, найденный на городище Джеты-Асар 3, представлен в экспозиции Исторического музея (рис. 5, 5). Он относится ко второму этапу джетыасарской культуры и имеет характерные черты сосудов данного типа: вытянутое тулово, конический поддон, выступающие ручки прямоугольной формы, налепной орнамент. Орнамент в виде выступающих вертикальных линий и шишечек на тулове и венчике явно имитирует швы и заклепки на аналогичных бронзовых котлах «гуннского типа». Такие бронзовые котлы хорошо известны на широкой территории от Китая, Монголии, Южной Сибири, Поволжья до Венгрии и относятся исследователями к V в. н.э. Глиняные котлы являются их подражанием, свидетельствуя о широких связях населения Приаралья в эпоху Великого переселения народов.

Сибирь. Одними из первых коллекций в ГИМ являются материалы работ второй половины XIX в. на территории Енисейской и Томской губерний (в настоящее время – Красноярский край, Республика Хакасия, Тюменская область, территория северного Казахстана). Результаты раскопок, проведенных под руководством В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, А.В. Адрианова, стали базой для составления хронологии археологических культур Алтая, Южной Сибири и Прииртышья¹⁰². В XX в. исследования были продолжены, в том числе, экспедициями Исторического

⁹⁶ Журавлев, Фирсов 2001, 226, рис. 2.

⁹⁷ Гущина, Журавлев, Фирсов 2001, 234, рис. 3, 1.

⁹⁸ Богданова 1989, 25–33, табл. IV–VII; Firsov 1999, fig. 10–11; Гущина, Журавлев, Фирсов 2001, 234, рис. 7, 6.

⁹⁹ Кропоткин 1970.

¹⁰⁰ Раздел подготовлен при участии Ю.В. Демиденко.

¹⁰¹ Левина 1971.

¹⁰² Адрианов 1902–1924; Клеменц 1886; Радлов 1989.

музея под руководством Л.А. Евтюховой, С.В. Киселева, Н.Л. Членовой. Во время этих работ были изучены многочисленные, неизвестные ранее, погребальные памятники, содержащие характерную для этого времени керамику¹⁰³.

В составе коллекции – глиняные сосуды и их фрагменты, представляющие тагарскую (VIII/VII – III вв. до н.э.), таштыкскую (II в. до н.э. – V в. н.э.) археологические культуры, а также культуры тюркского времени VI–XII вв.¹⁰⁴. Так, например, для тагарского времени характерны сосуды баночного вида, с широким открытым горлом. Позже, в таштыкскую эпоху, формы сосудов становятся более разнообразными.

В качестве примера можно привести бочонковидный сосуд из могильника Уйбат I, происходящий из Хакасии (рис. 6, 1), аналогии которым известны с территории Республики Тува. Этот сосуд имеет овальную форму, несколько уплощенное дно, невысокую горловину со сливом, характерным для кувшинов. Боковые стенки, центральная часть, украшены выпуклым орнаментом в виде плетеной веревочки. Возможно, такие сосуды являются глиняными имитациями деревянных изделий.

Определенным маркером культуры раннесредневековых кочевников Хакаско-Минусинской котловины являются так называемые кыргызские вазы, представляющие собой высокие сосуды с ярко выраженным плечиком, отогнутым наружу венчиком, изготовленные на ручном гончарном круге из хорошо выделанной глины. Вазы украшались резным орнаментом в виде полос концентрических и дугообразных насечек по тулову (рис. 6, 2). На некоторых из них встречаются оттиснутые тамги, возможно, символы принадлежности владельцу.

Уникальным для Южной Сибири является использование глины в качестве строительного материала при облицовке стен, в виде тонких плит, а также кровельного материала для крыши при изготовлении черепицы в гуннском дворце у р. Ташеба в долине Среднего Енисея в Хакасии. Дворец представляет собой единственный памятник дворцовой архитектуры, относящийся к I в. до н.э., сочетает в себе строительные традиции, принесенные из Китая и Средней Азии¹⁰⁵. Глиняные желоба черепицы стандартны, ряды черепицы, укладывавшейся по краю крыши здания, имеют круглое завершение. На круге рельефно выполнена китайскими иероглифами надпись (рис. 6, 3) посвятительного характера. Она имеет несколько переводов, один из которых следующий: «Сыну Неба 10 000 лет мира/ (А той, которой мы желаем)/ 1000 осеней радости без горя».

5. ФОНД ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Фонд охватывает материалы из обширных западных, центральных и восточных районов Европейской части России. Наиболее ранняя коллекция керамики восточного района Европейской части России происходит из бывшей Уральской области (Невьянский район), из Шигирского городища, исследованного в 1930 г. Уральской экспедицией ГИМ совместно с Тагильским музеем под руководством Д.Н. Эдингга. Основная ее часть относится к финалу бронзового – началу желез-

¹⁰³ Киселев 1951.

¹⁰⁴ Кызласов 1960; Вадецкая 1999.

¹⁰⁵ Кызласов 2001.

ного века (XI/X–VI/V вв. до н.э.) и содержит 4191 предмет. Коллекция не опубликована, упоминание о керамическом материале с городища и фотография одного фрагмента сосуда приводится в монографии Д.Н. Эдинга¹⁰⁶.

Древности ананьинской культурно-исторической области VIII/VII–IV/III вв. до н.э. представлены обширной коллекцией керамики с городища Грохань (2500 фрагментов), а также погребальными сосудами Луговского могильника VII–VI вв. до н.э. Оба памятника расположены на р. Каме были изучены и частично изданы А.В. Збруевой¹⁰⁷. Среди роскошных материалов Гляденовского костяка, прежде всего культовых фигурок животных и людей, также встречены керамические сосуды¹⁰⁸.

Благодаря большим работам, проведенным на территории Чувашии Н.В. Трубниковой, в фондах музея оказались крупные керамические коллекции из ключевых для понимания исторических процессов первой половины I тыс. н.э. городищ Тоганаши, Ножа-Вар и Пичке-Сарче. Эти материалы опубликованы только выборочно, хотя для решения проблем генезиса древнемордовских племен они имеют первостепенное значение.

Крупная серия погребальной керамики раннесредневековых поволжских финнов из рязано-окских могильников Кораблино и Заречье в Рязанской области, исследованных в 1980–1990 гг. прошлого и начале нынешнего века, представляет особый интерес (раскопки экспедиции ГИМ под руководством И.В. Белоцерковской).

Из могильника Заречье происходит уникальный сосуд с календарными знаками (рис. 6, 4)¹⁰⁹. Он был найден в захоронении 101, совершенном по обряду кремации, что мало характерно для рязано-окских могильников. Сосуд вылеплен от руки и имеет три зоны орнамента. По краю венчика были нанесены группы насечек, ниже, между двумя горизонтальными, выполненными штампом, линиями расположено 35,5 вертикальных отрезков, объединенных в 13 групп по 2, 2,5 и 3 отрезка. В нижнем, придонном, ярусе между тремя простыми и одним как бы удвоенным четырехконечными крестами изображены семь повернутых по ходу солнца фигурок животных, вероятно, конских. В среднем ярусе композиции также изображен один простой крест. Кресты разбивают фигурки животных на 4 группы: одна из них включает 4 изображения, остальные – по одному. Изображения среднего и нижнего ярусов взаимосвязаны между собой, на что указывает использование одного и того же символа – креста. 4 группы конских фигурок, очевидно, соответствуют определенным сезонам года, а 13 групп вертикальных отрезков отражают исчисление астрономического года 13 месяцами лунно-солнечного календаря. Общее число оттисков штампа в них 365, что близко по значению продолжительности тропического года, каждый оттиск соответствует одному дню или суткам. В таком случае продолжительность месяца, представленного группой отрезков, могла варьировать от 20 до 25–30 дней. Группа из четырех фигурок, очевидно, отображает наиболее благоприятное для скотоводов время от выгона скота на пастбища весной до окончания выпаса его осенью. На сосуде представлены две

¹⁰⁶ Эдинг 1940, 72, рис. 70.

¹⁰⁷ Збруева 1937; 1947; Алексеев и др. 2020, 647, № 248.1.

¹⁰⁸ Алексеев и др. 2020, 663, № 252.25

¹⁰⁹ Мошинский 2003, 8–9, № 2; Белоцерковская 2005, 283–293.

системы счета времени – хозяйственно-бытовая (нижний ярус) и астрономическая. Тратовка изображений на этом сосуде находит аналогии у многих древних народов – от кельтов до мари.

Из могильника у с. Кораблино происходит другой сосуд с процарапанными на нем знаками¹¹⁰. Упомянем и хранящийся в музее сосуд из д. Алеканово (Рязанская область) с граффити¹¹¹, возможно, относящийся к тому же времени. Отметим, что часть керамических материалов могильника Заречье 4 была издана¹¹².

Коллекция керамики западных районов Европейской части России – одна из самых многочисленных и наиболее полно отражает традиции изготовления глиняных сосудов таких археологических культур, как дьяковская, зарубинецкая, рязано-окская, роменская, юхновская и некоторые другие.

Керамика дьяковской и позднедьяковской археологических культур представлена находками из раскопок Дьяковского, Старшего Каширского, Троицкого и Боршевского городищ (рис. 6, 4–5). Коллекции были сформированы в разные годы в результате раскопок В.И. Сизова, В.А. Городцова, А.Ф. Дубынина и Х.И. Крис. В их основе более 120 000 фрагментов керамики, целые же формы немногочисленны¹¹³. Также в музее хранится коллекция с городища Соколова гора в Подмосковье¹¹⁴. Н.В. Трубникова писала о некоторых фрагментах сетчатой керамики из собрания Исторического музея¹¹⁵.

Технологический и морфологический анализ керамики позволяет выявить исходные гончарные традиции дьяковского населения, инокультурные влияния и пути их распространения в дьяковской среде на позднем этапе развития дьяковской культуры¹¹⁶. Массовый материал остается по-прежнему не опубликованным, за исключением Огубского городища, которому было посвящено специальное исследование¹¹⁷.

Среди памятников городецкой культуры упомянем Шишкинское городище, керамический комплекс из которого был изучен Б.А. Фоломеевым¹¹⁸. На Климентовской стоянке встречена как сетчатая керамика, так и керамика, типичная для рязано-окских могильников¹¹⁹.

Рязано-окская керамика представлена погребальными сосудами Никитинского могильника, юхновская – находками с Юхновского, Трубневского, Кановского и Пушкарского городищ. Основная часть коллекции – это фрагменты керамики.

Материалы мощинской археологической культуры представлены фрагментами керамики из раскопок С.А. Изюмовой в 1953 г. на городище Щепилово у д. Щепилово в Тульской области¹²⁰.

¹¹⁰ Ахмедов 1994.

¹¹¹ Городцов 1897; 1898, 370–371; Асташова и др., 1988, 39, 42, № 37.

¹¹² Ахмедов, Белоцерковская 1996, 135–139, рис. 23–25.

¹¹³ Кренке 2011; Крис, Чернай 1980; Алексеев и др. 2020, 665, № 255.2; 667, № 256.7.

¹¹⁴ Трубникова 1960, 79–82, рис. 4–5.

¹¹⁵ Трубникова 1969, 117–120, рис. 3.

¹¹⁶ Лопатина 2019.

¹¹⁷ Белоцерковская 1988.

¹¹⁸ Фоломеев 1994, 145–156.

¹¹⁹ Фоломеев и др. 1988, 176–184.

¹²⁰ Воронцов 2013, 63–64.

Рис. 6. 1 – боченковидный сосуд. Хакасия, могильник Уйбат I. Раск. С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой. III–V вв. н.э.; 2 – «Кыргызская ваза». Раск. С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой. VII в. н.э.; 3 – черепица из гуннского дворца у р. Ташеба. Хакасия. Раск. Л.А. Евтюховой. I в. до н.э.; 4 – сосуд со знаками. Рязанская обл., могильник Заречье. Раск. И.В. Белотерковской. Нач. V в. н.э.; 5 – сосуд миниатюрный. Московская обл., городище Боршева. Раск. Х.И. Крис. Сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.; 6 – сосуд. Кашира. Старшее Каширское городище. Раск. В.А. Городцова. Втор. пол. I тыс. до н.э.

Fig. 6. 1 – barrel-shaped vessel. Khakassia, burial ground Uybat I. Exc. by S.V. Kiselev, L.A. Evtyukhova. 3rd – 5th cc. AD; 2 – “Kyrgyz vase”. Exc. by S.V. Kiselev, L.A. Evtyukhova, 7th c. AD; 3 – tile from the Hun palace near the Tasheba River. Khakassia. Exc. of L.A. Evtyukhova. 1st c. BC; 4 – vessel with signs. Ryazan region, burial ground Zarechye. Exc. by I.V. Belotserkovsky. Early 5th c. AD; 5 – miniature vessel. Moscow region, settlement of Borsheva. Exc. by H.I. Chris. Mid-1st mill. BC – mid-1st mill. AD; 6 – vessel. Kashira. The Older Kashirskoye settlement. Exc. by V.A. Gorodtsov. The second half of the 1st mill. BC.

Зарубинецкая керамика представлена находками с территории белорусского Полесья. Основная часть коллекции – целые формы сосудов, происходящие с таких памятников, как Чаплинское городище, могильников Чаплин, Воронино, Велемичи, Кистини, исследованных в 1950-х гг. Ю.В. Кухаренко и П.Н. Третьяковым¹²¹. Ю.В. Кухаренко выделил эти памятники в полесскую группу, которую считал самой ранней, появившейся во второй половине II в. до н.э. и просуществовавшей до II в. н.э., возможно, и позднее¹²². Керамика с этих памятников была издана авторами раскопок¹²³. В ГИМ была передана лишь часть материалов из раскопок зарубинецких памятников (рис. 7, 1–3), однако до сих пор они имеют важное значение для понимания истоков формирования этой археологической культуры, а также ее роли в сложении раннеславянских культур.

6. ФОНД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СТЕПИ

В коллекции сектора «Б» хранится керамический материал, происходящий с территории современной Украины. К ним относятся коллекции керамики поздне-римского времени (вторая половина III – начало V в. н.э.), которые представлены материалами черняховской археологической культуры, распространенной на обширной территории от Нижнего Дуная и Тиссы на западе и до верховий Северского Донца и Псла на востоке, от территории Северного Причерноморья на юге до верховий Днестра и Буга на севере. В 1908 г. Исторический музей приобрел у В.В. Хвойко коллекцию из 60 предметов, в числе которых было 23 целых гончарных черно- и сероошпеченных сосуда, предметы быта и украшения (костяные гребни, фибулы, низки бус и др.), из раскопок широко известных могильников в Киевской губернии у сел Черняхово и Ромашки, одно из которых дало название всей археологической культуре (рис. 7, 3–5). Материалы поступили в музей без подробной полевой документации, как единая коллекция. Керамика и другие предметы из раскопок В.В. Хвойко Черняховского могильника и могильника у с. Ромашки были изданы М.Ю. Брайчевским и В.П. Петровым, совместно с материалами более поздних раскопок¹²⁴. Представительная часть коллекции керамики черняховского облика происходит из раскопок поселений и могильников в Приднестровье (раскопки Г.Ф. Никитиной могильников Одая, Романковцы, Горошевы и у с. Оселивка), и Приднепровье (раскопки и разведки В.В. Кропоткина в Кировоградской области у с. Успенка, раскопки и разведки Э.А. Сымановича в с. Журовка и близлежащей местности). Керамическая коллекция интересна тем, что происходит из закрытых комплексов как погребальных, так и жилых построек и хозяйственных ям и отражает локальные особенности форм гончарной и лепной посуды с территории Приднестровья и Приднепровья римского времени. Материалы этих исследований изданы авторами раскопок¹²⁵.

¹²¹ Кухаренко 1954, 80–85; 1959; 1961; Третьяков 1959; Алексеев и др. 2020, 671, № 258.4–6; 675–676, № 262.3–6.

¹²² Кухаренко 1964.

¹²³ Кухаренко 1961; 1964; Третьяков 1959; Пачкова 2006.

¹²⁴ Брайчевский 1960; Петров 1964.

¹²⁵ Никитина 1996; Кропоткин 1964; Сыманович 1963; 1966; Обломский 2010.

Рис. 7. 1 – сосуд лощеный. Полесская обл., Туровский р-н., д. Воронино. Могильник. Раск. Ю.В. Кухаренко. III–I вв. до н.э.; 2–3 – сосуд чернолощенный и миска. Брестская обл., д. Велемечи. Могильник Велемечи I. Раск. Ю.В. Кухаренко. III–I вв. до н.э.; 4–5 – трехручная ваза и кувшин чернолощенный. Киевская губерния, с. Черняхово или Ромашки. Раск. В.В. Хвойко. III–IV вв. н.э.

Fig. 7. 1 – polished vessel. Polesskaya region, Turovsky district, Voronino village. Burial ground. Exc. by Yu.V. Kukhareenko. 3rd–1st cc. BC; 2–3 – black-polished vessel and bowl. Brest region, Velemechi village. Velemechi I burial ground. Exc. by Yu.V. Kukhareenko. 3rd–1st cc. BC; 4–5 – three-handled vase and black-polished jug. Kyiv region, Kyiv district, villages Chernyakhovo or Romashki. Exc. by V.V. Khvoyko. 3rd–4th cc. AD.

Подводя итоги второй части нашего краткого обзора, отметим, что хранящаяся в ГИМ коллекция керамики раннего железного века достаточно представительна. Среди керамических сосудов есть много уникальных, а также происходящих из эталонных комплексов различного времени. Исследование и введение в научный оборот этих материалов – задача как музейных хранителей, так и специалистов по керамике из других организаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, М.П. 1969: Погребения эпохи бронзы на Нижнем Джуглате в Кабардино-Балкарии. В сб.: В.П. Левашова (ред.), *Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г.* М., 103–112.
- Абрамова, М.П. 1972: *Нижне-Джуглатский могильник*. Нальчик.
- Абрамова, М.П. 1974: Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии). В сб.: *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ). М., 3–31.
- Абрамова, М.П. 1980: Раскопки могильника у с. Карца в Северной Осетии. В сб.: Т.Б. Попова, Д.Л. Талис, М.В. Фехнер, А.И. Шкурко (ред.), *История и культура Евразии по археологическим данным* (Тр. ГИМ 51). М., 65–70.
- Абрамова, М.П. 1989: Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья в III–IV вв. н.э. В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ 70). М., 5–16.
- Адрианов, А.В. 1902–1924: *Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае*. Минусинск.
- Алексеев, А.Ю., Наврот, М., Гасс, А., Пиотровский, Ю.Ю. (ред.) 2020: *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э.: каталог выставки*. СПб.
- Астахова, Н.И., Белоцерковская, И.В., Гущина, И.И., Каверзнева, Е.Д., Мошинский, А.П. 1988: Каталог коллекций В.А. Городцова. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии* (Тр. ГИМ 68). М., 33–62.
- Ахмедов, И.Р. 1994: Сосуд со знаками из могильника Кораблино. В сб.: Г.Ф. Полякова (ред.), *Древности Оки* (Тр. ГИМ 85). М., 132–137.
- Ахмедов, И.Р., Белоцерковская, И.В. 1996: Вещевые комплексы могильника Заречье 4. В сб.: И.В. Белоцерковская, В.П. Челяпов (ред.), *Археологические памятники Окского бассейна*. Рязань, 104–141.
- Ахмедов, И.Р., Фирсов, К.Б. 2016: Приложение 1. Каталог коллекции предметов из Пашковского могильника № 1, хранящихся в отделе археологических памятников Государственного исторического музея (раскопки Кубанской экспедиции ГИМ и Сарматской Северокавказской экспедиции ИИМК и ГИМ под руководством К.Ф. Смирнова в 1947–1949 гг.). В кн.: А.В. Мастыкова (ред.), *Пашковский могильник № 1*. Т. 1. М.–СПб., 32–48.
- Безруков, М.Г. 1998: Некоторые типологические группы краснолаковых античных покрытий (по результатам химико-технологических исследований). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья* (Тр. ГИМ 102). М., 120–126.
- Безруков, М.Г., Журавлев, Д.В. 1998: Результаты инструментального исследования серии образцов античной керамики. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья* (Тр. ГИМ 102). М., 107–119.
- Белоцерковская, И.В. 1988: Керамика Огубского городища. *СА* 3, 225–239.

- Белоцерковская, И.В. 2005: Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье. В сб.: И.В. Белоцерковская (отв. ред.), *II Городцовские чтения* (Тр. ГИМ 145). М., 283–293.
- Блаватский, В.Д. 1946: Чернофигурная ойнохоя Государственного исторического музея. *ВДИ* 2, 165–169.
- Блаватский, В.Д. 1953: Второй год работы Синдской экспедиции. *КСИИМК* 51, 149–154.
- Блаватский, В.Д. 1955: Третий год работ в Синдике. *КСИИМК* 58, 88–95.
- Блаватский, В.Д. 1957: Четвертый год раскопок в Синдике. *КСИИМК* 70, 118–129.
- Блаватский, В.Д. 1951: Харакс. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. I (МИА 19). М., 250–291.
- Богданова, Н.А. 1989: Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Тр. ГИМ 70). М., 17–70.
- Брайчевский, М.Ю. 1960: Ромашки. В сб.: *Черняховская культура* (МИА 82). М., 100–148.
- Букина, А.Г., Журавлев, Д.В. 2013: Коринфские сосуды и их античные имитации в собрании Государственного исторического музея. *ВДИ* 2, 64–83.
- Вадецкая, Э.Б. 1999: *Таштыкская эпоха в древней Сибири*. СПб.
- Воронцов А.М. 2013: *Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела* (Историко-археологические исследования региона Куликова поля. Вып. 1). Тула.
- Городцов, В.А. 1897: Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. *АИЗ* 12, 385–390.
- Городцов, В.А. 1898: Заметки о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. *АИЗ* 11–12, 370–371.
- Граков, Б.Н. 1926: Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор. В сб.: *Разряд археологический* (Тр. ГИМ 1). М., 165–206.
- Граков, Б.Н. 1929: *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М.
- Граков, Б.Н. 1954: *Каменское городище на Днепре* (МИА 36). М.
- Гущина, И.И. 1960: Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 105–110.
- Гущина, И.И. 1969: Могильник Бельбек II в Крыму. В сб.: В.П. Левашова (ред.), *Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г.*, М., 94–102.
- Гущина, И.И. 1974: Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). В сб. *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 32–64.
- Гущина, И.И. 1982: О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. В сб.: Д.Л. Талис (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Ч. 2 (Тр. ГИМ 54). М., 20–30.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Тр. ГИМ 205). М.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б. 2001: Позднескифские коллекции в собрании Государственного исторического музея. В сб.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы Крыма* (Тр. ГИМ 118). М., 230–238.
- Гущина, И.И., Попова, Т.Б. 1970: Воздвиженский курган – памятник III тысячелетия – I в. н.э. В сб.: В.Г. Вержбицкий (ред.), *Ежегодник Государственного исторического музея. 1965–1966*. М., 71–90.
- Демиденко, С.В., Журавлев, Д.В., Трейстер, М.Ю. 1997: «Круглый курган» из раскопок В.Г. Тизенгаузена 1866 г. В сб.: С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев (ред.), *Древности Евразии*. М., 186–215.
- Долгоруков, В.С. 1967: Позднеантичное поселение на городище Батарейка II. *КСИА* 109, 116–128.

- Домжалский, К., Журавлев, Д.В. 2022: Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса. *ДБ* 27, 29–47.
- Егорова, Т.В. 2016: Комплекс чернолаковой керамики из раскопа I поселения Голубицкая 2. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 г.* М., 27–31.
- Егорова, Т.В., Журавлев, Д.В. 2022: О двух медальонах на эллинистических «каленских чашах» из Пантикапея. В сб.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова.* Саратов, 108–115.
- Журавлев, Д.В. 1995: Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска. *ВДИ* 3, 72–79.
- Журавлев, Д.В. 2002а: Коллекции из Керчи в собрании Государственного исторического музея. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений.* Керчь, 95–99.
- Журавлев, Д.В. (ред.) 2002б: *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Выставка в Государственном Историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г.* М.
- Журавлев, Д.В. 2004: Ολμβος из Пантикапея или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье. *ДБ* 7, 127–149.
- Журавлев, Д.В. (ред.) 2006: *Любовь и Эрос в античной культуре. Выставка в Государственном Историческом музее. 28 декабря 2006 г. – 20 апреля 2007 г.* М.
- Журавлев, Д.В. 2010а: Государственный исторический музей. Памятники греческого и римского периодов (Ч. XVI. Гл. 1). В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани III.* М., 296–326.
- Журавлев, Д.В. 2010б: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)* (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь.
- Журавлев, Д.В. 2012: Фрагмент шуточного кубка с Таманского полуострова. *ПИФК* 1, 74–84.
- Журавлев, Д.В. 2015: Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *ПИФК* 1, 190–215.
- Журавлев, Д.В. 2022: О понтийских краснолаковых блюдах с рельефным декором. В сб.: С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева (отв. ред.), *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 года.* Симферополь, 123–142.
- Журавлев, Д.В., Камелина, Г.А. 2005: Клейма на строительных материалах из Харакса в собрании ГИМ. *БИ* VIII, 350–360.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2001: Коллекции из Березани и Ольвии в собрании ГИМ. В сб.: *Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України.* Київ, 53–55.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2007: Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии. *Археологія* 1, 78–91.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2012: Теракотовый рельеф с дионисийским сюжетом из Кеп. *ВДИ* 2, 55–69.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2022: Столовая посуда и светильники из резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59–100.
- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А., Строков, А.В. 2019: Комплекс амфорной тары второй половины V в. до н.э. с поселения Голубицкая 2. *ДБ* 24, 218–231.

- Журавлев, Д.В., Петрова, Н.Ю. 2023: Керамика в фондах отдела археологических памятников Государственного исторического музея (краткий обзор). Часть I. Эпоха неолита и бронзы. *ПИФК* 3, 272–298.
- Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б. 2001: Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму. В сб.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы* Крыма (Тр. ГИМ 118). М., 223–229.
- Журавлев, Д.В., Хршановски, Л. 2003: Светильники с острова Березань в собрании Государственного исторического музея (г. Москва). *Археология* 3, 15–21.
- Журавлев, Д.В., Хршановски, Л. 1997: К изданию Корпуса светильников Государственного исторического музея. *РА* 4, 218–223.
- Журавлев, Д.В., Хршановски, Л. 2000: Коллекция античных светильников Государственного исторического музея. *ВДИ* 3, 159–166.
- Журавлев, Д.В., Черненко, В.Г. 2022: «Античная» коллекция Д.Я. Самоквасова в Государственном историческом музее. В сб.: А.В. Зайков (отв. ред.), *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.* Севастополь, 259–266.
- Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2014: Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.). В сб.: Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина (ред.), *Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников* (Тр. ГИМ 201). М., 150–186.
- Збруева, А.В. 1937: Ананьинский могильник. *СА* 2, 95–111.
- Збруева, А.В. 1947: Городище Грохань. *КСИИМК* 16, 52–64.
- Ильинская, В.А. 1968: *Скифы днепровского лесостепного Левобережья*. Киев.
- Камелина, Г.А. 2012а: Табличка с изображением оленя из позднеантичного дома в Кехах. В сб.: И.В. Белоцерковская (ред.), *Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой* (Тр. ГИМ 189). М., 98–107.
- Камелина, Г.А. 2012б: Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В.Д. Блаватского в 1935 г.). *ПИФК* 2, 46–90.
- Камелина, Г.А. 2016: Лепная керамика с поселения Голубицкая 2. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции*. М., 62–64.
- Киселев, С.В. 1951: *Древняя история Южной Сибири*. М.
- Клеменц, Д.А. 1886: *Древности Минусинского музея*. Томск.
- Кобылина, М.М. 1951: Поздние боспорские пелики. В сб.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. I (МИА 19). М., 136–170.
- Ковальчук, А.В. 2016: Амфорные клейма с поселения Голубицкая 2. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции*. М., 56–58.
- Кренке, Н.А. 2011: *Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* М.
- Крис, Х.И., Чернай, И.А. 1980: Городища дьякова типа Боршева и Селицков. *КСИА* 62, 75–82.
- Кропоткин, В.В. 1964: Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. *КСИА* 102, 57–67.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1–27). М.
- Крупнов, Е.И. 1960: *Древняя история Северного Кавказа*. М.
- Кузнецов, В.Д., Толстиков, В.П. (ред.) 2017: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Москва. 27 июня – 17 сентября 2017 г.* М.

- Кухаренко, Ю.В. 1954: Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. *КСИИМК* 53, 80–85.
- Кухаренко, Ю.В. 1959: Чаплинский могильник. В сб.: *Памятники зарубинецкой культуры* (МИА 70), М., 154–180.
- Кухаренко, Ю.В. 1961: *Памятники железного века на территории Полесья* (САИ Д1–29). М.
- Кухаренко, Ю.В. 1964: Зарубинецкая культура (САИ Д1–19). М.
- Кызласов, Л.Р. 1960: *Таптыкская эпоха*. М.
- Левина, Л.М. 1971: *Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э.* М.
- Ломтадзе, Г.А. 2005: Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного исторического музея. *БИ* VIII, 318–338.
- Ломтадзе, Г.А. 2013: Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4. *ДБ* 17, 216–231.
- Ломтадзе, Г.А. 2015: К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстого*. М., 151–163.
- Ломтадзе, Г.А., Муратова, М.Б. 2022: Фигурный терракотовый сосуд из раскопок поселения Ахтанизовская 4 (Таманский полуостров). *ПИФК* 4, 201–212.
- Лопатина, О.А. 2019: *Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Автореф. канд. дисс.* М.
- Мошинский, А.П. (ред.) 2003: *Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Государственный исторический музей. Выставка 21 марта – 29 сентября 2003 г.* М.
- Мошинский, А.П. 2006: *Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н.э. Систематизация и хронология* (Тр. ГИМ 154). М.
- Мошинский, А.П. 2019: Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности. *КСИА* 255, 153–168.
- Никитина, Г.Ф. 1996: *Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии*. М.
- Обломский, А.М. 2010: Материалы поселения Журавка Ольшанская. В кн.: И.В. Исланова, В.Е. Родинкова (ред.), *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. (Раннеславянский мир 13)*. М., 144–260.
- Онайко, Н.А. 1970: *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э.* (САИ Д1–27). М.
- Парович-Пешикан, М. 1974: *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев.
- Пачкова, С.П. 2006: *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев.
- Петров, В.П. 1964: Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900–1901 гг.). В сб.: *Древности эпохи сложения восточного славянства* (МИА 116). М., 53–118.
- Пятышева, Н.В. 1960: Отчет о раскопках Государственного Исторического музея в Фанатории в 1939 г. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 111–124.
- Радлов, В.В. 1989: *Из Сибири. Страницы дневника*. М.
- Раевский, Д.С. 1970: Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя. В сб.: В.Г. Вержбицкий (ред.), *Ежегодник Государственного Исторического музея. 1965–1966*. М., 91–105.
- Смирнов, К.Ф. 1964: *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. М.
- Сокольский, Н.И. 1961: Раскопки в Кехах в 1959 г. *КСИА* 86, 55–65.
- Сокольский, Н.И. 1963: Крепость на городище у хутора Батарейка. *СА* 1, 179–191.
- Сокольский, Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II. *КСИА* 109, 108–115.
- Сокольский, Н.И. 1968: Керамическая мастерская в Кехах. В кн.: В.Ф. Гайдукевич (отв. ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 265–270.

- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Сокольский, Н.И., Сорокина, Н.П. 1966: Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. В сб.: В.Г. Вержбицкий (ред.), *Ежегодник Государственного Исторического музея*. 1963–1964. М., 28–49.
- Сорокина, Н.П. 1957: *Тузлинский некрополь* (Тр. ГИМ 26). М.
- Сорокина, Н.П. 1961: Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. *КСИА* 83, 46–52.
- Сорокина, Н.П. 1962: Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг. *КСИА* 91, 98–106.
- Сорокина, Н.П. 1967: Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. *КСИА* 109, 101–107.
- Сорокина, Н. П. 1992: И.Е. Забелин и античные коллекции ГИМ. В сб.: А.Д. Яновский (ред.), *И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения (Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 года)*. Ч. 2 (Тр. ГИМ 81). М., 3–10.
- Сорокина, Н.П. 1997: *Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ)* (Тр. ГИМ 91). М.
- Сорокина, Н.П. 1998а: Краснолаковое блюдо с граффити из Кеп. В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье* (Тр. ГИМ 102). М., 94–97.
- Сорокина, Н.П. 1998б: Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка. В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 96). М., 26–31.
- Сорокина, Н.П., Журавлев, Д.В. 1993: Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва). *ВДИ* 4, 242–258.
- Сорокина, Н.П., Сударев, Н.И. 2003: Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. н.э. *ДБ* 6, 297–306.
- Сорокина, Н.П., Усачева, О.Н. 1997: Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове. В сб.: И.В. Белоцерковская (ред.), *Археологический сборник. Погребальный обряд* (Тр. ГИМ 93). М., 47–61.
- Сымонович, Э.А. 1963: Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. *КСИА* 94, 80–88.
- Сымонович, Э.А. 1966: Гончарная мастерская III–IV вв. в с. Журавке. *КСИА* 107, 117–121.
- Третьяков, П.Н. 1959: Чаплинское городище. В сб.: *Памятники зарубинецкой культуры* (МИА 70). М., 119–153.
- Трубникова, Н.В. 1960: Городище Соколова гора под Москвой. В сб.: В.П. Левашева (ред.), *Археологический сборник* (Тр. ГИМ 37). М., 74–84.
- Трубникова, Н.В. 1969: Раскопки на городище у поселка Володарского под Москвой. В сб.: В.П. Левашова (ред.), *Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г.* М., 113–123.
- Уварова, П.С. 1900: *Могильники Северного Кавказа* (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества VIII). М.
- Усачева, О.Н. 1978: Рельефная керамика из Кеп. *КСИА* 56, 100–107.
- Фирсов, К.Б. 2010: Государственный исторический музей. Памятники скифо-сарматского времени и раннего средневековья из Прикубанья (Ч. XVI. Гл. 2). В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани III*. М., 328–352.
- Фоломеев, Б.А. 1994: Шишкинское городище. В сб.: Г.Ф. Полякова (ред.), *Древности Оки* (Тр. ГИМ 85). М., 138–157.
- Фоломеев, Б.А., Александровский, А.Л., Гласко, М.П., Гуман, М.А. 1988: Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки). В сб.: С.В. Студзицкая (ред.), *Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии* (Тр. ГИМ 68). М., 168–191.
- Шелов, Д.Б. 1953: Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. *КСИИМК* 51, 159–165.

- Шлотцауер, У. 2016: К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции*. М., 40–44.
- Эдинг, Д.Н. 1940: *Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля* (Тр. ГИМ 10). М.
- Attula, R., Dally, O., Huy, S., Larenok, P.A., Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Žuravlev, D. 2014: Lokale Töpferwerkstätten am Nordpontos – Archäologische und archäometrische Untersuchungen zur Herkunftszuweisung der Keramikerzeugnisse aus der Don-Region und am Kimmerischen Bosporos. In: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 251–282.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow* (Studia archaeologica 94). Roma.
- Firsov, K.B. 1999: The Roman Period Necropolis of Zavetnoe in southwest Crimea. Burial Structures and Mortuary Ritual. In: M. Rundkvist (ed.), *Grave Matters. Eight Studies of First Millennium AD Burials in Crimea, England and southern Scandinavia. Papers from a Session held at the European Association of Archaeologists Fourth Annual Meeting in Göteborg 1998* (BAR IS 781). Oxford, 1–18.
- Kästner, U. 2005: Vasen. In: *Staatliche Museen zu Berlin. Dokumentation der Verluste*. Bd. V.1. Berlin, 97–264.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2014: Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike. In: P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds), *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* (Black Sea Studies 16). Aarhus, 175–197.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2019: Hellenistic amphorae of Panathenaic shape from the necropolis of Olbia Pontica. In: A. Peignard-Giros (ed.), *Daily Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture During the Hellenistic Period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP, Lyon, November 2015, 5th – 8th*. Vienna, 237–253.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2020: Fine ware from the house of Chrysaliskos. In: I. Kamenjarin, M. Ugarković (eds.), *Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP, Kaštela, June 2017, 1st – 4th, IARPotHP 3*. Wien, 533–553.
- Nawroth, M., Moschinsky, A. 2016: Katalog. In: M. Nawroth. *Die vor- und frühgeschichtlichen Funde aus Georgien. Museum für Vor- und Frühgeschichte* (Staatliche Museen zu Berlin. Bestandskatalog. Bd. 13). Berlin, 175–184.
- Schlotzhauer, U., Žuravlev, D., Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Mommsen, H. 2017: Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontos. In: V.I. Molodin, S. Hansen (ред.), *Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: материалы Международного симпозиума «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22–26 июня 2015 г., г. Новосибирск)*. Новосибирск, 392–404.
- Zhuravlev, D. 2014: Hellenistic Pergamene Tableware in the Northern Black Sea Region. In: H. Meyza, K. Domžalski (eds.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use*. Warsaw, 129–150.
- Zhuravlev, D., Lomtadze, G. 2007: Ancient vases in the State Historical Museum: history of the collection and some problems of restoration. In: M. Bentz, U. Kästner (Hrsg.), *Konservieren oder Restaurieren – Restaurierung griechischer Vasen von der Antike bis heute* (Beihefte zum Corpus Vasorum Antiquorum Deutschland 3 (München 2007), zusammen mit U. Kästner. Bd. III). München, 93–100.
- Zhuravlev, D., Lomtadze, G. 2013: Terracotta relief with a Dionysiac scene from Kepoi. *ACSS* 19, 13–31.

- Žuravlev, D., Demidenko, S., Treister, M.Yu. 1997: Kruglij Kurgan". Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3, 409–435.

REFERENCES

- Abramova, M.P. 1969: Pogrebeniya epokhi bronzy na Nizhnem Dzhulate v Kabardino-Balkarii [Bronze Age burials in the Lower Dzhulat]. In: V.P. Levashova (ed.), *Ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Doklady na sessii Uchenogo Soveta GIM 5–7 fevralya 1969 g.* [Expeditions of the State Historical Museum. Reports at the session of the Academic Council of the State Historical Museum on February 5–7, 1969]. Moscow, 103–112.
- Abramova, M.P. 1972: Nizhne-Dzhulatskiy mogil'nik [The Nizhniy Dzhulat Burial Ground]. Nalchik.
- Abramova, M.P. 1974: Pamyatniki gornyykh rayonov Tsentral'nogo Kavkaza rubezha i pervyykh vekov nashey ery (po materialam Severnoy Osetii i Kabardino-Balkarii) [Sites of the mountainous regions of the Central Caucasus at the turn and the first centuries of our era (based on materials from North Ossetia and Kabardino-Balkaria)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe]. Moscow, 3–31.
- Abramova, M.P. 1980: Raskopki mogil'nika u s. Kartsa v Severnoy Osetii [The excavations of the burial ground at Kartsa Village in North Ossetia]. In: T.B. Popova, D.L. Talis, M.V. Fekhtner, A.I. Shkurko (eds.), *Istoriya i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym* [History and culture of Eurasia according to archaeological data] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 51). Moscow, 65–70.
- Abramova, M.P. 1989: Pogrebal'nyy obryad plemen Central'nogo Predkavkaz'ya v III–IV vv. n.e. [The funeral rite of the tribes of the Central Ciscaucasia in the 3rd – 4th centuries]. In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 70). Moscow, 5–16.
- Adrianov, A.V. 1902–1924: *Vyborki iz dnevnikov kurgannykh raskopok v Minusinskom krae* [Selections from the Diaries of Barrow Excavations in the Minusinsk Territory]. Minusinsk.
- Akhmedov, I.R. 1994: Sosud so znakami iz mogil'nika Korablino [A vessel with signs from the Korablino burial ground]. In: G.F. Polyakova (ed.), *Drevnosti Oki* [The Oka River Antiquities] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 85). Moscow, 132–137.
- Akhmedov, I.R., Belotserkovskaya, I.V. 1996: Veshchevye komplekсы mogil'nika Zarech'e 4 [Inventory complexes of the Zarechye 4 burial ground]. In: I.V. Belotserkovskaya, V.P. Chelyapov (eds.), *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna* [Archaeological Sites of the Oka River Basin]. Ryazan, 104–141.
- Akhmedov, I.R., Firsov, K.B. 2016: Prilozhenie 1. Katalog kollektsii predmetov iz Pashkovskogo mogil'nika № 1, khranyashchikhsya v otdele arkheologicheskikh pamyatnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Appendix 1. Catalogue of the collection from the Pashkovskaya 1 Cemetery, stored in the Department of archaeology, State Historical Museum]. In: A.V. Mastikova (ed.), *Pashkovskiy mogil'nik № 1* [The Pashkovskaya 1 Cemetery]. Vol. 1. Moscow–Saint Petersburg, 32–48.
- Astashova, N.I., Belotserkovskaya, I.V., Gushchina, I.I., Kaverzneva, E.D., Moshinskiy, A.P. 1988: Katalog kollektsiy V.A. Gorodtsova [Catalogue of V.A. Gorodtsov's Collection]. In: S.V. Studitskaya (ed.), *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [Heritage of V.A. Gorodtsov and Problems of Modern Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 68). Moscow, 33–62.

- Attula, R., Dally, O., Huy, S., Larenok, P.A., Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2014: Lokale Töpferwerkstätten am Nordpontos – Archäologische und archäometrische Untersuchungen zur Herkunftszuweisung der Keramikerzeugnisse aus der Don-Region und am Kimmerischen Bosporos. In: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 251–282.
- Belotserkovskaya, I.V. 1988: Keramika Ogubskogo gorodishcha [Pottery of the Ogubskoe settlement]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 225–239.
- Belotserkovskaya, I.V. 2005: Unikal'nyy sosud iz ryazano-oksского могил'nika Zarech'e [An unique vessel from the Ryazan-Oka burial ground Zarechye]. In: I.V. Belotserkovskaya (ed.), *II Gorodtsovskie chteniya* [The Second Gorodtsov Readings] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 145). Moscow, 283–293.
- Bezrukov, M.G. 1998: Nekotorye tipologicheskie gruppy krasnolakovykh antichnykh pokrytiy (po rezul'tatam khimiko-tehnologicheskikh issledovaniy) [Some typological groups of antique red-slip coatings according to the results of chemical and technological studies]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya* [Hellenistic and Roman Pottery of the Northern Black Sea Coast] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 102). Moscow, 120–126.
- Bezrukov, M.G., Zhuravlev, D.V. 1998: Rezul'taty instrumental'nogo issledovaniya serii obraztsov antichnoy keramiki [Results of an instrumental study of a series of samples of ancient ceramics]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya* [Hellenistic and Roman Pottery of the Northern Black Sea Coast] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 102). Moscow, 107–119.
- Blavatskiy, V.D. 1946: Chernofigurnaya oynokhoya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Black Figure Oinochoe in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 165–169.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Kharaks [Charax]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 19. Moscow–Leningrad, 250–291.
- Blavatskiy, V.D. 1953: Vtoroy god raboty Sindskoj ekspedicii [The second year of the Sindica expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 51, 149–154.
- Blavatskiy, V.D. 1955: Tretiy god rabot v Sindike [The third year of work in Sindica]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 58, 88–95.
- Blavatskiy, V.D. 1957: Chetvertyy god raskopok v Sindike [The fourth year of excavations in Sindica]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 70, 118–129.
- Bogdanova, N.A. 1989: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery u s. Zavetnoe [Burial ground of the first centuries AD near the village Zavetnoe]. In: M.P. Abramova (eds.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 70). Moscow, 17–70.
- Braychevskiy, M.Yu. 1960: Romashki [Romashki]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 82. Moscow, 100–148.
- Bukina, A.G., Zhuravlev, D.V. 2013: Korinfskie sosudy i ikh antichnye imitatsii v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Corinthian vases and their ancient imitations in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 64–83.
- Chrzanovski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow* (Studia archaeologica 94). Roma.

- Demidenko, S.V., Zhuravlev, D.V., Treister, M.Yu. 1997: "Kruglyy kurgan" iz raskopok V.G. Tizengauzena 1866 g. ["Kruglyy kurgan" from the excavations by V.G. Tizengauzen in 1866]. In: S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev (ed.), *Drevnosti Evrazii* [*Antiquities of Eurasia*]. Moscow, 186–215.
- Dolgorukov, V.S. 1967: Pozdneantichnoe poselenie na gorodishche Batareyka II [Late Roman settlement at the site of Batareyka II]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 116–128.
- Domzhalskiy, K., Zhuravlev, D.V. 2022: Sosudy pozdnerimskoy pontiyskoy loshchenoy keramiki s vreznyim ornamentom s Bospora i iz Khersonesa [Late Roman Pontic Burnished Ware with incised decoration from the Bosphorus and Chersoneses]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 27, 29–47.
- Eding, D.N. 1940: *Reznaya skulptura Urala. Iz istorii zverinogo stilya* [Carved Ural Sculpture. From the History of Animal Style] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 10). Moscow.
- Egorova, T.V. 2016: Kompleks chernolakovoy keramiki iz raskopa 1 poseleniya Golubitskaya 2 [Complex of black figure pottery from Trench 1 at the Golubitskaya 2 Settlement]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlotzhauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'ye v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo Kruglogo stola 7–8 iyunya 2016 g.* [*Asiatic Bosphorus and the Kuban region in pre-Roman times. Proceedings of the International Round Table June 7–8, 2016*]. Moscow, 27–31.
- Egorova, T.V., Zhuravlev, D.V. 2022: O dvukh medal'onakh na ellinisticheskikh "kalenskikh chashakh" iz Pantikapeya [Two medallions on Hellenistic "calena bowls" from Panticapaeum]. In: A.P. Medvedev (ed.), *"Ot Kavkaza do Dunaya": Severnoe Prichernomor'ye v antichnyuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova* ["From the Caucasus to the Danube": The Northern Black Sea Region in Antiquity. Studies Presented to S.Yu. Monakhov on the Occasion of His 70th Birthday]. Saratov, 108–115.
- Firsov, K.B. 1999: The Roman Period Necropolis of Zavetnoe in southwest Crimea. Burial Structures and Mortuary Ritual. In: M. Rundkvist (ed.), *Grave Matters. Eight Studies of First Millennium AD Burials in Crimea, England and southern Scandinavia. Papers from a Session held at the European Association of Archaeologists Fourth Annual Meeting in Göteborg 1998* (BAR IS 781). Oxford, 1–18.
- Firsov, K.B. 2010: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Pamyatniki skifo-sarmatskogo vremeni i rannego srednevekov'ya iz Prikuban'ya [State Historical Museum. Scythian, Sarmatian and Early Medieval Collections from the Kuban Region]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [*Ancient Heritage of the Kuban*]. Vol. 3. Moscow, 328–352.
- Folomeev, B.A. 1994: Shishkinskoe gorodishche [The Shishkinskoe settlement]. In: G.F. Polyakova (ed.), *Drevnosti Oki* [*The Oka River Antiquities*] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 85). Moscow, 138–157.
- Folomeev, B.A., Aleksandrovskiy, A.L., Glasko, M.P., Guman, M.A. 1988: Klimentovskaya stoyanka (k voprosu o hozyaystvennoy deyatel'nosti cheloveka i razvitiy prirodnoy obstanovki v doline Sredney Oki) [Klimentovskaya site (on the question of human economic activity and the development of the natural environment in the Middle Oka valley)]. In: S.V. Studitskaya (ed.), *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoy arkheologii* [*V.A. Gorodtsov's heritage and problems of the modern archaeology*] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 68). Moscow, 168–191.
- Gorodtsov, V.A. 1897: Zametki o glinyanom sosude s zagadochnymi znakami [Notes on the Clay Vessel with Mysterious Signs]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom* [*Archaeological News and Notes Published by the Moscow Archaeological Society*] 12. Moscow, 385–390.

- Gorodtsov, V.A. 1898: Zametki o zagadochnykh znakakh na oblomkakh glinyanoy posudy [Notes on the Mysterious Signs on Fragments of Pottery]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom* [Archaeological News and Notes Published by the Moscow Archaeological Society] 11–12. Moscow, 370–371.
- Grakov, B.N. 1928: *Englificheskie kleyma na gorlakh nekotorykh ellinisticheskikh amfor* [Anglyphic stamps on the throat of some Hellenistic amphorae]. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 1). Moscow.
- Grakov, B.N. 1929: *Drevnegrecheskie keramicheskie kleyma s imenami astinomov* [Ancient Greek Pottery Stamps with Astynomoi Names]. Moscow.
- Grakov, B.N. 1954: *Kamenskoe gorodishche na Dnepre* [The Kamenskoye Settlement on the Dnieper] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 36). Moscow.
- Gushchina, I.I. 1960: Nekotorye formy sarmatskoy keramiki iz Pantikapeya [Several forms of Sarmatian pottery from Panticapaeum]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 105–110.
- Gushchina, I.I. 1969: Mogil'nik Bel'bek II v Krymu [Bel'bek II Burial ground in Crimea]. In: V.P. Levashova (ed.), *Ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Doklady na sessii Uchenogo Soveta GIM 5–7 fevralya 1969 g.* [Expeditions of the State Historical Museum. Reports at the session of the Academic Council of the State Historical Museum on February 5–7, 1969]. Moscow, 94–102.
- Gushchina, I.I. 1974: Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov) [The population of the Sarmatian period in the valley of the Belbek River in Crimea (based on materials from burial grounds)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Studies in the South of Eastern Europe]. Moscow, 32–64.
- Gushchina, I.I. 1982: O lokal'nykh osobennostyakh kul'tury naseleniya Bel'bekskoy doliny Kryma v pervye veka n.e. [On the local features of the culture of the population of the Belbek Valley of Crimea in the first centuries AD]. In: D.L. Talis (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Investigations on the South of Eastern Europe] 2 (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 54). Moscow, 20–30.
- Gushchina, I.I., Popova, T.B. 1970: Vozdvizhenskiy kurgan – pamyatnik III tysyacheletiya – I v. n.e. [Vozdvizhensky Kurgan – a site of the 3rd millennium BC – 1st century AD]. In: V.G. Verzhbitskiy (ed.), *Ezhegodnik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. 1965–1966* [Yearbook of the State Historical Museum. 1965–1966]. Moscow, 71–90.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Roman Period Bel'bek IV Necropolis in Southwestern Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. 2001: Pozdneskifskie kollektsii v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Late Scythian materials in the State Historical Museum]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (eds.), *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 118). Moscow, 230–238.
- Ilyinskaya, V.A. 1968: *Skify dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya* [Scythians of the Forest-Steppe Dnieper Left Bank]. Kiev.
- Kamelina, G.A. 2012a: Tablichka s izobrazheniem olenya iz pozdneantichnogo doma v Kepakh [A plaque with a depiction of deer from a Late Antique house in Kepoi]. In: I.V. Belotserkovskaya (ed.), *Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S.V. Studzitskoy* [Images of Time. From the History of Ancient Art. To the 80th Anniversary of S.V. Studzitska-

- ya] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 189). Moscow, 98–107.
- Kamelina, G.A. 2012b: Keramicheskiy kompleks iz raskopok nizhney oboronitel'noy steny Kharaksa (po materialam raskopok V.D. Blavatskogo v 1935 g.). [Ceramic complex from the excavations of the lower defensive wall of Charax (based on excavations by V.D. Blavatsky in 1935)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 46–90.
- Kamelina, G.A. 2016: Lepnaya keramika s poseleniya Golubitskaya 2 [Handmade pottery from the Golubitskaya 2 settlement]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlottzhauer (eds.), *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy. K 10-letiyu Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Ancient Greeks between Pontus Euxinus and Maeotis. On the 10th Anniversary of the Bosporan Archaeological Mission]. Moscow, 62–64.
- Kästner, U. 2005: Vasen. In: *Staatliche Museen zu Berlin. Dokumentation der Verluste. Antikensammlung*. Bd. V.1. Berlin, 97–264.
- Kiselev, S.V. 1951: *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient History of South Siberia]. Moscow.
- Klements, D.A. 1886: *Drevnosti Minusinskogo muzeya* [Antiquities of the Minusinsk Museum]. Tomsk.
- Kobylyina, M.M. 1951: Pozdnie bosporskie peliki [Late Bosporan Pelikai]. In: B.N. Grakov (ed.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 19, 136–170.
- Kovalchuk, A.V. 2016: Amfornye kleyma s poseleniya Golubitskaya 2 [Amphorae stamps from the Golubitskaya 2 settlement]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlottzhauer (eds.), *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy. K 10-letiyu Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Ancient Greeks between Pontus Euxinus and Maeotis. On the 10th anniversary of the Bosporan Archaeological Mission]. Moscow. 56–58.
- Krenke, N.A. 2011: *Kul'tura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD]. Moscow.
- Kris, H.I., Chernay, I.A. 1980: Gorodishcha d'yakova tipa Borsheva i Selitskov [Dyakovo type settlements of Borsheva and Selitskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 62, 75–82.
- Kropotkin, V.V. 1964: Arkheologicheskie raskopki v Kirovogradskoy oblasti v 1961 g. [Archaeological excavations in the Kirovograd region in 1961]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 102, 57–67.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd century BC – 5th century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Krupnov, E.I. 1960: *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient History of the North Caucasus]. Moscow.
- Kukhareno, Yu.V. 1954: Mogil'niki poley pogrebeniy v Verkhnem Podneprov'e [Cemeteries of burial fields in the Upper Dnieper region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 53, 80–85.
- Kukhareno, Yu.V. 1959: Chaplinskiy mogil'nik [The Chaplinka Cemetery]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 70. Moscow, 154–180.
- Kukhareno, Yu.V. 1961: *Pamyatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ya* [Sites of the Iron Age on the Territory of Polissya] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–29). Moscow.

- Kukhareno, Yu.V. 1964: *Zarubinetskaya kul'tura* [*The Zarubints Culture*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–19). Moscow.
- Kuznetsov, V.D., Tolstikov, V.P. (eds.) 2017: *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva. Katalog vystavki v GMI im. A.S. Pushkina. Moskva. 27 iyunya – 17 sentyabrya 2017 g.* [*Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom. Catalogue of the Exhibition in the Pushkin Museum of Fine Arts*]. Moscow.
- Kyzlasov, L.R. 1960: *Tashtytskaya epokha* [*The Tashtyk Epoch*]. Moscow.
- Levina, L.M. 1971: *Keramika Nizhney i Sredney Syrdar'i v I tysyacheletii n.e.* [*Ceramics of the Lower and Middle Syrdarya in the First Millennium AD*]. Moscow.
- Lomtadze, G.A. 2005: Amfory s nozhkoy v vide slozhnopofilirovannogo kol'tseвого poddona v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Amphoras with a foot in the form of a complexly profiled ring tray in the State Historical Museum]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] VIII. Simferopol–Kerch, 318–338.
- Lomtadze, G.A. 2013: Kompleks nakhodok arkhaiskogo vremeni iz raskopok poseleniya Akhtanizovskaya 4 [Complex of finds of Archaic time from the excavations at the Akhtanizovskaya 4 settlement]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 17, 216–231.
- Lomtadze, G.A. 2015: K voprosu o datirovke oboronitel'nykh sooruzheniy poseleniya Akhtanizovskaya 4 [On the issue of dating the defensive structures of the Akhtanizovskaya 4 settlement]. In: D. Zhuravlev (ed.) *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [*Wind Blows Down the Mount Mithridates. The Bosporos and the Black Sea in Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of His 70th Birthday*]. Moscow, 151–163.
- Lomtadze, G.A., Muratova, M.B. 2022: Figurnyy terrakotovyy sosud iz raskopok poseleniya Akhtanizovskaya 4 [A shaped terracotta vessel from the excavations at the Akhtanizovskaya 4 Settlement (Taman peninsula)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 201–212.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2014: Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike. In: P. Guldager Bilde, M.I. Lawall (eds), *Pottery, People and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* (Black Sea Studies 16). Aarhus, 175–197.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2019: Hellenistic amphorae of Panathenaic shape from the necropolis of Olbia Pontica. In: A. Peignard-Giros (ed.), *Daily Life in a Cosmopolitan World: Pottery and Culture During the Hellenistic Period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP, Lyon, November 2015, 5th – 8th*. Vienna, 237–253.
- Lomtadze, G., Zhuravlev, D. 2020: Fine ware from the house of Chrysaliskos. In: I. Kamenjarin, M. Ugarković (eds.), *Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP, Kaštela, June 2017, 1st – 4th, IARPotHP 3*. Wien, 533–553.
- Lopatina, O.A. 2019: *Keramika moskvoretskikh i okskikh pamyatnikov d'yakovskoy kul'tury kak istoricheskiy istochnik. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoy stepeni k.i.n.* [*Ceramics of the Moskva and Oka Basin Sites of the Dyakovo Culture as a Historical Source. PhD Thesis*] Moscow.
- Mommsen, H., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2018: Determining the provenance of Archaic pottery imports from the settlement Golubitskaya 2 on the Taman peninsula. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrchanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference*]. Saint Petersburg, 286–291.
- Moshinskiy, A.P. (ed.) 2003: *Kon'i vsadnik. Vzglyad skvoz' veka. Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey. Vystavka 21 marta – 29 sentyabrya 2003 g.* [*Horse and Rider. A Look Through the Ages. The State Historical Museum. Exhibition March 21 – September 29, 2003*]. Moscow.

- Moshinskiy, A.P. 2006: *Drevnosti Gornoy Digorii VII–IV vv. do n.e. Sistematizatsiya i hronologiya* [*Antiquities of Mountain Digoria 7th–4th centuries BC. Systematization and Chronology*] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 154). Moscow.
- Moshinskiy, A.P. 2019: Keramicheskiy kompleks kobanskogo poseleniya Sauar v kontekste kobano-kolhidskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Ceramic complex of the Koban settlement of Sauar in the context of the Koban-Colchis cultural and historical community]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 255, 153–168.
- Nawroth, M., Moschinsky, A. 2016: Katalog. In: M. Nawroth. *Die vor- und frühgeschichtlichen Funde aus Georgien. Museum für Vor- und Frühgeschichte* (Staatliche Museen zu Berlin. Bestandskatalog. Bd. 13). Berlin, 175–184.
- Nikitina, G.F. 1996: *Mogil'niki chernyakhovskoy kul'tury v Severnoy Bukovine i Bessarabii* [Burial Grounds of the Chernyakhov Culture in Northern Bukovina and Bessarabia]. Moscow.
- Oblomskiy, A.M. 2010: Materialy poseleniya Zhuravka Ol'shanskaya [Materials of the Zhuravka Olshanskaya settlement]. In: I.V. Islanova, V.E. Rodinkova (eds.), *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n.e.* [Archaeology of Eastern Europe in the First Millennium AD (Rannoslavianskiy mir [Early Slavic World] 13). Moscow, 144–260.
- Onayko, N.A. 1970: *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n.e.* [Antique imports to the Dnieper and Bug region in the 4th–2nd centuries BC] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Pachkova, S.P. 2006: *Zarubineckaya kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy* [Zarubineck Culture and La Tène Cultures of Europe]. Kiev.
- Parovich-Peshikan, M. 1974: *Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni* [Necropolis of Hellenistic Olbia]. Kiev.
- Petrov, V.P. 1964: Chernyakhovskiy mogil'nik (po materialam raskopok V.V. Hvoyki v 1900–1901 gg.) [The Chernyakhov burial ground (based on excavations by V.V. Khvoyka in 1900–1901)]. In: *Drevnosti epokhi slozheniya vostochnogo slavyanstva* [Antiquities of the Era of the Formation of Eastern Slavs] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 116). Moscow, 53–118.
- Pyatysheva, N.V. 1960: Otchet o raskopkakh Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya v Fanagorii v 1939 g. [Report on excavations of the State Historical Museum in Phanagoria in 1939]. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 111–124.
- Radlov, V.V. 1989: *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. Moscow.
- Raevskiy, D.S. 1970: Kompleks krasnolakovoy keramiki iz Neapolya [Complex of Red Slip Pottery from Neapolis]. In: V.G. Verzhbitskiy (ed.), *Ezhegodnik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. 1965–1966* [Yearbook of the State Historical Museum. 1965–1966]. Moscow, 91–105.
- Schlotzhauer, U. 2016: K voprosu o nachale importa grecheskoy raspisnoy keramiki na poselenie Golubitskaya 2 [On the issue of the beginning of the import of Greek painted ceramics to the Golubitskaya 2 settlement]. In: D.V. Zhuravlev, U. Schlotzhauer (eds.), *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoy. K 10-letiyu Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Ancient Greeks between Pontus Euxinus and Maeotis. On the 10th Anniversary of the Bosporean Archaeological Mission]. Moscow, 40–44.
- Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D., Dan, A., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Mommsen, H. 2017: Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontus. In: V.I. Molodin, S. Hansen (eds.), *Multidisciplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy*.

- Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Mul'tidisciplinarnye metody v arheologii: novye itogi i perspektivy" (22–26 iyunya 2015 g., Novosibirsk)* [Multidisciplinary Methods in Archaeology: Recent Results and Perspectives. Proceedings of the International Symposium "Multidisciplinary Methods in Archaeology: Recent Results and Prospects" (June 22–26, 2015, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 392–404.
- Shelov, D.B. 1953: Raskopki Zapadno-Tsukurskogo poseleniya na Tamani [Excavations of West-Tsukur settlement on Taman]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 51, 159–165.
- Smirnov, K.F. 1964: *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow.
- Sokolskiy, N.I. 1961: Raskopki v Kepakh v 1959 g. [Excavations at Kepoi in 1959]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 86, 55–65.
- Sokolskiy, N.I. 1963: Krepot' na gorodishche u khutora Batareyka [Fortress at the settlement near the village of Batareyka]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 179–191.
- Sokolskiy, N.I. 1967: Krepot' na poselenii Batareyka II [Fortress at the settlement Batareyka II]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 108–115.
- Sokolskiy, N.I. 1968: Keramicheskaya masterskaya v Kepakh [Pottery workshop in Kepoi]. In: V.F. Gajdukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* [Ancient History and Culture of Mediterranean and Black Sea Regions]. Leningrad, 265–270.
- Sokolskiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrysaliska* [The Taman Tholos and the Residence of Chrysaliskos]. Moscow.
- Sokolskiy, N.I., Sorokina, N.P. 1966: Raskopki goroda Kepy i ego nekropolya v 1957–1963 gg. [Excavation at Kepoi and its necropolis] In: V.G. Verzhbitskiy (ed.), *Ezhegodnik Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. 1965–1966* [Yearbook of the State Historical Museum. 1965–1966]. Moscow, 28–49.
- Sorokina, N.P. 1957: *Tuzlinskiy nekropol'* [The Tuzla Necropolis] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 26). Moscow.
- Sorokina, N.P. 1961: Raskopki nekropolya Germonassy v 1956–1957 gg. [Excavations at the necropolis of Hermonassa in 1956–1957]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 83, 46–52.
- Sorokina, N.P. 1962: Raskopki nekropolya Kep v 1959–1960 gg. [Excavations at the necropolis of Kepoi in 1959–1960 gg.]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 91, 98–106.
- Sorokina, N.P. 1967: Raskopki nekropolya Kep v 1962–1964 gg. [Excavations at the necropolis of Kepoi in 1962–1964 gg.]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 101–107.
- Sorokina, N.P. 1992: I.E. Zabelin i antichnye kollektsii GIM [I.E. Zabelin and antique collections in the State Historical Museum]. In: A.D. Yanovski (ed.), *I.E. Zabelin. 170 let so dnya rozhdeniya (Materialy nauchnykh chteniy GIM 29–31 oktyabrya 1990 goda)* [I.E. Zabelin. 170 Years Since His Birth (Materials of Scientific Readings of the State Historical Museum on October 29–31, 1990)]. Pt. 2 (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 81). Moscow, 3–10.
- Sorokina, N.P. 1997: *Religiya i koroplastika v antichnosti (Figurnye sosudy iz sobraniya GIM)* [Religion and Coroplast in Antiquity (Figured Vessels in the State Historical Museum)] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 91). Moscow.
- Sorokina, N.P. 1998a: Krasnolakovoe blyudo s graffiti iz Kep [Red slip dish with graffiti from Kepoi]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom*

- Prichernomor'ye* [Hellenistic and Roman Pottery of the Northern Black Sea Coast] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 102). Moscow, 94–97.
- Sorokina, N.P. 1998b: Tak nazyvaemye “kepskie” kleyma epokhi ellinizma i ikh rasshifrovka [The so-called “Kepoi” stamps of the Hellenistic time and their decoding]. In: S.V. Studzitskaya (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 96). Moscow, 26–31.
- Sorokina, N.P., Sudarev, N.I. 2003: Amfory v pogrebeniyakh gruntovogo nekropolia Kep i gruntovykh nekropoley bosporskikh gorodov VI–III vv. n.e. [Amphorae in the burials of the ground necropolis of Kepoi and ground necropolises of the Bosporan cities in the 6th – 3rd centuries BC]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 6, 297–306.
- Sorokina, N.P., Usacheva, O.N. 1997: Ritual'nye kamennye pamyatniki iz Kepskego nekropolia na Tamanskom poluostrove [Ritual stone monuments from the Kepoi necropolis, the Taman Peninsula]. In: I.V. Belotserkovskaya (eds.), *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyy obryad* [Archaeological Miscellany. Funeral Rite] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 93). Moscow, 47–61.
- Sorokina, N.P., Zhuravlev, D.V. 1993: Kollektzii pamyatnikov iz antichnykh tsentrov Severnogo Prichernomor'ya v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Moskva) [Collections from the ancient centers of the Northern Black Sea region in the State Historical Museum (Moscow)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 242–258.
- Symonovich, E.A. 1966: Goncharnaya masterskaya III–IV vv. v s. Zhuravke [Pottery workshop of the 3rd–4th centuries in Zhuravka]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 107, 117–121.
- Symonovich, E.A., 1963: Raboty na chernyakhovskikh pamyatnikakh v Pridneprov'e [Works on Chernyakhov monuments in the Dnieper region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 94, 80–88.
- Tretyakov, P.N. 1959: Chaplinskoe gorodishche [The Chaplinka Settlement]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 70, 119–153.
- Trubnikova, N.V. 1960: Gorodishche Sokolova gora pod Moskvoy. In: V.P. Levasheva (ed.), *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Miscellany] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 74–84.
- Trubnikova, N.V. 1969: Raskopki na gorodishche u poselka Volodarskogo pod Moskvoy. In: V.P. Levashova (eds.), *Ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Doklady na sessii Uchenogo Soveta GIM 5–7 fevralya 1969 g.* [Expeditions of the State Historical Museum. Reports at the Meeting of the Academic Council of the State Historical Museum on February 5–7, 1969]. Moscow, 113–123.
- Usacheva, O.N. 1978: Rel'efnaya keramika iz Kep [Relief pottery from Kepoi]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 56, 100–107.
- Uvarova, P.S. 1900: *Mogil'niki Severnogo Kavkaza* [Burial Grounds of the Northern Caucasus] (Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by Expeditions of the Moscow Archaeological Society] VIII). Moscow.
- Vadetskaya, E.B. 1999: *Tashtytskaya epoha v drevnej Sibiri* [The Tashtyk Epoch in Ancient Siberia]. Saint Petersburg.
- Vorontsov A.M. 2013: *Kul'turno-khronologicheskie gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Don'skogo vodorazdela* [Cultural and Chronological Horizons of the 1st–5th Centuries AD Sites on the Territory of the Oka-Don Watershed] (Istoriko-

- arkheologicheskie issledovaniya regiona Kulikova polya [Historical and Archaeological Research at the Kulikovo Field Region] 1). Tula, 1–173.
- Zbrueva, A.V. 1937: Anan'inskiy mogil'nik [Ananiyno burial ground]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 95–111.
- Zbrueva, A.V. 1947: Gorodishche Grokhan' [The Settlement of Grokhan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture] 16, 52–64.
- Zhuravlev, D. 2014: Hellenistic Pergamene Tableware in the Northern Black Sea Region. In: H. Meyza, K. Domžalski (eds.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use*. Warsaw, 129–150.
- Zhuravlev, D.V. 1995: Pozdneellinisticheskiy pergamskiy skifos s applikativnymi rel'efami iz doma Khrysaliska [Late Hellenistic Pergamene Skyphos with Applique Reliefs from the House of Chrysaliskos]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 72–79.
- Zhuravlev, D.V. 2002a: Kollektzii iz Kerchi v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Collections from Kerch in the State Historical Museum]. In: *Bospor Kimmerijskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sbornik nauchnykh materialov III Bosporiskikh chteniy* [Cimmerian Bosporus, Pontus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Collection of Scientific Materials of the Third Bosporan Readings]. Kerch, 95–99.
- Zhuravlev, D.V. (ed.) 2002b: *Na krayu ojkumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo. Vystavka v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. 30 maya – 15 avgusta 2002 g.* [On the Edge of the Ecumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontus Euxinus. Exhibition at the State Historical Museum. May 30 – August 15, 2002]. Moscow.
- Zhuravlev, D.V. 2004: Ολισβος iz Pantikapeya ili eshche raz ob intimnoy zhizni v antichnom Severnom Prichernomor'e [Ολισβος from Panticapaeum or once more about intimate life in antique Northern Black Sea region]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 7, 127–149.
- Zhuravlev, D.V. (ed.) 2006: *Lyubov' i Eros v antichnoy kul'ture. Vystavka v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee* [Love and Eros in the Antique Culture. Exhibition in the State Historical Museum]. Moscow.
- Zhuravlev, D.V. 2010a: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Pamyatniki grecheskogo i rimskogo periodov [The State Historical Museum. Collections of Greek and Roman Periods]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban]. Vol. 3. Moscow, 296–326.
- Zhuravlev, D.V. 2010b: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [Red Slip Pottery of the South-Western Crimea of the first centuries AD (Based on Materials from the Late Scythian Necropolises of the Belbek Valley)] (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. 9). Simferopol.
- Zhuravlev, D.V. 2012: Fragment shutochnogo kubka s Tamanskogo poluostrova [Fragment of a tricky cup from the Taman Peninsula]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 74–84.
- Zhuravlev, D.V. 2015: Pergamskaya ellinisticheskaya stolovaya posuda v Severnom Prichernomor'e (kratkiy obzor) [Pergamene Hellenistic tableware in the Northern Black Sea region (brief review)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 190–215.
- Zhuravlev, D.V. 2022: O pontiyskikh krasnolakovykh blyudakh s rel'efnym dekorom [Pontic Red slip dishes with relief decoration]. In: S.B. Lantsov, N.V. Kukleva (eds.), *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ya. Materialy IV nauchno-prakticheskoy konferentsii, p. Chernomorskoe, 9–11 sentyabrya 2022 goda* [Western Taurida in the History and Culture of the Ancient and Medieval Mediterranean. Materi-

- als of the Fourth Scientific-Practical Conference, Chernomorskoe village, September 9–11, 2022*]. Simferopol, 123–142.
- Zhuravlev, D.V., Chernenko, V.G. 2022: “Antichnaya” kollektsiya D.Ya. Samokvasova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee [“Antique” collection of D.Ya. Samokvasova in the State Historical Museum]. In: A.V. Zaykov (ed.), *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu i srednevekovuyu epokhi. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sevastopol', 25–29 sentyabrya 2022 g.* [History and Archaeology of the Northern Black Sea Region in Ancient and Medieval Periods. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Sevastopol, September 25–29, 2022]. Sevastopol, 259–266.
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. 2001: Pozdneskifskiy kurgan Sably v Central'nom Krymu [Late Scythian Burial Mound of Sably, Central Crimea]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (eds.), *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 118). Moscow, 223–229.
- Zhuravlev, D.V., Chrzanovski, L. 1997: K izdaniyu Korpusa svetil'nikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [On the publication of collection of lamps in the State Historical Museum]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 218–223.
- Zhuravlev, D.V., Chrzanovski, L. 2000: Kolleksiya antichnykh svetil'nikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Collection of antique lamps in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 159–166.
- Zhuravlev, D.V., Chrzanovski, L. 2003: Svetil'niki s ostrova Berezan' v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Moskva) [Lamps from Berezan in the State Historical Museum]. *Arkheologiya* 3, 15–21.
- Zhuravlev, D.V., Kamelina, G.A. 2005: Kleyma na stroitel'nykh materialakh iz Kharaksa v sobranii GIM [Stamps on building materials from Charax in the State Historical Museum]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] VIII. Simferopol–Kerch, 350–360.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2001: Kolleksii iz Berezani i Ol'vii v sobranii GIM [Collections from Berezan and Olbia in the State Historical Museum]. In: *Ol'viya ta antichniy svit. Materiali naukovich chitan', prisvyachenikh 75-richchyu istoriko-arkheologichnogo zapovidnika “Ol'viya” NAN Ukraini* [Olbia and Ancient World. Materials of the Scientific Readings Dedicated to 75th Anniversary of the Historical and Archaeological Preserve “Olbia”, National Academy of Sciences of Ukraine]. Kiev, 53–55.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2007: Keramicheskie komplekсы ellinisticheskogo vremeni iz nekropolya Ol'vii [Ceramic complexes of Hellenistic Period from the Necropolis of Olbia]. *Arkheologiya* 1, 78–91.
- Zhuravlev, D., Lomtadze, G. 2007: Ancient vases in the State Historical Museum: history of the collection and some problems of restoration. In: M. Bentz, U. Kästner (Hrsg.), *Konservieren oder Restaurieren – Restaurierung griechischer Vasen von der Antike bis heute* (Beihefte zum Corpus Vasorum Antiquorum Deutschland 3 (München 2007), zusammen mit U. Kästner. Bd. III). München, 93–100.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2012: Terrakotovyy rel'ef s dionisiyskim syuzhetom iz Kep [Terracotta relief with a Dionysiac scene from Kepoi]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–69.
- Zhuravlev, D., Lomtadze, G. 2013: Terracotta relief with a Dionysiac scene from Kepoi. *ACSS* 19, 13–31.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2022: Stolovaya posuda i svetil'niki iz rezidentsii Khrisalisika [Table ware and lamps from the Residence of Chrysaliskos]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 59–100.
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A., Stokov, A.V. 2019: Kompleks amfornoy tary vtoroy poloviny V v. do n.e. s poseleniya Golubitskaya 2 [Complex of amphorae of the second half of the fifth century BC from the Golubitskaya 2 settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 24, 218–231.

- Zhuravlev, D.V., Petrova, N.Yu. 2023: *Keramika v fondakh otдела arkheologicheskikh pamyatnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (kratkiy obzor). I. Epokha neolita i bronzy* [Ceramics in the collections of the Department of archaeological monuments of the State Historical Museum (brief overview)]. Part I. Neolithic and Bronze Age]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 3, 272–298.
- Zhuravlev, D.V., Schlotzhauer, U. 2014: *Nekotorye itogi rabot Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove (2006–2013 gg.)* [Some results of the work of the Bosporan archaeological expedition on the Taman Peninsula (2006–2013)]. In: D.V. Zhuravlev, N.I. Shishlina (eds.), *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya: k 100-letiyu otдела arkheologicheskikh pamyatnikov* [State Historical Museum and Russian Archeology: on the 100th Anniversary of the Department of Archaeological Monuments] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 201). Moscow, 150–186.
- Žuravlev, D., Demidenko, S., Treister, M.Yu. 1997: *Kruglij Kurgan*”. Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V.G. von Tiesenhausen. *Eurasia Antiqua* 3, 409–435.

CERAMICS IN THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM (A BRIEF OVERVIEW). PART II. THE EARLY IRON AGE

Denis V. Zhuravlev¹, Galina A. Kamelina²

State Historical Museum, Moscow, Russia

¹ E-mail: denzhuravlev@mail.ru ² E-mail: kamgalina@yandex.ru

This is the second part of the survey of archaeological ceramics kept in the Department of Archaeological Monuments (sector of the Early Iron Age and the Early Middle Ages) of the State Historical Museum (Moscow). The published material is divided into sections in accordance with the geographical, cultural and chronological principles: the Fund of the Caucasus, the Fund of Antiquity, the Scythian-Sarmatian Fund, the Fund of Siberia and Asia, the Fund of the European part of Russia, the Fund of the Middle Ages of the Steppe. Each section informs on the composition of the collections, the principal investigator and the location of excavations, the characteristics of the object and the degree of its study. Ceramic vessels come from various sites, many of which are standard and gave the name to the archaeological cultures themselves (Dyakovo culture, Yukhnovo culture, Chernyakhov culture, etc.). The funds of the Early Iron Age and Early Middle Ages sector were formed from the end of the 19th century and continue to be replenished at the present time. Many collections from excavations before 1917, as well as materials obtained in the course of later works, have not yet been published or have been published only partly and require study and introduction into scientific circulation at the modern scientific level, which is the task of both curators and specialists in ceramics from other institutions.

Keywords: State Historical Museum, ceramics, Early Iron Age

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 178–188
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 178–188
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-178–188

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САЛГИРСКОГО ФЕЛЬДШАНЦА: РАСКОПКИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОГРЕБА С ПУШЕЧНЫМИ ЯДРАМИ

Т.Н. Смекалова¹, А.С. Деваев², А.Г. Герцен³, А.Н. Гаврилюк⁴

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ E-mail: tnsmek@mail.ru ² E-mail: dsaleksey@gmail.com
³ E-mail: gertsenag@yandex.ru ⁴ E-mail: andrey_gavr@inbox.ru

¹ ORCID: 0000-0001-5378-5372 ² ORCID: 0000-0003-1014-6882
³ ORCID: 0000-0003-1586-5886 ⁴ ORCID: 0000-0001-9723-576X

Статья посвящена дальнейшим исследованиям Салгирского фельдшанца 1772–1784 гг. – первой русской крепости на реке Салгир в северо-восточном Крыму. На плане крепости в «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г. из собрания РГВИА отмечены два артиллерийских погреба. Один из этих арсеналов был найден с помощью магнитной съемки по мощной магнитной аномалии на поверхности памятника. Раскопки выявили контуры артиллерийского погреба и находящиеся в нем и поблизости 516 чугунных ядер четырех калибров (4 трех-фунтовых ядра, 216 шести-фунтовых гранат и 8 шести-фунтовых цельнометаллических ядер, 286 двенадцати-фунтовых ядер и 2 двадцати-фунтовых ядра). После присоединения Крыма к России в 1784 г. Екатерина II подписала указ, по которому повелевалось пушки из русских

Данные об авторах. Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Алексей Сергеевич Деваев – м.н.с. НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Александр Германович Герцен – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского; Андрей Николаевич Гаврилюк – лаборант-исследователь НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ и Республики Крым. Проект № 23-28-10025.

крепостей, в том числе Салгирского фельдшанца, вывезти, а сами крепости отныне таковыми «не почитать». Однако, по какой-то причине ее приказ относительно вывоза ядер не был исполнен, и они пролежали в крепости 240 лет. Второй артиллерийский погреб, если и существовал в крепости, не содержит снарядов, в противном случае они проявились бы на карте магнитного поля.

Ключевые слова: естественно-научные методы в археологии, магнитная съемка, Салгирский фельдшанец, XVIII в., артиллерийский погреб, чугунные ядра и гранаты

Салгирский фельдшанец – первая русская крепость в северо-восточном Крыму, была локализована нами в 2021 г. в излучине р. Салгир к югу от с. Мускатное (Красногвардейский район)¹ (рис. 1, б, в). Эта крепость являлась важным опорным пунктом русской армии времен походов князя В.М. Долгорукого (1771–1772 гг.), защищая каменный мост через р. Салгир (рис. 1, б, в) на пути к крепости Кафа (Феодосия) и пересечение дорог, идущих из Перекопа к Кафе и вдоль реки по левому берегу.

В результате предыдущих работ, проведенных в 2021 г. с помощью магнитной съемки и точечного археологического зондирования в месте обнаруженной мощной магнитной аномалии, удалось найти один из двух возможных артиллерийских погребов крепости². О существовании этих арсеналов можно судить по детальному плану Салгирского фельдшанца (рис. 2, 1, 2) в «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» (1778 г.)³. Кроме этих, заглубленных в землю, артиллерийских погребов, вся остальная часть крепости была в 1970–1980-х гг. полностью разрушена глубокой плантажной вспашкой, о чем можно судить по магнитной карте, полученной на всей территории излучины Салгира (рис. 3 а, 1). На этой карте фиксируется концентрация точечных знакопеременных аномалий, которые создаются множественными железными предметами, обломками черепицы и другими сильномагнитными предметами, имеющими отношение к разрушенной крепости (рис. 3, а). Граница скопления таких аномалий ограничивается вероятными контурами крепостных стен фельдшанца (рис. 3, б). При совмещении плана крепости и магнитной карты мы использовали чертеж из «Атласа планов и профилей...» 1778 г., который, возможно, является проектным и поэтому несколько идеализированным. Он, вероятно, только в общих чертах соответствует реально существовавшей крепости⁴.

На магнитной карте в виде плавных слабых положительных аномалий (темный цвет) также проявились старые русла р. Салгир, блуждающей по долине. Наложение на карту магнитного поля плана крепости убеждает в том, что в период ее существования русло Салгира соответствовало современному (рис. 3, а, б).

На карте магнитного поля ярко выделяется очень интенсивная положительная магнитная аномалия со значительной отрицательной частью (рис. 3, а). Амплитуда аномалии превышает 520 нТл, занимаемая аномалией площадь – более 6 х 6 м², что указывает на значительную глубину аномалеобразующих объектов. Как уже

¹ Смекалова и др. 2022, 79–81.

² Смекалова и др. 2022, 85–91.

³ РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

⁴ В известной степени идеализации чертежей из этого Атласа нам пришлось убедиться ранее при изучении остатков Чокракского укрепления у верхней точки Тарханкута.

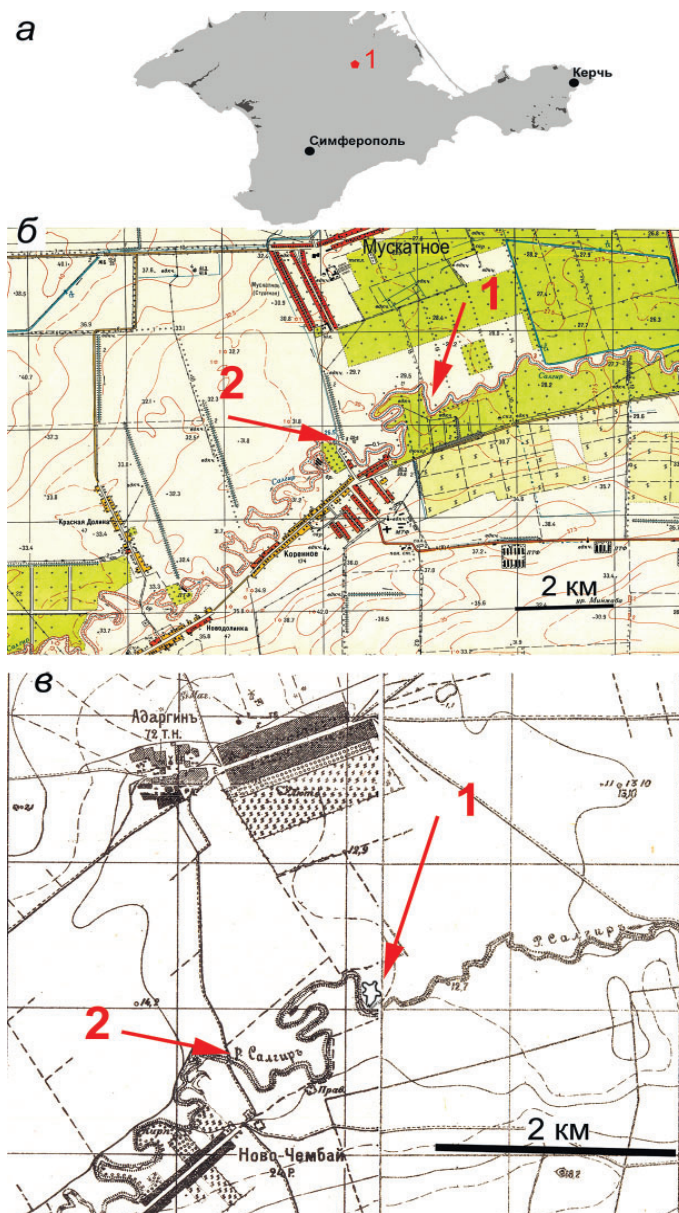

Рис. 1. Салгирский фельдшанец (1). Местоположение на мелкомасштабной карте Крыма (а); на топографической карте издания 1974 г., масштаб 1:25 000, съемки 1952 г., обновленной в 1971 г. (б); на карте масштаба 1:42000 1902–1904 и 1909 гг. (листы V–8 и V–9) (в). Контуры крепости перенесены с карты Крыма Военно-топографического депо 1855 г. со съемки полковника Бетева 1838 г. (лист N.O.D.3); 2 – Каменный мост через Салгир.
 Fig. 1. Salgir feldshans (1). Location on the map of Crimea (a); on the 1974 map (scale 1:25,000) by 1952 survey, updated in 1971 (b), and on the 1902–1904 and 1909 map, scale 1:42000 (Sheets V–8 and V–9) (c). Fortress outlines are taken from the 1855 map of the Crimea of the Military topographic depot from the 1838 survey by Colonel Betev (sheet N.O.D.3); 2 – Stone bridge.

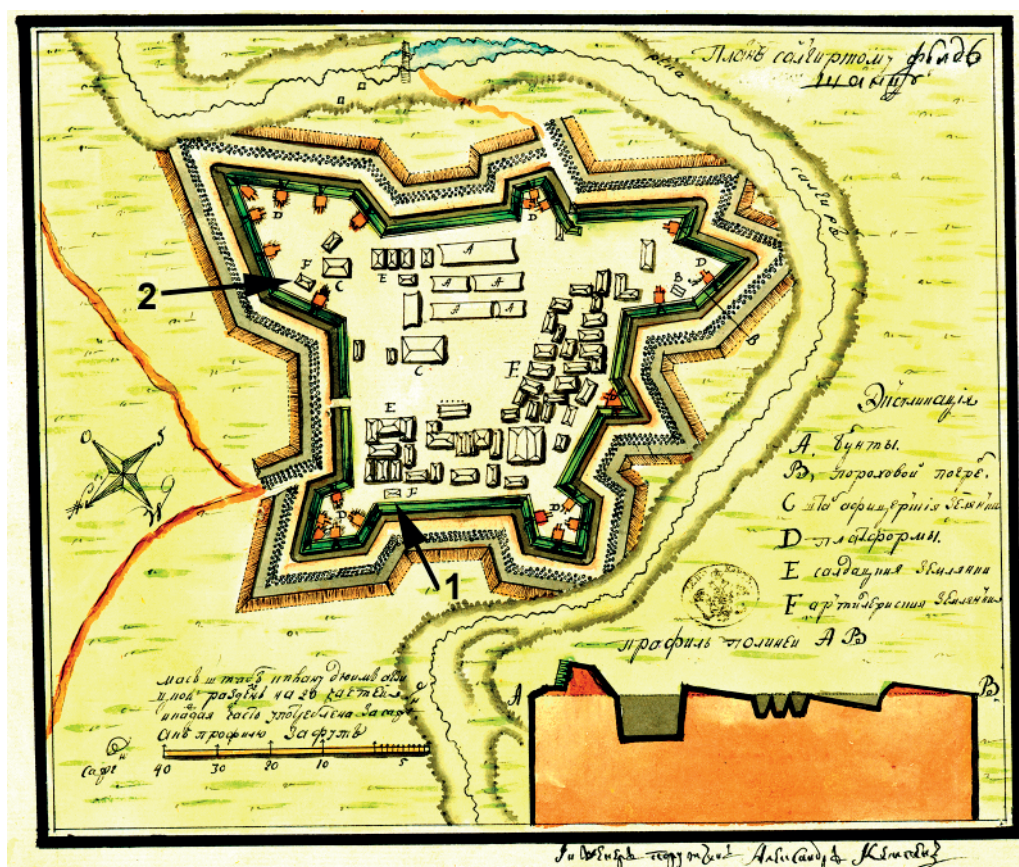

Рис. 2. Чертеж Салгирской крепости, выполненный инженер-поручиком Александром Кемпеном из «Атласа планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» (1778 г.). Стрелками и цифрами 1 и 2 показано местоположение двух артиллерийских погребов.

Fig. 2. Engineer-lieutenant Alexander Kempen's drawing of the Salgir fortress from the "Atlas of Plans and Profiles of Field Fortifications (Feldshants) in the Crimea and Their Environs" (1778 г.). Arrows and numbers 1 and 2 show the location of two artillery cellars.

говорилось, в 2021 г. на месте этой аномалии был заложен шурф 1⁵, выявивший, наряду с различными предметами периода существования фельдшанца, остатки арсенала крепости (рис. 3, а). На глубине от 0,75 до 1,51 м в шурфе были обнаружены 32 разрозненных чугунных пушечных ядра, а глубже, на уровне 1,60 м было расчищено скопление таких же ядер, плотно уложенных в несколько слоев⁶. Исследование шурфа на этом было в 2021 г. прекращено, поскольку дальнейшие раскопки грозили нарушением целостности открытого артиллерийского погреба.

⁵ Два других шурфа (Ш2 и Ш3 на рис. 3 а) были заложены на периферии выявленного памятника исторического наследия для уточнения границ объекта и распространения культурного слоя.

⁶ Смекалова и др. 2022, 88–91.

Рис. 3. *а* – Магнитная карта территории Салгирской крепости. Темным тоном показаны положительные магнитные аномалии, светлым – отрицательные. Красным шрифтом отмечены шурфы 1–3; *б* – совмещение плана Салгирского фельдшанца 1778 г. и магнитной карты. Стрелками и цифрами 1 и 2 показано местоположение двух артиллерийских погребов, отмеченных на чертеже крепости (рис. 2). Чертежи Т.Н. Смекаловой.

Fig. 3. *a* – magnetic map of the location of the Salgir fortress. The dark tone shows positive magnetic anomalies, the light tone, negative ones. Trenches 1–3 are indicated in red; *b* – Combination of the 1778 plan of the Salgir feldshants and a magnetic map. Arrows and numbers 1 and 2 show the location of two artillery cellars marked on the drawing of the fortress (Fig. 2). Drawings by T.N. Smekalova.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК САЛГИРСКОГО ФЕЛЬДШАНЦА

Изучение обнаруженного артиллерийского погреба было продолжено в ходе раскопок 2022 г. на площади 5 x 5 м⁷. Верхний слой, образовавшийся в результате глубокой плантажной вспашки, мощностью от 0,5 до 0,7 м, содержал многочисленные предметы из металла (свинцовые шрапнель сферической и пулю конической форм, литые пуговицы, железные кованые гвозди и скобы), а также осколки стеклянных изделий и большое количество фрагментов керамических изделий. Среди последних преобладали обломки черепицы-«татарки» (более 65% от всех керамических находок). Также были найдены фрагменты красноглиняной поливной керамики, сероглиняных и белоглиняных сосудов, два осколка фаянсовых чашек с росписью, встречено много костей животных, являвшихся пищевыми отходами. Найдены два кремневых фрагмента, возможно, использовавшихся для

⁷ Шурф 1 2021 г. был включен в площадь исследуемого квадрата.

высекания искр в качестве оружейного кресала (?). Встречены куски угля и обугленной древесины.

В следующем слое, светло-коричневого рыхлого суглинка, мощностью около 0,25 м, не задетом глубокой распашкой, на глубине свыше 0,75 м, количество металлических предметов увеличилось за счет целых вещей: железного ножа, крюка, гвоздей, черешкового наконечника стрелы, одного обломка и пяти целых пушечных ядер. Интересна находка русской *денги* 1731 г. Здесь же найдены части стеклянных винных бутылок: стенка темно-коричневого стекла, два горлышка и две придонные части бутылок из желто-зеленого и коричневого стекла. Керамических фрагментов, включая черепицу-«татарку», значительно меньше, чем в пахотном слое. Найдены также фрагменты двух розовоглиняных фаянсовых сосудов с росписью синей краской, два фрагмента точильных камней из розоватого песка и одно кремневое кресало (?), много пищевых отходов в виде разрубленных костей животных. В ходе раскопок этого слоя стало очевидно, что в данном месте была современная грабительская яма⁸, которая на поверхности памятника выглядела как просадка грунта.

На глубине более метра идет слой 3 плотного коричневого суглинка, лежащий непосредственно на материке. В слое обнаружены два скопления пушечных ядер; других находок в нем меньше, чем в предыдущих слоях. В первом скоплении расчищено 64 ядра, тщательно уложенные в три слоя. Часть ядер уходит в северо-западный борт. Во втором скоплении находилось 22 ядра, аккуратно уложенных в два слоя. Вероятно, раскопом вскрыта только часть более крупного скопления ядер, уходящего в северо-восточный борт. Очевидно, оба скопления составляли одно целое, но были нарушены в центральной части грабительской ямой, которая «разорвала» их на две части.

Лежащий глубже артиллерийский погреб был вскрыт в результате зачистки 2 и 3 слоя и выборки грабительской ямы. Прямоугольный погреб размером 3 x 3,7 м был заглублен в материковый слой до 0,80 м (рис. 4, а, б). Северо-западный борт погреба частично поврежден грабительской ямой. Северо-восточный борт, выложенный каменными блоками, был вскрыт только частично. Сам погреб был разделен на три сектора. В северо-западной его части, не затронутом грабительской ямой, было обнаружено третье скопление из 299 пушечных ядер, уложенных аккуратно, плотными рядами в три-четыре слоя. На части ядер сохранились отпечатки соломы, которая, вероятно, на время хранения укладывалась между ядрами или покрывала их сверху. В восточной части артиллерийского погреба находилось четвертое скопление из 89 ядер, не образующих одной плотной группы, так как было нарушено грабительской ямой.

Несмотря на то, что на чертеже фельдшанца показаны два артиллерийских погреба (рис. 2, 3, 1, 2), нами был обнаружен пока только один из них, обозначенный на рис. 2 и 3 стрелкой и цифрой 1. Во втором погребе, даже если он и существовал, нет боеприпасов, так как в противном случае они проявились бы на магнитной карте в виде значительной аномалии. Однако, в возможном месте расположения второго артиллерийского погреба нет никаких магнитных аномалий (рис. 3, а, б).

⁸ Судя по маркировке на пивной бутылке из ямы, грабители работали осенью 2020 или в начале 2021 г.

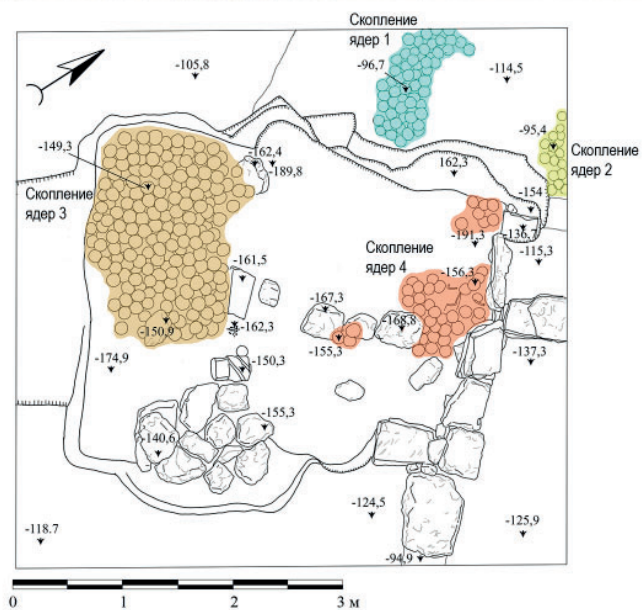

Рис. 4. Артиллерийский погреб Салгирской крепости. *а* – фотография раскопа; *б* – чертеж раскопа. Фотографии и чертеж А.С. Деваева.

Fig. 4. Artillery cellar of the Salgir fortress. *a* – photo of the excavation; *b* – drawing of the excavation. Photos and drawing by A.S. Devaev.

АРСЕНАЛ САЛГИРСКОЙ КРЕПОСТИ

Всего за время работ на Салгирском фельдшанце с территории квадрата раскопок было извлечено 516 ядер⁹. 37 ядер лежали вне артиллерийского погреба, в слоях выше него. Пять ядер было обнаружено в засыпанном грабительском шурфе. Остальные ядра были уложены аккуратно и плотно. Всего удалось выявить четыре скопления ядер. Первое и второе скопления (64 и 22 ядра, соответственно) находились вне погреба на погребенной дневной поверхности. Часть ядер из этих скоплений, вероятно, была задета грабительской ямой и изъята «черными» археологами. Очень сильно от действия грабителей пострадало четвертое скопление, находящееся на дне погреба. Часть ядер (89) осталась только у северо-восточной стены в центральной части погреба. Третье скопление (299 ядер) находилось в северо-западном секторе погреба и было задето грабителями незначительно.

Все извлеченные ядра были взвешены и измерены¹⁰. Общая масса ядер составила 2178,8 кг. Из анализа количественных характеристик ядер можно сделать вывод о том, что в данной крепости хранились ядра от пушек, как минимум, четырех калибров: трех-, шести-, двенадцать- и двадцатифунтовых.

Так, от 3-х фунтовой пушки было обнаружено всего 4 чугунных цельнометаллических ядра, что составляет 0,8% от их общего числа. 3 ядра найдены в слое 2 и одно – в засыпи грабительской ямы. Диаметр этих ядер составляет около 72 мм (2,83 дюйма), а масса колеблется в пределах 1,336 – 1,360 кг (2,95–2,99 фунта) (рис. 5, 1).

Значительное количество ядер – 224, что составляет 43,4% от всего количества найденных боеприпасов, относится к 6-ти фунтовой пушке. Данный калибр представлен двумя типами ядер. Подавляющее большинство (216 экз.) составляют так называемые гранаты – полые толстостенные чугунные снаряды, в которые засыпался порох и поражающие элементы (рис. 5, 3). Цельнометаллических ядер этого калибра (рис. 5, 2) найдено всего 8: по одному происходит из скоплений 1 и 4; 6 ядер – из скопления 3. Их диаметр около 98 мм (3,85 дюйма), вес гранат находится в пределах 2,291–2,775 кг (5,05–6,1 фунтов), а вес цельнометаллических ядер – от 3,036 до 3,752 кг (6,69–8,27 фунта). Все снаряды этого калибра происходили из первого, второго и четвертого скоплений. В третьем скоплении находилось только 17 ядер этого калибра, и все они лежали сверху. При этом, как уже говорилось выше, это в основном, гранаты. Еще 28 гранат было обнаружено в слое, не относящемся к погребу, и 4 гранаты – из грабительской ямы.

Наиболее многочисленными оказались чугунные литые цельнометаллические ядра от 12-ти фунтовой пушки – всего их обнаружено 286 шт., что составляет 55,4% от общего числа снарядов. Их диаметр – 115 мм (4,52 дюйма), а вес в пределах 5,048 – 5,737 кг (12,08 – 12,64 фунта) (рис. 5, 5). Практически все ядра этого калибра (282) происходят из скопления 3; еще 4 ядра были обнаружены в верхних слоях.

Самых крупных, 20-ти фунтовых ядер (рис. 5, 4) найдено всего два, что составляет всего 0,4% от общего количества боеприпасов. Они были обнаружены в слоях

⁹ Сюда же вошли 32 ядра, обнаруженных ранее в шурфе 1 2021 г.

¹⁰ Размеры ядер и их масса могут несколько отличаться от начальных, так как ядра сильно корродированы и в процессе снятия замеров не подвергались очистке.

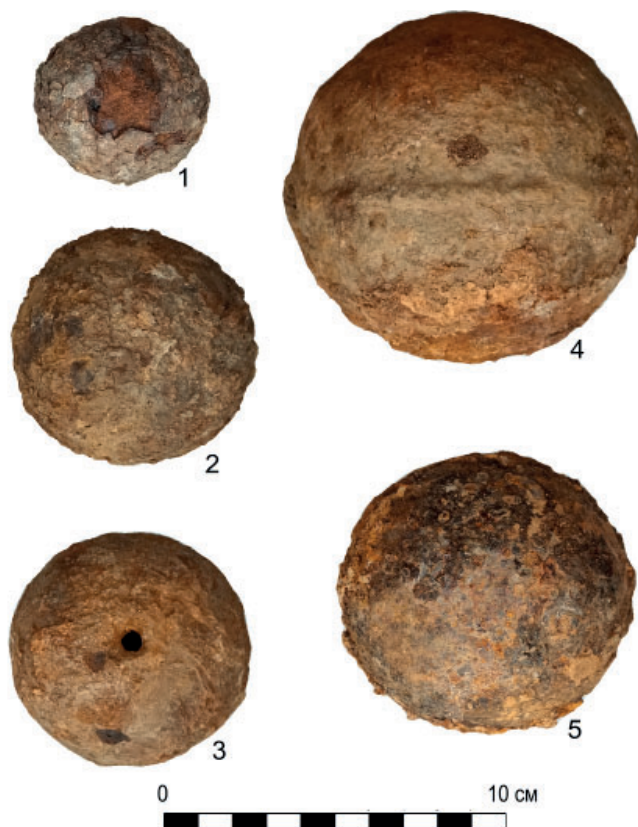

Рис. 5. Ядра из артиллерийского погреба Салгирского фельдшанца: 1 – 3-х фунтовое ядро; 2 – 6-ти фунтовое цельнометаллическое ядро; 3 – 6-ти фунтовая граната; 4 – 20-ти фунтовое ядро; 5 – 12-ти фунтовое ядро. Фотографии А.Н. Гаврилюка.

Fig. 5. Cannonballs from the artillery cellar of the Salgir fortress: 1 – three-pounder cannonball; 2 – six-pounder all-metal cannonball; 3 – six-pounder grenade; 4 – twenty-pounder cannonball; 5 – twelve-pounder cannonball. Photos by A.N. Gavrilyuk.

выше уровня погреба. Эти тяжелые чугунные цельнометаллические ядра имеют диаметр около 138 мм (5,43 дюйма) и массу от 9,1 до 9,205 кг (20,06–20,29 фунта).

Судя по всему, ядра были рассортированы и уложены по калибрам. Так скопления 1, 2 и 4 на 100% состояли из 6-ти фунтовых ядер. Скопление 3 на 94% состояло из 12-ти фунтовых ядер, другие 6% представлены 6-ти фунтовыми ядрами, но они располагались изолированно, поверх 12-ти фунтовых. Для отделения ядер разных калибров было организовано и внутреннее пространство артиллерийского погреба, который был разделен камнями и черепицами–«татарками» на три сектора. В одном хранились 12-ти фунтовые ядра, во втором – 6-ти фунтовые. Третий сектор был полностью разрушен грабителями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Салгирский фельдшанец, построенный в 1771–1772 гг. прослужил боевой крепостью всего 13 лет. 10 февраля 1784 г. Екатерина II подписала указ, по которому повелевалось пушки из крепостей, в том числе Салгирского укрепления, вывезти, а сами крепости отныне таковыми «не почитать»¹¹. Однако, как ясно сейчас, по какой-то причине ее приказ относительно вывоза ядер не был исполнен, и они пролежали в крепости без малого 240 лет. Расположение обнаруженного артиллерийского погреба точно соответствует позиции одного из двух таких арсеналов на плане крепости (рис. 3, а, б).

Несмотря на то, что в ходе исследования были найдены ядра четырех калибров, небольшое количество 3-х и 20-ти фунтовых ядер (всего их было найдено 6 экз. или 1,2% от общего числа снарядов) не позволяет сделать заключение, что крепость была оснащена орудиями всех соответствующих калибров. Архивные данные, относящиеся к 1779 г., свидетельствуют о том, что крепость была вооружена четырьмя бронзовыми пушками, двумя 12-ти фунтовыми и двумя 3-х фунтовыми «единорогами». Об этом говорится в «Перечне артиллерийского вооружения укреплений в Крыму»¹². Возможно, что немногочисленные 3-х и 20-ти фунтовые ядра случайно не были вывезены в 1784 г. вместе с пушками соответствующих калибров. Возможно также, что их запасы могут быть найдены в еще не раскопанной части обнаруженного артиллерийского погреба. О наличии пока не найденных ядер говорит значительная по величине магнитная аномалия, все ещё остающаяся после изъятия из раскопа огромной массы 516 ядер (более двух тонн).

В настоящее время обнаруженные в Салгирском фельдшанце ядра находятся в Центральном музее Тавриды (Симферополь), и научной общественностью обсуждается их возможное использование в составе памятника важному событию в российской истории – присоединению Крыма к России.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей. 33 л. в красках, размер до 37 x 50 см, масштаб от 1:1680 до 1:240. Подписали инженер-поручики Александр Кемпен и Михаил Башалзин.* РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716.
- Перечень артиллерийского вооружения укреплений в Крыму.* РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.
- Смекалова, Т.Н., Герцен, А.Г., Деваев, А.С., Белик, Ю.Л., Гаврилюк, А.Н., Леонов, Л.Л., Антипенко, А.В. 2022: Салгирский ретраншемент: локализация и междисциплинарные исследования первой русской крепости в Крыму. *ПИФК* 3, 78–94.

REFERENCES

- Atlas planov i profiley polevykh ukrepleniy (fel'dshantsev) v Krymu i ikh okrestnostey. 33 l. v kraskakh, razmer do 37x50 sm, masshtab ot 1:1680 do 1:240. Podpisali inzhener-poruchiki Aleksandr Kempen i Mikhail Bashalzin* [Atlas of Plans and Profiles of Field Fortifications

¹¹ ПСЗРИ XXII (1830), 21–22, закон 15929.

¹² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.

- (*Feldshans*) in the Crimea and Their Environs. 33 Color Sheets by Size up to 37x50 cm, Scale from 1:1680 to 1:240. Signed by Engineer Lieutenants Alexander Kempen and Mikhail Bashalzin]. Russian State Military Historical Archive. Moscow. Collection 418. Inventory 1. Folder 716.
- Perechen' artilleriyskogo vooruzheniya ukrepleny v Krymu* [List of Artillery Armament Fortifications in the Crimea]. Russian State Military Historical Archive. Moscow. Collection VUA. Folder 208. Sheets 68–75.
- Smekalova, T.N., Gertsen, A.G., Devaev, A.S., Belik, Yu.L., Gavrilyuk, A.N., Leonov, L.L., Antipenko, A.V. 2022: Salgirskiy retranshement: lokalizatsiya i mezhdistsiplinarnyye issledovaniya pervoy russkoy kreposti v Krymu [Salgir Retrenchment: Localization and Interdisciplinary Research of the First Russian Fortress in the Crimea]. *Problemy istorii, fiologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 78–94.

CURRENT INVESTIGATION OF SALGIR FELDSHANS: EXCAVATIONS OF THE ARTILLERY CELLAR WITH CANNONBALLS

Tatiana N. Smekalova¹, Aleksey S. Devaev², Aleksandr G. Gertsen³,
Andrey N. Gavrilyuk⁴

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

¹ E-mail: tnsmek@mail.ru ² E-mail: dsaleksey@gmail.com

³ E-mail: gertsenag@yandex.ru ⁴ E-mail: andrey_gavr@inbox.ru

The article discusses the results of excavations at the 1772–1784 Salgir field fortification, the first Russian fortress on the Salgir River, northeastern Crimea. Two artillery cellars are indicated on the plan of the fortress in the “*Atlas of plans and profiles of field fortifications (feldshans) in the Crimea and their environs*” (1778) (Russian State Historical Archive). One of them was recently found using magnetic surveys based on a powerful magnetic anomaly on the surface of the site. Excavations revealed the outline of an artillery magazine and 516 cast iron cannonballs of four calibres (4 three-pounder cannonballs, 216 six-pounder grenades and 8 six-pounder all-metal cannonballs, 286 twelve-pounder cannonballs and 2 twenty-pounder cannonballs) located in it and nearby. After the annexation of Crimea to Russia in 1784, Catherine II signed a Decree according to which it was ordered that the guns from Russian fortresses, including the Salgir feldshans, be removed, and the fortresses themselves from now on “not be considered as such.” However, for some reason, her order regarding the removal of the cannonballs was not carried out, and they lay in the fortress for 240 years. The second artillery magazine, even if it existed in the fortress, does not contain shells, otherwise they would appear on the magnetic field map.

Keywords: natural science in archaeology, magnetic survey, Salgir feldshans, 18th century, artillery cellar, cast iron cannonballs and grenades

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 189–201
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 189–201
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-189–201

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ИНДИИ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АВТОРСТВА)

М.Д. Бухарин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: michabucha@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3590-016X

После 1917 г. советская наука переживала радикальные трансформации. Фактически заново создавались новые научные направления. В особенности эти процессы были заметны в исторических науках: происходил отказ от традиционных идеологически нейтральных подходов, которые заменялись новым марксистским взглядом на исторические процессы. В востоковедении наблюдался активный отказ от традиций дореволюционной науки. Для утверждения новых подходов использовались, однако, наиболее проверенные форматы представления нового знания – энциклопедии. Практически все новые энциклопедические издания, издававшиеся в СССР одновременно, были ориентированы на представление нового интегрального знания: развитие науки еще не дошло до той стадии, когда стало возможным написание крупных работ книжного формата по относительно частным вопросам, с другой стороны, новой власти требовались единообразные формулы немедленно. Создание новых взглядов на историю отдельных крупных регионов было одной из насущных задач новой науки. В частности, необходимо было создать историю Индии – важный элемент концепции Азиатского способа производства, начала которой было заложено К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Первый очерк по истории Индии от древности до Новейшей эпохи, написанный с позиций советского марксизма, был опубликован в 1929 г. в Малой советской энциклопедии (МСЭ) первого издания. Очерк оказался опубликован без указания авторства. Сравнение текста очерка с очерками «Индийское искусство», изданным в той же томе энциклопедии

Данные об авторе: Михаил Дмитриевич Бухарин – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, академик РАН;

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00052.

дии (автор – археолог-искусствовед А.С. Стрелков), а также с очерком «Индия. История» И.М. Рейснера, изданным в МСЭ второго издания в 1936 г., позволяет сделать предположение о том, что первый очерк по истории Индии мог явиться плодом совместной работы А.С. Стрелкова и И.М. Рейснера.

Очерк «Индийское искусство», изданный в МСЭ второго издания в 1936 г., подписан псевдонимом «В.». Тексты очерков «Индийское искусство» из обоих изданий МСЭ демонстрируют несомненное сходство. Исчезновение фамилии Стрелкова из-под текста очерка может объясняться тем, что арест Стрелкова, состоявшийся в 1938 г., уже готовился и его упоминание в качестве автора во втором издании МСЭ было нежелательным уже в 1936 г.

Ключевые слова: индология, древняя Индия, Британская Индия, история науки, советская наука, энциклопедии, И.М. Рейснер, А.С. Стрелков

Формы представления информации в виде научных работ на протяжении нескольких столетий остаются практически неизменными. К «малым формам» относятся рецензии, обзоры, статьи, к крупным – монографии. Форматы объединения статей также в целом не претерпели значительных изменений: периодические (журналы, ежегодники) и непериодические издания, сборники статей («коллективные монографии»). Эти форматы в разное время пользовались различным спросом. Количество журналов по истории в период до 1917 г. оставалось в целом стабильным. Растущая специализация науки время от времени вызывала к жизни новые издания (например, «Мир Ислама». «Христианский Восток» появились в 1912 г. во многом в связи с прогрессом в изучении именно этих материй). Однако резкий рост и изменение направленности форматов представления знания происходит после социальных катаклизмов, особенно приводящих к смене власти.

Показательны в этом отношении изменения в научной сфере, произошедшие в Советской России после прихода к власти большевиков. Резко поменялось само понимание предназначения ряда научных дисциплин, например, востоковедения: от фундаментального знания, исследования человеческой истории, культуры в ее различных применениях советское востоковедение превращалось в набор теоретических инструментов по руководству общественными процессами на условном «Востоке» – прежде всего, выявлению революционного потенциала и его использованию для борьбы с «реакционными режимами». История «ненужных» наук, например, византиноведения, насильственным путем заканчивалась. Осколки «старой школы» изредка сохранялись (И.Ю. Крачковский) и даже оставляли преэмиников, однако эти явления были, скорее, исключениями из общих правил.

После 1917 г. в области востоковедения появлялись новые журналы (например, «Новый Восток»), в задачу которых входило, прежде всего, обозначить разрыв с прежней эпохой. Новые журналы, которые старались сохранить преемственность подходов («Записки коллегии востоковедов»), как правило, не имели длительных перспектив.

При этом в 1920-е гг. еще не получил распространения такой жанр как монографическое исследование. Работ книжного формата в области востоковедения выходило достаточно много, однако в массе своей это были небольшие брошюры, писавшиеся «на потребу дня» с целью обозначить ту или иную генеральную линию. Специализация науки о Востоке еще не достигла того уровня, на котором

детальные выводы, сделанные на основе тщательного источниковедческого анализа, можно было бы объединять в виде проблемных монографий.

В ходе обсуждения второго тома «Всемирной истории» в июне 1940 г. на «абсолютное отсутствие монографических работ» по истории Востока в целом, или хотя бы «отдельных общих работ, посвященных истории стран Востока, по ряду проблем, которые буквально ставятся историками-марксистами, хотя бы по вопросам Индии» жаловался И.М. Рейснер¹. Фактически, в довоенный период монография так и не стала главным жанром представления итогов научных исследований в области востоковедения.

Наиболее престижным жанром представления научной информации оставалась энциклопедия. Относительная неразвитость гуманитарных и общественных наук буквально сама подсказывала, что объединение статей по всем направлениям знания может быстро дать читателю правильное понимание любых процессов. Энциклопедии охотно издавались в России и до 1917 г. И после октябрьского переворота по наступлении относительной стабильности и с начала институализации советской науки на повестку дня встал вопрос об издании энциклопедий, которые сразу бы привили читатели основы единственно верного мировоззрения.

Первым таким проектом, вероятно, была Социалистическая энциклопедия, которую должна была выпустить в четырех томах Социалистическая академия, основанная в 1919 г. как антипод Петербургской Императорской (с 1917 г. – Российской) академии наук². Соответствующая программа работ была подготовлена³, однако данный проект в своем изначальном виде реализован не был.

Таким образом, перед советским государством и советской наукой в целом и исторической наукой в частности, одновременно стояли две задачи: подготовка «новых» энциклопедий, которые пришли бы на смену «старым», пусть и многочисленным и авторитетным изданиям, и насыщение этих энциклопедий «новым» знанием. Исторической науке отводилось при этом особенно важная роль, так как статьи по всемирной истории должны были сформировать у читателя правильное – марксистское – понимание всемирно-исторического процесса.

История Востока, отдельных стран и регионов, в том числе Индии, активно освещалась на страницах всех энциклопедических изданий. Первыми крупными обобщающими очерками по истории Индии в целом, и древнего периода индийской истории в частности, на русском языке, которые могли бы претендовать на роль «генеральной линии», были работы профессора Петербургского историко-филологического института С.К. Булича (1859–1921)⁴, очерк «История Индии» медика, доцента антропологии и этнологии лейпцигского университета Э. Шмид-

¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 20. Л. 34.

² См. протоколы заседаний президиума Социалистической академии, на которых рассматривались вопросы об издании Социалистической энциклопедии: Протокол №2 заседания президиума Социалистической академии общественных наук ВЦИК (Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–2 об.), Протокол № 6 заседания президиума Социалистической академии общественных наук ВЦИК (Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–8 об.) и т.д.

³ Тезисы доклада Комиссии по подготовке издания Социалистической энциклопедии о целях, задачах и программе издания, о составе редколлегии (Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 20. Л. 6–6 об.); Программа издания Социалистической академией общественных наук ВЦИК Социалистической энциклопедии в 4-х томах (Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–18 об.).

⁴ Булич 1894, 130–158.

та (1837–1906) во втором томе многотомной энциклопедии «История человечества», изданном в 1909 г.⁵, очерк выдающегося востоковеда широкого профиля (но не индолога по основной сфере интересов) профессора Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымского (1871–1942)⁶, очерк профессора МИФЛИ и МГУ, анонимный очерк «Индия. История» в первом томе Малой советской энциклопедии⁷, очерк профессора МГУ, внештатного сотрудника Института истории Коммунистической академии⁸ И.М. Рейснера (1899–1958) во втором издании Малой советской энциклопедии⁹ и очерк редактора отдела древней истории Большой и Малой советских энциклопедий Н.А. Куна (1877–1940)¹⁰.

Однако статьи Булича, Шмидта и Крымского готовились в то время, когда автор не должен был задумываться об идеологическом соответствии научной работы тем или иным заранее избранным тезисам, и к 1917 г. история древнеиндийского общества оказалась одной из зияющих лакун на дисциплинарном пространстве советского востоковедения. «Классики» императорского времени – С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской – практически не интересовались динамикой общественного развития, хотя в устных выступлениях Ольденбург по долгу службы на посту неперменного секретаря АН СССР и директора Института востоковедения часто вынужден был «отдавать должное» веянию времени. Их вклад в науку был связан с изучением истории искусства, литературы, науки, прежде всего, философии. Ольденбург не составил собственную школу, ученики же Щербатского занимались теми же сюжетами, что и их учитель – историей древнеиндийской философии и религии.

Год 1929-й можно условно считать годом рождения советской марксистской индологии. Рождение это состоялось при странных обстоятельствах: в третьем томе первого издания Малой советской энциклопедии был издан неподписанный очерк «Индия. История», в котором было представлено краткое описание развития общества в Индии с древнейших времен до Новейшей эпохи. Рассмотрение истории общества было отделено от истории культуры, в данном случае – искусства, которое представил археолог А.С. Стрелков¹¹ – на момент написания статьи – сотрудник Государственного музея изобразительных искусств. При этом и в разделе об искусстве автору пришлось обращаться к таким традиционным «историческим» вопросам как периодизация. Изложение истории индийского искусства строится в данном очерке по традиционной схеме, без опоры на выявление «движущих сил» (классовой борьбы, смены форм производственных отношений и т.д.). Судя по списку литературы. Основным источником сведения для А.С. Стрелкова по данному вопросу послужили работы С.Ф. Ольденбурга дореволюционной поры. Краткий текст, профессионально составленный, едва ли мог послужить надежной идеологически выверенной опорой читателю в новые времена,

⁵ Шмидт 1909, 399.

⁶ Крымский 1914, 632–640.

⁷ Б.и. 1929, 434–439.

⁸ И.М. Рейснер был принят в Коммунистическую академию «внештатным работником Института истории (без содержания)» 11 декабря 1929 г. (Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 311. Л. 201).

⁹ Рейснер 1936, 716–728.

¹⁰ Кун 1937, 234–246.

¹¹ Стрелков 1929, 429–431.

в этой связи, очевидно, что подход к изложению истории искусства должен был поменяться на классовый.

Ввиду того, что очерк по истории Индии из первого издания Малой советской энциклопедии, определенно, представляет собой первую попытку связно изложить историю индийского общества с марксистской точки зрения, вопрос об авторстве этого очерка приобретает важнейшее значение.

Статья «Индия» в Малой советской энциклопедии первого издания имеет весьма сложную структуру. Она состоит из нескольких отдельных очерков разного объема. Вводная часть не имеет отдельного подзаголовка, в ней приводится общая информация о политическом устройстве Индии, ее статусе в рамках Британской империи. Затем следуют отдельные очерки – «Физико-географические условия» и «Экономический очерк». После очерка экономики Индии следует краткий список использованной литературы, однако указание на автора, как можно было бы ожидать, отсутствует. Затем следует краткий очерк «Государственный строй Индии и ее положение в Британской империи». Он завершается кратким списком литературы (два наименования) и указанием на автора. В списках литературы после «Экономического очерка» и «Государственного строя Индии и ее положения в Британской империи» повторяется ссылка на книгу Г. Ретбоуна «Индия» (М., 1928). Вероятно, ввиду неаккуратности редактора ссылка на одну и ту же книгу на одной и той же страницы одной и той же статьи МСЭ оформлена по-разному: в первом случае не указан инициал имени, но указано издательство, во втором случае – наоборот: имеется инициал, но нет ссылки на издательство. В обоих случаях, неверно указан год выхода книги: 1928 вместо правильного 1929¹².

Данный раздел общей статьи «Индия» подписан. Его автором указан Е. Коровин. Определенно, в данном случае имеется в виду Евгений Александрович Коровин (1892–1964) – юрист-международник, профессор МГУ с 1923 г., член-корреспондент АН СССР с 1946 г. С 1923 по 1938 гг. Е.А. Коровин преподавал в Московском Институте востоковедения, и нет ничего утвердительного в том, что раздел «Государственный строй Индии и ее положение в Британской империи» написал именно юрист. Вопрос о том, принадлежат ли его перу предшествующие очерки, остается открытым.

После раздела «Государственный строй Индии и ее положение в Британской империи» следует раздел «Народное образование», не подписанный и не снабженный списком литературы.

Затем начинается раздел «История», не имеющий внутренней рубрикации, т.е. подразделений по хронологическим периодам. Некоторые ключевые понятия, однако, выделены разрядкой шрифта, например «Национальное движение». В раздел вставлена подробная физическая карта Индии. Завершается он списком литературы из трех названий, указание на автора отсутствует.

После раздела «История» следуют равные по значимости разделы, названия которых выделены таким же полужирным шрифтом: «Политические партии», «Рабочее и профессиональное движение», «Коммунистическая партия».

В конце статьи после завершающего раздела нет ни списка литературы, ни указания на автора очерка или автора последнего раздела.

¹² См. Демский 1930, 298–301.

Анонимный очерк «Индия. История» в первом издании МСЭ начинается практически так же, как и очерк об индийском искусстве А.С. Стрелкова:

А.С. Стрелков. «Индийское искусство» (С. 429)	Аноним. «Индия. История» (С. 434–435)
«В истории И. и. различают 3 периода: древнейший, буддийский и индуистский. Раскопки в Пенджабе (с.-з. Индия) указывают на уходящую в 4-е тысячелетие до хр. эры культуру, связанную с Южной Месопотамией».	«В Пенджабе недавними раскопками обнаружена культура, восходящая к 4 тысячелетию до хр. э., имевшая связь с культурой Месопотамии, неизвестно какому народу принадлежавшая».

В 1936 г. вышел четвертый том второго издания Малой советской энциклопедии, в который была включена обстоятельная статья по истории Индии Игоря Михайловича Рейснера – дипломата, хорошо знавшего на личном опыте реалии Европы и Среднего Востока, преподавателя ряда учебных заведений, а с 1935 г. – профессора МГУ¹³. И.М. Рейснер – автор монографии об истории Индии, в которой прослеживалась динамика общественного развития от распада Империи Великих моголов до Новейшего времени¹⁴, по этой причине предложение написать очерк об истории Индии, адресованное именно ему, выглядит вполне естественным.

Периоду древности, однако, в статье Рейснера посвящено всего два абзаца, в которые уместилось описание ведийского и магадхского периодов в истории Индии. Для установления авторства очерка небесполезным представляется сравнение очерков из первого и второго издания МСЭ, автор которого известен – И.М. Рейснер:

Анонимный автор. МСЭ. Первое издание. 1929 г.	И.М. Рейснер. МСЭ. Второе издание. 1936 г.
С. 434: «Первоначальное население И. составляли <i>дравиды</i> (см.) и <i>колары</i> , или <i>мунда</i> (см.)».	С. 716: «Наиболее древним пластом нас. И. по-видимому являются <i>колары</i> (мунда), следующий слой составляют <i>дравиды</i> ».
С. 435: «В конце 3 тысячелетия до хр. эры И. становится ареной нашествия <i>арийцев</i> (см.). Арийцы <i>занимают Пенджаб</i> (см.), Пятиречье на С.-З. Индостана и постепенно расширяют свое господство».	С. 716: «За 2000 лет до хр. э. в И. переселились народности восточной ветви т. н. индо-европейской группы народов (в бурж. истории И. именуемые <i>арийцами</i> в тесном смысле), <i>занявшие Пенджаб</i> , за 12 веков до хр. э. распространившие свое господство и на бассейн Ганга и к 6 веку до хр. э. завершившие покорение И».
С. 435: «Основой земледельческого производства и всего общественного строя И. становятся самодовлеющие деревенские общины, построенные на разделении труда между земледельцами и ремесленниками внутри общин. Над общиной стоят военная знать и жречество».	С. 716: «Завоеватели, высший слой которых составил феодальную и жреческую верхушку, в значительной степени слились с более древним населением».

¹³ Рейснер 1936, 716–728.

¹⁴ Рейснер 1932.

С. 435: «Господствующие классы живут на продуктовую ренту, оброк , доставляемый общинами и достигающий половины урожая».	С. 716: «Военная знать и жречество взимали с земледельч. общин оброк ».
С. 435: «Поход <i>Александра Македонского</i> (см.) (327 до хр. эры) оживляет торговлю И. с 3. и способствует созданию в самой И. централизованного государства , росту городов и торговли».	С. 717: «Поход <i>Александра Македонского</i> в Сев. И. (327–326 до хр. э.) проложил торг. пути в И. с запада, по к-рым в Сев. И. просочился <i>эллинизм</i> . Рост торг. городов способствовал образованию централизованного гос-ва Мауриев (320—230 до хр. э.).».
С. 435: «Основанная Чандрагуптой империя Мауриев (320–230 до хр. э.) ведет активную внешнюю политику и провозглашает при царе Ашоке (264–228) гос. религией буддизм (см.), не считающийся с кастовыми делениями и отражающий интересы торговли».	С. 717: «При царе Ашоке (204–228) буддизм стал гос. религией ».
С. 435: «Нашествия кочевников — парфян и саков — привели к новому дроблению И., часть к-рой остается до 4 в. хр. э. под властью сакских племен».	С. 717: «В результате нашествий скифов, гуннов и др. торг. пути И. пришли в упадок, и И. раздробилась ».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в списке литературы к очерку «Индия. История» присутствует следующая запись: «Снесарев А.Е., Индия (страна и народ). Москва, 1926». Само по себе совпадение названий очерков в первом и втором издании МСЭ не является основанием для того, чтобы отождествить и авторов этих текстов. Очевидны все же значительные текстологические совпадения: текст фрагмента очерка из второго издания МСЭ, посвященный древнему периоду в истории Индии, несмотря на очевидную доработку, близок к тексту очерка из первого издания. Принципиальным изменением является появление в тексте очерка 1936 г. ссылки на «феодальную» верхушку индийского общества. С одной стороны, эта ссылка является отражением победы сторонников феодальной составляющей древнего периода истории Востока над сторонниками Азиатского способа производства, одержанной в самом начале 1930-х гг.¹⁵ С другой стороны, к 1936 г. в основном усилиями В.В. Струве в советском востоковедении уже сформировалось представление о рабовладельческой основе древних обществ, хотя в полной мере на Индию и Китай это представление к 1936 г. еще не распространилось. Тем не менее, автор раздела «История» статьи «Индия» МСЭ первого издания никак не обозначил место Индии в дискуссии об Азиатском способе производства, что бы под ним ни понималось. И.М. Рейснер в 1936 г. дал соответствующую ссылку в точном соответствии с руководящими указаниями на начало 1930-х гг. До выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)» в сентябре 1938 г., окончательно расставившего все точки над *i* в понимании всемирно-исторического процесса, еще оставалось два года...

Текстовые сближения, а также тот факт, что фрагмент, посвященный истории Индии доисламского периода, представляет собой лишь половину статьи «Ин-

¹⁵ Новиков и др. 1931, 210–218.

дия. История» Малой советской энциклопедии первого издания, говорят о том, что над очерком «Индия. История» первого издания МСЭ работал, скорее всего, И.М. Рейснер – автор очерка «Индия. История» из второго издания МСЭ. В пользу этого предположения говорит и то, что неизвестный автор приводит и ссылку на работу А.Е. Снесарева, который и был наставником Рейснера. Однако такое предположение заставляет предполагать, что Рейснер прямо заимствовал материал, подготовленный А.С. Стрелковым, и с легкостью оперировал данными по истории Индии древнего периода.

В пользу того, что И.М. Рейснер принимал участие в написании обоих очерков, говорят следующие текстовые соответствия, полные или частичные:

<i>Анонимный автор. МСЭ. Первое издание. 1929 г.</i>	<i>И.М. Рейснер. МСЭ. Второе издание. 1936 г.</i>
«С 7 века начинаются набеги на И. арабов» (С. 435)	«С 7 века начинаются набеги на И. арабов» (С. 717)
«Тюркско-иранское нашествие 11 века приводит к разделу земли между завоевателями, образующими постепенно слой мусульманской феодальной знати» (С. 435)	«Тюркско-иранское нашествие Махмуда Газни (1001) положило начало исламизации Сев.И., образовав в ней слой мусульманской феодальной знати» (С. 717)
«Первое серьезное движение возникает в 1906 в Бенгалии, принимая форму бойкота англ. товаров» (С. 436).	«Формы движения: бойкот английских товаров» (С. 722).
«Новый толчок национально-освободительное движение в И. получило в связи с назначением англ. пр-вом т.н. Комиссии Саймона» (С. 439)	«Пролетариат бойкотирует назначенные империализмом комиссии Саймона и Уитли» (С. 718).

Таким образом, статья «Индия. История» И.М. Рейснера, опубликованная в Малой советской энциклопедии в 1936 г., выдает текстовые совпадения с аналогичной анонимной статьей первого издания МСЭ, при этом очевидно, что второй вариант статьи значительно расширен, но именно на основе первого варианта. И.М. Рейснер, автор статьи «Индия. История» МСЭ второго издания, определенно, имел прямое отношение к написанию статьи об истории Индии, изданной и в первом издании МСЭ. Остается установить, работал ли он над этой статьей в одиночку, или у него был(и) соавтор(ы).

Можно предположить и иной вариант: автором очерка по истории Индии в МСЭ первого издания выступил А.С. Стрелков, «рука» которого с легкостью угадывается во вступительном абзаце, а И.М. Рейснер, не специализировавшийся на истории Южной Азии древнего периода, заимствовал из этого очерка основные положения в собственную статью во втором издании МСЭ (раздел о древнем периоде в ней составлял всего два абзаца). Рейснер, не был специалистом по истории древней Индии и так или иначе нуждался в сторонней помощи, чтобы написать этот, пусть и небольшой, фрагмент текста очерка. В таком случае, однако, нужно предположить, что и описание истории Индии Нового и Новейшего времени в статье «Индия» Малой советской энциклопедии первого издания также составлено Стрелковым, научные интересы которого не выходили за пределы древнего периода. Этот вариант представляется столь же маловероятным, как и первый,

так как предполагает знакомство А.С. Стрелкова с материалом, весьма далеким от его научных интересов.

Скорее всего, очерк «История» для статьи «Индия» был написан совместно А.С. Стрелковым и И.М. Рейснером. Как следует из выходных данных, редакционная работа над томом III Малой советской энциклопедии была завершена 1 июня 1929 г. Впервые А.С. Стрелков был арестован 24 мая 1930 г.¹⁶, т.е. гипотетическое соавторство с ним в 1929 г. ничем не угрожало. Начальная его часть, касающаяся периода древности, должна была быть написана Стрелковым, вторая часть – период Новой и Новейшей истории – Рейснером. Материал по истории древности, начинающий статью И.М. Рейснера «Индия. История», совсем незначительный оп объему, был, вероятно, заимствован Рейснером из статьи первого издания с соответствующей коррекцией: если в статье 1929 г. способ производства, господствовавший в древней Индии, не упоминался (говорится об общинном строе и выплате оброка «господствующим классам»), то в статье 1936 г. он уже был четко указан (феодализм).

На то, что в автор статьи об истории Индии сменился указывает и разница в объеме материала по древнему периоду. В разделе по истории Индии, написанной для МСЭ первого издания (1929 г.), материал по древнему периоду занимает половину всего объема, в статье, написанной И.М. Рейснером для МСЭ второго издания (1936 г.), – всего два абзаца. Древняя история была исключительно важной сферой для обоснования единства всемирно-исторического процесса на классовых началах, и такое уменьшение объема на счет древней истории может объясняться только тем, что И.М. Рейснер не решился углубляться в малознакомую ему материю.

Вероятно, над А.С. Стрелковым уже нависли тучи грядущего второго ареста, хотя повод для опасений за свободу и жизнь появился только в 1937 г.¹⁷ Показательно, что и для написания статьи «Индийское искусство» во втором издании Малой советской энциклопедии был приглашен иной автор, инкогнито которого скрыто за аббревиатурой «В»¹⁸. Судя по списку сокращений, который открывает сам издание, за данной аббревиатурой скрывается термин «Восток». Преемственность между этими статьями видна уже из того, что даже иллюстрации из статьи первого издания МСЭ 1929 г. воспроизведены во втором издании (правда, в лучшем качестве). В, кто бы ни скрывался за этим псевдонимом, активно использовал статью А.С. Стрелкова для своей работы. На это указывают текстологические совпадения:

<i>Стрелков А.С.</i> Индийское искусство (МСЭ. 1-е изд. 1929)	<i>В.</i> Индийское искусство (МСЭ. 2-е изд. 1936)
«Для начала буддийского периода характерна связь архитектурных памятников с деревянным зодчеством» (С. 429).	«Приемы строительства, орнамента и др. носят следы традиции деревянного зодчества» (С. 708).
«С упадком буддизма в Индии (к 1000 хр. э. и победой индуизма (см.) начинается новый (3-й) период в истории И.и.» (С. 430).	«С упадком буддизма (ок. 8–10 вв.) и победой необрахманизма (индуизма) [...] начался новый период в истории И.и.» (С.).

¹⁶ Васильков, Сорокина 2003, 361.

¹⁷ Васильков, Сорокина 2003, 362.

¹⁸ В 1936, 707–710.

«В архитектуре с этого времени мы имеем два типа храмов: северный – шикхара, представляющий в центральной части сооружение башенного типа, б.ч. с четырехугольным корпусом, редко поднимающимся кверху [...]» (С. 430)	«В архитектуре [...] стали воздвигать храмовые здания, представляющие (в Сев. Индии) в центральной части сооружение башенного типа, б.ч. с четырехугольным корпусом, редко поднимающимся кверху (т.н. шикхара) [...]» (С. 709).
---	--

Очевидно, что между статьями об индийском искусстве в обоих изданиях МСЭ существует прямая связь. Однако или текст А.С. Стрелкова была спрятан за псевдонимом «В», либо этот «В» дополнил первый вариант статьи и представил его в качестве собственной работы.

Так же очевидна и преемственность между статьями «Индия. История» обоих изданий МСЭ. Так, к каждому варианту статьи «Индия» приложена карта. Некоторые различия в цветовой гамме не мешают определить, что в основе своей это одна и та же карта. Разве что в первом издании МСЭ она называется «Индия и Индо-Китай», а во втором – «Индия и Индокитай», т.е. Индокитай написан без дефиса. Содержательных различий больше, чем визуальных. Карта статьи 1929 г. воспроизводит зоны с преобладающим типом хозяйства и растительности. В 1936 г. карта воспроизводит рельеф местности и зоны с различными видами земледелия.

На обоих картах прочерчены одним и тем же оттенком одни и те же пути сообщений по морю. На карту во втором издании МСЭ на карте обозначены регионы выращивания основных сельскохозяйственных культур: риса, хлопка, шелка, сезама, джута и пр. Пустые листы, перед и после карты в издании 1929 г. в издании 1936 г. заняты картами, дающими представление об административном делении Британской Индии и плотности населения Индии и Индокитая.

В остальном – вплоть до шрифта, которым сделаны легенды, – это одна и та же карта.

Обстоятельством, выделяющим необычность выбора автора для написания первого советского очерка по истории древней Индии, было то, что его предполагаемый автор не участвовал в основной научно-идеологической дискуссии второй половины 1920-х гг. по востоковедению, а именно – в обсуждении сути и практической применимости концепции Азиатского способа производства. Это тем более удивительно, что Индии в построении (пусть не завершённом) данной концепции К. Марксом и Ф. Энгельсом внимания уделялось, как минимум, не меньше, чем другим регионам на Востоке, а сама дискуссия в СССР 1920-х гг. развивалась практически исключительно на материале современного Китая.

Два предложения выдают суть подхода Рейснера к трактовке древней истории Южной Азии: «За 2000 лет до хр. э. в И. переселились народности восточной ветви т. н. индо-европейской группы народов (в бурж. истории И. именуемые *арийцами* в тесном смысле), занявшие *Пенджаб*, за 12 веков до хр. э. распространившие свое господство и на бассейн Ганга и к 6 веку до хр. э. завершившие покорение И. Весь этот период наз. Ведийским периодом, поскольку он нашел отражение в Ведах. Завоеватели, высший слой которых составил феодальную и жреческую верхушку, в значительной степени слились с более древним населением»¹⁹.

Датировка вторжения индоариев в долину Инда и завоевания Пенджаба выдает зависимость от точки зрения предшественников, прежде всего, С.К. Булича.

¹⁹ Рейснер 1936, 716.

Рейснер также говорит о завоевании, очевидно, мундов и дравидов, составивши два древнейших этнических слоя населения Индии. Однако указание на то, что верхушку ведийского общества составляли феодалы свидетельствует о том, что точка зрения Рейснера не соответствовала «требованиям момента» и восходила к тем периодам изучения истории Востока, когда древневосточное общество в целом считалось феодальным. Впрочем, и подобные «еретические» утверждения, уравнивавшие понятия «древность» и «феодализм», встречались и позднее²⁰.

Такой подход не мог удовлетворить советскую марксистскую науку. Неудивительно, что готовить статью о древней истории Индии для Большой советской энциклопедии было поручено другому автору – Н.А. Куну.

Следует отметить, что точка зрения Рейснера на общественную эволюцию в Индии к концу 1930-х гг. претерпела определенные изменения. Так, обсуждая учебник по истории Востока в Средние века и изложение истории средневекового Востока во «Всемирной истории» Рейснер уже признавал, что в Индии рабовладельческий строй сменился феодальным. Соответствующий фрагмент в стенограмме заседания неполон, однако воззрения Рейснера представлены вполне четко: «Так вот, по Индии, смена или начало смены рабовладельческого строя феодальным...»²¹.

К концу 1930-х гг. советский взгляд на историю древней Индии приобрел свои основные черты, неизменные вплоть до появления нового – послевоенного – поколения советских индологов.

ЛИТЕРАТУРА

- [Б.и.]. 1929: Индия. История. В кн.: МСЭ. Т. 3. Дрофы–Ковалик. М., 434–439.
- Булич, С.К. 1894: Индия (история). В кн.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (изд.), *Энциклопедический словарь*. Т. XIII. *Имидозфиры–Историческая школа*. СПб., 130–158.
- В. 1936: Индийское искусство. В кн.: МСЭ. 2-е изд. Т. 4. *Днепровская низменность – Ислам*. М., 707–710.
- Демский, Л. 1930: Рец.: Ретбоун Г. (H. Rathbon). Индия (India). Предисловие Е. Варга; вступительная статья Л. Мадьяр; перевод Л. Сегаль. Издательство Коммунистической академии. Колониальная серия под ред. Н. Бухарина, Е. Варга, Е. Пашуканиса и Ф. Ротштейна. Москва, 1929. 152 с. Цена 1 руб. 40 коп. *Плановое хозяйство* 4, 298–301.
- Казин, В.Н., Кречетова, М.Н. 1939: *Культура и искусство феодального Китая. Путеводитель по выставке*. Л.
- Крымский, А.Е. 1914: Индия (древнейшая история). В кн.: В.Я. Железнов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев (ред.), *Энциклопедический словарь Товарищества «Братья А. и И. Гранат и К°»*. Седьмое, совершенно переработанное издание. Т. 21. *Звук–Индия*. М., 632–640.
- Кун, Н.А. 1937: Индия. IV. Исторический очерк. Ведийский период и образование классового общества. В кн.: БСЭ. Т. 28, 234–246.
- Новиков, А., Кокин, М., Смирнов, Д. 1931: Против реакционного востоковедения. *Проблемы марксизма* 8/9, 210–218.
- Рейснер, И.М. 1936: Индия. История. В кн.: МСЭ. 2-е изд. Т. 4. *Днепровская низменность – Ислам*. М., 716–728.
- Рейснер, И.М. 1932: *Очерки классовой борьбы в Индии*. М.

²⁰ Казин, Кречетова 1939.

²¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 20. Л. 35 об.

- Рейснер, И.М. 1954: *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*. М.
- Стрелков, А.С. 1929: Индийское искусство. В кн.: *МСЭ*. Т. 3. *Дрофы–Ковалик*. М., 429–431.
- Васильков, Я.В., Сорокина, М.Ю. (ред.) 2003: *Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. СПб., 361.
- Шмидт, Э. 1909: Индия. IV. История Индии. В кн.: Г. Гельмольт (ред.), *История человечества. Всемирная история*. Т. II. М. Брандт, К. Вейле, Э. Шмидт, Г. Шурц (сост.), В.В. Радлов (ред.), *Восточная Азия и Океания. Индийский Океан*. СПб., 350–485.

REFERENCES

- [No name] 1929: Indiya. Istoriya [India. History]. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. *Drofy–Kovalik* [Bustards–Kovalik]. Moscow, 434–439.
- Bulich, S.K. 1894: Indiya (istoriya) [India. History]. In: F.A. Brokgauz, I.A. Efron (eds.), *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XIII. *Imidoefiry–Istoricheskaya shkola* [Imidoesters–Historical school]. Saint Petersburg, 130–158.
- Demskiy, L. 1930: Rec.: Retboun G. (H. Rathbon) Indiya (India). Predislovie E. Varga; vstupil'tel'naya stat'ya L. Mad'yar; perevod L. Segal'. Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii. Kolonial'naya seriya pod red. N. Bukharina, E. Varga, E. Pashukanisa i F. Rotshteina. Moskva, 1929. 152 s. Cena 1 rub. 40 kop. [Review: H. Rathbon. India. Preface by E. Varga; introductory article by L. Madyar; translation by L. Segal. Publishing house of the Communist Academy. Colonial Series, ed. N. Bukharin, E. Varga, E. Pashukanis and F. Rothstein. Moscow, 1929. 152 pp. Price 1 rub. 40 kopecks]. *Planovoe hozyajstvo* [Planned Economy] 4, 298–301.
- Kazin, V.N., Krechetova, M.N. 1939: *Kul'tura i iskusstvo feodal'nogo Kitaya. Putevoditel' po vystavke* [Culture and Art of Feudal China. Exhibition Guide]. Leningrad.
- Krymskiy, A.E. 1914: Indiya (drevneyshaya istoriya) [India. The Most Ancient History]. In: V.Ya. Zheleznov, M.M. Kovalevskiy, S.A. Muromtsev, K.A. Timiryazev (eds.), *Entsiklopedicheskiy slovar' Tovarishchestva "Brat'ya A. i I. Granat i Ko"*. Sed'moe, sovershenno pererabotannoe izdanie [Encyclopedic Dictionary by the Partnership "Brothers A. and I. Granat and Co.". Seventh, completely revised edition]. Vol. 21. *Zvuk–Indiya* [Sound–India]. Moscow, 632–640.
- Kun, N.A. 1937: Indiya. IV. Istoricheskiy ocherk. Vediyskiy period i obrazovanie klassovogo obshchestva [India. IV. Historical Essay. Vedic Period and the Formation of Class Society]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Big Soviet Encyclopedia]. Vol. 28, 234–246.
- Novikov, A., Kokin, M., Smirnov, D. 1931: Protiv reaktsionnogo vostokovedeniya [Against reactionary Oriental studies]. *Problemy marksizma* [The Problems of Marxism] 8/9, 210–218.
- Reisner, I.M. 1932: *Ocherki klassovoy bor'by v Indii* [Essays on Class Struggle in India]. Moscow.
- Reisner, I.M. 1936: Indiya. Istoriya [India. History]. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya*. Vtoroe izdanie [Small Soviet Encyclopedia. 2nd ed]. Vol. 4. *Dneprovskaya nizmennost'–Islam* [Dnieper Lowland–Islam]. Moscow, 716–728.
- Reisner, I.M. 1954: *Razvitie feodalizma i obrazovanie gosudarstva u afgantsev* [The Development of Feudalism and the Formation of the State among the Afghans.]. Moscow.
- Shmidt, E. 1909: Indiya. IV. Istoriya Indii [India. IV. History of India]. In: G. Gel'molt (ed.), *Istoriya chelovechestva. Vsemirnaya istoriya* [A Survey of Man's Record. The World's History]. Vol. II. M. Brandt, K. Veyle, E. Shmidt, G. Shurz (compilers), V.V. Radlov (ed.), *Vostochnaya Aziya i Okeaniya. Indijskiy Okean* [Eastern Asia and Oceania. Indian Ocean]. Saint Petersburg, 350–485.
- Strelkov, A.S. 1929: Indiyское искусство [Indian Art]. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. *Drofy–Kovalik* [Bustards–Kovalik]. Moscow, 429–431.

- V. 1936: Indiyskoe iskusstvo [Indian Art]. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya*. Vtoroe izdanie [Small Soviet Encyclopedia. 2nd ed]. Vol. 4. *Dneprovskaya nizmennost'–Islam* [Dnieper Lowland–Islam]. Moscow, 707–710.
- Vasilkov, Ya.V., Sorokina, M.Yu. (eds.) 2003: *Lyudi i sud'by. Bibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and Fates. Bibliographic Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. Saint Petersburg, 361.

THE FIRST SOVIET STUDY ON THE HISTORY OF INDIA (TO THE DEFINITION OF AUTHORSHIP)

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: michabucha@gmail.com

Acknowledgement: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00052

After 1917, Soviet science suffered radical transformations. In fact, new scientific directions were created. In particular, these processes were most noticeable in historical sciences: traditional ideologically neutral approaches were rejected, they were replaced by a new Marxist view of historical processes. In Oriental studies, there was an active rejection of the traditions of pre-revolutionary science. To approve new approaches, however, the most proven formats for presenting new knowledge – the encyclopedia – were used. Almost all new encyclopedic publications issued in the USSR at the same time were focused on the presentation of new integral knowledge: the development of science had not yet reached the stage when it became possible to write large books on relatively private issues, on the other hand, the new government needed uniform scientific conclusions immediately. Creating new views on the history of certain large regions was one of the urgent tasks of the new science. In particular, it was necessary to create new history of India – an important element of the concept of the “Asian mode of production”, the beginning of which was laid down by K. Marx and F. Engels.

The first essay on the history of India from antiquity to the modern times, written from the standpoint of Soviet Marxism, was published in 1929 in the *Small Soviet Encyclopedia* of the first edition. The essay was published without giving an authorship. Comparison of the text of the essay with the essays “Indian Art”, published in the same volume of the encyclopedia (author – art archaeologist A.S. Strelkov), as well as with the essay “India. History” by I.M. Reisner, published in the *Small Soviet Encyclopedia* of the second edition in 1936, suggests that the first essay on the history of India could be the joint work of A.S. Strelkov and I.M. Reisner.

The essay “Indian Art”, published in the *Small Soviet Encyclopedia* of the second edition in 1936, is signed by the pseudonym “B”. Texts of essays “Indian Art” from both editions of the *Small Soviet Encyclopedia* show undoubted similarity. The disappearance of Strelkov's name from under the text of the essay may be explained by the fact that Strelkov's arrest, which took place in 1938, was already being prepared and his mention as an author in the second edition of the *Small Soviet Encyclopedia* was undesirable already in 1936.

Keywords: Indian studies, ancient India, British India, history of science, Soviet science, encyclopedia, I.M. Reisner, A.S. Strelkov

Материалы Круглого стола

«Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»
(Магнитогорск, 14–15 ноября 2023 г.)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 202–210
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 202–210
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-202–210

СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ КОНТАКТЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИУРАЛЬЕ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

И.Р. Атнагулов

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7453-0720

ВВЕДЕНИЕ

Этнические процессы, происходившие в восточной части Оренбургской губернии второй трети XVIII – конца XIX в., связаны с тесными контактами и взаимодействиями между славянами и тюрками. Результаты этих контактов повлияли на динамику этнической карты региона, которая отразилась в увеличении славянского компонента и возникновении новых этнических (этносословных, этноконфессиональных, этнолокальных) идентичностей как славянских, так и тюркских по языку¹. Появление данных феноменов явилось результатом славяно-тюркских контактов – политических, экономических и культурных. В исследуемом регионе не наблюдались случаи физической ассимиляции одних другими. Препятствием тому были всевозможные причины – различия в языке, религии или сословные барьеры. Отсутствие последних между казаками различного этнического происхождения (русские, татары, нагайбаки, тептяри, мешчеряки, башкиры и калмыки)

Данные об авторе. Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории ИИиА УрО РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по теме, включенной в государственное задание ИИиА УрО РАН на 2023 г. «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (код-шифр темы 0402-2019-0001).

¹ Атнагулов 2018, 41–47.

также не приводило к их смешению. Подтверждением тому являются материалы переписей населения 1897 и 1926 гг., где все эти группы были зафиксированы как отдельные народы. Результаты славяно-тюркских контактов просматриваются в изменениях комплексов хозяйственно-экономического уклада, материализованной и духовной культуры. Полученные нами в течение ряда полевых сезонов на юге Челябинской области результаты по изучению всех перечисленных параметров этнической культуры у населения степной зоны Юго-Восточного Приуралья свидетельствуют о сложении оригинальных локальных комплексов, сочетающих пришлые оседлоземледельческие и местные кочевническо-скотоводческие компоненты. В процессе исследования также привлекались документы из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Российского государственного исторического архива (РГИА): 1) «Рапорт коменданта крепости Магнитной майора Арбузова господину генералу от кавалерии, 23-й дивизии дивизионному начальнику и кавалеру князю Волконскому. 27 мая 1808 г.»²; 2) «Число земель, отведенных жителям 2-го Отдела Оренбургского казачьего войска (сентябрь-октябрь 1870 г.)»³; 3) «Доклад Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору о переходе киргиз к оседлости. 3 июля 1862 г.»⁴.

Методологической основой исследования является конструктивистский подход, наиболее продуктивный при изучении этничности в ее динамике. Данный метод позволяет рассмотреть механику изменчивости этничности, ее пластичности, а также генезиса новых идентичностей. В статье предлагается рассмотреть этнические процессы и их результаты в Юго-Восточном Приуралье с начала второй трети XVIII до конца XIX в. на примере формирования хозяйственно-культурных типов у народов славянской и тюркской групп.

1. ГЕОГРАФИЯ КОЛОНИЗАЦИИ

Современная этническая карта Юго-Восточного Приуралья начала формироваться с 1730-х гг. до 1840-х гг., когда происходила славянская колонизация региона. Русские казаки сначала селились в основном вдоль укрепленных линий по рекам Яик (Урал) и Уй, которые своими руслами образовывали примерно прямой угол, внутри которого находилась степь, заселенная казаками. Если с башкирами у русских к тому времени уже имелся двухсотлетний опыт контактов, то с казаками у многих из них знакомство происходило впервые. Начиная с 1840-х гг. оренбургские казаки начинают осваивать степь. В треугольнике, образованном реками Урал, Уй и Новой линией, проведенной между ними, на землях казахских кочевий было основано 32 казахских поселка. Кроме военных задач, казаки занимались хозяйственным освоением новой территории.

С 1843 г. и до конца XIX в. на исследуемой территории сформировалась сетка русских, нагайбакских, татарских казахских поселков и аулов с оседлым казахским населением. Русские и казахи жили повсеместно, нагайбакские поселки в количестве шести располагались компактно, в основном в бассейне р. Гумбейки, татарскими были расположенные вблизи поселки Варна и Редутово. Все населенные пункты были в основном моноэтническими, если не считать, что в нагайбакских и русских поселках небольшими группами проживали казаки-калмыки. Нагайбакские поселки находились в подчинении разных русских станиц. Несмотря на моноэтнический состав населенных пунктов, контакты между нагайбаками, татарами, русскими и казаками были неизбежны и, вероятно, носили регулярный характер. На это указывают сформировавшиеся у этих народов хозяйственно-экономические комплексы.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2442/4. Л. 1.

³ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

⁴ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65.

2. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РУССКИХ

Рассмотрим механизм генезиса хозяйственных комплексов народов Юго-Восточного Приуралья как один из параметров формирующихся новых идентичностей новолинейных казаков русских, татар и нагайбаков, а также прилинейных казахов. Одной из задач Оренбургского войскового начальства было обеспечение казаков хлебом. Везти его из внутренних земледельческих уездов было дорого и опасно. Во второй половине XVIII в. обозы с провиантом часто подвергались нападениям со стороны бунтующих башкир, а с продвижением границы в глубь степи в 1840-х гг. удаленность от земледельческих уездов стала еще больше. Поэтому развитие земледелия среди новолинейных казаков являлось одной из важнейших стратегических задач. С середины XIX в. началось постепенное земледельческое освоение целинных земель – летних пастбищ казахов Среднего и Младшего Жузов.

Хозяйственно-культурный тип русских относился к пашенному земледелию в сочетании с пастбищно-стойловым скотоводством оседлого населения внутренней Евразии. Хлебопашество у русских, как и у прочих оседлых народов Евразии, являлось главным обеспечивающим видом деятельности. Поэтому и в южноуральской степи земледелие и скотоводство составляли единственные отрасли сельского хозяйства Оренбургских казаков. Главной зерновой культурой была пшеница, которая также шла на продажу. Русские казаки занимались огородничеством, но исключительно для собственных нужд. Выращивали картофель, капусту, горох, огурцы, морковь, бахчевые и прочие культуры. В 1890 г. по трем казачьим отделам было собрано пшеницы яровой – 930325, овса – 440278, картофеля – 140146 пудов. В отличие от русского населения Западного Приуралья и Прикамья посевы ржи у казаков Юго-Восточного Зауралья были ничтожно малы. В 1890 г. ее было собрано всего 34498 пудов⁵. Связано это было, безусловно, с местными природными условиями. По той же причине сформировался состав стада, где преобладали лошади и мелкий рогатый скот. Новолинейный район почти полностью входил в состав II казачьего отдела. В 1890 г. здесь было зафиксировано всего 92979 голов лошадей, из них рабочих – только 54782. Крупного рогатого скота – 161110 голов и мелкого рогатого скота – 173144 голов, свиней – 2010 голов. У казаков II отдела показатели по количеству всех видов скота на душу населения превосходили I и III отделы, особенно по мелкому рогатому скоту. У казаков степной зоны, таким образом, произошла трансформация хозяйственного комплекса в сторону замещения ржи пшеницей, увеличения стада со значительной долей лошадей и мелкого рогатого скота. Адаптация в новых для казаков степных, аридных условиях Юго-Восточного Приуралья явилась причиной этих изменений.

3. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НАГАЙБАКОВ И ТАТАР

Вместе с русскими сюда переселялись и другие казаки-земледельцы – татары и нагайбаки. Последние, возникшие в 1736 г. как сословная группа крещеных татар Уфимской провинции, затем – Белебеевского уезда, обрели своеобразные этнические черты уже после переселения в степную часть Верхнеуральского уезда. Здесь крещеные татары-казаки, именуемые русской администрацией «казаками-нагайбаками», или «нагайбацкими казаками», оказались в окружении, с одной стороны, славян (русских казаков), с другой – тюрок (казахов). Обе группы, как известно, имели принципиальные отличия по языковым, культурно-религиозным, социальным и хозяйственно-экономическим параметрам. Нагайбаки, будучи тюркоязычными, оседлыми земледельцами с развитым животноводством, казаками и православными христианами⁶ имели общие черты как с теми, так и с другими.

⁵ Стариков 1891, 161.

⁶ Духовное состояние нагайбаков наблюдателями XVIII–XIX вв. отмечалось в ряде случаев как синкретическое, со множеством пережитков мусульманских и позднеродовых представлений.

Развитие хозяйственной системы казаков нагайбаков и татар хорошо иллюстрирует динамику хозяйственно-культурных типов Юго-Восточного Приуралья, поскольку они по ряду параметров занимали промежуточное положение между славянами и тюрками. Хозяйственно-культурный тип нагайбаков и татар относился к пашенным земледельцам степной и лесостепной полосы и входил в комплекс хозяйственно-культурных типов Евразии, основанных на производстве зерновых при обязательном сочетании с разведением мелкого и крупного рогатого скота. Животноводство имело как мясное, так и молочное направление, занимая по удельному весу порой не меньшую долю, чем пашенное земледелие. Основы хозяйственной культуры казаков нагайбаков и татар до 1843 г. складывались у их предков – татар Среднего Поволжья и Юго-Восточного Прикамья. В Юго-Восточное Приуралье нагайбаки и татары прибыли уже опытными земледельцами⁷. Несмотря на менее приспособленный для земледелия, по сравнению с Юго-Восточным Прикамьем, климат их хозяйство здесь продолжало сохранять земледельческую специализацию, но с местными особенностями. Новые природно-климатические и социальные условия повлияли на увеличение скотоводческого сегмента. Однако, в отличие от казахов, оно было пастбищно-стойловым, а в отличие от русского варианта пастбищно-стойлового скотоводства, у нагайбаков была больше численность поголовья с заметно большей долей мелкого рогатого скота. Таким образом, хозяйство нагайбаков после переселения в Юго-Восточное Приуралье представляло оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем – оседлоземледельческой с развитым пашенным земледелием и степной скотоводческой с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь некоторыми элементами кочевого скотоводства⁸. Подобные перемены в жизни этноса – изменения экологических условий, модернизация хозяйственной системы – нередко приводят к смене идентичностей⁹.

В степном Приуралье земледельческие навыки нагайбаков и татар получили дальнейшее развитие. Здесь, в отличие от Среднего Поволжья и Прикамья, было много свободных степных черноземов. Например, в 1860–1870-х гг. у крестьян Среднего Поволжья на одну душу мужского пола приходилось от 4,8 до 2,4 десятин удобной земли, в то время как у казаков Верхнеуральского уезда пахотной земли на одну душу мужского пола было от 15,6 до 35,3 десятин¹⁰. При заселении Новолинейного района в 1843 г. на каждую казачью душу мужского пола полагалось 30 десятин земли¹¹. Казаки Оренбургского войска под посевы использовали только 9,4% всей площади принадлежащей им земли, что при трехпольной системе не допускало истощения почв¹², а у нагайбаков п. Остроленки в 1870 г. под сельскохозяйственные угодья было задействовано только 3,5% надельной земли¹³. Адаптировавшись в середине XIX в. в новых природно-климатических условиях, нагайбаки и татары в земледельческом хозяйстве выработали ряд инноваций. По хозяйственно-культурной типологии они, так же, как и русские Приуралья, относились к пашенным земледельцам степной и лесостепной полосы. В хозяйстве нагайбаков и татар, как и у других земледельческих народов региона, господствовали злаковые. В отличие от их предков – татар Прикамья, они сеяли не рожь, а пшеницу, а урожайность зерновых была выше, чем в Прикамье, поэтому к концу XIX в. она приобрела товарное значение.

Являясь пашенными земледельцами, нагайбаки и татары, как и большинство тюркских народов, сохраняли приверженность скотоводству, которое в их хозяйстве имело большой удельный вес. Несмотря на частые случаи конокрадства, они старались содержать как можно больше поголовья лошадей и другого скота. Этому способствовало оби-

⁷ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

⁸ Атнагулов 2014, 318–323.

⁹ Холанд 2006, 88–90.

¹⁰ Рассчитано по: ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

¹¹ Бектеева 1902, 169.

¹² Халиков 1995, 20.

¹³ Рассчитано по: ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

лие великолепных пастбищ¹⁴. Животноводство в хозяйстве нагайбаков и татар было вторым по степени значения. Как отмечалось, нагайбакско-татарское животноводство, так же, как и русское, было пастбищно-стойловым. В XIX в. скот у нагайбаков и татар весь день находился на карде, а вечером пригонялся во двор¹⁵. Животноводство нагайбаков и татар до 1843 г. складывалось в татарской среде Юго-Восточного Прикамья, а в условиях степного Приуралья в нем появились определенные особенности. У казаков нагайбаков и татар Верхнеуральского и Троицкого уездов животноводство в системе жизнеобеспечения народа иногда порой играло даже большую роль, чем земледелие.

Домашний скот и птица являлись источником белковой пищи и сырьем для кустарной промышленности и нужд домашнего хозяйства. Обязательным условием формирования боевого комплекта казака было наличие строевой лошади. Состав стада отвечал специфике оседлого хозяйства – заметное место в нем занимал крупный рогатый скот. Нагайбаки и татары, как и прочие тюркские народы, отличались особой приверженностью к овцеводству. На увеличение доли животноводства в хозяйстве нагайбаков и татар влияли также контакты с казаками. Породы домашнего скота у нагайбаков и татар были те же, что у соседних народов. Лошади были башкирской, киргизской или калмыцкой породы¹⁶. Их редко использовали в работе, держали почти все время в конюшне, кормили отборным овсом, смешанным с ржаной мукой, чистили ежедневно, купали не реже двух раз в неделю. Каждое лето проводились лагерные сборы, на которых устраивались скачки с джигитовкой. Крупный рогатый скот в Верхнеуральском уезде был, в основном, калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Поскольку его держали не крестьяне, а казаки, то породу называли еще «линейной», так как владельцы подобного скота расселялись по сторожевой линии. Овцеводство базировалось на разведении двух основных пород мелкого рогатого скота – русской и башкирской. Первая отличалась небольшим живым весом – 1–1,8 пудов и выходом шерсти не более 1–1,5 кг в год. Вторая относилась к курдючным породам, которых отличает наличие курдюка – жирового отложения у хвоста весом до 4–10 кг¹⁷. Нагайбаки в мясном рационе отдавали предпочтение баранине, поэтому поголовье овец в их хозяйствах было несколько большим, чем у русских. Малоимущие казаки для получения молока, мяса и шерсти в небольших количествах разводили коз¹⁸. Нагайбаки если и разводили свиней, то немного. Несмотря на принадлежность к христианству, свинина не вошла в их обрядовую кухню.

Животноводство казаков нагайбаков и татар на рубеже XIX–XX вв. являлось развитым пастбищно-стойловым. В зимнее время скот содержался в хлеву, а отелившуюся корову и теленка в холодный период нагайбаки содержали дома. Там же совершали и доение. Элементом, связанным с кочевым скотоводством, являлся обычай отдавать собственный скот на длительный промежуток времени – с весны до осени – в стада живущих по соседству казахов, а молодняк и непродуктивный скот содержать у кочевников по договору круглый год. Особое внимание к лошадям у нагайбаков отмечалось многими наблюдателями в XIX в. В хозяйствах зажиточных казаков скот был породистый и всегда ухоженный. Подобное отношение к животным и к лошадям, в частности, принято связывать с глубокими кочевническо-скотоводческими традициями, характерными как для предков нагайбаков и татар, так и для всего тюркского населения региона¹⁹.

Повсеместной отраслью хозяйства было птицеводство. Почти каждая семья держала кур, гусей, несколько реже – уток и индеек. Выращивали птицу на продажу²⁰. У казаков нагайбаков и татар существовал обычай так называемой гусиной помощи (*каз эмэсе*).

¹⁴ Бектеева 1902, 169.

¹⁵ Бектеева 1902, 167.

¹⁶ Распопов 1884, 82.

¹⁷ Халиков 1995, 126.

¹⁸ Распопов 1884, 83.

¹⁹ Сперанский 1914, 16.

²⁰ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

Суть его в том, что в каждом хозяйстве в ноябре в течение нескольких дней происходил массовый забой птицы для запаса на зиму и продажу. Для помощи в ощипывании тушек в каждый дом приглашались женщины со всего поселка. После работы организовывали совместный ужин.

У нагайбаков в конце XIX в. стало развиваться огородничество, хотя по сравнению с русскими оно имело меньшее значение²¹. Нагайбаки Верхнеуральского уезда начали заниматься овощеводством раньше татар других уездов Оренбургской губернии. Уже в 1870-х гг. они предпочитали овощную продукцию, выращенную на собственных огородах²². Наиболее распространенными культурами были морковь, свекла, капуста, редька, лук, огурцы, репа. Картофель выращивали заметно меньше, чем татары волго-камского бассейна. Из бахчевых была известна тыква. Хозяйственная система нагайбаков и татар после переселения их из Юго-Восточного Прикамья и Западного Приуралья в Юго-Восточное Приуралье претерпела трансформацию. В земледелии, как и у русских, увеличилась доля пшеницы, а доля засеваемой ржи уменьшилась по сравнению с теми показателями, которые были у их предков – татар Прикамья. Были освоены новые агротехнические приемы. В животноводстве трансформации заключались в увеличении доли этой отрасли в целом, а также в составе стада, соответствующем местным условиям. В этом произошло некоторое сближение с казахами и даже регенерация некоторых кочевнических традиций в животноводстве и системе питания.

4. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАЗАХОВ

Казахи данного региона, как и весь этот народ, являлись классическими номадами. Казахское кочевание было меридиональным. В степной зоне Южного и Юго-Восточного Приуралья находились кочевья родов *табын*, *кипшак*, *керей*, *жагалбайлы* и *жаппас*. До русской колонизации постоянных населенных пунктов в этом регионе не было. Казахи в теплое время года кочевали вплоть до левого берега Урала²³, а с середины осени до середины весны степь была почти безлюдной²⁴. По правую сторону реки располагались земли башкир. Обычно и те, и другие предпочитали устраивать места своих зимовок (*кышлау*) подальше от этих рек, совершая время от времени регулярные набеги²⁵.

Хозяйственно-культурный тип кочевого меридионального скотоводства у казахов приуральской степи, начиная с середины XIX в. подвергся трансформированию. По плану авторов проекта строительства Новой линии казахское население должно было отселиться отсюда в глубь степи навсегда. Но после устранения военных конфликтов в этом регионе часть казахов не только не захотели покидать эту территорию, но и основали в Новолинейном районе свои зимовья. Политика насильственного переселения казахов в глубь степи, за пределы Новой линии укреплений не смогла быть выполнена полностью, поскольку некоторые из них сами хотели жить на вновь образованных казачьих землях. В создавшейся ситуации русская администрация не только не препятствовала, но и стала поощрять переход казахов на оседлость и приобщать к земледелию. «Согласно высочайше утвержденному положению комитета господ министров <...> от 10 августа 1861 г. за № 875 разрешено киргизам заводить оседлостью и хлебопашеством»²⁶. В это же время был зафиксирован признак намечающегося социального отличия местных казахов от остальных – ослабление роли родовых связей, а самих здешних казахов называли «прилинейными»²⁷. Впоследствии эта группа казахов вошла в состав Российской Федерации и в настоящее время

²¹ Стариков 1891, 133; ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 8. Л.л. 96–97.

²² Халиков 1995, 115.

²³ Рычков 1762б, 136.

²⁴ Рычков 1762а, 136–139.

²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2442/4. Л. 1; Стариков 1891, 149–150.

²⁶ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 91 об.

²⁷ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 93 об.

обладает российской гражданской идентичностью²⁸. К началу XX в. поблизости от нагайбакских и русских поселков было зафиксировано несколько казахских аулов с оседлым населением – Арсламбаевский (Каракупа), Копал, Кужебай, Арзакул, Бесенбай (Беркут), Илень и Кинжебаевский (Байчунус)²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские, нагайбаки, татары и казахи за весь период их совместного проживания выработали хозяйственные комплексы, максимально приспособленные к условиям степи Юго-Восточного Приуралья. С одной стороны, это комплекс оседлых пашенных земледельцев степей и лесостепей Евразии, с другой – кочевое скотоводство. Для земледельцев характерно присутствие развитого животноводческого пастбищно-стойлового сектора. У русских, нагайбаков и татар состав стада был идентичен – крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Различия усматривались в пропорциональном соотношении: у нагайбаков и татар по сравнению с русскими было больше поголовья овец и лошадей. У казахов состав стада составляли лошади и мелкий рогатый скот. Земледелие, особенно огородничество и садоводство, распространялось медленно. Если хлебопашеством русские и нагайбаки стали заниматься сразу после переселения сюда в 1840-е гг., то выращивание огородных культур стало распространяться только на рубеже XIX–XX вв., а у казахов еще позже.

Экономические контакты русских с казахами происходили при посредничестве нагайбаков. Нагайбаки исповедовали православное христианство и состояли в казачестве. По сравнению с казахами они имели больший опыт общения с русскими. Языкового барьера у нагайбаков-мужчин с русскими казахами не было. Казахский язык нагайбакам был также понятен. По всему комплексу этнокультурных признаков они занимали промежуточное положение между русскими и казахами, одинаково сближаясь с той и другой стороной. Это отразилось и на формировании особого хозяйственно-культурного комплекса нагайбаков, сочетающего восточноевропейские оседлоземледельческие черты и степные скотоводческие. Вместе с тем наблюдались трансформации хозяйственно-культурного комплекса русских как адаптация в аридных степных условиях, хозяйственного уклада казахов, находившихся под влиянием русских, татар и нагайбаков в сторону перехода на оседлость с последующим усвоением навыков земледелия. К началу XX в. хозяйственно-культурные типы русских, нагайбаков, татар и казахов Юго-Восточного Приуралья сформировались в оригинальные комплексы, сочетающие русские, татарские и казахские черты. Русские, татары и нагайбаки усвоили такой способ зимнего выпаса скота у кочевников, как тебеневка. Хозяйственно-культурное своеобразие русских казаков Новолинейного района, казаков-татар, нагайбаков и прилинейных казахов в конце XIX в. стало одной из главных маркирующих этих новых идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2014: Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века. *ПИФК* 2, 318–323.
- Атнагулов, И.Р. 2022: Славяне и тюрки Южного Зауралья: динамика идентичностей. В сб.: *Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России и 300-летию РАН (Уфа, 29–30 сентября 2022 г.)*. Уфа, 34–40.
- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII–XXI веках: становление и трансформация идентичностей*. Челябинск.

²⁸ Атнагулов 2022, 34–39.

²⁹ Плешков 1928, 40–42.

- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Плешков, А.М. 1928: *Список населенных пунктов Уральской области*. Т. XIII. *Троицкий округ*. Свердловск.
- Распопов, П.Н. 1884: *Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк*. Оренбург.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. I–II. СПб.
- Сперанский, А. 1914: *Казанские татары (историко-этнографический очерк)*. Казань.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.
- Халиков, Н.А. 1995: *Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.)*. Казань.
- Холанд, Г. 2006: *Экономические факторы в этнических процессах. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2014: Zhivotnovodchyeskoye khozyaystvo nagaybakov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Stock raising of the Nagaybaks in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 318–323.
- Atnagulov, I.R. 2022: Slavyane i tyurki Yuzhnogo Zaural'ya: dinamika identichnostey [Slavs and Turks of the South Trans-Urals: the dynamics of identities]. In: *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii i 300-letiyu RAN (Ufa, 29–30 sentyabrya 2022 g.)* Ethnos. Society. Civilization: IV Kuseev Readings. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia and the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences (Ufa, September 29–30, 2022)] Ufa, 34–40.
- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – XXI vyeках: stanovlyeniye i transformatsiya idyentichnostey* [Ethnic History of Nagaybaks in the 18th and 19th Centuries: Formation and Transformation of Identities]. Chelyabinsk.
- Bektyeyeva, Y.A. 1902: Nagaybaki. (Kryeshchyenye tatory Oryenburgskoy gubyrnii) [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity] II, 165–181.
- Pleshkov, A.M. 1928: *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti*. Т. XIII. *Troitskiy okrug* [List of settlements in the Ural region. Vol. XIII. Troitsk District]. Sverdlovsk.
- Raspopov, P.N. 1884: *Orenburgskaya guberniya v sovremennom yeyo sostoyanii. Statisticheskiy ocherk* [Orenburg Province in Its Present State. Statistical Essay]. Orenburg.
- Rychkov, P.I. 1762: *Topografiya Orenburgskaya, to yest': obstoyatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinonnoye kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. Chast' I* [Orenburg Topography, that is: A Detailed Description of the Orenburg Province, Composed by a Collegiate Adviser and the Imperial Academy of Sciences, Correspondent Piotr Rychkov. Pts I–II]. Saint Petersburg.
- Speranskiy, A. 1914: *Kazanskiye tatory (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Kazan Tatars (Historical and Ethnographic Essay)]. Kazan.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska s prilozheniyem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamon i karty*

- [*Historical and Statistical Essay of the Orenburg Cossack Army with an Article about the Domestics of the Orenburg Cossacks, Drawings of Banners and Maps*]. Orenburg.
- Khalikov, N.A. 1995: *Khozyaystvo tatar Povolzhya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [*Economy of the Volga and Ural Tatars (Mid-19th to the Early 20th Centuries)*]. Kazan.
- Kholand, G. 2006: *Ekonomicheskiye faktory v etnicheskikh protsessakh. Etnicheskiye gruppy i sotsial'nyye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [*Economic Factors in Ethnic Processes. Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences*]. Moscow.

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-210-216

ЧУВАШИ В ЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГРЫ

В.В. Медведев¹, М.В. Попов²

¹ E-mail: vlad.etno@mail.ru ² E-mail: maxim_popov@hotmail.com

¹ ORCID: 0000-0003-4789-7604 ² ORCID: 0000-0002-6923-4986

Вторая половина XX века для чувашей, как и для многих других народов, стала ключевой в истории их переселения, первоначально носившего характер временной трудовой миграции. Этот период стал началом продолжающегося процесса формирования данной этнической группы на Обь-Иртышском Севере, с территориальными границами в рамках ХМАО – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. Открытие нефтяных месторождений, их разработка и организация нефтегазодобывающего производства на территории Ханты-Мансийского национального округа в 1960-х гг. может справедливо считаться отправной точкой в северном измерении чувашей, когда в этот процесс были вовлечены «широкие массы миграционно активного трудоспособного населения»¹.

Проблематика этничности в пространстве ХМАО – Югры, демонстрация и конструирование многообразия идентичностей – тема, требующая развития своего содержания и перспективная в парадигме антропологического исследования. Югра остаётся регионом, в котором соседство разных этнических групп является продолжающейся исторической практикой, поэтому исследования в контексте региональной истории необходимо осуществлять, обращая внимание и на историю конкретных этнических сообществ, т.е. объясняя предпосылки их переселения в округ, динамику численности, расселение, вопросы этнической культуры и самосознания. В данном контексте изучения проблематики этничности населения Югры ведутся исследования и получены определенные данные, требующие систематизации и анализа. Опубликованные к настоящему времени работы

Данные об авторах: Владислав Валентинович Медведев – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра этноистории ИИИА УрО РАН, доцент кафедры социально-гуманитарного образования СурГПУ; Максим Васильевич Попов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

¹ Коровушкин 2009, 72.

уже рассматривают историю, культуру, идентичности, проживающих в Югре индигенных народов, азербайджанцев, ногайцев, узбеков и других².

Исследование этнических групп чувашей, проживающих вне исторической родины Урало-Поволжья – научная проблематика, изучением которой активно занимались занимаются историки и этнографы/антропологи (например, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, И.Г. Петров, П.П. Фокин, Е.А. Ягафова и др.). Расселение, особенности этнической культуры и идентичности чувашей рассматривают не только в пределах современной России, но и на постсоветском пространстве³. Учитывая уже изданные монографические исследования по теме, она по-прежнему продолжает сохранять свою актуальность, а её изучение позволяет проследить динамику самосознания и культуры чувашей разных регионов. Примером подобных исследований могут послужить публикации М.В. Куцаевой о чувашах Москвы и Московской области⁴.

Изучение чувашей Западной Сибири носит фрагментарный характер. Среди научных изданий выделяются исследования Д.Г. Коровушкина, в частности, монография «Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XX века» (Новосибирск, 2009)⁵, раскрывающая проблему формирования этнических групп чувашей в регионах Западной Сибири вследствие происходивших в конце XIX – начале XX в. миграционных процессов. В этой работе, помимо анализа динамики численности и особенностей территориального расселения чувашей, исследователем была также предпринята попытка этнокультурной характеристики народа, в том числе группы, проживающей на территории Тюменской области. Другим многоаспектным исследованием, посвящённым истории и культуре чувашей этого региона, является монография Г.Б. Матвеева и Е.В. Федотовой «Чуваши юга Тюменской области» (Чебоксары, 2016)⁶. Сбор эмпирического материала для этой работы осуществлялся в чувашских сёлах и деревнях Аромашевского, Заводоуковского, Нижнетавдинского, Тюменского и Ялуторовского районов Тюменской области. Структура исследования последовательно раскрывает содержание таких вопросов как история переселения чувашей, возникновение поселений, особенности ведения хозяйственной деятельности, традиции домостроительства, народный костюм, празднично-обрядовую культуру, этничность в современных условиях.

Также необходимо обратить внимание на изданные краеведческие заметки, поскольку в них рассматриваются истории конкретных чувашских поселений Тюменской области. Например, очерк «С верой в Сибирь, с любовью к Чувашии» повествует о переселении чувашей в с. Уват (ранее – д. Уватские юрты) в 1957–1960 гг., обустройстве на новом месте жительства, повседневной жизни, особенностях этнической культуры в сибирских условиях⁷. Что касается истории чувашей ХМАО – Югры, связанная с ней проблематика в самостоятельных научных публикациях не рассматривалась, что побуждает к научному изучению данной темы. Единственным источником по истории и культуре чувашей округа можно считать научно-документальный фильм культуролога В.А. Васильева и режиссёра З.А. Яковлевой «Чуваши с сибирским характером»⁸. В поле зрения авторов фильма оказались и исторические предания о чувашах в Сибири, и участие в комсомольских стройках в 1960-х гг., и роль чувашей в освоении северных территорий, знаковые личности в истории Тюменской области и ХМАО – Югры, а также деятельность Чувашского национально-культурного центра города Сургута «Туслăх».

Отрывочную информацию о современной жизни и культурных событиях чувашей в Югре можно почерпнуть из медийных источников. Новости, прежде всего, сообщают о

² Корнилов, Прищепа 2022, 48–54; Медведев 2021, 110–118; 2022, 128–141.

³ Ягафова 2015, 147–164.

⁴ Куцаева 2019, 27–39; Куцаева 2022, 43–50.

⁵ Коровушкин 2009.

⁶ Матвеев, Федотова 2016.

⁷ Поспелов, Новикова 2016.

⁸ Васильев, Яковлева 2016.

результатах работы национально-культурных объединений чувашей округа – Чувашского национально-культурного центра города Сургута «*Туслăх*» / «*Дружба*», Чувашской национально-культурной автономии города Нижневартовска «*Илем*» / «*Красота*», Национально-культурной автономии чувашей города Нефтеюганска «*Юхан шыв*» / «*Река*», Нефтеюганской национально-культурной автономии чувашей «*Телей*» / «*Счастье*», Чувашского национально-культурного центра «*Араскат*» / «*Судьба*» города Лянтора и посёлка Нижнесортимского, Национально-культурной автономии чувашей «*Сетнер*» городского поселения Фёдоровский⁹, Национально-культурной автономии чувашей «*Сăлкуç*» / «*Родник*» посёлка городского типа Пойковский.

Национально-культурные объединения чувашей Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и других городов округа осуществляют внешне достаточно активную работу. Однако данная деятельность, прежде всего, направлена на коммерциализацию этничности, наполнена развлекательным контентом, а заинтересованность в деле сохранения этнической культуры и идентичности чувашей, как правило, слабо выражена, или вовсе отсутствует.

Традиционным новостным материалом являются сообщения о проведении коллективных мероприятий – «В Нефтеюганске впервые отпраздновали чувашский праздник плуга», «Праздник плуга собрал в Нефтеюганске чувашей со всей России», «В Сургуте провели чувашский праздник земледелия», о всенародном праздновании *Акатуя*, праздника, маркирующего начало сельскохозяйственных работ, представляющего архаичный пласт в культуре земледелия чувашей¹⁰.

Самостоятельная группа новостных заметок объединяет публикации, популяризирующие деятельность национально-культурных объединений чувашей – «Национально-культурная автономия чувашей г. Нефтеюганск», «Юбилей автономии чувашей Родник пгт Пойковский Нефтеюганский район ХМАО», «Многоликий Сургут: Особенности национального гостеприимства», «Югра – вторая родина», «В Сургуте открыли выставку чувашского народа» и другие. Помимо общей характеристики истории чувашей, сведений о работе и проводимых объединениями мероприятиях в данных публикациях содержатся материалы о жизни чувашей в округе и этнографические сюжеты. Например, в статье «О том, чем живёт организация чувашей «Судьба» в Сургутском районе» предпринята попытка систематизации традиционных праздников чувашей. *Мăнкун* / *Мункун* – «великий день», праздник рода, принимающий духов предков; *Кăлам* – первый день Нового года, день поминания усопших и сверхъестественных явлений («Творец всего» *Турă* посылает гостей, чтобы осчастливить семьи, а в ночь начинают бесчинствовать колдуны и злые духи); *Çураçма* – ритуал «примирения» с умершими, проводимый родовой группой¹¹.

Исследование идентичности и этнической культуры чувашей Югры осуществлялось посредством этнографического метода. Эмпирической основой нашего исследования послужил полевой материал, полученный в период 2018–2023 гг., от чувашей, проживающих в Сургуте, Нижневартовске и Лянторе. При личной беседе проводилось т.н. полуструктурированное интервьюирование, а возможности онлайн-формата позволили расширить границы этнографического метода с целью уточнения и дополнения полученных сведений. Наши информанты являются выходцами из Чувашии, Татарстана, Башкирии, Самарской и Оренбургской областей, т.е. регионов исторического проживания чувашей. Например, это «*Башкортостан, Давлекановский район, с. Камчалытамак*», «*деревня Акташи, Красночетайского района, Чувашской Республики*», «*д. Пилешкасы Шумерлинский район*», «*д. Новосёлка Федоровский р-н Башкортостан*» и другие. В перечень населённых пунктов Югры, которые указаны информантами как места компактного проживания чувашей, входят упомянутые города Сургут, Нижневартовск, Лянтор, а также Нефтеюганск и пгт Фёдоровский. Проживание здесь чувашей связано с нефтегазовым освоением региона и

⁹ Сетнер – мужской антропоним, распространённый среди некрещёных чувашей, данное имя, например, принадлежало герою поэмы «Нарспи» К.В. Иванова (Медведев 2017, 294–303).

¹⁰ Салмин 2016, 35.

¹¹ Степыгин 2017.

специализацией профессиональной деятельности на Самотлорском нефтяном месторождении, производственном объединении «Сургутнефтегаз» и нефтепромысловом управлении «Юганскнефть».

Отметим, что наибольшие затруднения у информантов вызвал ключевой для внутриэтнического определения вопрос о принадлежности к конкретным этнографическим группам чувашей – *анатри (мал енчи), вирьял (тури, кай енчи), анат енчи*. Ответ «не знаю» был регулярным, но встречалась и конкретизация – *анатри*, и в меньшей степени – *анат енчи*. Самоидентификация с группой зафиксирована и на ином «нестандартном» уровне – территориальном / региональном – «*башкирские чувашки*».

Причинами приезда чувашей в Югру послужили распределение после окончания образовательного учреждения, поиск работы, трудоустройство, создание семьи. Помощь в социальной адаптации и трудоустройстве оказывали родственники, друзья или земляки, уже проживающие в регионе. Из ответов информантов: «*приехала работать, помог земляк*», «*на работу, помогла сестра мужа – золовка*», «*жениться*», «*Причина – заработать, большие заработки по сравнению с Чувашией. Приехал к проживающим в Сургуте родственникам, которые изначально приютили у себя, помогли с оформлением регистрации (прописки)*».

Сферы профессиональной деятельности чувашей связаны с работой в дошкольных учреждениях, системе образования (основное общее, профессиональное, высшее), медицине. Востребованы рабочие специальности (бухгалтерия, обслуживание и управление автотранспортом), организация и сопровождение телекоммуникационных систем. Многие информанты считают, что «*чувашки в основном работают на производстве*», но подчёркивается и то, что «*мужчины чаще всего работают в нефтегазовой отрасли, а женщины – в здравоохранении, культуре*».

Сохраняющаяся связь информантов с малой родиной, обусловлена стабильным трансфером (грузоперевозки, передача документов, пассажирские услуги), но не менее важным связующим звеном выступает транспортировка и реализация продукции, произведённой в Чувашии. Прежде всего, это пищевой трансфер, в котором лидирует продукция кондитерской фабрики «Акконд» и продукция, изготовленная пивоваренной компанией «Букет Чувашии». «*Частники только продают вещи по организациям*», – подразумевается реализация изделий компании «Чебоксарский трикотаж». Данный товар можно встретить только на розничном рынке.

Уровень осознания традиционной культуры, принявших участие в интервьюировании чувашей, представлен прежде всего отсылками к народным праздникам. В их числе информантами перечислены и объяснены уже упомянутый нами праздник *Акатуй* и *Чуклеме* – родовое торжество, связанное с началом употребления блюд, приготовленных из нового урожая, в прошлом символизировавший завершение уборочных работ, т.е. ритуал необходимый в культуре народа, хозяйственная детальность которого основана на земледелии. Также информантами назван *Џаварни* – праздник в честь окончания зимы и пробуждения природы, аналогичный *Масленице*. В самостоятельную группу можно объединить православные праздники, перечисленные информантами: *Родительская суббота, Пасха, Троица / День Святой Троицы*, «*важны все православные праздники, так как верующий человек*».

Маркерами этнической культуры чувашей в Югре выступают три категории – язык, система питания, предметы интерьера. Чувашский язык распространён среди представителей старшего поколения, приехавших с «большой земли» на Север в молодости либо среди нынешней молодёжи, недавно прибывшей на заработки и являющейся выходцами из сельских районов, где в моноэтнической среде в повседневном общении преобладает чувашский язык. В таком контексте полученные ответы не требуют пояснения: «*мы с мужем общаемся на родном языке – чувашском*», «*только мои родители и бабушки в доме говорят на чувашском языке*», «*дома разговариваем на чувашском*».

Информанты акцентировали внимание на традиционной кухне и перечислили наиболее популярные и значимые для чувашей блюда, включённые в рацион питания. В наши дни их, как правило, готовят на семейные торжества и в календарные, либо религиозные праздники. Ключевым блюдом является *хуплу* – круглый пирог из пресного сдобного теста, начинённый кашей, картофелем и мясом. *Хуран кукли* представляют собою разновидность пельменей и выглядят как маленькие пирожки или вареники, их подают на стол отваренными в воде и начинёнными творогом, картофелем, мясом. Колобки *ййва* / *ййвача* – небольшое по размерам сдобное печенье. Традиция приготовления таких колобков сохраняется в *Мӑнкун* / *Мункун* – «великий день», в данном случае на праздник *Пасхи*. Среди повседневных блюд были названы блины *икерчӗ*. Таков перечень мучных блюд, входящих в систему питания чувашей Югры. Мясные изделия представлены традиционным для кухни чувашей *шӑрттаном*, запекаемым в современных условиях в духовом шкафу. *Шӑрттан* – блюдо, демонстрирующее культуру народов-номадов и, можно сказать, олицетворяющее связь чувашей с их этническими предками. Продукт, приготовленный из овечьего желудка, начинённого мелко нарубленной бараниной, круто засоленный и запечённый в течение длительного времени, был удобен для хранения и транспортировки в поездке. *Юн тултӑрмӑш* (из комментария – «юн кӑлтасси» / «юн колбаси») – варёная кровяная колбаса также готовится запеканием и хранится длительное время.

К третьей категории «предметы интерьера» можно отнести названные информантами собрания тканых вышивок, копирующие традиционные чувашские орнаменты и другие декоративные предметы. Из ответа информанта: «у меня дома есть шкаф с нарядными куклами в чувашских костюмах и украшениях».

Содержательными и определёнными были ответы, полученные на вопрос о судьбе и биографии конкретных исторических личностей, являющихся чувашами. Среди упоминаемых персоналий – просветитель и миссионер, создатель чувашского алфавита И.Я. Яковлев, автор поэмы «Нарспи» К.В. Иванов, участник Первой мировой и Гражданской войн В.И. Чапаев, поэт М.К. Сеспель, поэт и писатель Я.Г. Ухсай, драматург и прозаик Н.Ф. Мранькка, советский космонавт А.Г. Николаев. Из современников – композитор А.Н. Никитин и поэтесса Р.В. Сарби, политики Н.В. Фёдоров и А.Г. Аксаков.

Среди конкретных исторических событий выделены вхождение чувашских земель в состав Русского государства в 1551 г., принятие православия (имеется в виду период, связанный с насильственной христианизацией чувашей в 1740–1764 гг.), создание чувашского алфавита И.Я. Яковлевым и публикация в Казани первого чувашского букваря в 1872 г. Кроме того, значимыми для чувашей Югры (как и других регионов их проживания) являются полёты А.Г. Николаева в 1962 и 1970 гг. в космос.

Этнопсихологию чувашей могут характеризовать такие называемые респондентами характеристики как «трудолюбие», «гордость за свой народ», «скромность», «гостеприимство», «крестьянская хитрость». Безусловно, среди перечисленного мы видим только позитивные качества, как и в ответе на вопрос «Каков он – настоящий чуваш из Югры? Имеет ли такой человек отличительные черты от чувашей, проживающих в других регионах Российской Федерации?». Информанты отметили и отсутствие, и наличие характерных особенностей среди чувашей-югорчан. В числе развёрнутых комментариев: «патриот, старается чтобы знали о чувашском народе все другие народы», «это житель Югры без ярко выраженных отличительных черт»; «любовь к песням, танцам, праздникам»; «отличительные черты чувашей ХМАО-Югры – трудолюбивые, яркие, дружелюбные, чтящие свою культуру и язык».

Время и условия нефтегазового освоения Обь-Иртышского Севера создали прецедент формирования нового этнического состава территории Западной Сибири. Специфика современного этнического ландшафта ХМАО – Югры и включение в него чувашей являются результатом этой трансформации, поскольку промышленный прорыв требовал привлечения квалифицированных специалистов, а их повседневность и быт сопровожда-

лись деятельностью представителей многих других профессий. Связь с ведущим в округе нефтегазовым производством обусловила формирование этнических сообществ чувашей в качестве населения крупных промышленных городов.

Чуваши Югры, как и другим народам округа, свойственны процессы ассимиляции, поскольку разрыв с малой родиной и межэтнические контакты (смешанные браки, дисперсное проживание, тенденции городской жизни) не способствуют сохранению этничности в её первоначальном виде. Этнически смешанные браки, стремление не выделяться из числа горожан, нивелирование этнически маркирующих признаков, отраженных, например, в языке, системе питания, особом самосознании, отходят на второй план, утрачивают свою актуальность и значение, поскольку реальность городской жизни (а в ряде случаев – новая реальность, если мы говорим о смене сельского образа жизни на городской), требуют от людей совершенно иных навыков и умений.

Систематизированный и проанализированный полевой материал дает представление о повседневной жизни чувашей, демонстрирующей, несмотря на существующие противоречия, сохранение некоторых компонентов этнической культуры, употребление в общении родного языка, преемственность исторической памяти. История формирования данной этнической группы в регионе переплетена с аналогичными процессами среди других народов и имеет корректное обоснование. Вопросы, связанные с проблематикой идентичностей и этничности, трансформацией этнической культуры под иноэтничным воздействием, новыми формами репрезентации этничности, например, в киберпространстве, изменением этнопсихологических характеристик, нуждаются в основательной проработке и обсуждении. Опыт подобного изучения может послужить качественной основой для исследований по выявлению динамики идентичностей в условиях этнического многообразия Югры, а также способности к изменению или сопротивляемости идентичности внешним и внутренним факторам к этому побуждающим.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев, В.А., Яковлева, З.А. 2016: *Чуваши с сибирским характером. Научно-документальный фильм*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=7cXMvG_ky2E
- Корнилов, Г.Е., Прищепа, А.И. 2022: Азербайджанцы в Западной Сибири. *Северный регион: наука, образование, культура* 4, 48–54.
- Коровушкин, Д.Г. 2009: *Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века*. Новосибирск.
- Куцаева, М.В. 2019: Сохранение этнической культуры чувашей в условиях московской диаспоры. *Этническая культура* 1, 27–39.
- Куцаева, М.В. 2022: «Душа же у нас гуляет во сне везде, и я бываю и дома»: о языке сновидений представителей чувашской и марийской диаспор Московского региона. *Этническая культура* 4, 43–50.
- Матвеев, Г.Б., Федотова Е.В. 2016: *Чуваши юга Тюменской области*. Чебоксары.
- Медведев, В.В. 2017: «Нарспи» К.В. Иванова: традиции чувашей на страницах поэмы. *ПИФК* 1, 294–303.
- Медведев, В.В. 2021: Индигенные сообщества и городское пространство Сургута: опыт взаимодействия. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета* 4, 110–118.
- Медведев, В.В. 2022: Северное измерение ногайцев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* 3 (37), 128–141.
- Поспелов, В.Т., Новикова З.В. 2016: *С верой в Сибирь, с любовью к Чувашии*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tyumedia.ru/198533.html>
- Салмин, А.К. 2016: *Праздники, обряды и верования чувашского народа*. Чебоксары.

- Степыгин, А.А. (ред.) 2017: *О том, чем живёт организация чувашей «Судьба» в Сургутском районе*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestniksr.ru/news/15270-o-tom-chem-zhiviot-organizaciya-chuvashei-sudba-v-surgutskom-raion.html>
- Ягафова, Е.А. 2015: Чувашская диаспора на постсоветском пространстве (на примере общин в Казахстане, Белоруссии и Эстонии). *Этнографическое обозрение* 3, 147–164.

REFERENCES

- Kornilov, G.E., Prishchepa, A.I. 2022: Azerbaydzhantsy v Zapadnoy Sibiri [Azerbaijanis in Western Siberia]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura* [Northern Region: Science, Education, Culture] 4, 48–54.
- Korovushkin, D.G. 2009: *Chuvashi v Zapadnoy Sibiri. Rasselenie i chislennost' v kontse XIX – nachale XXI veka* [Chuvash in Western Siberia: Settlement and population in the late 19th and the early 21st century]. Novosibirsk.
- Kutsaeva, M.V. 2019: Sokhranenie etnicheskoy kul'tury chuvashey v usloviyakh moskovskoy diaspory [Preservation of the ethnic culture of the Chuvash in the conditions of the Moscow diaspora]. *Etnicheskaya kul'tura* [Ethnic Culture] 1, 27–39.
- Kutsaeva, M.V. 2022: “Dusha zhe u nas gulyaet vo sne vezde, i ya byvayu i doma”: o yazyke snovideniy predstaviteley chuvashskoy i mariyskoy diaspor Moskovskogo regiona [“The soul walks everywhere in our sleep, and I am at home”: about the language of dreams of representatives of the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region]. *Etnicheskaya kul'tura* [Ethnic Culture] 4, 43–50.
- Matveev, G.B., Fedotova E.V. 2016: *Chuvashi yuga Tyumenskoy oblasti* [Chuvash of the south of the Tyumen Region]. Cheboksary.
- Medvedev, V.V. 2017: “Narspi” K.V. Ivanova: tradicii chuvashey na stranichah poemy [“Narspi” K.V. Ivanova: Chuvash traditions on the pages of the poem]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 294–303.
- Medvedev, V.V. 2021: Indigennyye soobshchestva i gorodskoe prostranstvo Surguta: opyt vzaimodeystviya [Indigenous Communities and the Urban Space of Surgut: Experience of Interaction]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University] 4, 110–118.
- Medvedev, V.V. 2022: Severnoe izmerenie nogaytsev [Northern dimension of Nogais]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology] 3 (37), 128–141.
- Pospelov, V.T., Novikova Z.V. 2016: *S veroy v Sibir', s lyubov'yu k Chuvashii*. [With faith in Siberia, with love for Chuvashia]. <https://tyumedia.ru/198533.html>
- Salmin, A.K. 2016: *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary.
- Stepygin, A.A. (ed.) 2017: *O tom, chem zhivet organizatsiya chuvashey “Sud'ba” v Surgutskom rayone* [About how the Chuvash organization “Destiny” lives in the Surgut region]. <https://vestniksr.ru/news/15270-o-tom-chem-zhiviot-organizaciya-chuvashei-sudba-v-surgutskom-raion.html>
- Vasilyev, V.A., Yakovleva, Z.A. 2016: *Chuvashi s sibirskim kharakterom. Nauchno-dokumental'nyy fil'm* [Chuvashs with Siberian character. Science documentary]. https://www.youtube.com/watch?v=7cXMvG_ky2E.
- Yagafova, E.A. 2015: Chuvashskaya diaspора на постсоветском пространстве (на примере общин в Казахстане, Белоруссии и Эстонии) [The Chuvash Diaspora in the Post-Soviet Space (on the example of communities in Kazakhstan, Belarus and Estonia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review] 3, 147–164.

КЛАДОВАЯ НАГАЙБАКСКИХ СЛОВ В КОЛЛЕКЦИИ
СОБИРАТЕЛЯ Н.П. ВАСИЛЬЕВА

А.Н. Михин

E-mail: mikhin2000@yandex.ru*ORCID:* 0000-0001-8820-9252

Николай Павлович Васильев, потомственный казак-нагайбак родом из пос. Остроленко Челябинской области, «сам себя не без основания считает стихийным “востоковедом”, “тюркологом”»¹. Зоотехник и ветеринар по профессии, этот удивительный человек долгие годы по крупицам собирал свою «коллекцию» нагайбакских слов и выражений, сопоставляя их с аналогами других тюркских языков. Это пестрое собрание также включает в себя пословицы, поговорки, описания примет и древних традиций нагайбаков.

Интерес к родному языку Васильев испытывал еще со школьных лет, внимательно прислушиваясь к речи родственников и иных носителей нагайбакского языка, которых становится все меньше. «Думает» и говорит по-нагайбакски в повседневной жизни исчезающее малое количество людей. Отчасти такое положение дел связано с малочисленностью народа – носителя самобытной культуры: по данным всероссийской переписи населения на 2021 г. в нашей стране проживает всего 5719 нагайбаков, и их количество по сравнению с 2010 г. уменьшилось почти на треть (с 8148). Также среди причин сокращения численности нагайбаков следует признать и значительное влияние русской культуры и, как следствие, «обрусение» нагайбаков. «Размывание» национальной идентичности – процесс, протекающий достаточно быстро, особенно если принять во внимание всемирную тенденцию глобализации, и это хорошо понимали и понимают представители культурной элиты нагайбакского народа, такие, как Алексей Михайлович Маметьев (1923–2005), один из инициаторов признания нагайбаков самостоятельной «этнографической группой»²; Петр Михайлович Минеев (1940–2015), известный нагайбакский краевед, писатель, поэт³; Ольга Ильинична Барышникова⁴, автор первого в истории лексикографии нагайбакско-русского и русско-нагайбакского словаря-перевертыша⁵, а также собрания нагайбакских пословиц и поговорок⁶ и книги нагайбакских частушек с переводом на русский язык⁷, подготовленных совместно с сотрудниками Научно-исследовательской словарной лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова; Светлана Ивановна Вдовина, поэт, собиратель нагайбакского фольклора⁸ и др.

Данные об авторе: Артем Николаевич Михин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ Новиков, Шулежкова 2023, 210.

² Белоруссова 2017, 163.

³ Латохин, Михин 2023, 205–207.

⁴ Орликова, Шулежкова 2023, 209–212.

⁵ Барышникова 2015.

⁶ Барышникова и др. 2019.

⁷ Барышникова, Шулежкова 2020.

⁸ Баймурзина, Позднякова 2023, 203–205.

Несмотря на то, что научных исследований, посвященных становлению нагайбакского этноса и формированию идентичности этого уникального народа, довольно много (наиболее известные из них принадлежат нашим землякам-историкам И.Р. Атнагулову⁹ и С.Ю. Белоруссовой¹⁰), язык данного малочисленного коренного народа Южного Урала практически не изучен, поскольку на нагайбакском языке нет ни официальных документов времени становления и развития этноса, ни письменных памятников, которые бы отражали культурную жизнь нагайбаков в течение XVIII–XX вв. Проблема с нагайбакской азбукой не решена¹¹, отсутствие письменности угрожает тем, что постепенно может исчезнуть и сам язык, как это произошло со многими языками малых народностей на планете вообще и на территории России в частности.

16 декабря 2022 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН прозвучало сообщение о том, что в среднем каждые две недели исчезает по одному языку коренных народов мира, и это вполне реальная перспектива для 40 % таких языков. К концу XXI в. из 7400 существующих ныне, вероятно, исчезнет 30 % языков, и это, безусловно, станет огромной потерей для человечества. Хранители культуры, защитники самобытных традиций малых народов стремятся сохранить родной язык для потомков. Одним из таких хранителей является Николай Павлович Васильев.

Его собрание слов, выражений, пословиц и поговорок является систематизированным, структурированным лишь частично, однако в нем можно выделить тематические группы (их более 20), отражающие различные аспекты жизни нагайбаков. Среди них подборки, включающие лексику со значением: 1) принадлежности к национальности, роду, семье, фамилии; 2) вероисповедания, ритуалов; 3) географических понятий; 4) наименований небесных тел; 5) названий времен года, месяцев, дней недели, времени суток; 6) состояний погоды и т.д. Особенно объемными являются группы, описывающие обычаи, одежду и обувь, устройство и предметы казачьего быта, природные явления. В коллекции Васильева есть множество нагайбакских лексем и сверхсловных единиц, называющих различного типа помещения, части и конструкции типичного казачьего дома, ср.: *арқылы*, *өрлек*, *матица* – ‘балка’; *су бұлгеиц* – ‘водоотвод’; *су ағызғыыц* – ‘водослив’; *қапқа* – ‘ворота’; *гүрнәцә*, *түр бұлмә* – ‘гостиная’; *ишек* – ‘дверь’; *өй*, *жорт* – ‘дом’, ‘хозяйство’; *тирме* – ‘юрта’; *тубе* – ‘крыша дома’; *төтөн жулы*, *ызбут* – ‘дымоход’; *қойма* – ‘забор, изгородь’; *биккеиц*, *келә* – ‘засов, запор’; *булмә* – ‘кабинет’; *қашаг* – ‘карниз’; *балықлар* – ‘косяк’; *түбә* – ‘кровля’; *басқыиц* – ‘крыльцо’; *тәрәз* – ‘окно’; *кутәрме* – ‘форточка’; *миш* – ‘печь’; *қар базы* – ‘погреб’; *қапқа* – ‘большие ворота’; *щик қапқа* – ‘загородка из жердей’; *тәрәз төбө* – ‘подоконник’; *баз*, *асты* – ‘подпол’; *терәу*, *терәцег*, *терәк* – ‘подпорка’; *идән*, *сайғақ* – ‘пол’; *бусага* – ‘порог’; *түшиәм* – ‘потолок’; *алғы бұлмә* – ‘прихожая’ и т.д.¹²

Многие слова, собранные Николаем Павловичем Васильевым, ранее не фиксировались в словарях. Содержание его коллекции свидетельствует о том, что данные, которые были опубликованы в начале XXI в. в нагайбакско-русских и русско-нагайбакских словарях, могут быть существенно дополнены языковыми единицами, характеризующими образ жизни, мировоззрение нагайбаков, их быт и нравы, отношение к женщине, их мужество и патриотизм.

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов, И.Р. 2021: Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI – начала XX в. *Вестник ТГУ* 69, 86–92.

⁹ Атнагулов 2021.

¹⁰ Белоруссова 2017.

¹¹ Шулежкова 2022, 51.

¹² Приведенные нами в статье примеры даны в орфографии собирателя. Единственные правки, внесенные нами, касаются буквы «Ч», которая нами заменена буквой «Щ», т.к. все информанты, владеющие нагайбакским языком, на месте «Ч» произносят «Щ».

- Баймурзина, Д.А., Позднякова, Н.В. 2023: Я тоже хочу быть нагайбачкой (о хранительнице культурного наследия нагайбаков Светлане Ивановне Вдовиной). В сб.: «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей. 17. Магнитогорск, 203–205.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г., Осипова, А.А. 2015: *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2009: *Әтем тиктәнәй телмей. Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2020: «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2017: *Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук*. Екатеринбург.
- Латохин, Д.О., Михин, А.Н. 2023: «Родному краю предан до конца». Петр Михайлович Минеев. В сб.: «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей. 17. Магнитогорск, 205–207.
- Минеев, П.М., Минеева В.А. 2017: *Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь*. Челябинск.
- Новиков, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2023: Ветврач, тюрколог, краевед (коллекция Николая Павловича Васильева). В сб.: «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей. Магнитогорск. 17, 207–209.
- Орликова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2023: Без языка и колокол нем (дело Ольги Ильиничны Барышниковой). В сб.: «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей. 17. Магнитогорск, 209–212.
- Тептеев, А.Г. 2015: Страницы из истории Нагайбакской станицы. В сб.: *Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Оренбург, 40–51.
- Теряков, И.Г. 2015: *Словарь говора нагайбаков (по материалам села Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области)*. Казань (рукопись).
- Шулежкова, С.Г. 2022: Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка. *ГПИ 6.3*, 49–54.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2021: Fenomen nagaybaskoy identichnosti kak rezul'tat politiko-administrativnykh reform i russkikh kul'turnykh vliyaniy vtoroy poloviny XVI – nachala XX v. [The phenomenon of the Nagaybak identity as a result of political and administrative reforms and Russian cultural influence of the second part of the 16th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 69, 86–92.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G., Osipova, A.A. 2015: *Nagaybasko-russkiy slovar' Russko-nagaybaskiy slovar'* [Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Dictionary]. Magnitogorsk.
- Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2009. *Әтем тиктән әтелмей // Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyy slovar' poslovits i pogovorok nagaybaskogo naroda* [The Proverb is not without Reason: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nagaibak People]. Magnitogorsk.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G. 2020: “O tebe dusha stradaet...”: nagaybaskie chastushki s perevodom na russkiy yazyk [“My heart is bleeding for you...”: Nagaybak ditties with translation into Russian]. Magnitogorsk.
- Baymurzina, D.A., Pozdnyakova, N.V. 2023: Ya tozhe khochu byt' nagaybachkoy (o khranitel'nitse kul'turnogo naslediya nagaybakov Svetlane Ivanovne Vdovinoi) [I also want to be

- a Nagaybak women (about Svetlana Ivanovna Vdovina, the keeper of the cultural heritage of the Nagaybaks]. In: “*Blagoslovenny pervye shagi...*”: *sbornik rabot molodykh issledovateley* [“*Blessed are the first steps...*”: *Collection of Works by Young Researchers*]. 17. Magnitogorsk, 203–205.
- Belorussova, S.Yu. 2017: *Dinamika etnichnosti nagaybakov v XVIII–XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Dynamics of the Ethnicity of the Nagaybaks in the 18th–21th Centuries: PhD Thesis]. Ekaterinburg.
- Latokhin, D.O., Mikhin, A.N. 2023: “Rodnomu krayu predan do kontsa” Piotr Mikhailovich Mineev [“I am completely devoted to my native land” Piotr Mikhailovich Mineev]. In: “*Blagoslovenny pervye shagi...*”: *sbornik rabot molodykh issledovateley* [“*Blessed are the first steps...*”: *Collection of Works by Young Researchers*]. 17, 205–207.
- Mineev, P.M., Mineeva, V.A. 2017: *Russko-nagaybaskiy slovar’. Nagaybasko-russkiy slovar’*. *Russko-nagaybaskiy tematicheskiy slovar’* [Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Thematic Dictionary]. Chelyabinsk.
- Novikov, D.A., Shulezhkova, S.G. 2023: Vetvrach, tyurkolog, kraeved (kolleksiya Nikolaya Pavlovicha Vasil’eva) [Veterinarian, turkologist, local historian (collection of Nikolai Pavlovich Vasiliev)]. In: “*Blagoslovenny pervye shagi...*”: *sbornik rabot molodykh issledovateley* [“*Blessed are the first steps...*”: *Collection of Works by Young Researchers*], 207–209.
- Orlikova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2023: Bez yazyka i kolokol nem (delo Ol’gi Il’ichny Baryshnikovoj) [Without language and the bell is silent (the case of Olga Ilyichna Baryshnikova)]. In: “*Blagoslovenny pervye shagi...*”: *sbornik rabot molodykh issledovateley* [“*Blessed are the first steps...*”: *Collection of Works by Young Researchers*]. 17, 209–212.
- Shulezhkova, S.G. 2022: Russkiy sled v leksiko-frazeologicheskoy sisteme nagaybaskogo yazyka [Russian trace in the lexical-phraseological system of the Nagaybak language]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Pedagogical Studies] 6.3, 49–54.
- Tepteev, A.G. 2015: Stranitsy iz istorii Nagaybaskoy stanitsy [Pages from the history of the Nagaibak village]. In: *Etnokul’turnoe i religioznoe mnogoobrazie Uralo-Povolzhskogo regiona* [Ethnocultural and Religious Diversity of the Ural-Volga Region. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Orenburg, 40–51.
- Teryakov, I.G. 2015: *Slovar’ govora nagaybakov (po materialam sela Fershampenuaz Nagaybaskogo rayona Chelyabinskoy oblasti)* [Dictionary of the Nagaibak Dialect (Materials of the Village of Fershampenoise of the Nagaibak District of the Chelyabinsk Region)]. Kazan.

СИНТЕЗ ТЮРКСКОГО И РУССКОГО, ОТРАЖЕННЫЙ
В ТЕМАТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «КАЗАЧЕСТВО»
НАГАЙБАКСКОГО ЯЗЫКАС.Г. Шулежкова¹, А.А. Осипова²*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*¹ E-mail: osashenka@yandex.ru ² E-mail: shulezkova@gmail.com¹ ORCID: 0000-0002-0314-6721 ² ORCID: 0000-0002-1072-696X

В 1991 г., когда начался распад СССР на отдельные республики, газета «Литературная Россия» опубликовала интервью «Смешение языков», взятое журналисткой Л. Мешковой у известного отечественного лингвиста О.Н. Трубачева. Среди прочих вопросов Олегу Николаевичу был задан и такой: «А что, по-вашему, более всего помогает хранить национальное самосознание?» И Олег Николаевич ответил: «*Язык и вера*. Казаки у Толстого, живя среди кавказских горцев, во многом походили на них, однако как зеницу берегли язык и веру – благодаря чему и остались русскими»¹. О нагайбаках же, перефразируя ответ Трубачева, можно сказать: они смогли сохранить свое этническое самосознание, свой язык и православную веру потому, что стали казаками и жили в тесном контакте с русским православным населением. Как пишет один из самых авторитетных исследователей истории нагайбаков И.Р. Атнагулов, «Нагайбакский феномен является <...> примером для объяснения причин, движущих сил и механизмов возникновения и трансформации новых идентичностей. Генезис и развитие нагайбакской идентичности являются одним из эпизодов в длительной истории славяно-тюркских взаимоотношений и контактов»². Вполне аргументированно С.Ю. Белоруссова, автор многочисленных работ о возникновении нагайбаков, их судьбе и их культуре, сделала вывод: «С момента придания нагайбакам статуса казачества можно говорить о формировании их идентичности»³. Произошло это в 1830-е гг., когда стала очевидной необходимость скорейшего укрепления восточных границ Российской империи. В 1736 г. императрица Анна Иоанновна издала указ, по которому «новокрещенные», проявившие себя как верные подданные в подавлении башкирских бунтов, «за их верную службу» были определены «в службу казацкую» и освобождены от ранее взимавшегося налога – «ясака»⁴. В том же 1736 г. была основана Нагайбакская крепость,

Данные об авторах: Светлана Григорьевна Шулежкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций, заведующая Научно-исследовательской словарной лабораторией НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Александра Анатольевна Осипова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ Мешкова 1991.² Атнагулов 2021, 86.³ Белоруссова 2015, 17; 2017, 73–109.⁴ Указ императрицы Анны Иоанновны Румянцеву и Кириллову 1900, 193.

которая стала не только исторически родовым гнездом нагайбакского этноса, зародившегося три века тому назад, но и местом, где жили предки тех, кто и сегодня причисляет себя к нагайбакам. В Нагайбакской крепости могли поселиться лишь те иноверцы, которые в соответствии с государственной политикой России становились православными. Отказывавшиеся принимать крещение мусульмане и язычники обязаны были или вернуться «на прежние места», или уйти «в деревни на большой Московской дороге от Оренбурга на Казань»⁵, то есть ближе к татарским (а значит – к проповедующим ислам) поселениям.

Интересным представляется тот факт, что и земля, на которой были «посажены» новоиспеченные казаки, и даже само название крепости достались им в наследство от башкир⁶, в подавлении восстания которых новые поселенцы приняли активнейшее участие. И нагайбаки, и башкиры до сих пор помнят о тех трагических событиях. Расправа над восставшими была жестокой. Хранитель нагайбакских древностей Николай Павлович Васильев, потомственный казак, из рассказов своих родителей записал: «Башкиры нагайбаками детей пугали, сравнивали карателей с волками и сочинили о них пословицу: «Нагайбаки – волки злые, как собаки». Однако постепенно эта вражда уступила место мирному сосуществованию.

Практически все историки, занимавшиеся судьбой нагайбаков, отмечают, что формировался нагайбакский этнос из инородцев: помимо ногайцев, которых современные нагайбаки неизменно называют своими основными предками, это были чеченцы, башкиры, тептяри, черемисы, киргизы, мордва, чуваш и, вероятно, татары⁷ (чего нагайбаки не хотят признавать). Если же учесть освобожденных из киргиз-кайсацкого плена турок и казахов, которые тоже попадали в казаки, когда принимали крещение, то становится понятным, почему нагайбакам удалось сохранить свой самобытный тюркский язык: многие инородцы, прибывавшие в Нагайбакскую крепость и крестившиеся в ней, чтобы стать казаками или пахотными крестьянами, говорили на тюркских языках.

Однако и государственная администрация, и казачья офицерская прослойка, и священники, которые опекали нагайбакских казаков, говорили по-русски, да и поселения, окружавшие Нагайбакскую крепость (через 11 лет после основания ставшую *станцией*), были русскими. Определив место службы нагайбаков по соседству с православными христианами, власти обеспечили нагайбакам возможность сохранения у них православия: нагайбаки уверены, что их предки приняли крещение еще до переселения на Южный Урал, после армян, и лексические данные свидетельствуют о том, что для такого утверждения у нагайбаков есть серьезные основания: абсолютное большинство религиозных явлений и понятий у нагайбаков имеют не русские и не арабские, а нагайбакские названия. 300-летняя история этого малочисленного коренного народа Южного Урала детально изучена отечественными учеными, однако язык нагайбаков до сих пор остается наименее исследованной частью их уникальной культуры.

Лексический блок казачьей тематики занимает особое место в нагайбакском языке. Как и пласты, обслуживающие научную, общественно-политическую, образовательную, экономическую и финансовую сферы, нагайбакский лексический пласт казачьей тематики представляет собой сплав нагайбакских и русских вербализаторов концепта «Казачество», занимающего в менталитете нагайбаков одну из ключевых позиций. Правда, самого имени концепта «Казачество» нам не удалось услышать от наших информантов-нагайбаков. Нет его и в записях современных собирателей нагайбакских слов. Между тем это название было известно казакам северного Причерноморья задолго до складывания идентичности нагайбаков. Имя интересующего нас концепта используется в дошедших до нас повестях об Азовском взятии донских казаков 1637 г. и Азовском осадном сидении 1641 г. В поэтическом варианте XVII в. этих подлинных документов лексема *казачество* вкладывается и в уста *янычарского головы*, посланного *турским царем* в крепость, чтобы уговорить казаков

⁵ Витевский 1890, 442.

⁶ Рычков 1762, 205.

⁷ Белоруссова 2018, 113.

сдать Азов без боя, и в ответной речи самих казаков: – *О, люди Божии Царя Небеснаго, никемъ въ пустыняхъ водими или посылаеми! Яко орли парящи, безъ страха по воздуху летаете, и, яко льви свирепи, въ пустыняхъ водими, рыкаете! Казачество донское и волское, свирѣлое! <...> Прогнѣвали вы Мурат-Салтанова величества, царя турскаго...»⁸; – *А холопи мы природные государя царя христіанскаго царства Московскаго, а прозвище наше вечно – казачество донское волное и безстрашное! Станем мы съ нимъ, царемъ турскимъ, битца, что съ худымъ свинымъ пастухомъ наймитомъ. Мы собе казачество волное исповедаем и живота своего не разсужаем...»⁹.**

Между тем даже в опубликованных в десятилетия текущего столетия лексикографических трудах («Нагайбакско-русском словаре» О.И. Барышниковой и «Русско-нагайбакском словаре» П.М. и В.А. Минеевых), а также в подготовленных к печати рукописных материалах к словарю говора села Фершампенуаз Нагайбакского района И. Г. Терякина¹⁰ нет ни самого существительного, которое было бы адекватно русскому имени концепта «Казачество», ни его аналога, хотя собирательные существительные типа *жыен* ('сход'), *төркем* / *дөркем* ('ватага, гурьба'), *жыен* ('общество'), *туған* ('родня') зафиксированы в упомянутых нами выше источниках¹¹. Роль имени концепта в нагайбакском языке, вероятно, играло слово *казак*, употреблявшееся в форме мн. числа (*қазақтар*). Однако лексема *қазақ* только один раз встретилась нам в материалах А.Г. Терякина (Л. 91) и один раз в словаре О.И. Барышниковой (у этого автора не как самостоятельная лексема, а как компонент сверхсловной единицы *атлы қазақ*, означающей 'конник'; см. с. 11). В словаре же супругов Минеевых слово *қазақ* не упоминается вообще. При этом тематическое поле «Казачество» представлено во всех указанных нами источниках многочисленными вербализаторами. Так, в материалах И.Г. Терякина нами обнаружено около 270 словарных статей, возглавляемых словами, характеризующими самих казаков-нагайбаков, их образ жизни и мировоззрение, а в словаре О.И. Барышниковой – более 300.

Слово *қазақ* было заимствовано нагайбаками из русского языка в XVIII в., тогда, когда они осели на Южном Урале и получили казачий статус. Для них это слово означало «представителя военного сословия, пользовавшегося особыми правами»¹². Но у этой лексемы была своя история, которая «подпитывала» семантическую структуру заимствованного нагайбаками термина *қазақ*. Тюркская по происхождению, лексема *қазақ*, обладая значением 'вольный человек, удалец', проникла в Средние века в русский язык, где постепенно обрастала новыми семами, пока не превратилась в официальный термин-название человека, принадлежащего к определенному социальному сословию. Начало лексикографическому «представлению» лексемы *казак* положил И.И. Срезневский в 1893 г. В «Материалах для словаря древнерусского языка» он привел два варианта написания и толкование интересующего нас слова («КАЗАКЪ = КОЗАКЪ – работникъ, наемный работникъ») и примеры его употребления в древнерусских памятниках, самый ранний из которых относится к 1395 г.¹³ Как пишет автор «Историко-этимологического словаря русского языка» П.Я. Черных, слово *казак* в русском языке обозначало «крестьянина, уроженца бывших войсковых (казачьих) областей по Дону, Тереку, Кубани, в Приуралье, в Забайкалье, в Запорожье и др.; *ист.* вольный человек из беглых крепостных крестьян и городской бедноты, поселившийся на окраине Московского государства»¹⁴.

Нагайбаки гордятся своим казачьим прошлым. Вряд ли можно в наши дни, войдя в нагайбакский дом (*наг. өй*) не увидеть на почетном месте (*наг. түргә*) портреты предков-мужчин в казачьей форме. Но гонения на казаков за долгие годы советской власти при-

⁸ Робинсон 1949, 66.

⁹ Робинсон 1949, 66.

¹⁰ Барышникова и др. 2015; Минеев, Минеева 2017; Теряков 2015.

¹¹ Барышникова и др. 2015, 42, 92; Минеев, Минеева 2017, 168, 214; Теряков 2015, Л. 141.

¹² Черных 1993, 367.

¹³ Срезневский 1893, 1173–1174.

¹⁴ Черных 1993, 367.

учили нагайбаков к скрытности: они в устной речи фактически не употребляют лексем, принадлежащих к словообразовательному гнезду, возглавляемому корнем *казак*. Зато как многогранно представлено в лексической системе нагайбакского языка казачье прошлое! По рассказам пожилых нагайбаков, хорошо владеющих родным языком, их предки – это мужчины, которые были отличными наездниками (на фотографиях каждый из них, как правило, запечатлен как всадник (*атлы қазақ*), верхом (*ат өстенде*) на породистом коне (*ат*), в казачьей форме. Словари содержат несколько десятков эпитетов, какими характеризуют нагайбаки своих парней и зрелых мужчин, которые унаследовали от дедов и прадедов-казаков лучшие их качества. Мужчина-нагайбак достоин уважения, так как он *честный, справедливый (гадел)*; *ответственный (жауаплы)*; *успешный, быстрый (өлгер)*; *деловитый, работающий (эшкешесе)*; *бойкий, изворотливый (шәп)*; *верный, надежный (ышанышлы)*; *находчивый (табышлы)*; *здоровый, дюжий (мықты)*; *ловкий, проворный (жигез)*. Враги (*дошманнар*) мужчину-нагайбака не пугают, так как он *несгибаемый (бөгелмәслек)*; *безбоязненный, бесстрашный (құрқыусыз)*; *задорный (дәртле)*.

Любимый парень (*жараткан жегет*) нагайбакской девушкой ценится за особую мужскую красоту, отмеченную в частушках и лирических песнях:

<i>Қашынъ кара, буең зипа,</i>	<i>Черны очи, гибкий стан,</i>
<i>Керпегең бәгеледер.</i>	<i>Брови разлетаются.</i>
<i>Синең өше, жаны каем,</i>	<i>От любви к тебе, мой милый,</i>
<i>Үзегем өзеләдер.</i>	<i>Душа разрывается¹⁵.</i>

Но в своих женихах, мужьях и сыновьях нагайбачки как истинные представительницы казачьего сословия хотят видеть мужчин, готовых при необходимости с оружием в руках защитить отчий дом и родину. Нагайбакский язык, самый объективный показатель менталитета его носителей, отражает эту особенность гордого малочисленного этноса. В нем сохранилось множество процессуальных, предметных, адвербиальных и атрибутивных языковых единиц, характеризующих воинскую доблесть, смекалку и отвагу казаков-нагайбаков. Приведем лишь некоторые из них:

1) предметные лексемы, называющие виды оружия, которым когда-то владели казаки, – *дары* ('дробь'), *жәдрә* ('пуля'), *қылыш* ('сабля', 'шашка'), *мылтық* ('ружье'), *туп* ('пушка'), *уқ* ('стрела'), *цукмар* ('булава', 'дубинка'); *эя* (1) 'лук', 2) 'стрела'), а также тактику, использовавшуюся в условиях военного времени, – *бәйләнеу* ('нападение'), *қарап қайтыу* ('разведка'), *қыуыу* ('погоня'), *сақлау* ('оборона'), *әйнәндереп алыу* ('окружение'), *сугыш* ('битва, бой');

2) процессуальные слова и сверхсловные единицы, именующие действия или состояния в боевых условиях, – *алға цығарга* ('опередить, выйти вперед'), *арқаннарға* ('арканить'), *атыпүтерергә* ('застрелить'), *басарга* ('наступать'), *бертерергә* ('истреблять, истребить'), *бертерергә дошманна* ('уничтожить противника'), *жиңәргә* ('ранить'), *жиңерге* ('победить'), *жиңелергә* ('потерпеть поражение'), *житешергә тырышып* ('пойти на перехват'), *пленга алыу* ('взять в плен'), *пленга эләгеу* ('попасть в плен'), *сугышта уләргә* ('погибнуть в бою');

3) адвербиальные языковые единицы, характеризующие способы и обстоятельства ведения боевых действий, – *аяусыз* ('беспощадно'), *бер берсенә* ('друг за друга'), *беткенце* ('дотла'), *бик тиз* ('вмиг'), *жалт (ипен)* ('быстро', 'молниеносно'), *жебере белән* ('ватагой').

Помимо отмеченной в указанных выше словарях значительная часть военной лексики была получена нами в ходе беседы с главой казачьего объединения поселка Париж Иваном Юрьевичем Батраевым. Он же пополнил собранный нами лексический фонд наименованиями элементов формы казака-нагайбака (*қазақ кееме*), перечнем названий казачьих чинов, форм приветствий, принятых в казачьих подразделениях Оренбургского войска, к коему были приписаны нагайбакские казаки, а также девизами, с которыми они шли в атаку.

¹⁵ Барышникова 2020, 4.

Имеющиеся в распоряжении научной группы материалы позволяют говорить о том, что значительная часть единиц лексического поля казачьей тематики в нагайбакском языке представляет собой слова и сверхсловные единицы, заимствованные из русского казачьего лексикона XVIII в., который формировался не только из славянских по происхождению слов и выражений. Нагайбаки, осваивая казачью лексику и фразеологию, приспосабливали ее к своей фонемной, морфологической и лексической системам. О том, как «обжились» русизмы в нагайбакском языке, мы уже писали ранее¹⁶. Здесь же уместно отметить лишь те группы лексем и оборотов казачьей тематики, которые вобрали в себя наибольшее число заимствований из русского языка. К ним относятся наименования казачьих чинов, таких, как название рядового служащего (*казак*), офицеров (*атаман*, *есаул*, *подъесаул*, *войсковой старишина*, *поручик*, *подпоручик*, *прапорщик*, *сотник*, *хорунжий*), казачьих подразделений (*полк*, *рота*, *сотня*, *полусотня*, *взвод*), воинских наград, форменной одежды и обуви, а также некоторых видов оружия.

Тому, как эти слова произносятся нагайбаками, нужно посвятить особое исследование. Здесь приведем лишь некоторые примеры. Так, лексема *наган* в устах казака-нагайбака звучит как *нагаң*, *пушка* – как *пушқы* (с ударением на втором слоге), *мина* – как *минә* (тоже с ударением на втором слоге). Слово *флаг*, говоря на родном языке, нагайбак произнесет как *плақ*, *тулуп* – *тулып*, *бурка* – *бурқы*, *кальсоны* – *калсон*, *фуражка* – *пурашкы*, *папаха* – *папахы*, *шаровары* – *щалбар*.

Наблюдения над языком нагайбаков подтверждают выводы, которые были сделаны учеными, занимавшимися проблемами нагайбакского фольклора. Все они подчеркивают благотворное влияние казачества на нагайбаков. Став казаками, нагайбаки вступили в тесные контакты со многими народами, проживавшими на Южном Урале, и наиболее близкие отношения у них сложились с православными русскими казаками. Как пишут авторы статьи «Отражение русских фольклорных традиций в хороводах южноуральских казаков», в «полиэтническом пространстве» нагайбаки научились «уважать традиции соседствующих народов, толерантно относиться к любым явлениям, связанным с межнациональным общением»¹⁷. В работе «Нагайбаки: об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур» приводится лестное высказывание о нагайбаках-казаках известного композитора и фольклориста-этнографа XIX в. С.Г. Рыбакова: Нагайбаки проникнуты духом казачества, он ловки, ухватливы, смелы в речах и действиях, держат себя молодцевато и независимо; военный образ жизни, гимнастика, значительная жизнь на лоне природы образовали из них рослое, энергичное, работающее племя»¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2021: Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI – начала XX в. *Вестник ТГУ* 69, 86–92.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г., Осипова А.А. 2015: *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2020: «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2015: Траектория этничности нагайбаков. *Вестник ЧелГУ* 24 (379), 17–24.
- Белоруссова, С.Ю. 2017: *Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук*. Екатеринбург.

¹⁶ Шулежкова 2022, 49–54.

¹⁷ Ованесян, Клыкова 2019, 511.

¹⁸ Цит. по: Худобородов 1995, 34.

- Белоруссова, С.Ю. 2018: Факторы пограничья в этнической истории и культуре нагайбаков. *Уральский исторический вестник* 4 (61), 112–119.
- Витевский, В.Н. 1897: *И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.* Ч. 2. Казань, 293–616.
- Мешкова, Л. 1991: Смешение языков. *Литературная Россия*.
- Минеев, П.М., Минеева, В.А. 2017: *Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь*. Челябинск.
- Ованесян, Л.Г., Клыкова, Л.К. 2019: Отражение русских фольклорных традиций в хоровах верхнеуральских казаков. *Мир науки, культуры, образования* 5 (78), 511–513.
- Робинсон, А.Н. (подг. текста) 1949: Поэтическая повесть об осадном сидении в 1642 г.: В кн.: *Воинские повести Древней Руси*. М.–Л., 59–81.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. II. СПб.
- Срезневский, И.И. 1893: *Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т.* Т. I. СПб.
- Теряков, И.Г. 2015: *Словарь говора нагайбаков (по материалам села Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области)*. Рукопись. Казань.
- Указ императрицы Анны Иоанновны Румянцеву и Кириллову. В кн.: *Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края*. Т. 2. Оренбург.
- Худобородов, А.Л. 1995: Нагайбаки: об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур. *Уржумка (научный журнал ЧГПИ)* 1, 27–35.
- Черных, П.Я. 1993: *Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: в 2 т.* Т. I. М.
- Шулежкова, С.Г. 2022: Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка. *ГПИ* 6.3, 49–54.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2021: Fenomen nagaybaskoy identichnosti kak rezul'tat politiko-administrativnykh reform i russkikh kul'turnykh vliyaniy vtoroy poloviny XVI – nachala XX v. [The phenomenon of the Nagaybak identity as a result of political and administrative reforms and Russian cultural influence of the second part of the 16th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 69, 86–92.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G., Osipova, A.A. 2015: *Nagaybasko-russkiy slovar'. Russko-nagaybaskiy slovar'* [Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Dictionary]. Magnitogorsk.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G. 2020: “O tebe dusha stradaet...”: nagaybaskie chashtushki s perevodom na russkiy yazyk [“My heart is bleeding for you...”: Nagaybak ditties with translation into Russian]. Magnitogorsk.
- Belorussova, S.Yu. 2015: Traektoriya etnichnosti nagaybakov [The trajectory of the ethnicity of the Nagaybaks]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]* 24 (379), 17–24.
- Belorussova, S.Yu. 2017: *Dinamika etnichnosti nagaybakov v XVIII–XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Dynamics of the Ethnicity of the Nagaybaks in the 18th–21st Centuries: PhD Thesis]*. Ekaterinburg.
- Belorussova, S.Yu. 2018: Faktory pograniich'ya v etnicheskoy istorii i kul'ture nagaybakov [Borderline factors in the ethnic history and culture of the Nagaybaks]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Bulletin]* 4 (61), 112–119.

- Chernykh, P.Ya. 1993: *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13 560 slov: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian language: 13,560 words: 2 vols]. Vol. 1. Moscow.
- Khudoborodov, A.L. 1995: Nagaybaki: ob etnicheskikh korniyakh i probleme vzaimodeystviya kul'tur [The Nagaybaks: about ethnic roots and the problem of cultural interaction]. *Urzhumka: Nnauchnyy zhurnal ChGPI* [Urzhumka (Scientific Journal of Chelyabinsk State Pedagogical University)] 1, 27–35.
- Meshkova, L. 1991: Smeshenie yazykov [Blend of languages]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia].
- Mineev, P.M., Mineeva, V.A. 2017: *Russko-nagaybaskii slovar'.* *Nagaybasko-russkii slovar'.* *Russko-nagaybaskii tematicheskii slovar'* [Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Thematic Dictionary]. Chelyabinsk.
- Ovanesyan, L.G., Klykova, L.K. 2019: Otrazhenie russkikh fol'klornykh traditsiy v khorovodakh verkhneural'skikh kazakov [Traits of Russian folklore traditions in round dances of the Upper Ural Cossacks]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education] 5 (78), 511–513.
- Robinson A.N. (ed.) 1942: *Poeticheskaya povest' ob osadnom sidenii v 1642 g.* [A poetic story about siege sitting in 1642] 1949: In: *Voinskie povesti Drevney Rusi* [Military Stories of Old Russia]. Moscow–Leningrad, 59–81.
- Rychkov, P.I. 1762: *Topografiya Orenburgskaya, to yest': obstayatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinonnoye kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. Chast' I* [Orenburg Topography, that is: A Detailed Description of the Orenburg Province, Composed by a Collegiate Adviser and the Imperial Academy of Sciences, Correspondent Piotr Rychkov. Pt. II]. Saint Petersburg.
- Shulezhkova, S.G. 2022: Russkiy sled v leksiko-frazeologicheskoy sisteme nagaybaskogo yazyka [Russian trace in the lexical-phraseological system of the Nagaybak language]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Pedagogical Studies] 6.3, 49–54.
- Sreznevskiy, I.I. 1893: *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language: 3 vols.]. Vol. I. Saint Petersburg.
- Teryakov, I.G. 2015: *Slovar' govora nagaybakov (po materialam sela Fershampenuaz Nagaybaskogo rayona Chelyabinskoy oblasti)* [Dictionary of the Nagaibak Dialect (Materials of the Village of Fershampenoise of the Nagaibak District of the Chelyabinsk Region)]. Kazan.
- Ukaz imperatritsy Anny Ioannovny Rumyantsevu i Kirillovu [Decree of Empress Anna Ioannovna for Rumyantsev and Kirillov]. In: *Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya* [Collection of Decrees and Other Documents Concerning the Management and Structure of the Orenburg Territory. Orenburg]. Orenburg. Vol. 2.
- Vitevskiy, V.N. 1897: I.I. *Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.* [Neplyuev and the Orenburg Territory in its Former Borders until 1758]. Ch. 2. Kazan, 293–616.
-
-
-

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАГАЙБАКОВ О БОГЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК С КОМПОНЕНТОМ *ҚОДАЙ* (БОГ)С.А. Анохина¹, Н.В. Позднякова²¹ E-mail: asa.06@inbox.ru ² E-mail: nvp2018@bk.ru¹ ORCID: 0000-0002-9174-3584 ² ORCID: 0000-0001-5680-6298

Нагайбаки как особый этнос представляют собой результат сложного слияния различных культур (русской, татарской, марийской, чувашской, ногайской и пр.) и религий (христианской, мусульманской и языческой). «При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп»¹.

Этнос существует, пока жив язык, выступающий как важнейший показатель этнической идентичности. По материалам исследований историков и этнографов, «значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видит в том, что их долгое время учили говорить по-татарски»², в то время как именно язык считается одной из главных ценностей и отличительных характеристик нагайбаков.

Пословицы и поговорки – неотъемлемая часть языковой системы любого народа, представляющая собой богатый материал для изучения национальной картины мира. Не являются исключением и нагайбакские пословицы и поговорки. Как справедливо отмечает С. Г. Шулежкова, «язык в лаконичных паремиях, пословицах и поговорках, как и в легендах, сказках, преданиях, при отсутствии письменности передавал из поколения в поколение представление нагайбаков о добре и зле, о верности и долге, о любви к родной земле, о семейных ценностях»³. Значительным вкладом в описание паремиологического фонда нагайбакского языка стал словарь О.И. Барышниковой. А.А. Осиповой, С.Г. Шулежковой «Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица не даром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа» (Магнитогорск, 2019)⁴, послуживший источником материала для данной статьи.

Выбор в качестве предмета исследования элементов нагайбакской картины мира пословиц и поговорок с компонентом *Қодай* (Бог) обусловлен особым статусом языка и религии в установлении этнической идентичности нагайбаков. «В отличие от татар-мусульман, отражающих систему своих религиозных взглядов по преимуществу за счёт заимствований из арабского языка, нагайбаки выработали собственный православный терминологический

Данные об авторах. Светлана Анатольевна Анохина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Наталья Викторовна Позднякова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ Белоруссова 2017, 21.² Атнагулов 2016, 319.³ Шулежкова 2019, 6.⁴ Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019.

аппарат, который при взаимодействии с православным населением Урала мог обогащаться русскими параллельными языковыми единицами, оставаясь в целом нагайбакским»⁵.

Значительная часть нагайбакских пословиц и поговорок, являясь аккумулятором народной мудрости, содержит языковые маркеры, вербализующие представления народа о связи человека с Богом. Несмотря на отсутствие письменности, нагайбаки, будучи крещёнными, знали священные книги (как синодальный перевод Библии на русский язык, так и отдельные книги на татарском языке в переводе Н.И. Ильминского и В.Т. Тимофеева), поэтому неудивительно, что в нагайбакской паремиологической подсистеме функционируют языковые единицы, генетически связанные с Библией. Показательным примером устойчивых библеизмов такого рода, по мнению Е.Е. Иванова, является нагайбакская пословица *Қодай бирде, Қодай алды* (Бог дал, Бог взял), которая «является прямой цитатой из Ветхого Завета: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). Как и в русском языке, эта пословица широко употребляется в нагайбакском, о чём свидетельствуют её многочисленные формальные варианты, структурно-семантические вариации и дериваты»⁶. Причём каждый вариант вносит свой штрих в представление нагайбаков о Боге.

Прежде всего для нагайбаков, как и для многих православных, Бог – жизнеопределяющее начало, полностью регламентирующее существование человека. Об этом свидетельствуют варианты поговорки *Қодай бирде, Қодай алды – Қодай қушқанца* (Как Бог дал), *Кемгә Қодай ней қушқан* (Кому что Богом предпослано), *Кемгә Қодай ней қушқан* (Кому Бог что дал / повелел), *Қодай жул күрсәтә* (Бог пути кажет). Эти языковые единицы доказывают, что, по мнению нагайбаков, человеческая судьба полностью предопределена Богом. Благополучие человека также определяется Богом: *Жарлылық нәселдән төгел, Қодай қушқанца* (Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст), *Ырыуга қарамый, бары да Қодай қушқанца* (Не родом ведётся – как Бог приведёт). При этом человеку не дано знать божественное предопределение: *Барын да белергә Қодай қушмаган* (Всё знает Бог человеку не дал); *Кеше уйлый, Қодай қуша (бирә)* (Человек предполагает, а Бог располагает).

Бог в нагайбакских пословицах и поговорках предстаёт как высшая сила, защищающая человека от различных опасностей и неприятностей: *Бар қайғыдан да Қодай қотқара* (От всякой печали Бог избавляет); *Уттан сыудан Қодай сақласын* (От огня и воды помилуй Бог); *Уттан, сыудан, усал қатыннан Қодай сақласын* (От пожара, от потопа и злой жены, Боже, сохрани). Последняя паремия интересна ещё и тем, что отражает значимость семьи для нагайбаков: «злая жена» ставится в один ряд с пожаром и потопом. К этой же группе представлений о разрушительной силе женщины можно отнести и те, что закрепились в пословице *Қодай қатынны қыек қабырғадан жасаған, шуңа дәнжә қыйғайған* (букв. 'Бог создал женщину из кривого ребра, поэтому мир скривился' // Из кривого ребра Бог жену создал, оттого и кривда пошла) – женщина, созданная Богом из кривого ребра, видится причиной «скривления» мира.

Бог в нагайбакских пословицах и поговорках предстаёт защитником тех, кто нуждается в его помощи: *Кеше алыр, Қодай бирер* (Люди отнимут – Бог даст); *Жәш балаға Қодай да жул қуйған* (Младенцу и Бог дорогу укажет). При этом и сам человек, чтобы получить поддержку Бога, должен не пассивно ждать, а прилагать усилия. Для нагайбаков Бог справедлив, именно поэтому он помогает тем, чьё поведение и нравственный облик маркируются в национальной картине мира как правильные: *Қодай эшләгәнне жәрата* (Бог любит того, кто трудится / Бог труды любит); *Иртә торғанға Қодай бирә* (Кто рано встаёт, тому Бог даёт); *Дәреслекне эзләгән кешене Қодай таба* (Кто правду ищет, того Бог найдёт); *Қурыққан кешенең Қодае бар* (В ком есть страх, в том есть и Бог); *Қодае барның ояты да бар* (В ком есть Бог, в том есть и стыд). Человек, чтобы получить поддержку Бога, должен быть трудолюбивым и честным. При этом Бог, по свидетельству

⁵ Шулежкова 2022, 52.

⁶ Иванов 2022, 79.

нагайбакских пословиц и поговорок, не одобряет лгунов и болтунов: *Алдый, кешедән дә оялмый, Қодайдан да қурықмый (Врёт, людей не стыдится и Бога не боится); Қолақ – Қодай күштенәше, тел – қарғыш (қарғау) (Уши – благодать божья, язык – проклятие).*

Сам Бог, по мнению нагайбаков, является образцом терпения, так как многое испытал в человеческой ипостаси: *Қодай түзгән, безгә дә қушқан (Бог терпел и нам велел).* Человеку суждено Богом множество испытаний и трудностей, но проходить их следует с терпением, и тогда Бог поддержит: *Күрмәгәнгә – күрсәтмәсен, күргәнгә Қодай түземнегенбирсен (Кто не видел, тому не видеть, а кому досталось – дай Бог терпения); Нацар торсақта, Қодай ипейдән аермасын (Хоть и плохо живём, да хоть бы Бог нас хлеба не лишил // Хоть худо живём, да тот же хлеб жуём).* Однако не стоит слепо надеяться на помощь Всевышнего: *Сақланғанны Қодай сақлый (букв. 'Кто бережётся, того Бог бережёт' // Бережёного Бог бережёт); Үзе үзен сақлағанны Қодай да сақлай (Кто сам себя бережёт, того и Бог бережёт); Қодайға ышансаң – аң қалырсың (На Бога понадеешься – голодным останешься // На Бога надейся, а сам не оплошай).* Терпеливое принятие трудностей, ниспосланных Богом, должно у нагайбака, по свидетельству пословиц и поговорок, сочетаться с разумной и рачительной активностью: *Қодай биргәнне ал; үзеңкең үзең сақта (Что Бог даст – бери, а своё сам береги); Қодай биргәнне ала белмейбез (Что даёт Бог, не умеем брать // Давал Бог клад, да не умели взять).*

Бог сопровождает нагайбака на протяжении всей жизни, но в пословицах и поговорках отмечены моменты, когда Господь играет особенно важную роль: это рождение, женитьба и смерть. Интересный обычай нагайбаков оставил след в пословице *Шуқынмаған баланың исеме Қодайбиргән (букв. 'Не крещён, так Богом дан')*. Это, пожалуй, единственная нагайбакская поговорка с компонентом *Қодай*, которая не имеет прямого соответствия в русском языке, – до обряда крещения всех нагайбакских мальчиков называли Кодайбиргенами – Богом данными. Другими словами, Бог участвует в жизни человека независимо от того, крещён он или нет. Повторим здесь уже упомянутую пословицу *Жәш балаға Қодай да жүл қуйған (Младенцу и Бог дорогу укажет)* – дети, по представлениям нагайбаков, находятся под особой защитой Бога.

Женитьба для нагайбака – важный шаг, учитывая также упомянутые выше представления о потенциально равной пожару и наводнению силе злой жены. При этом нагайбак несвободен в выборе спутницы жизни – жена (как и смерть) предопределена Богом: *Үлем дә қатын – Қодай биргәнцә (Смерть да жена Богом суждена).* И человек может лишь уповать на Бога, чтобы тот спас от неудачного брака: *Уттан, сыудан, усал қатыннан Қодай сақласын (От пожара, от потопа и злой жены, Боже, сохрани).* Отметим, что аналогичных просьб к Богу об избавлении от неудачного брака от лица женщин в пословицах с компонентом *Қодай (Бог)* не зафиксировано.

Преддверие смерти – ещё один период жизни, предполагающий, по данным нагайбакских пословиц и поговорок, особое отношение к Богу. «Нагайбаки всегда относились к смерти по-философски, не боялись её, а принимали как должное»⁷. Такое философское отношение закрепилось и в фонде нагайбакских паремий: *Тамақ байдан, үлем Қодайдан (Еду / пропитание – от богача, смерть – от Бога (жди)).* Того, что суждено Богом, не миновать, но не миновать и ответственности за то, как прожил жизнь, и здесь Бог представлен как угроза: *Қодайдан қурық: үлем бусағада (Бойся Бога: смерть у порога).* Отметим, что Бог как сила, которую следует бояться, предстаёт в нагайбакских пословицах и поговорках нечасто. Кроме пословицы о близости смерти, представления о богобоязненности (точнее об её отсутствии) отмечены лишь в поговорке *Алдый, кешедән дә оялмый, Қодайдан да қурықмый (Врёт, людей не стыдится и Бога не боится).*

Резюмируя, отметим, что для нагайбаков «*Қодай, бир*» – *дигенце, «шөкер Қодайға» – диген (Лучше «Слава Богу», нежели «Дай Бог»)*, то есть Бог в нагайбакских пословицах и поговорках предстаёт как источник всего необходимого, защитник от неприятностей, а

⁷ Ивановы 2013, 176.

человек должен быть терпелив и благодарен Богу за всё, что он посылает. Просить же Бога можно лишь в тех случаях, когда человек не может сам справиться.

Представления о Боге, закрепившиеся в пословицах и поговорках, свидетельствуют об этнической самобытности нагайбаков, основанной, по верному замечанию С. Ю. Белоруссовой, на триединстве «православие–казачество–язык»⁸. Нагайбакские пословицы и поговорки имеют тюркские языковые корни, при этом абсолютное большинство исследованных нами паремий обнаруживают параллели в русском языке, т. е. представления нагайбаков о Боге перекликаются с аналогичными представлениями в русской православной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2016: Этноязыковая характеристика нагайбаков в динамике XX – начала XXI века. *ПИФК* 1, 314–323.
- Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2019: *Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2017: *Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук*. Екатеринбург.
- Иванов, Е.Е. 2022: Пословицы и поговорки из библейских источников в современном нагайбакском языке. *Вестник ЧелГУ* 9, 74–83.
- Иванова, Е.С., Иванова, И.М. 2013: Традиционные верования нагайбаков. Почитание усопших (Уләлерны иске алыу). В сб.: *Гороховские чтения. Материалы IV региональной музейной конференции*. Челябинск, 176–179.
- Шулежкова, С.Г. 2019: Без языка и колокол нем. В сб.: Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. *Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск, 6–12.
- Шулежкова, С.Г. 2022: Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка. *ГПИИ* 3, 49–54.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2016: Etnoyazykovaya kharakteristika nagaybakov v dinamike XX – nachala XXI veka [Ethnolinguistic characteristics of Nagaibaks in the dynamics of the 20th – early 21st centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 314–323.
- Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2019. *Әйтем тиктән әйтелмей // Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyy slovar' poslovits i pogovorok nagaybaskogo naroda* [The Proverb is not without Reason: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nagaibak People]. Magnitogorsk.
- Belorussova, S.Yu. 2017: *Dinamika etnichnosti nagaybakov v XVIII–XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Dynamics of the Ethnicity of the Nagaybaks in the 18th–21th Centuries: PhD Thesis]. Ekaterinburg.
- Ivanov, E.E. 2022: Poslovitsy i pogovorki iz bibleyskih istochnikov v sovremennom nagaybakskom yazyke [Proverbs and sayings from Biblical sources in the modern Nagaybak language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University] 9, 74–83.
- Ivanova, E.S., Ivanova, I.M. 2013: Traditsionnye verovaniya nagaybakov. Pochitanie usopshikh (Ulälerny iske alyu) [Traditional beliefs of the Nagaybaks. Honoring the Dead]. In:

⁸ Белоруссова 2017, 23.

- Gorokhovskie Chteniya. Materialy IV regional'noy muzeynoy konferentsii* [Gorokhov Readings. Materials of the IVth Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, 176-179.
- Shulezhkova, S.G. 2019. Without language and the bell is silent. In: Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G., *Əjtem tiktən əjtelmej // Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyy slovar' poslovits i pogovorok nagaybaskogo naroda* [The Proverb is not without Reason: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nagaibak People]. Magnitogorsk, 6–12.
- Shulezhkova, S.G. 2022: Russkiy sled v leksiko-frazeologicheskoy sisteme nagaybaskogo yazyka [Russian trace in the lexical-phraseological system of the Nagaybak language]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Pedagogical Studies] 6.3, 49–54.

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-232–238

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ, ОТРАЖЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ НАГАЙБАКОВ, ПОТОМКОВ ВОИНОВ-КАЗАКОВ

Д.А. Новиков

E-mail: denis.novikov.98@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1340-6942

Нагайбаки – этнорелигиозная группа, проживающая по большей части в Нагайбакском и Чебаркульском районах Челябинской области. По российскому законодательству нагайбаки официально признаны особым коренным малочисленным народом, занимающим 89-е место по численности населения в РФ¹. Нагайбаки как этнорелигиозная группа известны с начала XVIII в. К концу XVIII в. они жили в Верхнеуральском уезде, Нагайбакской крепости (возле современного села Нагайбаково в Бакалинском районе Башкортостана), в селе Бакалы и в 12 деревнях². В 1736 г. по указу императрицы Анны Иоанновны в целях укрепления пограничья с казахскими степями на территории Южного Зауралья на реке Ик была заложена Нагайбакская крепость³. Часть нагайбаков жила в казачьих поселениях Оренбургского уезда: Подгорном, Гирьяле, Алабайтале, Ильинском и Нежинском⁴. 26 февраля 1842 г. выходит Высочайшее постановление Николая I о переселении нагайбаков на Южный Урал⁵.

Данные об авторе. Денис Андреевич Новиков – аспирант курса кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ Касс 11.01.2023.

² Атнагулов 2012, 3.

³ Рычков 1999, 269–270.

⁴ Атнагулов 2012, 3.

⁵ Правила о переселении 1843, 34.

Идентичность нагайбаков обеспечивается религиозной, социальной, а также языковой оригинальностью. Нагайбакский язык относится к тюркской языковой семье. В настоящее время этому языку грозит исчезновение. 9 февраля 2022 г. Правительство Российской Федерации утвердило план основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов⁶. Данное распоряжение обращает внимание лингвистов на процессы вымирания языков малых коренных народов в нашей стране. Проблему исчезновения можно связать с неиспользованием языков малых народов в повседневной жизни, с отсутствием, системы обучения родному языку при том, что у нагайбаков нет своей письменности.

В каждом языке существуют слова, которые обозначают родственные связи в обществе. Нагайбакский язык в этом отношении не является исключением. Наименования родственников у нагайбаков – это развернутая оригинальная система языковых единиц, подчеркивающая значимость для них кровных и межпоколенных связей. Например: *туған-ырыу* – ‘родня, род’, *инә* – ‘мать’, *тәтәу* – ‘папа’, *килән* – ‘сноха, невеста’, *жизнэй* – ‘зять’, *жыракай* – ‘бабушка (с материнской стороны)’, *житём* – ‘сирота’, *атә* – ‘отец’, *әбәу, әбей* – ‘бабушка’, *әтәй* – ‘папа, отец’, *бабай* – ‘дед’, *баланың баласы* – ‘внук’, *баланың кызы* – ‘внучка’, *угәй инә* – ‘мачеха’⁷ и др.

Нагайбакская культура богата малыми формами народного поэтического творчества, которые могут представлять собой краткие ритмизованные изречения, обобщенно передающие важную мысль; содержащие вывод-оценку в отношении повторяющихся жизненных ситуаций; иносказания с дидактическим уклоном. Многие из этих изречений касаются отношений между родственниками. С одной стороны, подобный материал отражает самобытность, оригинальность культуры нагайбаков, с другой – нельзя не обратить внимания на сходство культурного мышления нагайбаков и славян, преимущественно русских, проживающих на территории Южного Урала по соседству с интересующим нас этносом.

Нагайбаки через пословицы и поговорки о высоком могут сказать очень лаконично, емко, «используя при этом земные образы, рожденные в результате наблюдений над реальной жизнью человека. Домашние животные, работа на пашне, ратная страда или отношения внутри семьи, между соседями, сноровка в конкретном ремесле и т. д. – это фон, на котором четко “прописываются” ценностные принципы этноса»⁸.

В нагайбакском и русском языке распространены пословицы, отражающие взаимоотношения между детьми и родителями – *Балалар белән аналар* (рус. *Дети и родители*)⁹. Так, центром народной педагогики является поиск верных и точных подходов в воспитании ребенка. Нагайбакские родители, как и русские, стремятся воспитать своих детей таким образом, чтобы «болезни характера» – упрямство, капризность, обидчивость и другие непродуктивные состояния, не оседали в их душах. Например, нагайбакской пословице *Ақыл шыбығы кирәк балаға* (буквально переводится как ‘Прут для сечения (для ума) нужен для ребенка’) в русском языке соответствует пословица *Секи ребенка поперек доски, а вдоль протянется (вырастет) – тебе достанется*¹⁰; или *Алтыдағы ақыл алтмышта да қалмай* (букв. ‘Что привито в шесть лет, то и будет в шестьдесят’) – рус. *Какое в колыбельку, такое и в могилку*¹¹.

Также в нагайбакском языке отражается то, что с детства в человеке воспитывают патриотизм и формируют готовность встать на защиту Родины. В языке можно встретить пословицы, в которых упоминается казачья воинская доля, ср.: *«Қазақ» дигән сүз бик данықлы да, қасрәте бик ауыр шул* (букв. ‘Слово казак – славное слово, только горе

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р.

⁷ Барышникова 2015, 28–173.

⁸ Барышникова и др. 2019, 8.

⁹ Барышникова 2019, 36.

¹⁰ Барышникова 2019, 36.

¹¹ Барышникова 2019, 37.

очень тяжелое)¹², *құрқақ булып жәшізудән данны улем жақшы* (рус. *Лучше умереть со славой, чем жить в страхе*), *құрқақтың қолы булғыны, батырның толы бул* (рус. *Лучше быть вдовой героя, чем женой труса*)¹³, *дәреслеккә қыеу тор* (рус. *За правое дело стой смело*)¹⁴.

Нагайбакский фольклор подчеркивает важную роль родителей в жизни каждого человека. Бывает так, что по тем или иным причинам в жизни людей, которые потеряли одного из родителей, очень важно присутствие другого родителя. Если человек потерял отца, но остался с матерью, то он все еще имеет родителя, который будет о нем заботиться и помогать ему в жизни. Зачастую связь с матерью независимо от пола ребенка более крепкая. Но если человек потерял обоих родителей, то он становится сиротой и лишен поддержки и заботы, которую могли бы ему оказать родители.

В нагайбакском языке есть пословицы, которые сообщают о сиротстве человека и о трудности воспитания в семье неродных детей, ср.: *Атасыз жарты жаңғыз, ә инәсез бөтеннәй / бөтә жаңғыз* или *атасызны ул итмә, инәсезне қыз итмә* (рус. *Ребенок без отца – полсироты, а без матери – полный сирота / Без отца – сыном не считай, без матери – дочерью не принимай*)¹⁵. Славянскую языковую картину также отражают пословицы, которые напоминают, что родители – это очень важные люди в жизни человека, и их потеря может оставить огромную пустоту в жизни тех, кто остался без них. Например: *Коли есть отец и мать, так ребенку благодать* или *Ребенок без матери – что стол без скатерти*¹⁶.

Дети в жизни нагайбаков, как и в жизни любого народа, занимают важное место, так как они являются будущим нации и продолжателями культуры и ценностей. Дети не только продолжают родословную и традиции своей семьи, но и придают им новые цвета и смыслы. Ребенок – это также тот, кто будет заботиться о своих родителях в пожилом возрасте, продолжая цикл жизни и создавая непрерывность поколений. Они являются источником радости, счастья и защитниками уязвимых членов общества. Нагайбаки уверены, что дети способны изменять мир своей невинностью, умом и творчеством. Они обладают неиссякаемой энергией, здоровым любопытством и богатым воображением, которые помогают им изучать мир и делать новые открытия. Более того, ребенок – это исключительное средство интеграции, сближающее людей. Благодаря детям родители находят общий язык, учатся решать проблемы и сотрудничать друг с другом.

Народное творчество очень точно подтверждает сказанное нами выше. Так, например, в нагайбакском языке есть пословицы, которые сообщают о важности детей в жизни родителей и общества в целом, ср.: *Бала балдан татлы* (рус. *Ребенок слаще меда*), *Бала бәгер жимеше* (рус. *Дитя – плод любви*), *Балалы өйдә бур жатмас* (рус. *В доме с детьми вор не спрячется*), *Балаңның баласы кузеңнең қарасы* (рус. *Правнук (правнучка) – зеница ока*)¹⁷. В нагайбакских пословицах подчеркивается важность иметь не одного ребенка, а два и более: *Бер бала – бала төгел, ике бала – жарты бала, өш бала – бала* (рус. *Один ребенок – не ребенок, два ребенка – полребенка, три ребенка – ребенок // Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын*)¹⁸.

При этом нагайбакский язык богат выражениями, в которых акцентируется внимание на сложности воспитания детей, на детской «невоспитанности», заключающейся в частых протестах, прихотях, отказах, нестабильности эмоционального состояния, игнорировании потребностей окружающих, ср.: *Баланы табарға жиңел, устерергә қыен* (рус. *Легко дитятко нажить, нелегко вырастить*), *Бала өцен атайның жәрәге, инәйнең*

¹² Барышникова 2019, 89.

¹³ Барышникова 2019, 90.

¹⁴ Барышникова 2019, 147.

¹⁵ Барышникова 2019, 37.

¹⁶ Сысоев 2007, 13–14.

¹⁷ Барышникова 2019, 39.

¹⁸ Барышникова 2019, 39.

беләге ауырта (рус. *За ребенка у отца сердце, у матери руки болят*), *Инә – инә этул* (букв. *‘Мать – это собака с щенком’*)¹⁹ (рус. *У кого детки, у того и бедки*), *Тыумаган булсаң жиңцелерәк булырые* (рус. *Если бы ты не родился, легче бы было // Лучшие бы тебе не родиться*) – так нагайбаки говорят о нежелательном или проблемном ребенке. Также в нагайбакском языке есть пословицы, которые употребляются в случае, когда ребенка необходимо отругать за непослушание, например: *Шайтан таягыннан жәралған* (букв. *‘Родился с чертовой палки’*)²⁰, *Инә суққан ауыртмый* (рус. *Материнские побои не болят*)²¹.

Таким образом, народное творчество нагайбаков богато выражениями о том, что семья и общество должны ценить и уважать ребенка, обеспечивать ему хорошие условия для роста и развития. Ведь именно с детства формируются ключевые ценности, навыки и характер, которые будут определять будущих взрослых и направление развития этноса в целом.

Среди пословиц, которые отражают важность наличия ребенка в семье, сложность его воспитания, у нагайбаков есть и свидетельства, сообщающие о нерадивых детях и родителях, которые становятся причиной беспокойства и тревоги в семье и в обществе. Причины нерадивого поведения различаются. Это может быть результат недостатка внимания, стресса, дефицита воспитания, проблем взаимодействия с обществом, семейных трудностей. Ср.: *Ананьқы – балада, баланықы – далада* (рус. *Мать думает о ребенке, а у ребенка и в мыслях нет // Материнское сердце в детках, а детское – в камне // Матка по дочке плачет, а дочка по доске скачет*), *Атай биргән – мал төгел, инәйнек ежәл төгел* (рус. *Отец дал – не скотина, материнское (что мать нажила) не жалко*) – нагайбаки так говорят «о тех детях, которые транжирят, не жалея, наследства, полученного от родителей»²², *Бала байлық төгел* (рус. *Дети не богатство // Богатому телята, а бедному ребята*), *Баласы нацар булса, атасының щәще азарыр* (рус. *У отца плохого ребенка волосы седеют*)²³.

Тюркские и славянские народы, в том числе нагайбакский и русский, известны широтой своей души. Нагайбаки так же, как и славяне, готовы принять в свою семью детей, которые являются незаконнорожденными. Анализируя языковые и культурные особенности нагайбаков, следует отметить, что народотворчество, выраженное в пословицах о подобных детях, можно объединить в тематический блок – «внебрачные дети – не чужие дети». Они становятся частью семьи и со временем создаются с ними крепкие эмоциональные и физические связи. Родители ухаживают за ними, заботятся о них. В пословицах отмечается, что для детей очень важны забота, любовь и поддержка со стороны родителей, чтобы они чувствовали себя любимыми и ощущали безопасность, ср.: *Инәгә бар бала да бер, жөрәкне жара* (рус. *Матери все дети равны – одинаково сердцу больны*), *Бер инә, жиде ата* (рус. *Семибатеиный сынок*), *Кем угезе сикерсә дә – бозау безнеке* (рус. *Чей бы бык ни прыгал – теленок наш*) и *Кем угезе сикерсә дә, бозау узебезнеке* (рус. *Чей бы бычок ни был, а теленок наш*)²⁴. Также в нагайбакском языке отмечается то, что чужого ребенка достаточно сложно воспитывать, ср.: *Угәй бала асрасаң, ауызың – борының қан булыр, угәй бызау асрасаң, Ауызың – борының май булыр* (рус. *Чужого ребенка воспитывать – рот крови, чужого теленка обхаживать – рот в масле*)²⁵.

Кроме пословиц, которые отражают особенности взаимоотношений в семье, степень родства, нагайбакский этнос богат народными песнями, частушками, исполняемые зачастую в форме переключки. Они характеризуются короткими строками с повторами и

¹⁹ Барышникова 2019, 40.

²⁰ Барышникова 2019, 42.

²¹ Барышникова 2019, 40.

²² Барышникова 2019, 37.

²³ Барышникова, 2019, 38.

²⁴ Барышникова 2019, 36–42.

²⁵ Барышникова 2019, 42.

рифмами. Частушечный корпус нагайбаков нуждается в особом исследовании. Образная система этого этноса, когда мы говорим о родственных отношениях, ярко отражает верность семье, роду²⁶:

*Тутәлләр дә тутәл жәшел суган,
Аның арасында куш суган;
Кем туғаннарды дип сорасаңыз,
Әтекәем (әнекәем) белән бер туған.
Жәш үләннәрнең жәшеле –
Туғанайларымның асылы;
Туғанайларымның асылы –
Әткей әнекәемнің исеме.*

*На грядках поднялся лук молодой.
Вот лук зеленый, вот парный – другой.
Если нас спросят: «Родни вы какой?»,
– «Родители наши» – родня меж собой».
Зелень свежей травы –
Родни моей истина.
Родни моей истина –
Родителей имена.*

Нагайбакский язык нуждается во всестороннем исследовании лингвистов, так как он находится на грани исчезновения. Исследователи должны поставить перед собой задачу не допустить «вымирания» уникального нагайбакского языка, на котором держится идентичность нагайбакского этноса.

Данный обзор, на примере пословиц и частушек о семейных отношениях, свидетельствует об оригинальности нагайбакского языка, обладающего своеобразным словарным составом. Пока совсем немного работ, посвященных нагайбакскому языку. Это нагайбакско-русский словарь²⁷, толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа²⁸ и сборник нагайбакских частушек²⁹. О.И. Барышникова и научные сотрудники Словарной лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова сегодня прилагают усилия по сохранению нагайбакского языка и готовят издание краткой грамматики, нового типа словаря, азбуки, которые позволят организовать обучение нагайбакских детей родному языку в образовательных учреждениях поселений, где проживает этот немногочисленный народ.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2012: Этническая картина на территории Верхнеуральского уезда – Нагайбакского района с 1842 года до начала XXI в. *ПИФК* 2, 404–417.
- Атнагулов, И.Р. 2014: К вопросу об этногенезе и периодизации этнической истории нагайбаков. *ПИФК* 2, 309–318.
- Атнагулов, И.Р. 2014: Русские исследователи второй половины XIX – начала XX вв. о нагайбаках. *ВКУУ* 58, 32–34.
- Барышникова, О.И. 2015: *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2019: *Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2020: *«О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык*. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2016: Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу. *УИВ* 51, 98–105.
- Касс, А. 2023: *Этническая перегруппировка: как поменялось соотношение народов России*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ru/society/etnicheskaya-peregrupirovka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-ossii/>.

²⁶ Барышникова, Шулежкова 2020, 128–129.

²⁷ Барышникова 2015

²⁸ Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019.

²⁹ Барышникова, Шулежкова 2020.

- Минеев, П.М., Минеева, В.А. 2017: *Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь*. Челябинск.
- Мухамадеева, Л.А. 2019: К вопросу о ногайском происхождении нагайбаков. *Кряшенское историческое обозрение* 2, 44–49.
- Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопехотных солдат и солдатских малолетков*. 1843. СПб.
- Рычков, П.И. 1999: *Топография Оренбургской губернии*. Уфа.
- Сысоев, В.Д. 2007: *Пословицы и поговорки*. М.
- Шулежкова, С.Г. 2022: Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка. *ГПИИ* 3, 49–54.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2012: Etnicheskaya kartina na territorii Verkhneural'skogo uezda – Nagaybaskogo rajona s 1842 goda do nachala XXI v. [Ethnic picture on the territory of the Verkhneural'sk uyezd – Nagaybak district from 1842 to the beginning of the 21st century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 404–417.
- Atnagulov, I.R. 2014: K voprosu ob etnogeneze i periodizatsii etnicheskoy istorii nagaybakov [On the issue of ethnogenesis and periodization of the ethnic history of the Nagaybaks]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 309–318.
- Atnagulov, I.R. 2014: Russkie issledovateli vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. o nagaybakakh [Russian researchers of the second half of the 19th – early 20th centuries. about the Nagaybaks]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University] 58, 32–34.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G., Osipova, A.A. 2015: *Nagaybasko-russkiy slovar' . Russko-nagaybaskiy slovar'* [Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Dictionary]. Magnitogorsk.
- Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2019. *Этем тиктэн айтелмей // Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyy slovar' poslovits i pogovorok nagaybaskogo naroda* [The Proverb is not without Reason: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nagaybak People]. Magnitogorsk.
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G. 2020: “O tebe dusha stradaet...”: nagaybaskie chastushki s perevodom na russkiy yazyk [“My heart is bleeding for you...”: Nagaybak ditties with translation into Russian]. Magnitogorsk.
- Belorussova, S.Yu. 2016: *Etnofotograficheskoe puteshestvie Mikhaila Krukovskogo po Yuzhnomu Uralu* [Mikhail Krukovsky's ethnophotographic journey through the Southern Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin] 51, 98–105.
- Kass, A. 2023: *Etnicheskaya peregruppirovka: kak pomenyalos' sootnoshenie narodov Rossii* [Ethnic regrouping: how the ratio of the peoples of Russia has changed], <https://news.ru/society/etnicheskaya-peregruppirovka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-rossii/>.
- Mineev, P.M., Mineeva, V.A. 2017: *Russko-nagaybaskiy slovar' . Nagaybasko-russkiy slovar' . Russko-nagaybaskiy tematicheskiy slovar'* [Russian-Nagaybak Dictionary. Nagaybak-Russian Dictionary. Russian-Nagaybak Thematic Dictionary]. Chelyabinsk.
- Mukhamadeeva, L.A. 2019: K voprosu o nogayskom proiskhozhdenii nagaybakov [On the issue of the Nogay origin of the Nagaybaks]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashenskoe Historical Review] 2, 44–49.
- Pravila o pereselenii na zemli Orenburgskogo kazach'ego voyska kazakov uprazdnyonnogo Stavropol'skogo kalmytskogo voyska, belopakhotnykh soldat i soldatskikh maloletkov* [Rules on the Resettlement of Cossacks of the Abolished Stavropol Kalmyk Army, White-

-
- Ploughed Soldiers and Young Soldiers to the Lands of the Orenburg Cossack Army*] 1843. Saint Petersburg.
- Rychkov, P.I. 1999: *Topografiya Orenburgskoj gubernii* [*Topography of the Orenburg Province*]. Ufa.
- Sysoev, V.D. 2007: *Poslovitsy i pogovorki* [*Proverbs and Sayings*]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. 2022: Russkiy sled v leksiko-frazeologicheskoy sisteme nagaybaskogo yazyka [Russian trace in the lexical-phraseological system of the Nagaybak language]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [*Humanitarian and Pedagogical Studies*] 6.3, 49–54.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	–	<i>Археологічні дослідження в Україні</i> . Киев
АИЗ	–	<i>Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом</i> . Москва
АО	–	<i>Археологические открытия</i> . Москва
БИ	–	<i>Боспорские исследования</i> . Симферополь–Керчь
БСЭ	–	<i>Большая советская энциклопедия</i> . 1-е изд.: 65 т. + доп. том. М., 1926–1947
ВВ	–	<i>Византийский временник</i> . Москва
ВДИ	–	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
ДБ	–	<i>Древности Боспора</i> . Москва
ИРИМ	–	<i>Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников</i> . М., 1893
КСИА	–	<i>Краткие сообщения Института археологии</i> . Москва
КСИИМК	–	<i>Краткие сообщения Института истории материальной культуры</i> . Москва–Ленинград
МАИЭТ	–	<i>Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии</i> . Симферополь
МИА	–	<i>Материалы и исследования по археологии СССР</i> . Москва–Ленинград
МСЭ	–	<i>Малая советская энциклопедия</i> . М., 1928–1931 (1-е изд.); 1933–1936, 1947 (2-е изд.)
НАО ГИАМЗ ХТ	–	Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НЭ	–	<i>Нумизматика и эпиграфика</i> . Москва
ПИФК	–	<i>Проблемы истории, филологии, культуры</i> . Москва–Магнитогорск–Новосибирск
ПСЗРИ XXII	–	<i>Полное собрание законов Российской Империи. Составлено под руководством М.М. Сперанского</i> . 1-е изд. Т. XXII. С 1784 по 1788. СПб, 1830
РА	–	<i>Российская археология</i> . Москва
РГАВМФ	–	Российский государственный архив военно-морского флота. Санкт-Петербург
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив. Москва
САИ	–	<i>Свод археологических источников</i> . Москва–Ленинград
СА	–	<i>Советская археология</i> . Москва
Тр. ГИМ	–	<i>Труды Государственного Исторического музея</i> . Москва
ACSS	–	<i>Ancient civilizations from Scythia to Siberia</i> . Leiden
AJA	–	<i>American Journal of Archaeology</i> . New York
AncW	–	<i>Ancient World</i> . Chicago
AS	–	<i>Ancient Society</i> . Leuven
BAR IS	–	<i>British Archaeological Reports International Series</i> . Oxford
BCH	–	<i>Bulletin de correspondance hellénique</i> . Paris
BM EA	–	British Museum, Egyptian Antiquities
CA	–	<i>Classical Antiquity</i> . Berkeley–Los Angeles
CQ	–	<i>Classical Quarterly</i> . Oxford–London–New York
CSCA	–	<i>California Studies in Classical Antiquity</i> . Berkeley–Los Angeles
DLE	–	Lesko L.H., Lesko B.S. <i>A Dictionary of Late Egyptian</i> . Fall River, 2002
E IV	–	Chassinat É. <i>Le temple d'Edfou</i> . T. 4. Le Caire, 1929
E VII	–	Chassinat É. <i>Le temple d'Edfou</i> . T. 7. Le Caire, 1932
FGrHist.	–	Jacoby, F. (Hrsg.). <i>Die Fragmente der griechischer Historiker</i> . Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
GRBS	–	<i>Greek, Roman, and Byzantine Studies</i> . Durham

- GR – *Greece and Rome*. Oxford
IG – *Inscriptiones Graecae*. Berlin, 1873-
JHS – *Journal of Hellenic Studies*. London
JRA – *Journal of Roman Archaeology*. Cambridge
JRS – *Journal of Roman Studies*. Cambridge
KRI – Kitchen, K.A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. Vol. I–VIII. Oxford, 1975–1990
LAA – *Late Antique Archaeology*. Leiden
LGG – Leitz, Chr. (Hrsg.). *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VII. Leuven–Paris–Dudley, 2002
MH I – *Medinet Habu*. Vol. I: *Earlier Historical Records of Ramses III*. Chicago, 1930
MH II – *Medinet Habu*. Vol. II: *Later Historical Records of Ramses III*. Chicago, 1932
PLRE II – Martindale, J.R. (ed.). *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge, 1980
Urk. IV – Helck, W. *Urkunden der 18. Dynastie*. Heft 22. *Inschriften der Könige von Amenophis III. bis Haremheb und ihrer Zeitgenossen*. Berlin, 1958
Urk. IV – Sethe, K. *Urkunden der 18. Dynastie*. Bd. 1–4, Hft. 1–16. Leipzig, 1906–1909
Wb. – Erman, A., Grapow, H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin, 1971

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) – Девкалион и Мисфрагмутосис: об одном греко-египетском синхронизме в труде Манефона (Manetho. Frg. 52)	5
<i>Сафронов А.В.</i> (Москва) – Особенности египетской царской идеологии при Рамсесе III.	20
<i>Лебединский В.В.</i> (Москва), <i>Джопуа А.И.</i> (Сухум), <i>Двухшорстнов В.В.</i> (Севастополь), <i>Пронина Ю.А.</i> (Москва) – Исследования Международной российско-абхазской подводно-археологической экспедиции в акватории Республики Абхазия в 2021– 2022 гг.	29
<i>Антонов Е.Е.</i> (Москва) – «Локальные» периодизации позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: маркеры синхронизации	43
<i>Храпунов И.Н.</i> (Симферополь) – Необычное позднескифское погребальное сооружение из могильника Опушки в Крыму	61
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – Варварские погребальные комплексы в контексте торговли и военно-политической динамики	79
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула) – О появлении сариссы в македонском военном обиходе	87
<i>Астахов И.А.</i> (Тула) – Командная и организационная система боспорского войска в поздней античности	102
<i>Конопаткин В.А.</i> (Москва) – Imagines Augusti: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней римской империи	116
<i>Денисова И.В.</i> (Белгород) – Афинские «малые» философы V века	124
<i>Нефёдкин А.К.</i> (Белгород) – Военный трактат шахиншаха Ардашира I Папакана	132

В МУЗЕЯХ МИРА

<i>Журавлев Д.В., Камелина Г.А.</i> (Москва) – Керамика в фондах отдела археологических памятников Исторического музея (краткий обзор). Часть II. Эпоха раннего железного века	139
--	-----

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Смекалова Т.Н., Деваев А.С., Герцен А.Г., Гаврилюк А.Н.</i> (Симферополь) – Новые исследования Салгирского фельдшанца: раскопки артиллерийского погреба с пушечными ядрами	178
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бухарин М.Д.</i> (Москва) – Первый советский очерк по истории Индии (к определению авторства)	189
---	-----

Круглый стол
«Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»
(Магнитогорск, 14–15 ноября 2023 г.)

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Екатеринбург) – Славяно-тюркские контакты в Юго-Восточном Приуралье и их результаты: хозяйственно-экономический параметр	202
<i>Медведев В.В.</i> (Сургут), <i>Попов М.В.</i> (Магнитогорск) – Чуваши в этническом пространстве Югры.....	210
<i>Михин А.Н.</i> (Магнитогорск) – Кладовая нагайбакских слов в коллекции собирателя Н.П. Васильева.....	217
<i>Шулежкова С.Г., Осипова А.А.</i> (Магнитогорск) – Синтез тюркского и русского, отраженный в тематическом поле «казачество» нагайбакского языка	221
<i>Анохина С.А., Позднякова Н.В.</i> (Магнитогорск) – Представления нагайбаков о божестве на материале пословиц и поговорок с компонентом кодай (бог)	228
<i>Новиков Д.А.</i> (Магнитогорск) – Родственные связи, отраженные в языке нагайбаков, потомков воинов-казаков	232

CONTENTS

<i>I.A. Ladynin</i> (Moscow) – Deucalion and Misphegmouthosis: a Greco-Egyptian Synchronism in the Work by Manetho (Manetho. Frg. 52)	5
<i>A.V. Safronov</i> (Moscow) – The Features of Ideology under Ramses III.....	20
<i>V.V. Lebedinskiy</i> (Moscow), <i>A.I. Dzhopua</i> (Sukhum), <i>V.I. Dvukhshorstinov</i> (Sevastopol), <i>Y.A. Pronina</i> (Moscow) – The International Russian-Abkhazian Underwater Archaeological Mission Explorations in the Waters of the Republic of Abkhazia in 2021–2022.....	29
<i>E.E. Antonov</i> (Moscow) – “Local” Periodizations of Late Scythian Settlements in the North-Western Crimea: Synchronization Markers.....	43
<i>I.N. Khrapunov</i> (Simferopol) – An Unusual Late Scythian Burial Structure in the Cemetery of Opushki, the Crimea	61
<i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk), <i>V.V. Ulitin</i> (Krasnodar) – Barbarian Funeral Complexes in the Context of Trade and Military-Political Dynamics	79
<i>A.A. Kleymenov</i> (Tula) – The Introduction of the Sarissa in Macedonian Military Practice.	87
<i>I.A. Astakhov</i> (Tula) – Command and Organizational System of the Bosporan Army in the Late Antiquity.....	102
<i>V.A. Konopatkin</i> (Moscow) – Imagines Augusti: on the Role of Imperial Images in the Cities of the Late Roman Empire.....	116
<i>I.V. Denisova</i> (Belgorod) – Athenian “Minor” Philosophers of the Fifth Century	124
<i>A.K. Nefedkin</i> (Belgorod) – Military Treatise of Shahinshah Ardashir I, Son of Papak.....	132

IN WORLD MUSEUMS

<i>D.V. Zhuravlev, G.A. Kamelina</i> (Moscow) – Ceramics in the Department of Archaeological Monuments of the State Historical Museum (a Brief Overview). Part II. The Early Iron Age	139
---	-----

NEW DISCOVERIES

<i>T.N. Smekalova, A.S. Devaev, A.G. Gertsen, A.N. Gavriluk</i> (Simferopol) – Current Investigation of Salgir Feldshans: Excavations of the Artillery Cellar with Cannonballs.....	178
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M.D. Bukharin</i> (Moscow) – The First Soviet Study on the History of India (to The Definition of Authorship)	189
--	-----

*Materials of the Round Table**“Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology
(Magnitogorsk, November 14–15, 2023)”*

<i>I. R. Atmagulov</i> (Yekaterinburg) – Slavic-Turkic Contacts in the South-Eastern Urals and Their Results: Economic Parameter	202
--	-----

<i>V.V. Medvedev</i> (Tumen), <i>M.V. Popov</i> (Magnitogorsk) – Chuvash in the Ethnic Area of Yugra	210
<i>A.N. Mikhin</i> (Magnitogorsk) – A Library of Nagaibak Words in the Collection of the Collector N.P. Vasilyev.....	217
<i>S.G. Shulezhkova, A.A. Osipova</i> (Magnitogorsk) – Synthesis of Turkic and Russian, Reflected in the Thematic Field “Cossacks” of the Nagaybak Language.....	221
<i>S.A. Anokhina, N.V. Pozdnyakova</i> (Magnitogorsk) – Nagaibaks’ Concepts about God Based on Proverbs and Sayings with the Kodai (God) Component	228
<i>D.A. Novikov</i> (Magnitogorsk) – Family Relations Reflected in the Language of the Nagaibaks, Descendants of Cossack Warriors	232

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их рас-
шифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2023

Сдано в набор 15.12.2023. Подписано в печать 19.12.2023.

Дата выхода 30.12.2023.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.